

НЕПРИКРАСНЫЙ

ЖЕЛЕТ ЖАРТ

В мир Нирион нечасто забрасывает иномирцев. А так, чтобы он не понимал ни слова, не умел даже говорить, но при этом умел колдовать — вообще случай уникальный.

Конечно, со временем чужак приходит в себя, но не до конца — ни имени у него нет, ни прошлого, ничего. Ни дать, ни взять, жизнь с чистого листа. Можно было бы позавидовать парню, но он-то понимает, что ничего хорошего в этом нет.

Тем более что есть у этого человека странности, которые умным людям не дают покоя — потому что рано или поздно они многим аукнутся. И мир, словно зная это, постоянно пытается отторгнуть чужака...

Даже если у тебя есть собственное солнце, это вовсе не значит, что своей жизни ты тоже хозяин.

У меня есть солнце. У меня есть целый мир — голубое светило сияет над океаном текучего серебра, что омывает пустынный берег. Ночью на небе нет ни одной звезды, и никаких лун тоже нет. Кромешная темнота. И я её единоличный владелец.

Спорный вопрос — можно ли назвать жизнью существование, в котором тебе подвластно всё. Ещё более спорный — владею ли я миром, который создал, или это мир владеет мной, поскольку дарует мне абсолютную власть. Начнёшь разбираться и запутаешься, придя к извечному вопросу: что было раньше, курица или яйцо?

Правильного ответа, конечно, нет, и быть не может. Я в той же мере всемогущ, как и беспомощен. Раб всего на свете. Король пустоты.

Прежний я умер бы тут со скуки. Когда живёшь в мире, который принадлежит другим, тебе кажется, что у тебя ничего нет. В действительности у тебя есть ты сам, и это самая значимая собственность, которой нынешний я лишён. Но тогда меня, разумеется, беспокоило что угодно, только не это.

Все мы начинаем с того, что ничего не имеем, и тут я не выделился. А вот в остальном...

Первое моё воспоминание не связано с тёплыми материнскими руками, или с чего там у всех обычно начинается отсчёт. Первое, что помню я — ураган. Вой, грохот, вспышки света, хруст, тонкое дребезжание — всё смешивалось в кашу из звуков и образов, на которую я не обращал ну совсем никакого внимания.

Я смотрел на звезду, зажатую меж ладоней. Её свет обволакивал меня мягким коконом, становился всё ярче, но не вредил глазам. Наоборот, я вглядывался в звезду всё пристальнее, и ураган, беснующийся за тонкими стенками моего крохотного мирка, медленно утихал, мерк перед безупречной чистотой луча. Уже в полной, непробиваемой тишине свет ворвался в мои глазницы и в считанные мгновения затопил изнутри.

Может, это было вовсе и не моё воспоминание — в нём наглухо отсутствуют эмоции, словно я смотрел чужими глазами. Но как-то же оно оказалось у меня в голове?

Так или иначе, после этого начинается настоящая память. Сейчас я могу говорить об этом отчуждённо, но вообще-то началось всё с жуткой боли. Всепоглощающей. Будто мне сломали все кости, а потом извлекли их и заменили новыми. Слеплённый и оглушённый ею, я бежал куда-то, падал, выл и почти ничего не соображал. Кажется, даже рыдал. Вот таким незатейливым способом жизнь с самого начала дала мне понять, что прогулка предстоит не из приятных.

Я очнулся в глухом лесу, совершенно один, одетый в лохмотья, и не помнил ничего, кроме описанного выше. Правда, меня это тогда несколько не смутило — я не соображал ровным счётом ничего.

Намного сильнее смутились те, кто меня нашёл.

Глава 1. Незванный гость

— Докладывай, — сказал Дисс, едва вошедший в комнату Арджин закрыл за собой дверь.

Тот вытянулся по струнке и браво начал:

— Старший разведгруппы...

— В свободной форме, — нетерпеливо прервал его Старый Маг.

Он сам себя не узнавал. Давно забытое чувство волнения застало его врасплох; за последние столетия Маг привык к тому, что ничто не ускользает от его внимания, а потому начал думать, что разучился удивляться. Однако настало время сюрпризов, и Диссу не терпелось узнать, приятные они, или же не очень.

Арджин если и заметил странность в поведении начальства, то не подал виду. Он расслабил колено по старой воинской привычке и продолжил:

— Чужак доставлен в замок и поселён в гостевых покоях на первом этаже. Дверь заперли, но мне кажется, эта мера излишняя.

— Вот как? Это почему же?

— Он без сознания.

Дисс поднял бровь и колбоче посмотрел на разведчика. Тот поёжился и опустил глаза. Во всём замке только этот взгляд мог заставить бывалого воина почувствовать себя неудобно.

— Ну, что же произошло? — голос Мага снова стал спокойным. — Начни с минуты, когда вы его нашли.

Желая потянуть время, Арджин оглядел полупустую комнату Старого Мага. Несмотря на то, что Дисс ни разу не поступил со своими подданными несправедливо, разведчик не любил оставаться с ним наедине. Воин, как и прочие жители Квисленда, побаивался Мага — и правильно делал.

Арджин замялся на несколько мгновений и продолжил, тщательно подбирая слова:

— Нашли его около полудня, примерно в лиге к западу от моста через Тьяну. В Фолиат совсем немного углубились. Он лежал на дне оврага и спал. Лес там был очень странный. Парни сказали, что ни одного зверька или птицы в округе не услышали. Как будто разогнал кто. Рядом с тем же оврагом всё истоптали каматы, в кустах неподалёку лежала дохлая химера. Не целая, по кусочкам...

— Следы магии?

— А то как же. Ровное выжженное кольцо на земле. Но трава там сухая-пресухая, а пал не пошёл. Просто чёрный круг.

— Ладно, дальше. Как он себя повёл, когда его привели в чувство?

— А мы не приводили, он сам... привёлся. Хлопот не доставил. Сначала испугался, не подпускал к себе, как дикий зверь. Но я на него прикрикнул, и дальше легче пошло. Мне показалось, он не особо соображает, что к чему. Вряд ли он понимал, что ему говорили. Взгляд у него был точь-в-точь как у нашего конюха, когда он в дугу надерётся, то есть пустой-препустой...

Старый Маг внимательно слушал, барабанил пальцами по подлокотнику.

— Он мне уже тогда странным показался. Ну, я решил у него аккуратно поразузнать, кто такой да откуда взялся.

— И что он?

— Да ничего, — Арджин пожал плечами. — С тем же успехом можно дерево распросить. Говорю же — взгляд такой, что...

— Как у конюха, я помню, — перебил Дисс. — Так что потом было? Почему столько раненых?

Разведчик насупился.

— Отродья на нас напали. Гоблины, — Арджин стиснул кулаки. — У моста подкараулили, скоты. Ватага крупная была, больше ста голов. С обеих сторон по нам ударили — мы еле успели оружие выхватить. Я приказал прорываться, но сходу проскочить не удалось. Завязли в стычке, в окружении. Четверых моих парней ранили. Одного мы так и не смогли до замка донести...

— И как же вы выбрались? — процедил Дисс, давя в себе нетерпение.

— Пленник... помог. Мы прикрывали его спинами, а он дёргался, пытался из пут освободиться. Гоблины ему, видно, тоже не шибко нравились... Ну я и кинул ему меч. Подумал — вдруг чудик умеет с ним обращаться?

— Ну и как? Умеет?

— Хрена с два. Я сам не видел, был занят нападающими, но вот Филин, который к тому времени уже схлопотал ранение, говорит, что заметил, как тот вступил в бой. Первый же выродок обезоружил нашего подопечного, будто тот в жизни меча не держал. Впрочем, я и не удивился — не особо он на воина походит. Здоровый, а толку — чуть...

— Арджин, — Дисс посмотрел на разведчика исподлобья. — Не испытывай моё терпение.

— Понял! — воин тут же подобрался. — Обезоружили его, значит. Помочь ему некому было. Вроде как тут-то ему и каюк должен был прийти, но... Филин говорит, что гоблин уже даже дубину занёс, чтобы черепушку этому парню проломить, да вдруг замер на месте. Потом оружие у него из руки вылетело — и прямиком в кусты. А сам уродец с воплями побежал было прочь, но вдруг схватился за горло и сам себя придушил. Насмерть. Я думаю, Филину от кровопотери всякое могло померещиться, но такое...

— Интересно. Дальше.

— А дальше у него терем-то и покосился, — сказал Арджин, глядя в пустоту. — Вот когда у меня волосы на затылке зашевелились. Я как раз прикончил очередную тварь, как вдруг — хлопок и вспышка. Ребята сказали, что это найдёныш врезал одному отродью. Голыми руками. Гоблин улетел саженой на двадцать и разбился насмерть. От этого зрелища даже бой приостановился. Я крикнул своим, чтобы прорывались — так и выбрались из западни.

— А пленник что?

— Да какой уж там пленник! Пленником он до боя был, а потом уже точно нет. Хорошо ещё, что он на нашей стороне дрался, а то нипочём бы нам с ним не совладать... Оружие его не брало. Гоблинские дубины он хватал на лету и запросто в руке ломал. Отродья от него во все стороны разлетались, как былинки. Сущий демон! Видали вы такое когда-нибудь, господин? Я вам уже несколько лет служу, всякого повидал, но такое? Гоблины как только смекнули, что вблизи его не достать, поотстали, но погоню не бросили. Голодные видно были, как медведь в первый месяц весны... Мы улепётывали со всех ног, безымянный бежал с нами.

Дисс, подперев рукой подбородок, сурово смотрел на разведчика снизу вверх.

— Когда же он потерял сознание?

— Как раз собирался рассказать, — сказал Арджин и передёрнул плечами. — Мы несли раненых, поэтому не могли быстро передвигаться, и твари не отставали. В какой-то миг они снова осмелели и начали догонять. Я подумал — ну, придётся снова отбиваться, не бросать же раненых ребят! Только я собрался скомандовать защитное построение, глядь — а безымянный-то отстал! Стоит на коленях, а прямо на него ватага несётся. И так вышло, что гоблинам-то уже ближе стало до него, чем нам... Думаю — ну, теперь парню точно хана. А тот вдруг ка-а-ак колдонёт! Громыкнуло так, будто Голах небеса разъял. Землю потрянуло, а под отродьями она и вовсе вздыбилась, волной пошла. Большую часть тварей там и переломало. Пылища выше гор поднялась. Остатки гоблинов кинулись врассыпную. А безымянный рухнул без чувств. Мы его под руки и дёру из того места. С тех больше полсуток прошло, а он так и не очухался.

Старый Маг в задумчивости поскрёб небритый подбородок.

— Он ничего не говорил, пока был в трансе?

— Нет, вообще ничего. Я боялся, что помрёт — еле дышал, бедолага. Но сейчас вроде бы просто спит.

— Какие-то вещи при нём были?

— А, совсем забыл сказать. Он весь был в странных лохмотьях. Босой. И возле него нашли вот это, — разведчик извлёк из кармана куртки стеклянную сферу, в глубине которой ворочались мутные массы.

— Положи пока на стол, — сказал Дисс, внимательно разглядывая вещь. — Принесите ему еды и подберите новую одежду. К комнате приставьте стражника. Как только услышите, что очнулся — сразу ко мне. Первым с ним говорить буду я. Можешь быть свободен.

— Слушаюсь!

Офицер щёлкнул каблуками и вышел, закрыв за собой дверь.

Дисс резким движением поднялся и подошёл к рабочему столу.

— Так, посмотрим, — пробормотал он, сплетая заклинание вокруг лежащего на столешнице артефакта.

Чародей сосредоточенно корпел над сферой несколько минут, вертел её так и сяк, менял плетения и силу их воздействия, но всё, чего он добился — приступ острого разочарования.

— Так и знал! — Дисс ударил кулаком по столу, от чего подпрыгнули все стоявшие на нём приборы. — Пустышка.

Старый Маг устало опустился в кресло и со вздохом закрыл глаза. Какое-то время он не шевелился, погружённый в раздумья, но потом кашлянул и, задумчиво потерев брови, пробормотал:

— Что же за фрукт такой?

* * *

Дисс озадаченно глядел в магическое окно, за которым сидел на постели неизвестный человек. Он недавно проснулся и теперь с аппетитом уплетал то, что ему оставили на подносе рядом с кроватью. Свежую одежду, висящую на спинке стула, он даже не заметил — так и ел голышом, хотя Старый Маг знал, что в той комнате совсем не жарко.

Когда двумя сутками ранее во время обычной нормализации потоков заклинание разлетелось в клочья, а Дисса швырнуло и приложило о стену, он понял, что что-то не так. Не то, чтобы Мага никогда не швыряло во время магических ритуалов, но чтобы так внезапно — ни разу. Он начал искать причину и тут же нашёл её: всё из-за сильного возмущения Эфира, вызванного мощным точечным воздействием. Место этого самого воздействия обнаружилось в гуще Фолиатского леса, аж в дне пути от замка Дисса. Туда словно метеорит упал, только сквозь энергетическое пространство. Осталась внушительная такая дыра в нескольких эфирных слоях.

Прежде чем удивляться, Маг решил разобраться детальнее и накрыл всю ту область следящей магической сетью. Первое, что в неё попало — чистейшая белая аура, оказавшаяся точно по центру аномалии. Сначала Дисс подумал, что в густом лесу оказался младенец, потому что только у него могла быть настолько девственная аура, без единого пятнышка. Потом сеть стала улавливать магические вспышки, и эту версию пришлось отменить. Младенцы так колдовать уж точно бы не смогли.

Тут-то странностей и накопилось достаточно, чтобы Дисс по-настоящему удивился. Чутьё подсказывало ему, что происходит что-то очень интересное, и что он во что бы то ни стало должен во всём этом поучаствовать. Поэтому он вызвал Арджина, вручил ему магический компас, который указывал на странную ауру, и велел привести её обладателя в замок — если получится. Он ожидал увидеть что угодно, хоть Яворова серафима во плоти, но только не такое.

На вид чудаку было лет двадцать пять-тридцать. Сложением он более всего напоминал пловца: широкие плечи, массивная грудная клетка, узкая талия и чуть более широкие бёдра. Рост выше среднего, но не великан — без пяди сажень. Да и силачом Дисс бы своего неожиданного гостя не назвал. Он был крепкий, узловатый, как дубовая ветвь, но не мускулистый. Гость сутулился; больше всего он смахивал на корабельного гребца, но, во-первых, на вёслах уже лет сто никто кроме озёрных рыбаков не ходил, а во-вторых ни характерных мозолей, ни следов от кнута на безымянном не было.

Дальше — удивительнее. Лицом незнакомец на аристократа не тянул, но и на деревенщину походил мало. Нос прямой, глаза посажены глубоко, высокий лоб, отчётливые скулы, ровный подбородок, переходящий в широкую челюсть — не красавчик, но глазу приятен. Было в его чертах нечто строгое, волевое. Такой комбинации отличительных особенностей среди известных народов Старый Маг припомнить так и не смог, из чего сделал вывод: либо это нераспознаваемая помесь нескольких рас, либо доселе неизвестная Диссу — а значит и всему Нириону — раса.

Этот человек был одной сплошной странностью. Как если взять всё, чего быть не может, и собрать в одном месте. Маг привык думать, что осведомлён лучше всех на свете и по любому вопросу, но на сей раз словно упёрся в глухую стену. Это одновременно бесило и завораживало. Дисс почти не сомневался, что безымянный нагрязнул в Нирион из другого мира, но не мог выяснить ничего конкретного. Дыра в Эфире медленно затягивалась. Сфера, найденная при госте, по-прежнему ни на что не реагировала. Никаких магических следов тоже обнаружить не удалось, хотя Маг всё несколько раз тщательно прочесал заклинаниями. Этот парень просто... возник. И этим рушил любые догадки.

Поначалу Дисс собирался поговорить с гостем, но, понаблюдав за ним через магическое окно, передумал. Тот прикончил свой обед и начал ходить от стены к стене. К одежде так и не притронулся, зато завернулся в простыню — замёрз всё-таки. Подошёл к узкому

стрельчатому окну, несколько раз дёрнул за решётку. Потом настала очередь стеллажа с книгами: безмяннй сначала долго его осматривал, потом попытался на него залезть. Уронил. Всё, что стояло на полках, живописно разлетелось по полу, сам же парень успел на диво ловко отскочить в сторону. Какое-то время он разглядывал бардак, который учинил, а потом уселся сверху, как какой-то царь горы.

— Да ты же невменяем, — сказал Дисс в пустоту, и, подумав, добавил: — А ведь это многое объясняет.

...В тот же день он наведлся в комнату к безмянному в расчёте понаблюдать за его реакциями.

Как только открылась дверь, парень вскочил и, по-прежнему кутаясь в простыню, ретировался в угол. Он дрожал и опасно, но с интересом разглядывал заполнивших его комнату людей. Пока прислуга наводила порядок, Дисс осторожно приблизился к чудаку и сказал:

— Здравствуй. Я — Дисс.

В глазах безмянного не шевельнулось и тени понимания. Всё как говорил Арджин — полная пустота. Причём парень не то что не понимал язык, он словно даже саму речь не воспринимал как информацию.

Слуги закончили разгребать беспорядок и, косясь на «чудика», удалились. Горничная оставила на столике новую порцию еды, собрала сор и тоже ушла. В комнате остались только Маг и безмяннй. Последний полукругом обошёл чародея и остановился возле открытой двери. Он с интересом смотрел в коридор, но пока не решался туда выйти.

«То ли он душевнобольной, — размышлял Дисс, наблюдая за «гостем», — то ли контуженный. В любом случае, не агрессивен, но на опасность реагирует резко. Дар у парня есть, но к магии он обращается инстинктивно, неумышленно. Гремучая смесь на ножках. Если бы был больной, то занервничал бы, оказавшись в незнакомом месте, да и поимке бы сопротивлялся. А вот — ходит, как ни в чём не бывало. Даже зрачки не расширены. Значит, скорее всего, контуженный. Интересно, чем его так приложило...»

Маг звонко свистнул, чтобы привлечь внимание, и «гость» тут же обернулся. Дисс поднял со стула рубаху с завязками, развернул, приложил к себе, будто примеряясь. Потом швырнул её безмянному. Тот поймал. Покрутил так и сяк, заглянул в рукава по очереди, и, наконец, надел. На левую сторону. Маг помотал головой, снял с себя рубаху и вывернул её. Безмяннй незамедлительно проделал то же самое и снова надел её. Дисс покивал, взял остальную одежду и, вложив её в руки парня, вышел. Дверь оставил открытой.

«Точно контуженный, — констатировал Старый Маг, по пути напяливая рубаху. — Соображает, но туговато. Движения твёрдые, кое-какие простейшие ухватки даже проявляются. Физически здоров, как вол, а вот мозги-то ему поотшибло. Ну, ничего, должен быстро восстановиться. Интересный, интересный, интересный экземпляр».

* * *

В Квисленде никогда не было скучно. Главным образом потому, что он принадлежал Диссу — человеку с репутацией самого чудакватого и самого свободолюбивого чародея на свете. Замок этот, как и близлежащие земли, ему никто не продавал, никто не жаловал. Маг просто пришёл и занял место, причём так давно, что никто из нынешних его подданных не смог бы сказать, когда именно это случилось. Старики рассказывали, что много лет назад, в

начале века, в Квисленде был большой ремонт. Тогда рабочие нашли замурованный в стене обломок меча, странный-престранный. Только несколько лет спустя заезжий кузнец, умудрённый годами дока, опознал в проржавевшем обломке оружие западных варваров, которые в незапамятные времена ходили в эти земли набегами. А их со дня Великого Гнева — то есть почти три тысячелетия — никто и не видел.

Замок стоял в глухомани, вдали от трактов, поэтому жизнь в нём текла размеренно, но чтобы скучать — нет, народ не жаловался. С «их магией», как они называли Старого Мага, было не соскучиться. Раз в десятилетие обязательно происходило что-то из ряда вон, о чём очевидцы потом рассказывали до гробовой доски. Например, в 2864 году случился Большой Колодезный Потоп: когда посреди зимы из замкового колодца выстрелил поток воды и, вспенившись, в считанные минуты вынес за ворота всё, что мало весило или было плохо прибито. Лишь чудом никто не утонул; водища хлестала с полчаса и успела залить оба примыкающих к замку поля, пока Маг, наконец, не управился со стихией. Все пострадавшие тогда получили от него такую компенсацию, что бедствие разом превратилось в развесёлую байку, которую по сей день ежегодно припоминали в канун этого события.

Магии в Квисленде давно уже не боялись — привыкли, за столько-то поколений. Дисс, ни на день не прекращая своих магических изысканий, постоянно выкидывал что-нибудь новенькое. То вся зелень в округе вдруг становилась прозрачной, то любимая кобыла Арджина вдруг взмывала ввысь и, дико ржа и брыкаясь от ужаса, парила на привязи, как воздушный змей. Из западной башни однажды вылетел вихрящийся поток разноцветных искр, разбрызгался по небу и сверкал половину ночи. Приезжие и крестьяне из окрестных земель дичились «колдовства», пугались и старались поскорее убраться восвояси. Местные флегматично разглядывали очередной побочный эффект экспериментов «их магии» и шли по своим делам. Даже если кто-то из жителей замка страдал от чародейства, они относились к этому философски и хозяина любить не переставали — знали, что он несправедливости не потерпит, даже если сам виноват.

Временами в гостях у Старого Мага объявлялись странные личности, всякие разные. Частенько они на Локуэле даже двух слов связать не могли — чужестранцы, что с них взять. Они приходили и уходили, и редко кто бывал в Квисленде дважды. Чужаков здесь не очень-то жаловали, но терпели — лишь бы гость не лез не в своё дело да не слишком задавался.

С новым постояльцем всё вышло с ног на голову иначе.

В день, когда он появился, Старый Маг всем наказал: пусть ходит, где захочет, но из замка не выпускать. Предупредил, мол, парню досталось, не судите строго. «А кто вздумает его задирать, — добавил он грознее, — того на месяц превращу в корову. В дойную. Не придётся за свежим молоком в деревню посылать!» Как и следовало ожидать, все всё сразу уяснили.

Поначалу приبلуда ходил тихоней, ни с кем не разговаривал и никуда не лез. Сердобольная кухарка его даже жалеть начала, накормила самодельными сладостями. Но уже на следующее утро с кухни пропал злющий кантернский перец, а «сиротинушку» нашли в обнимку с чаном воды, покрасневшего и всего в соплях — рыдал как дитя, даром что головой в потолок упирается. Потом ткачиха пожаловалась: спрятался, окаянный, в куче холстины, да там и заснул. А когда она, ткачиха, ни о чём не подозревая, сидела и спокойно работала, вдруг вскочил, как ужаленный, и баба от страха чуть досрочно к Явору не отправилась. Вечером полил холодный весенний дождь, и безымянный до белого каления довёл служанку, которая мыла пол: слонялся из дома на улицу и обратно, грязными

сапогами истоптал всё, что только можно было истоптать.

Слово «дурачок» прилипло к парню моментально, и ещё неделю все замковые никак иначе его не называли. Но строго, как и было велено, не судили. Да и дело ли это, над убогим издеваться? Такого пожалеть разве что.

Однако глупости со стороны гостя быстро сошли на нет. Через несколько дней он вдруг стал собраннее, будто даже серьёзнее. Спать возвращался в свою комнату, еду со стола больше не таскал, стал много времени проводить на крыше башни — и днём, и ночью. К концу недели он обратился в тень, которая немо бродила по замку и наблюдала за рутинной его жителей. Особенно чудак любил приходить в западное крыло, когда Арджин тренировал там своих молодцев. Разведчика это слегка нервировало, он даже раз предложил «зрителю» поучаствовать. Тот посмотрел на брошенный к его ногам деревянный меч, встал, развернулся и ушёл.

Простодушное лицо «дурачка» постепенно сменилось задумчивой миной. Он постоянно витал в облаках; мог остановиться хоть в дверном проёме и уставиться в пустоту, целиком уйдя в себя. Зато всё чаще на его лице стали появляться оттенки эмоций: озадаченность, печаль, раздражение — теперь на улыбку безымянный отвечал улыбкой, на ругань — холодным презрением, а при виде чужого несчастья явственно выказывал сочувствие. Никто толком и не заметил, как юродивый превратился в странноватого, но вполне здравомыслящего мужчину.

Была только одна проблема — он не говорил. Ни с кем, ни при каких обстоятельствах. За две декады с момента своего появления безымянный не произнёс ни слова, ни междометия. Когда к нему обращались, он так смотрел, что становилось понятно: он понимает сказанное, но не ответит. Обычно этот взгляд заставлял людей отворачиваться, иногда — огрызаться. Если же человек настаивал на разговоре, парень просто разворачивался и уходил. В других обстоятельствах это восприняли бы как хамство, но тут все помнили: парню ведь досталось. Так что зла не держали. Думали — вдруг он хочет сказать, да не может. Неужто не сказал бы, кабы мог?

Поэтому к концу третьей недели Дисс решил, что дал своему гостю достаточно времени, чтобы прийти в себя и пообвыкнуться. Настало время налаживать контакт.

* * *

Они сидели друг напротив друга. Дисс молча изучал безымянного. Безымянный в долгу не оставался. Он вообще максимально точно скопировал позу Старого Мага, и Дисс не был уверен, что парень сделал это умышленно. Уж скорее он рефлекторно мимикрировал, чтобы чувствовать себя комфортнее.

Комната выглядела чистой. При этом горничная сюда не заходила — безымянный сам поддерживал порядок. Книги на полках он переместил, прочтённые составил слева, непрочтённые — справа. Среди тех, что слева, Дисс разглядел «Сказания о великих», написанные на старом Локуэле, который уже даже знатоками словесности не использовался. На постели лежал том «Истории подгорного племени», целиком на Футарке. Закладка торчала ближе к задней корочке. В замке Футарком худо-бедно владел только сам Старый Маг, а вчерашний дурачок-то его откуда знает?

— Как тебе чтиво? — Дисс кивнул на книгу. — Её писали сами гномы. Стиль у них, конечно, дубовый, зато без излишеств.

Безымянный не ответил и даже не пошевелился. Он смотрел в глаза Магу смело, почти с вызовом, и Диссу это нравилось. Даже Арджин, фактически второй человек в замке, себе такого не позволял.

— Ты молчишь потому, что не можешь говорить, или потому что тебе нечего сказать? — спросил чародей вполголоса, будто размышляя вслух. — Ведь если не можешь, мы можем найти иной способ общения.

Снова молчание. Безымянный словно ждал чего-то или надеялся что-то разглядеть в поведении Мага, а разговоры — это вроде как что-то лишнее. Парень просто их игнорировал.

— Значит, можешь, — заключил Дисс и ухмыльнулся. — Тогда я велю больше не приносить тебе еду. Может быть тогда ты согласишься прибегнуть к такому примитивному способу общения, как речь.

— Я смогу попросить еды, — сказал безымянный на чистом Локуэле. — Но это не значит, что я хочу с кем-то разговаривать.

— Оно говорящее! — всплеснул руками Маг. — Ты ведёшь себя некрасиво, приятель. Здесь принято пользоваться словами.

— А на мой взгляд это вы ведёте себя некрасиво, когда лезете ко мне с разговорами, — парировал безымянный. — Мне намного лучше без них.

Дисс склонил голову набок, размышляя. Скопил взгляд на руку собеседника: она вцепилась в подлокотник так, что побелели костяшки пальцев. Лицом безымянный по-прежнему владел, но что-то его сильно напрягало. Старый Маг допускал, что причиной может быть он сам, поэтому и старался вести именно беседу, а не допрос. Однако для беседы взаимного доверия явно недоставало. Так как же быть?

— Ты — мой гость, — сказал он наконец. — Спихай под моей крышей, ешь мою еду. Читаешь мои книги. В этом замке принято спрашивать, если что-то нужно и отвечать, если к тебе обращаются. Это вежливо и целесообразно. Поэтому ты будешь соблюдать здешние правила. А если нет, то выметайся хоть сейчас.

Во взгляде безымянного мелькнула растерянность, даже испуг, и Дисс понял, что угадал с тоном.

«Гость» вовсе не был хамом, как могло показаться. Напротив, он настолько замкнулся в себе, что даже поговорить с кем-то для него стало трудно. Да, морду кирпичом он делать научился — чтобы совсем уж не терять лицо — но на самом деле постоянное нахождение рядом с другими людьми для него само по себе было серьёзным испытанием. Потому и уходил от разговоров в буквальном и переносном смысле. А сейчас бедолага понял, что деваться некуда, и потому говорил через силу.

Похоже, теперь он лихорадочно соображал, что ответить, потому что контроль над лицом потерял — желваки вздулись, брови сошлись, губы сжались. Того и гляди лопнет от натуги.

«Мда, — подумал Дисс, нахмурившись. — Тот ещё пациент».

— Я пошутил, — сказал он, миролюбиво разведя руками. — Никто тебя не выгонит, по крайней мере пока идёшь мне навстречу. Я хочу разобраться кто ты такой и откуда взялся. А без слов это будет та ещё задачка, сам понимаешь.

Безымянный немного расслабился и хмуро кивнул. Очевидно, оказаться на улице он хотел ещё меньше, чем разговаривать.

— Звать-то тебя как? — Дисс улыбнулся как можно дружелюбнее. — Сомневаюсь, что

тебе нравится, когда тебя кличут «дурачком».

— Не нравится, — согласился гость. — Но имени я не помню. Вообще ничего не помню, — добавил он тише.

— А как Арджин тебя подобрал в лесу, помнишь?

— Смутно.

— А раньше?

— Какие-то обрывки.

— А язык гномов откуда знаешь?

Безымянный пожал плечами, мол, понятия не имею.

— Из тебя лишнего слова не выдавишь, — заметил Дисс.

Снова пожатие плечами. Безымянный нисколько не беспокоился о том, что повторяется.

Старый Маг встал, подошёл к окну.

— Кажется, я понимаю, что происходит, — сказал он.

Ответом ему была тишина. Как и ожидалось.

— Был на моей памяти случай, — начал чародей, демонстративно разглядывая разбитый за окном сад. — Уникальный в своём роде. В одну юную баронессу вселился злой дух, демон. Девочке было двенадцать лет. Обычный ребёнок — пухловатая, избалованная девчушка в льняном платице. Одним прекрасным утром она пришла на сельское кладбище и осквернила две свежие могилы. Демон питался остаточными эманациями умерших... Крестьяне её, естественно, поймали. Привели к барону-отцу. Девочка билась и верещала так, что барон сам чуть не согласился её на костёр отправить от греха подальше. К счастью, ему хватило ума послать за церковниками, а по пути посыльному встретился твой покорный слуга. Я выгнал паразита, выяснил откуда взялся демон — сами по себе они крайне редко покидают Эфир. Оказалось, баронесса-бабка баловалась чернокнижием — скорее от скуки и глупости, чем интереса ради. Провела самый примитивный ритуал, которого хватило аккуратно чтобы вызвать первого попавшегося демона, да так его и не увидела. Тот мигом нашёл самое приятное с его точки зрения тело и заселился туда... В общем, не суть. Девочку я спас, но она почти двое суток провела в утробе потусторонней сущности. Демон успел здорово её обглодать, если так можно сказать в отношении человеческой души. Такое не лечится. У бедняжки отшибло память о последних двух годах, она стала плохо переносить присутствие даже самых близких людей. За ней и раньше наблюдалось некое косноязычие, а после одержимости стала говорить совсем плохо. Начинала фразу, слышала себя со стороны и замолкала — стыдилась. Её, разумеется, окружили заботой. Мать шила новые платица одно за другим, отец приводил нового лекаря чуть ли не каждую неделю. Наверное, домашние пытались таким образом исправить свой недогляд. Заботы стало столько, что на пятерых хватило бы.

Старый Маг замолчал, сделав вид, что задумался. Он знал: безымянному намного проще говорить, когда на него не смотрят или вообще не обращают внимания. Поэтому Дисс ждал.

— И что было дальше? — спросил чужак, не выдержав.

Чародей мысленно поздравил себя с верной тактикой и ответил:

— Девочка совсем перестала говорить. К четырнадцати годам она уже не покидала свою комнату, а в семнадцать умерла. «От душевной болезни», что значит — умственно истощилась. Её родители допустили две ошибки. Сначала они слишком старались исправить внешние изъяны девочки, а потому совсем забыли про внутренние. Буквально задушили

«заботой» и утратили доверие своего чада. А потом, когда поняли, что сделали только хуже, решили доченьке во всём потакать. А ей уже ничего не хотелось. Она действительность-то почти не осознавала. Поэтому и сошла с ума.

Безымянный хмыкнул.

— Нет, со мной не всё так плохо, — сказал он. — Сходить с ума я определённо не собираюсь.

Дисс улыбнулся.

— Но доверия между нами маловато, — он обернулся к собеседнику. — Ты запираешься, потому что ни в чём не уверен. У тебя нет памяти, а потому ты как будто подвешен на ниточках. Я прав?

Парень, казалось, даже удивился.

— В точности, — кивнул он. — Только по этой самой причине твоя правота тебе мало помогает.

— Больше, чем ты думаешь. Способность постоянно оказываться правым — очень привлекательная черта. Её ещё называют мудростью.

— Из того, что ты сам себя называешь мудрым, я заключаю, что скромность тебе чужда.

— В точку! — усмехнулся Дисс, возвращаясь в кресло. — Я не склонен ни преуменьшать, ни преувеличивать свои достоинства.

— А ты...

— Самоуверен? Да, чего греха таить. Но заметь, говорить со мной тебе уже стало легче.

Безымянный пристально посмотрел чародею в глаза и тоже усмехнулся. Он перестал копировать собеседника и сел так, как ему удобно — вытянул ноги и положил их одна на одну, а руки скрестил на груди. Дисс прикинул, сможет ли сесть так же — нет, при его скромном росте это будет выглядеть нелепо. А жаль, беседа складывается лучше, если ты подражаешь собеседнику.

— И как по-твоему, что со мной? — спросил безымянный. — Вряд ли меня кто-то... обглодал.

— Да, тут что-то другое. Но, честно говоря, у меня пока нет прочных версий.

— Даже у такого мудреца, как ты?

Дисс помолчал, глядя в глаза собеседнику. У того на лице не дрогнул ни один мускул. Этот парень умел шутить с серьёзным лицом.

— Случай с одержимой девочкой был, как я уже сказал, уникальным, — сказал Маг неторопливо. — Но похожих я могу припомнить с десяток. А вот с твоим случаем у меня в жизни пересечений нет совсем.

Безымянный чуть скосил челюсть — обдумывал услышанное. Дисс выдержал паузу и продолжил:

— Я не мудрец. Я учёный. Учёный не полагается на знание жизни или философские прозрения. Он либо владеет фактами, достаточными для однозначного вывода, либо не владеет. Так вот на твой счёт, повторяю, прочных версий у меня нет. Во всяком случае, пока, — он подвинулся вперёд. — Так что расскажи, пожалуйста, поподробнее обо всём, что ты помнишь. Тогда я может и найду, за что зацепиться.

Безымянный помолчал. Он вообще не торопился с ответами, к каждому своему слову относился вдумчиво, будто сначала несколько раз взвешивал, а потом говорил. Старый Маг поймал себя на том, что чисто по-человечески этот парень ему импонировал, причём именно мелочами характера, которые нет-нет да проскальзывали наружу.

— Помню яркую вспышку, — сказал гость. — Падение. Вроде бы, я обо что-то ударился, о камень, наверное. Но точно знаю, что больно мне было не поэтому. Всё тело болело, как будто... будто ломалось на тысячу маленьких кусочков. Кажется, я брёл куда-то, несколько раз терял сознание. Там всё так смутно было, я даже очередность событий не вспомню. А потом я проснулся в лесу.

— Ночью?

— Да. Темнота была, хоть глаз выколи. Я шёл почти наощупь, не зная куда. Вдобавок холод меня прижал так, что зубы стучали на всю округу. А потом слышу — урчит что-то неподалёку. Оглядываюсь — а из темноты на меня два жёлтых глаза таращатся. Ну я и задал стрекача.

— В такой темноте?

— Сам теперь удивляюсь. Но бежал я быстро, а не споткнулся ни разу и лоб о дерево так и не расшиб. Как будто вело меня что-то.

— Магия тебя вела, — кивнул Дисс.

— Чья?

— Твоя, чья же ещё. Я потом объясню, ты рассказывай.

— От того зверя я убежал, — продолжил безымянный. — Но выдохся. Залёг в овраге. Потом снова замёрз, вылез.

— Зачем?

— Не знаю. Помню, что делал, а зачем — нет. Ну и два шага я не ступил в сторону, как зверюга меня снова нашла. Точнее, целая стая зверей. А потом вокруг меня вспыхнул синий огонь.

— И они разбежались.

— Точно. А я свалился обратно в овраг и наутро в меня уже тыкал кинжалом Арджин, — безымянный развёл руками. — Ну так что ты хотел объяснить?

Дисс в задумчивости пожевал губами.

— Осознанно колдовать ты не умеешь? — уточнил он.

Парень отрицательно покачал головой.

— До леса точно никаких воспоминаний?

— Сплошная муть, в которой ничего не разобрать.

Старый Маг встал и начал прохаживаться взад-вперёд.

— Значит, так, — сказал он. — По порядку. В лес тебя закинуло сильной магией. Сильной до того, что ты как стрела пробил несколько слоёв Эфира, он до сих пор там восстанавливается. Откуда именно ты прибыл, мне выяснить не удалось. Возможно, из другого мира.

Безымянный не удивился. Да и с чего бы? Удивление — это реакция на нечто из ряда вон, выбивающееся из обыденности. А какая может быть обыденность у человека, который ничего не помнит? То ли дело Дисс — за несколько тысяч лет можно было привыкнуть ко всему на свете...

— Что касается потери памяти, — продолжил Маг, — то такое бывает от сильных потрясений. Особо впечатлительные даже повреждаются умом. То, что ты не сразу пришёл в себя, можно объяснить как раз этим. И даже твои... проблемы с доверием тоже могут быть вызваны тяжёлой травмой.

— Значит, чем-то меня сильно покорёжило? Есть шанс, что память вернётся?

Дисс остановился, скрестив руки на груди.

— Есть, но не слишком-то на это рассчитывай. Человеческий мозг — штука непредсказуемая... К тому же есть в этой версии один изъян.

— Какой?

— Не кажешься ты мне особо впечатлительным, — Маг задумчиво уставился на собеседника.

За окном задорно щебетали птицы. В комнате висело молчание.

Первым не выдержал безымянный.

— И? Как мне теперь быть?

— Место, куда ты свалился, я уже облазил вдоль и поперёк. Там ловить нечего. С тобой была явно магическая сфера, её я тоже исследовал. Глухо. Ни одного намёка на то, откуда ты взялся. Значит, выход только один — попытаться вернуть тебе память.

— Как это?

— Это? — Маг усмехнулся. — Рискованно. Работать придётся с такой тонкой материей, как человеческий разум, так что сам понимаешь, ставки высоки. Но тонкие материи — мой конёк, так что вряд ли тебе что-то угрожает. Худшее, что может быть — у нас ничего не выйдет.

— То есть ты будешь надо мной колдовать? — с сомнением спросил безымянный. — Я правильно понимаю? Будешь копаться у меня в голове?

— Ага. Если бы был другой способ, более простой, я сам бы к нему прибегнул. И он, в общем-то, есть, — Маг дождался вопросительного взгляда собеседника и продолжил. — Надеяться, что ты всё сам рано или поздно вспомнишь.

— А могу и не вспомнить.

Старый Маг с беспечным видом развёл руками. Он мог позволить себе такую роскошь, как вечное ожидание, но не стал об этом говорить. Пусть человек сам решает, как сильно он торопится.

Тот думал долго, с минуту. Дисс уже хотел было предложить ему время подумать, когда парень сказал уверенно:

— Ладно, давай попробуем.

«Значит, очень даже торопится».

— Как скажешь, — сказал Маг вслух и встал. — Я пойду готовиться, а ты пока подумай ещё. До вечера у тебя есть время.

— Угу.

«Он не передумает, — размышлял Дисс, выходя из комнаты. — Его память как фантомная конечность. То, что она отсутствует, не мешает ей болеть и чесаться. Парню не будет покоя, пока он не заполнит пустоту в своей голове. И благодаря этому сегодня вечером мы узнаем, кто он такой и на что годится».

* * *

Когда Маг ушёл, я ещё какое-то время сидел без движения. Прислушивался к ощущениям. Чутьё подсказывало, что под нож лучше не ложиться. Даже если он магический. Даже если его держит в руках самый опытный чародей на свете.

А разум изнывал от недостатка знаний и требовал пищи.

Передо мной стоял выбор — или жить, во всём полагаясь на интуицию, или пойти против неё в надежде обрести нечто большее. И так как «нечто большее» всегда звучит

привлекательнее, чем то, что уже есть, в итоге я пришёл к выводу, что всё-таки рискну довериться Диссу. Наверное, я рискованный парень.

До вечера оставалась куча времени. Чтобы скоротать его, я снова взялся за чтение. Прикончил книгу про гномов, поставил её на полку и взял следующую. «Куивиенские стихи и баллады, том первый». Открыл, прочёл несколько страниц. Язык снова не такой, как в других книгах, но понятный. Как и раньше, ни одного непонятого слова, будто читаю на родном. И Футарк казался родным... С чего бы? А пёс меня знает. Может, я был каким-нибудь языковедом и нёс пламя просвещения в народ.

Жаль вот, что на знания о мире моя просвещённость не распространялась. Когда Дисс сказал, что я «возможно из другого мира», первая мысль была — да, вот почему я никогда не слышал о здешних краях. Книжки по истории читал взахлёб, даже очень скучно написанные. Слушал разговоры, наблюдал за людьми, пытался усвоить местные обычаи. Мне это всё казалось жутко интересным. Так, наверное, и чувствуют себя путешественники, впервые оказавшиеся в чужой стране. Проблема была в том, что я ни о каких странах ничего не знал, ни о чужих, ни о своих. И если я из другого мира, то могут ли там знать здешние языки?

Вообще, вопросов к самому себе у меня накопилось много. Столько, что я сбился со счёта и решил отвечать только на те, которые не вызывают головной боли. Вот, например, почему я пишу правой рукой, а не левой? Потому что я — правша. Простой вопрос, простой ответ. Или: почему я не ем холодец? Да потому что меня блевать тянет от одного его вида! А всякие «как меня зовут», «сколько мне лет», «как я тут оказался» только сна лишают, а ясности не вносят никакой. Лучше искать и брать знания более доступные и полезные. Например, разузнать о приютившем меня человеке. Или хотя бы почитать о мире, в котором я оказался.

Мир назывался Нирион, и историю имел более чем богатую. В книгах, конечно, всякого было понаписано, и каждая предлагала свою версию событий, но кое-в-чём они всё же сходились. История насчитывала четыре эпохи, каждая из которых начиналась с какого-то знакового события. К примеру, вначале был Великий Исход, когда «Боги Всея дали начало миру сему». Летоисчисление в этой эпохе так и велось: «столько-то лет со дня Великого Исхода». В то время беззаботное человечество нежилось под ласковым солнцем, ныряло в молочные реки с кисельных берегов и бесконечно славилло Богов. Мне в такое верилось с трудом. К счастью, в одном из фолиантов нашлось предание, согласно которому Нирион изначально был выжженной пустыней, а люди селились вдоль чёрных от пепла морей и питались одной лишь рыбой да водорослями. Потом они якобы с божьей помощью смогли превратить мир в цветущий сад, но даже это мне показалось более правдоподобным.

Первая эпоха наполнилась мифами, эпическими приключениями, славными героями и их подвигами, драконами и прочими легендами, а божественные вмешательства случались чуть ли не каждую неделю. Именно тогда появились эльфы, гномы и орки — именно в таком порядке. Разумеется, никаких доказательств тому, что всё было именно так, ни один из историков не приводил. Якобы всё было сказочно и прекрасно, а потом люди слишком возгордились, и Боги покарали их Великой Чумой. Это случилось спустя три тысячелетия после Великого Исхода. К тому времени людишки расселились по всей суше и успели понастроить немало городов-государств, так что большой эпидемии было где разгуляться. Она выкосила много народу, но через полвека всё-таки сошла на нет.

Во вторую эпоху люди шагнули изрядно поумневшими и утратившими расположение своего пантеона. Поэтому первое, что они начали делать, это перестали надеяться на Богов и

начали надеяться на себя. Появились первые государства, которые постепенно вошли в состав огромной империи под названием Трон-Гарад. Она просуществовала долго и с невероятным треском развалилась на куски. Именно при её распаде начались так называемые возвраты, от которых в мире появились выродки — мутанты, отродья и химеры.

В итоге, в 4120 году со дня окончания Великой Чумы случилось Великое Нашествие. На человечество набросились такие орды выроdkов, что люди срочно побросали все междоусобицы и стали бороться с новой напастью. Началось повсеместное засилье мутантов. Химеры заняли все тёмные углы и жирели в них, поедая всё, до чего могли дотянуться. Людям пришлось подстраиваться под новые условия, чтобы выжить. Опять появлялись государства, политические конгломераты, но размах был уже не тот, что во времена Империи.

А закончилась третья эпоха — кто бы мог подумать — Днём Великого Гнева. Нет, честно, когда я в четвёртый раз увидел слово «Великий» в названии эпохи, прыснул со смеху. Не знаю, откуда у меня столько скепсиса к писаной истории. Наверное, я дремучий невежда и вообще остолоп. Великий Гнев «случился» в 6189 году со дня Великого Нашествия. Тогда одновременно прогремело множество войн, снова появились орды отродий, разыгрались сильные катаклизмы — политическая карта мира изменилась почти полностью. И вот, четвёртая эпоха длилась по сей день. Если я не ошибся в расчётах, со дня Великого Гнева минуло ровно 2880 лет.

Начитавшись, я отправился слоняться по замку. Зашёл на кухню, пообедал. Заставил себя открыть рот и сказать «спасибо». Кухарка сильно удивилась, хоть и попыталась не подать виду. Я привык, что меня считают юродивым, но начал понимать, что это не очень-то удобное положение. Дисс, несмотря на свою очевидную изворотливость и недюжинный ум, внушал доверие — во всяком случае большее, чем остальные — так что у меня не было причин не прислушиваться к нему. К тому же он недвусмысленно дал понять, кто здесь главный. Если хозяин добр и гостеприимен, глупо игнорировать его просьбы.

Что касается самого Старого Мага, то чем дальше, тем меньше я понимал, кто он такой. Для начала старым в прямом смысле этого слова он не был — коренастый мужчина лет сорока, с обычным лицом, залысинами на лбу и короткими волосами, закручивающимися от самых корней. Так он выглядел, сколько его помнили: поколения слуг сменяли друг друга, а у Дисса даже седой волосинки не появилось. Одни говорили, что он бессмертен. Другие — что он даже не человек. Третьи считали, что он проклят и веками ищет способ снять проклятие. Об этом шептались по углам, и Старый Маг наверняка об этом знал, но не спешил раскрывать правду. Он, похоже, вообще не придавал значения тому, что о нём говорят.

С Диссом никогда не заговаривали без надобности, но всегда вежливо кланялись при встрече. Его побаивались, но за спиной не хаяли. Наоборот, им гордились; чуть заходила речь о других чародеях или правителях, любой в замке с довольной ухмылкой мог сказать: «Ну уж явно не лучше нашего господина». Каким-то непостижимым образом Старый Маг, не прибегая ни к кнуту, ни к прянику, научил обычных крестьян соблюдать тысячи маленьких правил, среди которых были даже основы этикета. Дисс точно не был любителем задушевных бесед, но судя по тому, как легко он управлялся с замком, в людях он разбирался прекрасно.

Я поначалу считал Квислендский замок достаточно заурядным поселением, но потом увидел заезжих крестьян. Они являлись раз в неделю или две, чтобы поторговать, так что я

не мог пропустить такое событие. Во двор въехало на телегах настоящее мужичьё: неопрятное, туповатое, неотёсанное — даже разбитной весельчак-конюх из Квисленда выглядел на их фоне начитанным аристократом. Мужики рассказывали о том, что творится в окрестных городках и сёлах, жаловались на землевладельцев, молились об урожае и голодными глазами поглядывали в сторону замкового амбара. В сторону башни Старого Мага приезжие даже не смотрели, а местные над ними посмеивались — мол, злой колдун сегодня уже насытился мясом младенцев, до завтра можно спать спокойно. Судя по побледневшим вытянувшимся лицам, многие в это верили.

Наверное, отчасти поэтому я с такой осторожностью стал относиться ко всему, что снаружи. Хотя, конечно же, не только поэтому. Там, за высокими каменными стенами, простирался огромный мир, на который я смотрел с крыши замковой башни. Только с одной стороны виднелись крыши домов, в основном же вокруг чередовались леса, поля и луга; остальное скрывал горизонт. Да, туда тянуло. Но как бы не манили к себе неизведанные дали, я чувствовал, что буду там лишним. У всех, кто населял Нирион, была с ним связь — через предков, через родные края, через боль и потери на худой конец. У меня же не было ничего. Моя бездомность словно вышла за собственные границы и стала безмирностью, в которой я терялся как капля в море, и потому временами воображал, что меня самого тоже нет, а есть только она — пытающаяся осознать себя безмирность. Что это за чувство и как с ним бороться, я не имел представления. Но на тот момент я о многом представления не имел и по наивности считал, что это пройдёт, как и все остальные мои странности.

Чем ближе к вечеру, тем сильнее я волновался. Чтобы отвлечься, пошёл слоняться по замку. Наведался на тренировочную площадку, но Арджина не было — уехал куда-то с заданием от Старого Мага. Его бойцы воспользовались отсутствием офицера и обретались где-то в другом месте, только один из них остался колоть дрова. В поисках чего-нибудь интересного я побрёл в кузню, но и там меня ждало разочарование: возле холодной печи кузнец чинил сломанную лопату. Я покрутился-покрутился рядом, да и ушёл.

Я вдруг понял, что никому до меня нет дела; жители замка постоянно чем-то занимались, а я изо дня в день маялся от безделья. Из-за того, что я отмалчивался, со мной перестали заговаривать, а затем и вовсе замечать. Невидимый у всех на виду. Призрак. С одной стороны это было здорово, но после разговора с Диссом роли немое дурачка мне стало недостаточно. Я был способен на большее, я хотел большего. Чего именно — неясно, но это ведь не главное, правда? Главное, что застревать в нынешнем положении у меня не было никакого желания. Со всей ясностью, доступной человеку с ампутированной памятью, я осознал необходимость перемен.

Эта мысль значительно всё упростила. Когда я шёл в башню к Старому Магу, сомнений в правильности выбора уже не осталось. Было волнение, был страх, но только перед тем, что грядёт. Входя в кабинет, я предвкушал новые открытия и готовился оставить позади всё, что имел — благо, список этот был крайне невелик. Всё, что от меня требовалось — набраться смелости. И я её набрался.

— Ну что, готов? Не передумал?

Чародей стоял ко мне спиной и даже не повернулся, чтобы убедиться, что разговаривает с нужным человеком. Впрочем, вряд ли кто-то другой решился бы войти к нему вот так — молча и без стука.

— Готов, готов.

Раньше я никогда не заходил в кабинет. Знал, где он находится, но, следуя примеру

остальных, обходил стороной. Из-за таинственности, которой окутывал себя Дисс, я не удивился бы, если бы он обитал в полутёмном помещении с низким потолком, заполненным приборами непонятного назначения — как в каком-то логове. Насчёт приборов, к слову, всё так и было. Однако зал оказался просторным, шторы на окнах — прозрачными, а под высоким потолком парили магические огоньки, сами по себе создающие дневное освещение. Вдоль стен стояли стеллажи с книгами, у самого большого окна притулились массивный рабочий стол и кресло. В центре зала было много свободного места, зато на полу красовалась странная фигура: круг, в котором громоздилось множество линий, на первый взгляд совершенно случайных.

Сам Старый Маг стоял за небольшим круглым столиком и молот в ступке нечто отвратительно похрустывающее.

— Ты рановато, — сказал Дисс и махнул рукой в сторону кресла. — Сядь пока. Я закончу приготовления.

Я последовал приглашению. На столе прямо передо мной лежала закрытая книга — «Эртенцио Хар-Талл. Душевные недуги». Это у меня, что ли, душевные недуги?

— Долго тебе ещё? — спросил я, во всю глаза по сторонам.

Со стены на меня смотрел здоровенный глаз с горизонтальным зрачком. Секунду спустя я понял, что это всего лишь раскрашенная гравюра, но взгляд всё равно пробирал до подсознания.

— Не очень, — Дисс залил получившееся крошево густой синей жидкостью. — Торопись?

— Нет. Хотел спросить кое-о-чём.

— Так спрашивай. Как раз есть время.

Он провёл рукой над ступкой, и её содержимое бледно засветилось. Дисс хмыкнул и продолжил помешивать зелье.

— Зачем я здесь?

— Где — здесь? — чародей ни на секунду не отвлекался от своего занятия.

— В твоём замке.

— Я уже говорил.

— Да я не о том, — я махнул рукой. — И так понятно, что ты просто помешан на разгадывании загадок. Но что будет, когда ты во всём разберёшься?

Дисс помолчал. Зелье в ступке светилось всё ярче и стало таким вязким, что больше не прилипало к пестику. Я очень надеялся, что мне не придётся пить эту субстанцию и вообще к ней прикасаться.

— Это зависит от того, что я узнаю.

— Ясно-понятно. Но мне бы хоть какую-то конкретику...

— Я понимаю. Ты хочешь знать свои перспективы, — Старый Маг взглянул на меня и, отставив ступку в сторону, скрестил руки на груди. — Вариантов не так много как может показаться. Если мы сможем вернуть тебе память, ты сам будешь решать, что делать. Удерживать не стану, а может и не захочу.

— А если не сможем?

— У тебя есть Дар, — Дисс пожал плечами. — То, что ты не умеешь им пользоваться, не проблема. Я могу научить. Мне бы пригодился помощник — если ты сам, конечно, не против.

Несмотря на то, что я надеялся на успешное возвращение памяти, мне его слова

польстили. Приятно осознавать, что тебя не вышвырнут на помойку, даже если ты окажешься пустышкой. Я поёрзал на стуле и ответил:

— Не знаю, насколько я гожусь в помощники.

— Там видно будет.

Я встал и подошёл к окну. Оно глядело поверх внешней стены на запад, где как раз приближался к горизонту ослепительный кругляш солнца.

— А что, людей с Даром такой дефицит? — спросил я через плечо. — Почему ты готов взять даже меня, человека с улицы, к тому же полного неуча?

Дисс позади меня усмехнулся.

— Чародеев в мире хватает. Просто у них, как правило, ко мне предубеждение. Я в тех кругах вроде как считаюсь изгоем.

— Вот даже как.

— Это во-первых. А во-вторых, формулировка «даже меня» в корне неверная. То, что ты неуч, делает тебя отличным кандидатом, потому что на мой взгляд большинство чародеев — неучи. Причём закоренелые. Они как испорченные заготовки: попали в руки к дурному древоделу, и тот вырезал из них сплошную халтуру. Мне из них уже ничего путного не сделать. А ты — свежий материал, чистое полотно. Непредвзятый, с не замусоренной головой. Готовый впитывать знания.

— Получается, тебе не так уж и выгодно помогать мне вернуть память, — сказал я осторожно.

— Ну, не все люди подонки, — возразил Маг. — У меня, конечно, есть свой интерес, но думай я только о выгоде, даже упоминать бы не стал о такой возможности. Сказал бы: «ты всё равно ничего не вспомнишь, так что айда ко мне в ученики», да и всё.

— И то верно.

— Я больше надеюсь на то, что ты всё-таки восстановишься полностью, — сказал Дисс и, когда я к нему повернулся, пояснил: — То, как ты появился здесь, слишком уж необычно. Опять же, твоя травма... то есть контузия — нечто весьма редкое и специфичное. Докопаться до причин всего этого намного интереснее, чем просто обрести нового помощника. Да и вдруг ты даже при удачном раскладе не откажешься задержаться у меня в гостях?

— Ты такой добряк! — рассмеялся я. — Как тебя вообще записали в изгой?

— Не все люди подонки, — вздохнул чародей. — Но и добряки не все.

Он внимательно оглядел нарисованную на полу фигуру, потом снова взял ступку, покатал содержимое по стенкам и сказал:

— У меня всё готово. Начнём?

Я с сомнением огляделся.

— Что, уже?

— Если только ты не хочешь ещё о чём-нибудь спросить, — тон Дисса остался серьёзным, но глаза его смеялись.

— А что именно ты собираешься делать?

Старый Маг перевернул ступку, и зелье густым светящимся комком шлёпнулось на фигуру, почти не потеряв формы. Я смотрел на происходящее со смесью озадаченности и недоверия. Дисс сделал ещё один пасс, и клейстер, который можно было разве что скалкой катать, мгновенно разжижился: тонкие светящиеся струйки потекли по линиям фигуры, придавая ей объём. Послышалось тихое шипение, от пола стал подниматься лёгкий дымок.

Почему-то запахло грозой.

Чародей указал на фигуру и сказал:

— Сейчас ты встанешь в центр звезды и постарайся расслабиться. Это важно, потому что так мне будет проще, а тебе — безболезненней. Затем я возьму... кхм... несколько различных потоков энергии и начну пропускать их через тебя. Они разомкнут твоё защитное поле и сохранят его образцы внутри себя. Оказавшись внутри, я начну расшифровывать вязь твоих воспоминаний, чтобы понять, где случился обрыв. Затем я создам буфер, в который перетяну всё, что скрыто от тебя за стеной беспомыслия. Скорее всего, возникнет конфликт личностей, ранней и нынешней, поэтому мне придётся совмещать то, что было, с тем, что ты приобрёл после потери памяти. После этого я заштопаю твоё защитное поле образцами, сохранёнными ранее. Вот и всё. Звучит, конечно, путано, но уверяю — ничего сложного.

— Ага, — согласился я, поглядывая в сторону выхода. — Совсем ничего. А что там было про «безболезненнее»?

Дисс посмотрел на меня исподлобья и засмеялся.

— Да не переживай ты так! Лучше потерпеть полчаса, чем потом долгие годы терзаться сомнениями, что вот этот-то способ ты так и не попробовал.

Я колебался. Старый Маг терпеливо ждал. Оставался всего один шаг, но именно его я сделать не мог. Нельзя сказать, что меня сковал страх, нет. Просто вдруг нахлынули мысли: «А если я слишком тороплюсь? Может, стоит подождать какое-то время и посмотреть, как всё будет складываться?» Мне казалось, что я вот-вот совершу ошибку; с тем же успехом это чувство могло оказаться робостью перед неизвестностью. Я ощущал тревогу, но понятия не имел, чем именно она вызвана. На секунду мелькнуло недоумение: «Что я вообще здесь делаю?», словно я вдруг проснулся. А потом: «Мне и так не плохо». А ещё, тоже всего на секунду, захотелось уйти.

И едва эта мысль оформилась у меня в голове, стало очевидно, что уходить нельзя. Я вздохнул и прошёл в центр фигуры, тем самым перешагнув через нерешительность — будь, что будет. И сразу же стало намного легче.

— Давай начнём.

Чародей одобрительно покивал и обошёл меня по кругу за пределами фигуры. Я чувствовал, как от него исходит нечто неосоздаемое — извивающиеся нити тянулись от Дисса к фигуре, и та отзывалась слабым мерцанием. Я и раньше чувствовал волшебство, творящуюся в башне, но впервые оказался так близко к её источнику: от столь ясного ощущения текущей вокруг энергии по коже побежали мурашки. Маг остановился прямо передо мной. В его руках прямо из воздуха соткалось блестящее облако, которое быстро уплотнилось в нечто текучее, непостоянное, как водная гладь. В ней даже что-то отражалось, но что — мог видеть только Дисс.

— Постарайся расслабиться, — сказал он и запустил одному ему ведомый магический механизм.

Линии на полу вспыхнули ярче. Может быть, мне показалось, но в комнате стало прохладно. Грозой запахло сильнее.

Губы Дисса что-то быстро шептали, картинка перед ним менялась, обретая цвет, там мелькали какие-то формы, линии, символы, но я ничего не мог разобрать. Энергии вокруг становилось всё больше, мурашки превратились в покалывание, как при онемении. Действие завораживало; у меня захватило дух, и расслабиться не получалось, несмотря на все старания.

Вокруг меня появилось неровное полупрозрачное поле. По его поверхности то и дело пробегала рябь, из-за чего купол казался живым. Дисса стало почти не видно, но я смог разглядеть его лицо, подсвеченное таинственным магическим облаком: оно выражало лёгкое недоумение.

Из окружности на полу поднялись яркие синие струны, которые закручивались, свиваясь в спирали вокруг меня. При соприкосновении друг с другом или с полем они издавали тонкий хрустальный звон, будто были материальны. Со временем их стало так много, что из-за непрерывного мельтешения я перестал что-либо видеть. Онемение добралось до лёгких, и воздух вдруг стал казаться густым, как кисель. Извне раздался голос Дисса:

— Всё нормально. Расслабься.

У меня закружилась голова, перед глазами всё заплясало и поплыло; я вдруг почувствовал себя не то пронзённым, не то насаженным на магический стержень. Один за другим последовали несколько рвотных позывов — если бы я поужинал, наверняка это было бы зря. Следовало отвлечься на что-то, отвернуться, пока Дисс будет препарировать мои мозги, но разве это возможно — не слышать, как трещит раздираемое на куски сознание?

Лишь совершив над собой невероятное усилие, мне удалось отстраниться от происходящего. Наверное, сказались магические выкрутасы Мага: тошнота тут же пропала, стало тепло и спокойно; казалось, я плыву в молоке или в чём-то сродни ему. Думать не получалось, память тоже отключилась — всё окружающее глубоко вздохнуло и постепенно растаяло в вечном «сейчас».

* * *

...Я тысячи лет плыву через вязкую субстанцию начала всего. Не осознаю себя, но вижу больше, чем просто пространство, стянутое кривой времени. Вокруг выются смутные образы — обрётшие плоть голоса; они говорят со мной на всех возможных языках, поют мне, нежно раскачивая в такт неразборчивым словам.

Один из образов указывает на нить, что берёт начало во мне и теряется в тумане. Мои руки разгоняют пелену, но за ней обнаруживается прозрачная преграда. Там, за этой плёнкой, на другом конце нити виднеется неподвижная фигура. Она мне сильно кого-то напоминает...

Я спрашиваю у парящего рядом образа:

"Кто это? — Уже спросив, я понимаю, что у человека за плёнкой моё лицо. — Мой брат?"

"Нет, — отвечает бесполой голос. — Это тоже ты".

"Он совсем не двигается".

"Для него ещё рано".

Разделяющая меня и меня преграда мутнеет, превращается в глухую стену. Светло-багровая муть продолжает чуть заметно колыхаться вокруг; и вот, передо мной появляется сгусток, похожий на улыбающееся женское лицо.

"Мама?" — повторяющееся движение моих губ.

Ответа нет. Вместо него сгусток делает неуловимое движение и растворяется, оставив после себя лишь кокон, пустую оболочку. Ко мне приходит незнакомое прежде чувство — одиночество, тихое, холодное, безнадёжное; кажется, что меня бросили, оставили навсегда.

Всё моё естество тянется наружу в поисках хоть кого-нибудь, но голоса вдруг взрываются протестующими воплями: "Останься здесь!".

Поздно. Забыв обо всём, о чём и не помнил, я устремляюсь прочь.

* * *

Звук рвущейся ткани превращает голоса в рёв ветра, реальный, как никогда; я мгновенно вспоминаю, что происходит и распахиваю глаза. В уши врезаются грохот, пол дрожит. Вокруг — хаос: ураган искр, взрывы, треск, звон. Грубая сила вздёргивает меня в воздух, начинает кружить и швырять из стороны в сторону. Сквозь какофонию звуков я слышу крик Дисса, но не могу разобрать ни слова.

Удар! Зрение утратило всякую чёткость, перед глазами поплыли цветные круги, а боль во всём теле заставила забыть, где верх, а где — низ. Меня беспорядочно вращает в золотистом коконе и лишь чудом не бьёт о его стенки.

Удар! Сознание на мгновение гаснет, в глазах помутнение: кокон из золотистого вдруг стал тёмно-лиловым.

Удар! Я слышу треск, и мне кажется, что трещат мои кости; вокруг уже летает не менее десятка мерзких зелёных сгустков, что выются надо мной точно хищники.

«Сейчас точно лопну», — пронеслась истеричная мысль.

Я сжался в комок и зажмурился, пытаюсь защититься.

Однако следующий удар оказался в несколько раз сильнее предыдущих — он-то и выбил из меня дух. Всё, что я успел услышать перед тем, как потерять сознание — нарастающий гул взрыва.

* * *

Очнулся я уже в тишине. Относительной, конечно: шумел ветер и поскрипывало где-то поблизости дерево. Меня мутило, болело плечо, голова по-прежнему не соображала, поэтому я не спешил подавать признаки жизни — решил почему-то, что если пошевелюсь, то меня побьют ещё разок.

Потом я услышал неровный стук и узнал в нём топот нескольких пар ног: он всё нарастал, а потом вдруг прекратился где-то совсем рядом.

— Ваше магичество, нужна помощь?

Я открыл глаза. Подо мной оказалась круглая столешница, расколотая пополам, а рядом лежали обломки ножек. Да и вообще, кабинет Дисса было не узнать: всё побито, перевёрнуто, сломано; из мебели уцелел только массивный стол, но и тот лежал на боку. Врывающийся через разбитые окна воздух топорщил страницы разбросанных книг, поднимал пыль и перья. На месте магической фигуры на полу красовался выжженный чёрный круг. Входная дверь отсутствовала, и её нигде не было видно; в пустом проёме замерли не на шутку обеспокоенные бойцы Арджина.

Старый Маг кряхтя выбрался из под оборванной шторы и сел прямо на низкий подоконник. Позади него ветер раскачивал висящую на одной петле ставню. Догорал закат.

— Нет, ничего не нужно. Свободны, — сказал он хриловато, и, видя, что бойцы всё ещё мнутя на месте, нервно добавил: — А ну пошли вон, я сказал!..

Вояки, наступая друг другу на ноги, дружно щеманулись к лестнице. Где-то на ступенях

под их сапогами что-то жалобно скрипнуло. Бьюсь об заклад, что это была та самая недостающая дверь.

— «Ничего сложного», — я, морщась от боли, сел. — «Почти безболезненно». Боюсь даже представить, что в твоём понимании будет болезненно. Четвертование? Купание в раскалённом масле?

— Цел? — игнорируя мой тон, спросил Дисс.

Только сейчас я заметил, что он тоже пострадал: рубаха порвана, щёки ввалились, бровь рассечена. Вместо крови из ранки сочился голубоватый дымок, тянущийся к потолку.

— Ну не то, чтобы совсем, — выдавил я сквозь зубы и указал на его лоб. — А это ещё что такое?

Дисс ощупал ранку, и она тотчас затянулась.

— Это... — чародей замялся. — Подожди минутку.

Он подошёл к дверному проёму, глянул на лестницу, шевельнул пальцами — и дверь встала на место. Затем он сплёл ещё одно заклинание — на уши надавила тишина. Я перестал слышать происходящее на улице и был уверен, что оттуда нас тоже услышать не могли.

— Нам нужно поговорить без посторонних ушей, — пояснил Маг. — То, что ты видел... Я, видишь ли, не человек.

— Эвоно как! — деланно удивился я. — И кто же ты тогда?

— Маг. С большой буквы, — Дисс подошёл ко мне и протянул руку, чтобы помочь встать.

Я, игнорируя его жест, поднялся сам и подошёл к окну. Внизу, прямо во дворе, лежали обломки стеллажа, который ранее стоял в кабинете, а вокруг них толпились обеспокоенные селяне. Они то и дело поглядывали на башню и явно о чём-то спорили.

— Значит, как минимум облик твой ненастоящий, — заключил я. — А если ещё покопаться, может и другое враньё вскрыется, да?

— Я родом из Эфира, — сказал Дисс. — Из энергетического пространства. И сам, естественно, почти полностью состою из чистой энергии. Вряд ли люди смогли бы адекватно меня воспринять в моём истинном виде.

Я промолчал. У меня саднило плечо, разболелась голова, периодически накатывала дурнота, и этого оказалось достаточно, чтобы вызвать нешуточную злость. Меня совершенно не беспокоило, что чародей оказался энергетическим существом, мне просто хотелось его достать, чем угодно. Я доверился ему и теперь чувствовал себя обманутым. Правда, в глубине души я понимал, что не прав, и что если бы чародей хотел мне навредить, нашёл бы способ попроще. Я должен был злиться на Дисса, а получалось, что злился на себя.

Наверное, я тоже добряк.

Маг тем временем нашёл в грудe обломков уцелевшую подушку, кинул к стене, уселся на неё и вздохнул.

— Всё пошло не по плану, — сокрушённо изрёк он.

Я проковылял к перевёрнутому креслу, лишившемуся двух ножек, и собрался в него сесть, но понял, что будет неудобно. Поэтому для начала пришлось отломать оставшиеся, а потом уже садиться. От резких движений по всему телу стреляла боль. Я на это плевать хотел. Раздражение, переходящее в бешенство, пересилило всё остальное.

— Ты вспомнил что-нибудь? — спросил Маг.

— Нет, — отрезал я. — И не говори, что ты тоже ничего не узнал.

— Странно.

Чародей замолчал и задумался, чем окончательно меня выбесил.

— Нет, странно — это что мои конечности не разлетелись по углам! — рывкнул я. — Ты скажешь мне наконец, что произошло, или мне нужно упрашивать тебя это сделать? Я думал, что сдохну в этом коконе!

От такого громкого крика опять стрельнуло в плечо, и меня перекосило. Дисс смотрел на меня исподлобья.

— Это моя вина настолько же, насколько и твоя, — отозвался он. — Всё шло хорошо, пока в энергетическую спираль не вплёлся твой поток. Я попытался всё выровнять, но куда уж там! Дестабилизация была уже необратима, заклинание пошло в разнос. А ведь я только-только добрался до твоего сознания...

— Я никуда не вмешивался, — окрысился я. — Меня вообще усыпило, а когда я проснулся, тут уже хрен знает что творилось! Если что-то куда-то вплелось, то я об этом понятия не имею! Я же даже не знаю как колдовать, забыл?

— А я и не говорю, что ты это сделал умышленно.

— То есть?

Дисс вздохнул, словно ему приходилось разговаривать с непроходимым тупицей.

— Давай по порядку, — сказал он сдержанно. — Я как раз разъял твоё защитное поле. Ты потерял сознание. Следующим шагом было искать узлы воспоминаний, но как только я коснулся твоего естества — души, если хочешь, — твой Дар зашевелился. Если бы у меня было время удивляться, я бы очень удивился, потому что Дар, действующий независимо от своего носителя — это бессмыслица. Полнейшая. Понимаешь, что я хочу сказать?

— Понимаю, что ты хочешь меня запутать.

— Да нет же! — Маг поднялся на ноги и начал прохаживаться взад-вперёд. — Твой Дар — это независимая магическая сущность, наделенная собственным сознанием, которое пробуждается только в определённые моменты. Например, когда кто-то вторгается в ваш симбиоз или угрожает твоей жизни. Вот почему ты так лихо пластал гоблинов, когда тебя нашёл Арджин...

— Мне от этого полегчать должно?

— Нет, и если будешь перебивать, то и не полегчает, — сказал чародей, и я тут же прикусил язык. — Нас из-за этого чуть по стенке не размазало.

— Или по земле, — мне вспомнился стеллаж.

— Своеволие твоего Дара это не единственная странность, — Маг остановился прямо в центре выжженного круга. — Когда заклинание зациклилось, оно хапнуло откуда-то дармовой энергии, да столько, что я окончательно утратил контроль. Чтобы ты понимал масштабы: того, что задействовал я, хватило бы согреть сотню бочек воды, а то, что получилось после, запросто вскипятило бы средних размеров озеро. При рекурсивной самотрансформации такие заклинания могут устроить катаклизм, который на сотню лиг вокруг сотрёт с лица земли любую жизнь. Землетрясение, наводнение или просто магическая катастрофа — это как повезёт.

Я ещё раз огляделся.

— И почему мы живы?

— Потому что я, вопреки твоим скороспелым выводам, не дилетант.

Я промолчал, но сделал лицо «ну и?».

— Нас спас фокус, который я ещё не скоро смогу повторить, — сказал Дисс уже

спокойнее. — В том хаосе ничего нельзя было разобрать. Оставалась надежда, что встряска заставит тебя что-то вспомнить, но...

Чародей замолчал и снова вздохнул — как мне показалось, с совершенно искренней досадой.

Правда была в том, что хоть ничего и не вспомнил, чувствовал я себя явно не так, как раньше. И дело даже не в боли. Очнувшись на сломанном столе, я вдруг понял, что так и должно было случиться. Что раз я чужой этому миру, то вполне логично, если он захочет меня убить. Как будто между нами состоялся короткий диалог: я спросил, что меня ждёт, а мир ответил — без слов, но весьма доходчиво. Не самый приятный ответ, конечно, но для меня и он многое прояснил и расставил по местам.

Стало понятно: мне здесь не рады. Что лучше бы мне выметаться отсюда, а если нет, то буду бит. Маг говорил странные вещи о моём Даре и самотрансформирующихся заклинаниях; я всё это понял по-своему. А именно чем сильнее я дёргаюсь, тем сильнее получаю по шее. Если удача существует, то мне её не видать. Если есть судьба — то мне досталась судьба громоотвода. Так что, сидя среди разрухи в кабинете Дисса, я как бы наблюдал предстоящую жизнь в миниатюре.

Я пару раз наблюдал, как вояки, конюх и кузнец играли в карты. Иногда тот или иной игрок квасил физиономию и сбрасывал свои карты ещё в самом начале игры, а я ещё не понимал: ну почему бы не сыграть с тем, что есть? А теперь отлично понял, почему. До сегодняшнего вечера я держал в руках то, с чем мне предстоит играть, но не заглядывал под рубашку. Пока есть неопределённость, есть и азарт, потому что жива надежда: если карты хорошие, уж как я тогда сыграю! Но вот я заглянул в них... и тут же вздохнул разочарованно: «мда-а-а». Мучительная неопределённость улетучилась, прихватив азарт, и оставила после себя только досаду заведомо проигравшего и паршивое чувство вселенской несправедливости.

«Ну, что ж, — подумал я, успокаиваясь, — с этим уже можно жить».

Почему-то на тот момент мне показалось, что даже это лучше, чем ничего. Как грязная лужа для умирающего от жажды — гадость, но не умирать же над ней. Грустно, правда, что список альтернатив у меня такой куцый.

Я неосознанно потёр саднящее плечо. Чародей это заметил.

— Может, помочь?

— Чем? — вяло отозвался я.

Язвить и скандалить больше не хотелось. В сущности, я перестал понимать, за что и на кого злюсь. Виноват ли был Досс, что втянул меня в авантюру, или я, что согласился — какая разница? Победителей здесь всё равно нет.

Старый Маг подошёл, бегло дотронулся до моего плеча. Я снова ощутил покалывание от применяемой магии; на мгновение меня взял озноб, потом под ключицей тихо щёлкнуло, и ноющая боль пошла на убыль. Я даже откинулся на спинку кресла от облегчения.

— Что теперь? — спросил я.

Досс прошёлся по комнате, остановился рядом с самой большой кучей мусора, в который превратилась утварь. Наклонился, добыл из-под обломков стеклянную сферу. Я тотчас узнал вещицу: именно она была при мне, когда я очнулся в лесу.

— Повторять процедуру извлечения памяти слишком опасно, — сказал он, взглядываясь в туман внутри шара. — А других способов ускорить процесс я не знаю.

Чародей отложил сферу в сторону и начал неторопливо разгребать бардак. Подобрал

одну книгу — положил к стенке, подобрал другую, пострадавшую, покачал сокрушённо головой, отложил в сторону. Собрал металлические части разбитого прибора, сгрёб в кучку, щепки и стеклянные осколки мановением руки отправил в угол. Поднял с пола бесформенный корень, выпавший из разбитого сосуда и, подумав, выкинул в окно.

— Значит, возвращаемся к варианту, где я становлюсь твоим помощником? — спросил я через паузу.

— Если ты не передумал.

Я поднялся, покрутился торсом туда-сюда. Ничего не болело. «Может, не так уж это и плохо», — хмыкнув, подумал я. Но для начала всё же решил кое-что уточнить.

— Не обижайся, но есть ли возможность, что кто-то другой сможет выяснить, что со мной не так? Кто-то более... сведущий?

— Сведущий? — Дисс посмеялся. — Это вряд ли. Да, в мире много чародеев, и многие из них даже талантливы, но чтобы они были более сведущими, чем я — нет, мне о таких не известно.

— Хочешь сказать, что ты лучший в мире чародей? — мой голос наполнился скепсисом.

— Эй, я же даже не человек, забыл? — Маг посмотрел на меня снизу вверх. — Эфир мне как дом родной. Люди учатся магии десятилетиями, иногда веками, а для меня колдовать это так же естественно, как для вас — дышать.

— Ладно, а что если это будет не чародей?

— А кто тогда?

— Откуда мне знать? Сам мне скажи — кто может в этом разбираться?

— Гипотетически? — Маг задумался. — Есть духи абсолютного знания. Нам их не найти, об этом даже думать нечего.

— Почему?

— Потому что они знают всё, в том числе как спрятаться от всех на свете.

— Ладно, а ещё?

Дисс покончил с первой кучей хлама и переместился к следующей.

— Да много всяких существей. Всякие боги, например. Но поговорить с ними тебе, опять же, не удастся. Божественная мощь, знаешь ли, она не для того, чтобы разговоры вести. К тому же у богов всегда скверный характер и весьма странные представления о том, как всё должно быть. Даже если доберёшься до них и сможешь вызвать на диалог, получишь всё, что угодно, только не ответы на свои вопросы. К тому же они не всезнающие, так что...

— Так, — терпеливо кивнул я. — А кто-то поумнее богов есть?

— Творец есть, — сказал Дисс, которому явно надоела эта тема. — Он точно знает всё, что происходит в его Творении. Ну и, конечно, Хранители — если только они не исчезли.

— Хранители?

— Светочи. Бесконечные источники энергии, из которых сотворена Вселенная. Они — сырьё для мироздания и они же — его щит от безбрежного хаоса, что лежит по ту сторону Творения. Во всяком случае, так гласит легенда. А ещё есть легенда про то, как во время столкновения с хаосом все Светочи исчезли. Так что ты, конечно, можешь попытаться до них добраться, но я бы не стал тратить время, — Маг помолчал и пояснил: — Да нет им дела до нас, понимаешь? И богам нет, никому нет дела. Ты для начала попробуй найти хоть одного равнодушного человека, а потом уже думай о великих всезнающих надмировых существах.

— А другие Маги есть? — спросил я скорее из праздного любопытства, чем в надежде

на что-то.

— Такие, как я? — чародей взмахнул рукой, и его рабочий стол с грохотом встал на ножки. — Не в этом мире. Может, где-то очень далеко. И они, как правило, не покидают Эфир.

Мы постояли молча друг напротив друга, раздумывая каждый о своём. Наконец Дисс нарушил тишину:

— Выбор у тебя сейчас простой: остаться здесь или уйти. Как я уже сказал, во втором случае держать не стану. Но из поля зрения не выпущу. — Я удивлённо вскинул брови, и Маг добавил с усмешкой: — Неужели ты думаешь, что после сегодняшнего я брошу попытки докопаться до правды? Если бы всё прошло гладко, я бы, может, так и поступил, но только не теперь.

— То есть если я останусь, то буду кем-то вроде подопытного?

— Крайне неудачное слово, — поморщился чародей. — Я, конечно, безумный учёный, но не настолько, чтобы пристёгивать тебя к столу и ставить опыты. Да и опасно это, — он красноречиво обвёл комнату взглядом. — Скорее я буду внимательно за тобой наблюдать и делать чисто логические заключения. Это называется пассивным изучением.

Я снова подошёл к окну. Там уже сгущались сумерки, воздух свежел и холодными струями забирался под рубашку. Разбитый стеллаж уже собрали и унесли, на мостовой остались только умирающие тени. На смотровой башне скучал дозорный. Жители замка заканчивали дела на улице и возвращались в жилое крыло. Вот-вот должны были запереть ворота — как и в любой день, независимо ни от чего.

Глядя вниз, я подумал, что уже привык — к людям, к месту, к порядкам — и мне, в общем-то, хорошо в Квисленде. Где-то, наверное, мне бы понравилось больше, но потому ведь и говорят, что лучшее — враг хорошего. И если уходить, то куда? Что искать? Не имея гроша за душой, без малейшего понятия о мире — как жить? Словно нырять в омут, не умея плавать. Дисс, бесспорно, поступал великодушно, предоставляя мне выбор, но он должен был даже лучше меня понимать, что на самом деле никакого выбора тут нет. Если я решу уйти с нагретого места в неизвестность, это будет лучшим способом оправдать прозвище «дурачок».

— У меня только одно условие, — сказал Маг. — Если решишь остаться, ты должен будешь слушать, что я говорю. И воспринимать это со всей серьёзностью.

— Странно было бы с моей стороны не воспринимать всерьёз хозяина замка, — я повернулся к нему. — Твой дом — твои правила.

Дисс покивал.

— Я правильно понял — ты остаёшься?

— Конечно, остаюсь, — я пожал плечами. — По крайней мере, пока.

— Разумная оговорка, — одобрил Маг. — Ожидаемая.

— Есть только одна проблема, — я отвёл глаза. — Так как я ничего не вспомнил...

— Имя? — усмехнулся чародей. — Не нравится, как тебя кличут мои подданные?

— Я могу ошибаться, но «эй», «болезный» или «чудик» вряд ли тянут на имя. Да и остальное тоже.

— А как насчёт «Энормис»? — выдал Дисс. — Я бы назвал тебя именно так.

— Энормис... — я покатал слово на языке. — Энормис... Не слишком-то звучное.

Маг осмотрел меня с ног до головы, вздохнул и, уже поворачиваясь к выходу, пробормотал:

— Зато само за себя говорящее.

Глава 2. Неприкаянные

— Ну, дружище, за твой значок! — провозгласил Арджин.

Стук кружек, несколько шумных глотков, удар доньшками об столешницу.

— Кхе, хорошее пойло, — крикнул разведчик, утирая усы.

— По-моему, всё же кислит, — отметил я.

Мой приятель достал любимую трубку и кiset.

— Лучшего ты здесь всё равно не найдёшь. И так самое дорогое.

Я огляделся и мысленно согласился. Чистые столы и удобные стулья — ещё не гарантия наличия погребка с хорошим вином. Зато недалеко от замка.

Арджин не торопясь набил трубку. Над столом поплыл терпкий запах табака.

— Мастером стал, — он покачал головой. — Я, знаешь ли, лет с десяти держу в руках меч. Регулярно тренируюсь. Служил в королевской разведке, а ведь туда кого попало не берут... Уже двенадцать лет сам тренирую солдат. Но чтобы мастером...

Вояка затаился, подняв брови. В его голосе мне послышалась некая толика зависти, но я не стал заострять на этом внимание. Арджин и сам понимал, что просто тренировок для достижения мастерства недостаточно. С одной стороны, он воспринимал моё упорство как одержимость, но с другой жалел, что ему самому упорства до значка мастера не хватило.

— Хотя знаешь, — продолжил мой товарищ, наполняя наши кружки, — с другой стороны меня это мало удивляет. Я знаю тебя, пожалуй, лучше всех. Мы ведь знакомы с первого твоего дня здесь, а? Так вот при всём при этом я все ещё не могу понять, кто ты на самом деле такой.

— Этого я и сам не могу, — сдержанно улыбнулся я, оглядываясь по сторонам в поисках кухарки. Заказанная нами баранина явно задерживалась.

— И это за восемь лет! — с нажимом сказал Арджин. — Крепкий же ты орешек.

— Тебя что-то беспокоит?

— Не то, чтобы беспокоит, — разведчик поморщился. — Скорее удивляет. Мы ведь так и не выяснили, откуда ты взялся. И может быть поэтому, мне кажется... Ну, мне-то не приходится жаловаться, но вот кое-кто говорит, что норовом ты в Старого Мага. Такой же несгибаемый и противный, — он усмехнулся. — Ты не подумай, меня всё устраивает. Но что-то в тебе не то.

Он замолчал, видимо, задумавшись.

— И сказал ты это, к тому, что?.. — подсказал я.

— За тебя! — Арджин поднял кружку.

Мы снова выпили. Хмель лёгкими волнами уже раскачивал мысли, глаза медленнее ловили фокус, а язык постепенно превращался в деревянную ложку.

За окнами трактира постепенно угасал день, поэтому внутри царил приятный полумрак, разгоняемый лишь несколькими лампами да очагом, рядом с которым и стоял наш с Арджином столик. Уютно потрескивали горящие дрова, а тепло от бьющегося за железной решёткой огня нагревало одежду с одной стороны, навевая благодатную сонливость.

Людей в таверне собралось порядочно, но не слишком. Неделю назад народ отгулял проводы зимы, так что сейчас активно шла подготовка к посевной. Пустовал лишь один столик, но никто не выкрикивал тосты, не хохотал и не буянил — посетители пришли поесть

и ели, вполголоса обсуждая последние новости. Лишь в одном из углов молчаливо накачивалась элем хмурая потрёпанная компания, то и дело косо поглядывая на нас с Арджином, но мы не отвечали им взаимностью.

— Право слово, я рад, что мы друзья, — признался мне разведчик, раскуривая трубку.

Я улыбнулся и подумал, что ещё немного, и он затынет свою старую песню — начнёт мне расписывать, какой я отличный мужик, и какой настоящий человек, и как мало на свете достойных людей. Так всегда бывало, когда мой приятель выпивал лишнего. Мне не особо нравились подобные пьяные бредни, так что я поспешил сменить тему:

— Меня тут пригласили на свадьбу графа Тирхенса...

— Как так?! — удивился Арджин, тут же забыв обо всех тёплых словах, что собирался обрушить на меня. — Ты же несколько месяцев назад прилюдно опозорил его на дуэли? Или... О!

Нам наконец принесли заказанные рёбрышки, но мой друг обрадовался так, будто подали целого барана, и снова забыл, что хотел сказать.

— Боюсь, пригласить меня его вынудила старая графиня, — с ухмылкой ответил я, отрывая себе кусочек мяса. — На прошлом балу мы приятно поговорили, и она долго восхищалась моей образованностью и глубиной суждений. Правда, смотрела на меня скорее плотоядно, — задумчиво добавил я.

— Это уже после того, как этот болван вызвал тебя на дуэль? — Арджин набил рот, из-за чего фраза получилась почти нераспознаваемой.

— После.

— Ну не идиот ли? Да он тебе до конца жизни должен быть благодарен только за то, что ты его на фарш не пустил, хотя имел полное право! Я только под конец подошёл, но с удовольствием понаблюдал, как он убегал от тебя, одной рукой сжимая обломок шпаги, а другой придерживая штаны, — разведчик улыбнулся.

— Я немного... перегнул палку. В том случае скорее неправ был я, чем он.

— Да ладно! Так что же там произошло?

— Господин Тирхенс решил, что я оскорбил честь его будущей супруги.

Арджин, как раз наполняющий наши кружки, хрюкнул от смеха и пролил немного вина.

— Он был так взбешён, что потребовал с меня удовлетворения немедленно. И когда я поинтересовался об условиях, он был настолько уверен в себе, что позволил мне выбрать любое оружие. «Всё равно моя шпага вспорет вам брюхо, милорд!»

Мой приятель захохотал в голос. Его крайне забавляли подобные рассказы. Подозреваю, что большей частью потому, что сам он был человеком простым и на дух не переносил расфуфыренную знать, едущую исключительно серебряными приборами и пьющую из бокалов редкого гномьего хрусталя, но при этом нажирающуюся до поросячьего визга точно братия грузчиков из ремесленного квартала.

— И когда я выбрал меч, он искренне удивился.

— Ха-ха! Ещё бы! Он, небось, понятия не имел, с кем имеет дело!

— Фехтовальщик из милорда Тирхенса, откровенно говоря, неважный, благодаря чему мне и удалось уберечь свои внутренности на их местах, — я поднял кружку, и мы ещё раз выпили.

Снаружи окончательно стемнело, народ стал постепенно разбредаться по домам, а мы всё сидели. Это было то единственное, по чему я иногда начинал скучать. Друг, тепло горящего камина, вкусная еда, выпивка и непринуждённый разговор. Только в таких

условиях я мог расслабиться и забыть все свои заморочки.

— Так всё-таки, почему он решил, что ты оскорбил честь его дамы?

Я кашлянул в кулак и отвернулся, вспоминая события того дня. Не хотелось распространяться об этом деле, но разведчик слишком хорошо меня знал. Он уже всё понял по моему лицу.

— Так, давай, рассказывай, — он скрестил руки на груди и уставился на меня одним из тех взглядов, которые как бы говорят: «лучше расскажи по-хорошему, я всё равно из тебя это вытрясу».

Я вздохнул:

— Мы с ней познакомились за несколько дней до дуэли...

Арджин снова захохотал.

— ... на балу в честь заключения сделки между торговой гильдией Кериста и танами срединного Прибрежья. Сделка сулила такие прибыли, что купцы разорились на торжественный пир для новых партнёров, чтобы выказать свои доброжелательность и почтение. Ну, лизнуть задницу. Мой приятель Алонсо — ты должен его помнить, — как почётный член гильдии, разумеется, был приглашён. Я зашёл к нему в тот день, просто чтобы узнать, как поживает этот невероятно обаятельный мешок с деньгами, и застал его за сборами. Он позвал меня с собой. Я согласился.

— Ха, когда ж ты отказывался, — хохотнул мой приятель. — Так с ней-то ты как встретился?

Он снова наполнил кружки. В голове уже изрядно шумело, и пить дальше не очень-то хотелось, но бросать товарища наедине с полупустым кувшином я не собирался. «Придётся прогуляться на свежем воздухе, проветрить голову», — подумал я и продолжил рассказ:

— Взял и встретился. Она сидела одна одинёшенька за столом, пока все танцевали, но и отшивала всех кавалеров. Не знаю, где болтался этот горделивый прыщ. Будь он рядом с ней, дуэли бы не было. А так смотрю — такая девица грустит! Ну и сел рядом. Она думала, я, как и все, клеиться стану. Боковым зрением вижу — замерла, смотрит на меня, ждёт, когда начну. А я всё сижу, выпиваю не торопясь, улыбаюсь, смотрю по сторонам, на неё — ноль внимания. Просидели так несколько минут, прежде чем она не выдержала и первая заговорила.

Я отхлебнул из кружки, чтобы собраться с мыслями и перевести дух. Арджин терпеливо ждал продолжения.

— Мы быстро нашли общий язык. Я выяснил, что зовут её Таммита, и что она — дочь одного из богатейших керистских купцов, которую по расчёту выдают за графа Тирхенса. История банальная — Тирхенсы сильно поиздержались за последние годы, появились неприятные долги, а её родителям требовались государственные льготы и благородная фамилия. Её отец уже лет десять искал подходящую партию дочурке, но кандидаты оказывались то недостаточно богатыми, то недостаточно именитыми, и несчастная оставалась в девках. А тут он случайно познакомился с мамашей-графиней. Вот они и договорились, женим-ка детей. Ну, милорд Орвальд Тирхенс был весьма не против такого брака — девица красива и воспитана, двадцать два года — ещё не слишком стара, не говоря уже о приданом. А вот ей выходить замуж за плюгавого девственника, который вдобавок ей в отцы годился, было как-то совсем не с руки.

— Могу представить! — хохотнул Арджин. — Стареть рядом с разодетым поленом и ждать, когда же он уже скопытится. Девке мужик нужен! Мужик, а не тварь бесхребетная!

— Тут ты прав как никогда, — я вздохнул. — Девица оказалась очень темпераментная. Пока мы говорили, она так решительно напивалась, что даже мне стало не по себе. Раскраснелась, глаза заблестели. И с такой ненавистью она говорила про своего жениха и всю его семейку, что, казалось, вот-вот подскочит, найдёт суженного и последние волосёнки ему вырвет. А потом вдруг как схватит меня за руку, как зашипит, аки рассерженная кошка: «Пойдём!», и тащит меня наверх.

Арджин снова заржал, на этот раз так сильно, что едва не свалился со стула. Пытаясь отдышаться, выдавил из себя:

— А ты такой вроде и ни при чём, пошёл. Честь оскорблять! — И он снова зашёлся в хохоте.

— Вроде того, — я поёжился. — Спускаться оттуда мне пришлось через сад, потому что, уже одеваясь, я услышал, как верещит и топочет этот болван на подходе к двери. Кто-то, видимо, заметил, как мы с ней удалялись в спальню, и когда он её хватился, ему по доброте душевной рассказали, что был тут этот бродяга из Квисленда, и ушли они с госпожой вон туда. Я сижу и думаю — всё, вляпался. Но Тамми тоже слышала, и соображала она быстрее меня. Мимолётно чмокнула меня, зачем-то вlepила пощёчину и вытолкала на балкон — будто так и надо. Я как раз шёл по карнизу в сторону ближайшего дерева (между прочим, проклиная всё на свете, потому что карниз был высокий и скользкий), когда услышал, как граф ворвался в комнату и они оба начали орать. Да и как иначе, ведь зайдя он на пять минут раньше, застал бы нас с ней в интереснейшей позиции.

К концу рассказа мой приятель лежал на столе и беззвучно дёргался, силясь вдохнуть через смех. Я налил нам ещё вина и выпил первым. Никогда не понимал, что его смешит в подобных историях, но хорошо, что хоть кому-то от них весело.

— С тобой помереть можно, — вытирая выступившие слезы, проговорил Арджин, а потом вдруг посерьёзней и без тени улыбки спросил: — Не жалеешь?

Я помолчал и, улыбнувшись, пожал плечами:

— Не о чем тут жалеть.

И правда, не жалел.

Мы замолчали, задумавшись каждый о своём.

— Странный ты всё-таки, — Арджин опустошил свою кружку и занюхал куском хлеба. — Знаешь же, что кое-какие деяния лучше оставить другим. Что не станет тебе от них лучше. И всё равно делаешь!

— А мне вообще-то стало лучше. Ровно до того момента, как я оказался на карнизе.

— Вот именно.

— Арджин, прекращай, — я улыбнулся и хлопнул приятеля по плечу. — За меня переживать не надо. И понимать все мои поступки тоже не обязательно. Я живу как умею.

— Так и напрашиваешься, чтобы тебя научили жить, да? — взгляд Арджина можно было бы назвать угрожающим, если бы не полуприкрытые от опьянения веки.

— Напрашиваешься в учителя? — усмехнулся я. — Смотри, у меня уже есть парочка. Хочешь быть похожим на них?

— Бр-р-р-р-р! — разведчик так сильно помотал головой, что я стал переживать за его шею. — Нет уж, увольте. Я лучше буду просто с тобой пить.

— Звучит как тост!

И мы снова выпили.

Из таверны мы вывалились примерно за час до полуночи, когда сам хозяин уже мирно посапывал, прикорнув на стуле у очага. Оба пьяные, отдохнувшие и весёлые. Ночь выдалась прохладной, окна трактира запотели, дорожная грязь затвердела, но ни я, ни тем более мой изрядно напившийся друг холода не чувствовали.

— Ну... ик!.. что? — спросил Арджин, с трудом переставляя ноги. — Ты в замок?

Мы вышли к конюшне, где стояли наши скакуны. Пока мы сидели за столом, прислуга квислендского трактира успела расчесать и накормить животных. Что ни говори, а порядок на подконтрольных территориях Дисс наводить умел. Не знаю, когда Старый Маг успевал следить за хозяйственными делами, учитывая его чрезвычайно насыщенное расписание. Иногда я всерьёз подозревал, что он вообще не спит. По крайней мере, за все восемь лет жизни в замке мне ни разу так и не удалось застать его спящим.

— Не сегодня. Я собирался заехать к Алонсо.

— Ты сорб... собор... со-би-ра-ешь-ся... ик!.. прям щас туда ехать? — разведчик воззрился на меня мутным взглядом.

— Переночую в корчме Глубокого Ручья. Прогуляюсь перед сном... — протянул я, выводя коней.

— Ну, как знаешь, — тут же расслабился мой приятель, хватаясь за поводья своего буланого. — А я — в замок.

Разведчик бегло проверил подпругу, икнул, остановился, стараясь поймать равновесие, и прыгнул в седло. Его занесло, но Арджин успел ухватиться за луку, от чего коняга по инерции сделал шаг вбок и недовольно фыркнул. С трудом выровнявшись в седле, мой приятель долго целился второй ногой в стремя, и попал в него, наверное, только с десятой попытки.

Я с интересом наблюдал за его мучениями и мысленно прикидывал, доедет Арджин на этот раз до замка верхом, или они с конём добредут туда по отдельности к утру. Впрочем, ехать было всего полверсты, поэтому я понадеялся, что столько он продержится в вертикальном положении.

— Всё, шёл, — он пришпорил буланого, махнул мне рукой, издав совсем уж неразборчивое «Двстрчи!», и скрылся в темноте.

Я покачал головой, вслушиваясь в удаляющийся стук копыт. Главное, чтобы он не решил доскакать до пункта назначения побыстрее. Тише едешь, дальше будешь — как раз про этот случай. Уж слишком его развезло. Пили мы наравне, но курящий Арджин, будучи вдобавок меньше меня по габаритам, хмелел значительно быстрее.

До Глубокого Ручья оставалось около часа езды, так что нужно было выдвигаться, чтобы не терять времени. Я в свою очередь прыгнул в седло и меня тоже занесло. Это была моя нелюбимая часть опьянения: когда привыкаешь, что твои движения отточены до волоска, такое состояние доставляет ощутимый дискомфорт.

Не успевший набрать длительности апрельский день давно спал, его огненное сердце скрылось за горизонтом, отдав Нирион в объятия прохладной весенней ночи. Воздух стал тих и свеж; несмотря на полное отсутствие ветра дышалось легко и свободно. Ещё голые деревья медленно выходили из спячки, терпеливо ожидая настоящего тепла, а запахи юной весны уже начинали кружить голову после сухой, седой старухи-зимы.

Подстёгнутый каблуками жеребец дёрнулся и рысью пошёл по дороге на восток. В лицо

пахнуло холодным воздухом, и я втянул голову в плечи, запахиваясь поглубже. Не следовало так рано скидывать плащ с тёплой подбойкой, ну да ладно. В ту ночь, когда я появился здесь, было значительно холоднее, а на мне оказались только жалкие лохмотья, и ничего, до утра проспал и не околел.

Я усмехнулся воспоминаниям.

Дисс оказался отличным наставником. Я проникся к нему уважением, когда впервые всерьёз напортачил — по собственной инициативе решил поупражняться в магии, хотя был к этому совершенно не готов. Моё «заклинание» размягло каменную опору, из-за чего в кухне обрушился потолок, в блин расплющив клетку с белым хомяком, любимцем нашего повара. Повар очень разозлился. Глядя в его налившиеся кровью глаза, я почти видел, как вылавливаю крысиные хвосты из своего супа. Дисс явился только через полчаса, одетый в ночнушку и тапочки. Он равнодушно осмотрел повреждения и задал всего один вопрос: «Урок усвоил?» И, получив утвердительный кивок, молча ушёл. Самое удивительное, что повар на следующий день полностью оправился от потери и без колебаний принял мои извинения. Никаких последствий я тоже не ощутил. Не знаю, что произошло на самом деле, но уверен — без Дисса не обошлось.

И так было во всём: на мои неудачи Маг реагировал спокойно, не отчитывал, не призывал к дисциплине, только спрашивал: «Ну, получится в другой раз. Может, отдохнёшь?» — но после этих слов я враз чувствовал себя полным дерьмом и из кожи вон лез, чтобы сделать что нужно и как нужно. Это казалось невозможным, но старый чародей умудрялся контролировать каждую мелочь, не прилагая никаких усилий. Он словно мог подчинять чужие умы — и иногда я всерьёз начинал думать, что это правда.

Через две недели просиживания штанов в библиотеке мне захотелось чего-то более подвижного и менее скучного. Мне всегда нравилось наблюдать за тренировками бойцов Арджина, и я решил, что воинское умение — как раз то, чего не хватает в моей жизни. С одной лишь оговоркой: мне хотелось научиться драться мастерски. Поговорил об этом с Диссом; тот пожал плечами и сказал, что напишет кому нужно. С тех пор я раз и навсегда уяснил, что следует тщательнее обдумывать желания, прежде чем их озвучивать.

Мастер Току приехал через месяц и сразу вызвал у меня недоверие. Он был мал ростом, тщедушен, лыс и выглядел на пятьдесят с хвостиком. Оказалось, что ему на тот момент было под семьдесят, но это не главное. Главное — взгляд. Иногда мне казалось, что старик может вколачивать им гвозди. И, в отличие от Дисса, мастер Току вовсе не пренебрегал простейшими воспитательными элементами, такими как ор, уязвляющие гордость комментарии и рукоприкладство. Несмотря на скромные габариты и преклонный возраст, он лупил меня, как семилетнего мальчишку. На глазах у всех замковых зевак.

Поначалу каждый мой день напоминал пытку. Подъём с рассветом, завтрак и сразу же изматывающие физические упражнения во дворе. Току говорил, что прежде чем браться за меч, нужно быть уверенным, что сможешь его удержать, поэтому ещё до полудня сгонял с меня семь потов. Свой обед я ел с трудом, потому что пальцы не сжимались, шея не гнулась, а желудок не хотел принимать пищу. После получасовой передышки я брёл в библиотеку, на великую битву с легионом трактатов по магическим наукам и неодолимым сном. Мне везло, если сам Дисс не сидел рядом — тогда я мог, по крайней мере, поглядывать в окно и наблюдать за рутинной обитателей замка. Это тянулось до вечера, после чего я шёл в тренировочный зал и под чутким наблюдением Току отрабатывал боевые движения. Мастер заставлял меня повторять одно и то же до тех пор, пока результат его не устроит — а для

этого порой требовались тысячи повторений. Перед заходом солнца я заталкивал в себя ужин и снова плёлся к Диссу, на этот раз в кабинет. Там он проверял мою дневную работу, читал лекции и наглядно показывал разные заклинания. К концу этого урока мои глаза съезжались в кучу, а сил не оставалось даже на зевоту. Добравшись до постели, я падал без чувств. Одни Боги знают, как я продержался всё то время. Наверное, всему виной моя непобедимая гордость.

Но прошло несколько месяцев, и стало полегче. Обучение начало приносить плоды. Я стал легко просыпаться, научился рассчитывать силы, подружился с науками. Току выставил меня на поединок с одним из молодцев Арджина, и я одолел того сходу. Дисс, наконец, стал разбавлять теорию практикой, и выяснилось, что магия — это не так уж скучно. Вдохновлённый успехами и одобрением наставников, я так увлёкся обучением, что почти два года больше ничем не интересовался. Хотя, если говорить откровенно, времени у меня ни что больше и не было.

Всё изменилось, когда к нам в глушь заглянули столичные чародеи из Меритари — это самый большой в Нирионе орден чародеев. Только увидев их, я понял, что ничегошеньки не знаю о мире, в котором живу — прочтённые книжки по истории не в счёт. Тогда ко мне и пришла впервые мысль, что неплохо бы и свет посмотреть, и себя показать.

Время шло, и однообразные квислендские пейзажи приедались всё больше. На четвёртый год проживания в замке я начал чуть слышно подвывать от скуки. Обучение у мастера Току несколько замедлилось, Дисс стал чаще отлучаться по делам, иногда неделями пропадая неизвестно где. У меня появилось намного больше свободного времени, которое я не знал, куда девать, а потому бессовестно дрых и маялся дурью. Благодаря этому и началась наша с Арджином дружба.

Однажды зимой я сидел на сторожевой башне и развлекался, бросая снежки во флюгер на крыше другой башни. Та стояла достаточно далеко, дул ветер, поэтому я, чтобы упростить себе задачу, промораживал каждый снежок до состояния ледяного шара. За этим не слишком интеллектуальным занятием и застал меня Арджин. Он поднялся, чтобы выяснить, что за бес атакует амбарную пристройку, из-за чего пострадали уже два окна, пять горшков с маслом и темечко конюха, случайно оказавшегося в зоне поражения. Я уныло извинился за это безобразие и клятвенно пообещал больше так не делать. Арджин понял меня без слов. Он усмехнулся в усы, сочувственно на меня посмотрел и предложил выпить в ближайшей таверне. Я не заставил его переспрашивать.

С тех пор мы навещали в ту таверну раз или два в месяц, и сегодня был как раз один из таких дней.

...В отдалении забрежал пёс, и почти сразу пахнуло печным дымом.

Вот так. Задумался и не заметил, как почти доехал до Глубокого Ручья.

Да, первые несколько лет я был тем ещё затворником. Зато потом!

Прилежание сменилось остервенелыми попытками наверстать упущенное время. Окрестные города и деревни, находящиеся не дальше, чем в дне пути от Квисленда, я объехал за полтора месяца. Поначалу только смотрел и слушал, привыкал к людям и обстановке, вникал в происходящее, но роль наблюдателя мне быстро наскучила.

Первая же попытка завести новые знакомства закончилась дракой в трактире, а потом и сточной канавой, в которую меня, оглушённого, выкинули. Я учёл ошибки, сделал выводы, через три дня вернулся и взял реванш. Как ни странно, вбивая кулаки в тела трёх забияк, которые уязвили мою гордость в прошлый раз, я впервые почувствовал себя своим в этом

насквозь чужом мире. И ощущение это было непередаваемым.

К сожалению, в процессе мы разгромили полтрактира, и понёсший убытки хозяин кликнул стражу. Так я познакомился с ямой — ведь заплатить штраф и возместить стоимость разгромленной утвари не смог. Усвоил ли я урок? Безусловно. Но не сразу.

Дисс неведомым образом узнал о моих похождениях и на следующем же занятии потребовал объяснений. Их не нашлось. Тогда Старый Маг с прищуром заглянул в самую мою душу, усмехнулся и сказал: «Делай, что хочешь, только держи в тайне свой Дар. Ради твоей же безопасности». Он и представить не мог, как сильно недооценивает фразу «Делай, что хочешь».

Я начал искать способы заработать — и раз магией пользоваться было нельзя, пригодилось умение махать мечом. Я нанимался в охрану, участвовал в подставных боях, записывался в различные воинские турниры — брался почти за всё. В итоге за мной закрепилась репутация драчливого и не особо умного наёмника. Несколько раз мне пытались заказать убийство, но я всякий раз корчил дурака и отказывался.

Чуть погодя ко мне подкатили вербовщики местной гильдии убийц. Несмотря на то, что отказ мой был очень вежливым, они очень обиделись и решили попробовать меня на зуб. Наверное, гильдия хотела проучить зарвавшегося громилу, но у них не вышло — подосланного головореза я прибил. Вслед за этим последовало ещё два покушения, с более кровавыми исходами. При последнем мне даже пришлось применить магию, невзирая на риск засветиться перед посторонними. Видя, что отношения с гильдией переросли в серьёзный конфликт, я решил посоветоваться с Диссом. Тот взбесился, но дело уладил — отправил письмо в Керист, после чего нападения и впрямь прекратились.

Стало очевидно, что мне следует быть осторожнее, поэтому я решил сменить род деятельности — и нанялся в Службу Чистильщиков. Платили там хорошо, и в то же время риск обзавестись новыми врагами сводился к минимуму. Да, работёнка у них грязная и рискованная — тут тебе и всяческие развалины, и кладбища, и ямы с отходами, но особой брезгливостью я не отличался, так что решил попробовать.

Во время первой же вылазки химера исхитрилась и плюнула в лицо приставленному ко мне опытному чистильщику. Напарник закричал, упал в грязь, и, пока я пытался сладить с мутантом без помощи магии, умер — кислота выжгла ему половину головы, оголив череп. Я заметил это, только когда всё-таки одолел химеру. И долго потом смотрел, как она в агонии хлещет щупальцами, как размахивает уродливой клешней в слепой попытке убить ещё хоть кого-то. Стоял без движения, пока тварь не издохла. Мой напарник, которого я знал меньше суток, глядел на меня пустыми глазницами, а его чудом уцелевшие губы пожелтели и искривились, словно в злой усмешке: «Сегодня я, завтра — ты». Я поджёг логово чудовища, вынес тело чистильщика наружу и сжёг его тоже. Отдельно. Не знаю, почему.

Одно я понял в ту ночь наверняка — что по-прежнему бессмысленно трачу время. Что занимаюсь, в сущности, ерундой. Что я до сих пор бесконечно далёк от мира, которым окружён со всех сторон. И всю мою беспешачность как ветром сдуло.

Когда дурман азарта немного рассеялся, я снова сосредоточился на обучении — но теперь намного более осознанно и целенаправленно. Да, я по-прежнему выезжал на прогулки, подрабатывал и напивался с Арджином, но уже без куража. Именно сдержанность и размеренность позволили мне, в конце концов, отшлифовать свои навыки, одолеть мастера Току и получить долгожданный знак мастерства. Кажется, в тот день он впервые был мной по-настоящему доволен.

Это случилось десять дней назад. А вчера Току уехал. Остался лишь Дисс, но и его наука теперь даётся мне почти легко. Не могу сказать, что это так уж интересно — наверное, я просто привык учиться. Жизнь стала плавной и размеренной, в чём-то даже совсем обычной, временами скучной — я сам сделал её такой. Иногда мне это даже нравилось.

Когда впереди замелькали привратные факелы трактира, хмель из головы уже окончательно выветрился. Стало клонить в сон. Я поёжился и блаженно улыбнулся в предвкушении ужина, тихого полупустого зала и тёплой постели. Хозяин трактира никогда не отказывал тем, кто платит полновесным королевским золотом. Думаю, он немного меня побаивался, хотя повода для этого я ни разу не давал. Наверное, загвоздка в том, что я всегда неразговорчив и вооружён.

Постоялый двор находился с правой стороны дороги, с левой же, прямо напротив него, расположилась ветхая церквушка постройки времён позапрошлой войны с Дембри. Как и все остальные, входом на восток. Крыша просела и покосилась, стены искривились, дверь не закрывалась до конца, но местному священнику каким-то образом всё же удавалось поддерживать здание в собранном состоянии. Я не особо почитал богов Святой Церкви, но к этому их служителю проникся уважением. Вера и аскетизм, наверное, все же чего-то стоят.

Я почти подъехал к воротам трактира, когда до меня донёлся странный звук. Пришлось остановить коня, чтобы расслышать. Оказалось, мой слух уловил детский рёв и пьяные мужицкие выкрики из маленького домика, прислонившегося к постоялому двору правым боком. На секунду мне даже показалось, что откуда-то неподалёку слышится приглушенный женский плач.

Какое-то время я стоял, прислушиваясь. Вся деревня спала, свет горел лишь в этом доме да в корчме. Среди приглушенных криков женщины раздался звук разлетающейся вдребезги посуды. Я хмыкнул и тронул коня дальше по улице. Не иначе, очередная семейная разборка.

Несмотря на позднее время ворота трактира стояли открытыми — значит, внутри ещё сидят посетители. И хотя порядочным работягам давно пора спать, ничего удивительного: из всей округи только здесь подают приличную выпивку по неприлично низкой цене, поэтому сюда стекаются не только местные, но и мужики со всех окрестных выселков. Частенько здесь случаются и пьяные драки, которые заканчиваются тем, что трое здоровенных сынков трактирщика хватают за шкуру всех «буйных» посетителей и вышвыривают вон из «приличного заведения», по выражению самого хозяина.

Стоило мне спешиться, как откуда-то из темноты выскочил взъерошенный мальчишка-конюх, звонко выпаливший:

— Дяденька, дай монетку! — спросонья один глаз у него открылся только наполовину.

Я знал, что за медный грош этот паренёк и расчешет коня, и овса раздобудет, поэтому заранее приготовил несколько медяков, которые сейчас быстро перекочевали в его ладошку.

— О-о-о! — Глаз у мальчишки тут же открылся как следует. — Много спасибо, добрый господин!

И, взяв под уздцы моего скакуна, мальчонка потянул его в конюшню.

Я же немного постоял на улице, оглядывая чистое ночное небо, и зашёл в корчму.

Здесь, как всегда, жутко несло низкосортным табаком, винным перегаром и неистребимым запахом пота. Я не ошибся: пять из восьми столиков пустовали, у очага мирно посапывал какой-то дед с толстым трёхцветным котом на коленях, у стойки медленно накачивался элем какой-то толстячок, похожий на мелкого кантернского торговца. Обычно тут собиралась довольно пёстрая публика: крестьяне, везущие в город на продажу свои

урожаи, бродячие музыканты, мелкие купцы, чуть не под ноги бросающиеся с рекламой своих товаров, реже — гонцы и паломники (крупный тракт пролегал к северу отсюда) или просто одиночные путники, вроде меня.

Сейчас за столиками сидели сплошь крестьяне, причём скорее всего местные — в такой поздний час мало кто решится отправиться домой по небезопасной дороге. Справа от входа располагался очаг, в котором, сколько помню, всегда горел огонь, прямо напротив двери — стойка трактирщика, за которой пряталась низкая дверь на кухню. Слева же, в углу рядом со стойкой, брала начало лестница, ведущая на второй этаж, к жилым комнатам.

Я проверил, не торчит ли моё оружие из-под плаща, и не спеша подошёл к устало моргающему трактирщику:

— Здравствуй, Фелек.

— А-а, господин Энормис! Припозднились вы, народишку-то нету уж почитай. Чего желаете?

— Для начала куриный суп и пинту пива за дальний столик. И... остались у тебя свободные комнаты?

— Для вас всегда местечко всегда найдётся, — Фелек дружелюбно осклабился. — Седьмая комната, ключ вам принесут вместе с подносом. Ещё чего-нибудь?

Я лишь отрицательно покачал головой, положил две серебряные монеты на стойку и молча направился к своему столику, который стоял в углу зала, слева от очага. Это самый тёмный угол, поэтому никто туда не садится и не мешает мне спокойно есть. Я сел спиной в угол и, чтобы скрасить ожидание заказа, решил изучить сегодняшнюю публику.

За ближайшим к стойке столиком сидели три очень похожих друг на друга амбала — сыновья корчмаря — и неспешно потягивали эль в полном молчании, изредка косясь на меня беспокойными взглядами. Наверное, разглядели под плащом меч. Через столик от них тощий субъект в грязной куртке гипнотизировал кувшин с вином. Его большие, сбитые в кровь костяшки пальцев говорили о том, что подрабатывал он кулачными боями, а синяк под глазом и дырявые сапоги — что бойцом он был неважным.

Рядом со мной, за соседним столиком, притулилась компания в составе бодрого дедка, украшенного чахлой бородёнкой, верзилы средних лет с красным лицом и здоровенными ручищами, а так же одетого в цвета купеческой гильдии мужичка с грустными коровьими глазами. Они так же пили эль и разговаривали вполголоса, но в силу небольшого расстояния между нашими столами было прекрасно слышно, о чём. Обычно меня мало беспокоит трёп крестьян, но в этот раз мой слух уловил несколько интересных слов, поэтому я со скучающим видом прислушался.

— А слышали вы, мужики, — говорил дед, — будто ведьма у нас в деревне завелась?

— Это когда ж? — прогудел здоровяк. — Уж сколь редко я сюды прихожу, да токмо не настолько, чтоб таких небылиц не слышать. Какие ведьмы у нас тут? Опять бабских рассказней наслушался, хрыч старый!

— Каки, каки, вот таки! — зашипел старик. — Эх вы, разъездились по ярмаркам да не ведаете ничаво! Михана то наша!

— Бреешь!

— Это та, что рядом с корчмой живёт? — подал голос доселе молчавший купец. — Точно бреешь, Дервень. Такая баба красавица, да с дитём! Какая с неё ведьма? Эх, вот бы на сеновал её затащить, вот где она истинные чудеса покажет, верно слово!

Они со здоровяком хором засмеялись. Однако дед, которого называли Дервнем, смотрел

на них сердитым глазом.

— Эх вы! Да сам ж я видал, как нашли у неё прям подле хаты под досками спрятанные знаки богомерзкие да книги накромансерские! Увидав то дело, люди хотели было на вилы её поднять, потому как у многих ни с того ни с сего скот пропал, да токмо Йемисей, святец наш, не дозволил.

— Это почему ж? — удивился здоровяк, более не подвергающий сомнению рассказ Дервня. — Коли ведьма, так прибить жеж надобно, покудова она всех детишек в селе не извела! А лучше сжечь!

— Тебе б все жечь, Хомка! А пастырь наш не таков! Отрекись, грит, от сил черных! Есть ещё, грит, возможность спасти тебя, грешницу, токмо надобно тебе изгнать из себя мерзость тёмную мощью Богов наших, принять в себя благодетель Их! Уверуй, грит, в Аланну-матушку да Явора-отца, поклонись детям их, Иале да Ирили, Мертану да Голаху...

— Так когда ж это было? — прервал увлекшегося старикана купец.

— Да утром севоднеча! Под руки её хватили, а она мечется, рвётся, аки бестия адова! Йемисей ей отрекись, грит, а она орёт дурным гласом, не виновата, мол, ни в чём, да к нам всё взывала, мол, люди добрые, чаво ж деется таково? Ревела, что твоя белуга. А Йемисей ей — не смущай сердце людских ложью да жалостию незаслуженной, отрекись иль прими наказание! — Дервень замолк, делая несколько глотков из кружки.

— Ну, дальше-то чаво было? — не утерпел краснолицый Хомка.

— Чаво... — увидев, что его внимательно слушают, дед успокоился. — Запер её в ейном же доме, вместе с чадом малолетним, да на двери да на окнах знаки священные начертал. И молвил нам — вот, мол, не удержится злобный дух и суток под знаками святыми, да покинет тело её, да улетит прочь! И всем строго-настрога наказал не ходить к тому дому и даже взглядом к нему не обращаться, дабы знаки не ослабить да беду не накликасть. А коли, грит, сбежит из дому ведьма, иль хоть выйдет за порог, то надобно её найти и сжечь заживо, потому как слишком сильно зло внутрях её, — троица задумчиво помолчала. — Чаво ни молви, а великодушны Боги наши, и слуги их таки же милостивые, раз даже таким греховницам второй шанс дают.

Заслушавшись, я не заметил, как прошло время, необходимое для приготовления моего ужина. Полненькая служанка, несомненно состоящая в кровном родстве с тем самым мальчиком-конюхом, принесла пинту пива, ключ на замусоленном шнурке с номером «7» и полную чашку чего-то очень приятно пахнущего и, несомненно, столь же вкусного. Я взялся за ужин, продолжая прислушиваться.

— Что-то не верится мне, — проговорил купец после долгой паузы. — Поправьте меня, коли не так, но она ж всегда набожной была. Даже когда мужа её Боги без времени к рукам прибрали, не перестала она в церкви молиться.

Услышав последнюю фразу, я напрягся. Эта история нравилась мне все меньше.

— Верится, не верится, а эвоно как выходит. Таперича всё токмо от пастыря нашего зависит. Коли сможет он завтра изгнать из неё дух ведьмовской, то будет Михана дальше жить, дитя растить. Можя, и мужика найдёт нового. А нет — сожжём её завтра, как церковь велит, и дело с концом, — угрюмо подвёл черту Дервень.

— Жалко её, — пробубнил купец. — Ведь недавно ей только тридцать годов стукнуло.

— А ты, Вун, видно, давно на неё глаз положил, — прищурился Хомка. — Чаво её жалеть, адское отродье? Иль ты ейный пособник?

— Да упасите Боги! — поспешил откреститься Вун.

Они какое-то время помолчали, а потом перескочили на тему грядущих выборов в земельную канцелярию, и я сразу потерял интерес к разговору. Обсуждение властей утомляет больше, чем день тренировок. Моя тарелка как раз опустела, и я уже было взялся за пиво, когда внимание моё привлёк новый посетитель.

В двери вошёл молодой человек лет двадцати на вид, худой, с узкими плечами и немного вытянутым красивым лицом. Внешне он не отличался от бродяги: старый выцветший плащ, толстые грубые штаны, подпоясанные верёвкой и надвинутая на глаза старая шляпа. Впрочем, самый обыкновенный нищий, но нечто в его поведении заставило меня насторожиться.

Он вошёл тихо, почти крадучись, стараясь не задеть столики и сидящих за ними посетителей, осмотрелся, молча прошагал к стойке. И остановился прямо за спиной того толстенького купца, которого я приметил, как только вошёл.

Я даже забыл о пиве, неотрывно наблюдая за этим странным парнем, и поставил магическую защиту, чтобы тот не заметил слежки. Как будто до меня кому-то было дело! Парень всё ближе придвигался к купцу, который до сих пор о чём-то толковал с трактирщиком. Воришка, что ли? Но тогда он неудачно выбрал клиента: тот стоял как на ладони у всего зала.

Усмехнувшись, я отпил из кружки, как вдруг почувствовал творимую волшебство. Кто-то в зале привёл в действие заклинание отвода глаз. Слабое, грубое, но все же! Я почувствовал его по праву сильнейшего — значит это кто-то не искушённый в магии.

Не пришлось долго гадать, кто именно попытался избавиться от лишнего внимания. Троица за соседним столиком отвернулась от стойки, продолжив трепаться, боец-неудачник равнодушно хлестал вино, и даже трое охранников отвели настороженные взгляды от вошедшего полминуты назад бродяги. От моей насмешливости не осталось и следа, а про пиво я снова забыл. Паренёк быстро оглянулся, проверяя, как действует его заклинание, и потянулся в направлении кармана купца, стоящего спиной к воришке. Но тот, как назло, в этот самый момент повернулся боком, и карман оказался вне досягаемости. Ну, что ты теперь предпримешь?

Такой поворот событий парня, как оказалось, ничуть не смутил. Он неприметно выгнул руку в хорошо знакомом мне Жесте, после чего кошелек купца сам вылез из кармана и прямо по воздуху переключился в руки воришки, почти сразу исчезнув в складках плаща. И никто ничего не заметил. Кроме меня, разумеется.

Моё удивление нарастало подобно лавине. Нет, я не должен его упустить! Нужно обязательно узнать, кто он и что здесь делает. Люди с магическим даром просто так по улице не ходят! Вряд ли он член какой-то организации — не думаю, что они настолько нуждаются в деньгах, что стали бы воровать, прибегая к Дару. Неужели, самородок, которого ещё не успели замести Меритари?

Я повторно применил чары для отвода глаз, но, в отличие от чар воришки, они смогли бы укрыть в этом помещении и банду дембрийских головорезов. Парень ничего не заметил — или не подал виду. Я тихо встал из-за стола и направился к выходу. Похоже, сегодня мне не придётся ночевать под крышей сего славного заведения.

Я вывел своего скакуна и притаился в темноте возле частокола, ограждающего двор корчмы. После кражи вор может и не сразу, но в короткий срок должен скрыться, или я ничего не понимаю в этой жизни.

Ночь выдалась приятная, хоть и прохладная. Чистое до блеска небо испускало на землю

мерцающий свет звёзд и Нира, отливающего синевой. И ни единого дуновения. Я рассеянно подумал, что такая атмосфера очень благоприятна для медитации. Правда, немного мешали непрекращающиеся плач и вопли из того же дома, который я проезжал ранее, а сейчас стоял почти на самом его углу.

Наблюдение за воротами трактира оказалось делом нетрудным. Рядом с ними стояла на привязи тощая кобылка, хозяин которой вот-вот должен был показаться. Несколько минут ничего не происходило, потом вышел субъект с подбитым глазом, и, наконец, из дверей показался тот самый парень. Остановился в двух шагах от открытой створки ворот, огляделся. Заклинание отвода глаз всё ещё действовало, так что он вряд ли увидел что-то кроме темноты. Незнакомец скинул шляпу и я понял, что в нём было не так.

Это был вовсе не он, а она. Девушка! Девчонка лет восемнадцати со стянутыми в узел недлинными волосами, до этого прекрасно скрытыми шляпой.

Однако, новость! Три четверти владеющих Даром — мужчины. Так ЧТО делает девушка с магическим Даром здесь, в этом захолустье?

Воровка прыгнула на свою кобылку и пустила её рысью по дороге в сторону Кериста.

Ох, да нам ещё и по пути.

Я уже собирался тронуться следом, как вдруг за моей спиной раздался скрип открывающейся двери. Улицу тут же огласили женские всхлипы. Я обернулся на звук.

Из домика, находящегося за моей спиной, нетвёрдой походкой вышел лысый человек в рясе, постоял немного, покачиваясь, а затем, даже не закрыв за собой дверь, направился в мою сторону. Почти сразу в дверном проёме показалась фигурка молодой женщины, одной рукой поддерживающая разорванное платье, а другой схватившаяся за ручку. Свет, сочащийся из дома, осветил побои на её руках и лице. Сотрясаясь от судорожных всхлипов, она захлопнула дверь.

Я уже говорил об обрётённом мной хладнокровии? Так вот, в тот раз оно напрочь отказало.

Я опомнился, когда одетый в рясу негодяй лежал с разбитым лицом без сознания, прямо у меня под ногами. Оказалось, он вовсе не стар: на вид я не дал бы ему больше сорока, борода и волосы куда-то исчезли, но по носу я опознал его — это несомненно был местный священник. Или тот, кто им притворялся.

Чувство было такое, словно я протянул руку для рукопожатия, но вместо этого вляпался в огромную кучу дерьма. Интересно, кто-нибудь из местных знает правду о своём заступнике перед Богами? А ведь деревня спит спокойно, думая, что зло — это женщина, которая бок о бок прожила с ними всю жизнь.

Бросив ещё один взгляд на «милостивого слугу Богов», я сплюнул и вернулся в седло. Ублюдок даже не понял, что произошло. Будет любопытно, если селяне найдут его в таком виде... Но нет, ему всё сойдёт с рук. Удобно устроился, ничего не скажешь. Пожалуй, я разобрался бы с этим человеком, просто удовольствия ради, если бы не спешил так на другую, более важную встречу.

Я воткнул пятки в бока коня. Надо поскорее нагнать странную девчонку и задать ей пару вопросов.

* * *

Она не торопясь ехала по ночной дороге, на ходу пересчитывая выручку. Десять,

двадцать, пятьдесят... восемьдесят сентинов серебром и ещё четыре медью. Итого, за весь день, полторы сотни. Недурно. Но бывало и получше.

Монетки звякнули, пересыпаясь во внутренний карман. На правой обочине дороги мелькнуло приметное раздвоенное дерево, за которым начиналась тропинка в лес. Девушка плотнее запахнулась в плащ и дёрнула уздечку, сворачивая с дороги.

Деревья, точно жалкие нищенки, тянули свои облезлые руки-ветви к тропе; пришлось спешиться и вести лошадь в поводу. Под ногами тут же привычно зашуршала прошлогодняя листва, и молодая путница вдруг с досадой подумала, что, должно быть, никогда не сможет отделаться от ощущения, что улица — её настоящий дом.

Да, сейчас она уже обзавелась крышей над головой. Под этой крышей, пусть маленькой и не совсем целой, имелась тёплая печь, еда и чистая одежда. Были у неё и деньги. Много денег. Давние знакомые, воры и уличные попрошайки, лопнули бы от зависти. Но всё это оставалось зыбким, как мираж, не вызывало доверия — наподобие того, как нет доверия человеку, однажды уже предавшему. Деньги так легко меняют хозяев; как можно ставить их во главу угла? Вроде бы твоё, но в то же время — чужое.

Воспоминания о светлой, безбедной жизни с отцом давно поблекли и затёрлись. Она давно смирилась с тем, что не может вспомнить даже лица родителя — так, светлое пятно с расплывчатой тенью улыбки. На место пропитанных счастьем и беззаботностью картин пришли другие, холодные, серые: бездушные дома со светящимися глазами окон, пропитые рожи грузчиков портового района, боль и голод, голод, голод... Со временем холод стал казаться неотъемлемой частью жизни, воровство и обман вошли в привычку, а грязь либрийских городов въелась в память так, как въедается угольная пыль в кожу старателей. Девушка испытывала облегчение и отвращение к самой себе одновременно: первое — потому что жить стало проще; второе — потому что стыдно наслаждаться таким существованием.

Кобылка всхрапнула, выведя хозяйку из задумчивости. Только благодаря этому воровка поняла: что-то не так. Животное явно беспокоилось, дёргало уздечку, и вскоре эта тревога передалась девушке. Она остановилась, напряжённо вглядываясь в темноту.

Сердце затрепыхалось; чутьё настойчиво ныло: впереди кто-то есть! Девушка привыкла полагаться на интуицию, которая выручала её из беды чаще, чем что бы то ни было. Но сейчас она шла по отлично знакомому пути, так неужели кто-то добрался до её убежища? А что если это Меритари?

Мысль ужаснула и тут же рассеялась. После памятного побега из Лотора воровка сделалась намного осторожнее. Она не оставляла следов. Может, просто показалось?

Девушка осторожно двинулась дальше, прислушиваясь, но лес предательски молчал, будто не желая выдавать притаившуюся в нем опасность. Тусклый свет Нира почти не давал обзора.

В ушах застучала кровь, ладони взмокли. «Да что же это такое?» — попробовала она прикрикнуть на себя, но это не помогло. Страх сковывал движения: ноги словно стремились пустить корни, трясущиеся руки плохо повиновались.

Лошадь вдруг испуганно заржала, вырвала поводья из ослабевших рук хозяйки и, не разбирая дороги, ускакала прочь. Воровка даже не сделала попытки её удержать — она изо всех сил боролась с навалившимся оцепенением. Она даже не спросила себя, чего так боится — панический страх парализовал мысли. И когда глаза уже готовы были от напряжения выйти из орбит, а в горле встал комок, не дающий толком вдохнуть, прямо перед ней

зажглись два ярко-жёлтых глаза с красными точками зрачков.

Не хватило сил даже закричать. Девушка открыла рот, но не смогла выдавить из себя ни звука. Она бы побежала, но ноги не отрывались от земли — словно мышцы стали костями. Оставалось лишь смотреть в гипнотические глаза хищника и умирать с каждым уходящим мгновением.

Борьба уже стала казаться бессмысленной, когда она услышала за своей спиной тихий голос:

— Замри и не двигайся.

* * *

— Замри и не двигайся, — повторил я девчонке, которая и без того, похоже, не могла пошевелиться от страха. Её угораздило встретиться с волколаком — что само по себе большая редкость. Я медленно подкрадывался к бедняге, параллельно вспоминая всё, что знаю об этих тварях.

— Прыгай назад, когда скажу, — сказал я, хотя не был уверен, что девчонка меня слышит.

Волколаки — это мутанты, вышедшие из волков. Вопреки ходящим в народе мифам, с человеком они имеют мало общего — разве что умение ходить на двух ногах да более развитый ум. Но это уже и не волк. Главное при встрече с волколаком — находиться рядом с ним как можно меньше, потому что яд, испаряющийся с кожи мутанта, попадает в лёгкие и быстро парализует всё тело. Вместе с тем он вызывает видения, да такие, что некоторые жертвы, которых удалось спасти от смерти, попросту сошли с ума.

Но девчонка, похоже, ещё держалась — скорее всего, за счёт Дара. Даже я, стоя на почти безопасном расстоянии, заметил, как отяжелели руки и помутнело в голове.

Оборотень понял, что вмешался кто-то третий, и тихо зарычал. Он вовсе не собирался расставаться с уже загнанным ужином. Мой меч с тихим шелестом покинул ножны.

Мутант громко рыкнул, и я почувствовал толчок моментально сплетённого заклинания — но сплёл его точно не хищник. Это девчонка, не дожидаясь моего сигнала, решила на рывок.

Она прыгнула, и хищник прыгнул за ней. Я едва успел выпустить меч. Заклинание, судя по всему, усиливало прыжок девчонки в несколько раз, потому как те три сажени, что нас разделяли, она покрыла бы с лихвой, не ухвати я её на лету за талию. Меня развернуло; свободной рукой, уже в падении, я отправил навстречу зверю соткавшийся прямо из воздуха клубок энергии.

Тусклый свет заклинания выхватил из тьмы клыкастую пасть и вязкие нити ядовитой слюны, протянувшиеся от верхней челюсти мутанта к нижней — но только на миг. Плетение тут же натолкнулось на препятствие и взорвалось; от вспышки перед глазами поплыли цветные пятна. Прوماхнись я хоть немного, и отбиваться стало бы нечем — волколаку хватило бы пары секунд, чтобы оторвать мне руку.

Визжащая обгоревшая туша рухнула на землю, не долетев до нас всего пару шагов.

Воровка потеряла сознание ещё в полёте, так что первым делом я проверил её дыхание и наложил согревающее заклинание. Убедившись, что жизнь незнакомки вне опасности, я подошёл к вонючей туше волколака, конвульсивно подёргивающей конечностями. Заклинание искалечило мутанта, шерсть свернулась и отвратно дымила, но он был ещё жив.

По закону всемирного свинства эти твари награждены невероятной живучестью, и убить их наверняка можно лишь отрубив голову. Этот, конечно, почти обездвижен, но, если его оставить на денёк полежать, очухается и убежит зализывать раны. Гад уже сейчас щёлкал челюстями, норовя ухватить меня за ногу.

— Добегался, — сказал я чудищу и вернулся за оброненным мечом. Выродок заскулил, понимая, что его голова вот-вот отделится от тулова. Подумать только — некоторые учёные мужи говорят, что волколаки достаточно умны, чтобы воспринимать человеческую речь. Мне было неинтересно, правда ли это, так что мутант не прожил ни одного лишнего мгновения.

Трактаты не ввали — его кровь и впрямь оказалась густой, как смола.

Я вернулся к спасённой девчонке. Засветив магический огонёк, присмотрелся к лицу. Всё ещё без сознания, но бледность уже уступает румянцу. Скоро начнёт обильно потеть — так тело выведет яд, которого девица успела наглотаться. Пожалуй, сегодня она потратила годовой запас везения, не меньше. Наткнуться на мутанта и тут же на меня — это же ещё невероятнее, чем сбить муху плевком. Девчонка, конечно, истощена, но ведь выжила!

Кстати, а внешне она ничего. Утончённые черты, красивый прямой нос, по-детски пухлые губки, длинные ресницы. Как она оказалась в этом захолустье? Бездомная с Даром, нищенка с лицом аристократки. Крайне интересная барышня.

Конь, привязанный на безопасном расстоянии, фыркал и тревожно переминался с ноги на ногу. Пришлось расседлать его, чтобы уложить верхом девчонку. Я сомкнул её руки вокруг шеи скакуна и прихватил их верёвкой, чтобы не свалилась, а сам закинул седло за спину и двинулся дальше по тропе.

Лишние глаза и уши мне в этой истории не нужны, так что ехать назад, к корчме, не стоит. Пока девчонка не придёт в себя и не ответит на мои вопросы, лучше её в люди не выводить. Она точно не случайно свернула на эту тропку: наверное, впереди находится какое-то жильё или хотя бы шалаш. Мне такой вариант вполне подходит — по крайней мере, до завтра.

Я посмотрел на девчонку сквозь Эфир. Аура плотная, но Дар еле теплится, застряв в стадии зародыша. Скорее всего, ещё не поздно его развить. При должном старании из этой воровки выйдет толк. Пожалуй, она даже сможет дорасти до моей нынешней силы. И откуда только взялась?

Я вздохнул, поправил ворот рубахи, оглянулся. Успокоившийся скакун устало покачивал головой в такт шагам, а к шее его прильнула русоволосая незнакомка. Благодаря ей, хоть и по непонятной причине, я уже сгорал от нетерпения перед завтрашним днём — и это было чертовски приятное ощущение.

* * *

Она очнулась, лёжа на чём-то мягком. Привычно пахло сыростью и смолой — прямо как дома...

Вместе с этой мыслью в неё ворвалась боль. В голове будто непрерывно били барабаны. Тело горело и липло к одежде, во рту всё склеилось от высохшей слюны. От чего же так плохо?словно худшее в жизни похмелье... В памяти замелькали образы: лес, ночь, хищник, сковывающий страх, — и девушка тихо застонала, желая поскорее вернуться в беспамятство.

— Очнулась? — прозвучал рядом знакомый голос.

От неожиданности она тут же распахнула глаза и приподнялась на локтях, прикрываясь одеялом, которым её так заботливо укрыли. Каждое движение давалось с трудом.

— Не бойся. Я не кусаюсь.

Он сидел на углу кровати, прямо у её ног. Не молодой, но и не старый, не красавец, но в то же время приятный и даже привлекательный. Тёмные волосы с молнией седины, уходящей ото лба за правое ухо. Двухдневная щетина, благодаря которой проявлялся тонкий шрам на подбородке. Руки, как у заядлого работяги, мозолистые, с узловатыми пальцами, скрещены на груди. И тёмно-карие глаза, в чьём взгляде насмешливость отлично сочеталась с серьёзностью, пронизывали девушку насквозь.

— А я — очень даже, — выпалила она от неожиданности. — Так что лучше не трогай!

В её голосе явно не хватало уверенности, и незнакомец пропустил эту браваду мимо ушей. Он вообще не шелохнулся — и продолжал смотреть ей прямо в глаза. Девушка вдруг почувствовала себя кроликом, который не в силах пошевелиться под гипнотическим взглядом змеи.

Сомнений нет — это тот самый человек, что спас её в лесу. Она присмотрелась к нему, и что-то внутри истошно завопило: «Чародей!» Девушка ещё сильнее вжалась в подушку. Он не скрыл свой Дар, хотя мог сделать это с лёгкостью. Ждёт реакции? Запугивает? Но на вид он вроде не грозный, скорее наоборот — дружелюбный. Так может?.. Нет, нет, это чародей, а значит замышляет какую-нибудь гадость. Добрые волшебники бывают только в сказках! Нужно бежать, под любым предлогом, как можно быстрее и как можно дальше!..

Неизвестно, куда бы завели девушку эти панические мысли, если бы незнакомец вдруг не улыбнулся и не спросил расслабленно:

— Как самочувствие?

И натянувшаяся внутри струна тут же ослабла.

— Голова болит, — ответила девушка несколько ошарашенно.

— Ещё бы! — с неподдельным удивлением воскликнул чародей. — Обычный человек не выстоял бы против волколака и нескольких секунд, а ты жива-здорова. Мою заслугу в этом, конечно, тоже умалять не стоит, но ты всё равно молодец. Если позволишь, я помогу снять боль.

Он протянул руку к её лицу. Она отпрянула. Незнакомец медленно отодвинулся на прежнее расстояние.

— Но ты, видимо, не позволишь.

— Не привыкла доверять всем подряд, — холодно проговорила девушка и бегло осмотрелась.

Если не считать постороннего мужчины на её кровати, дома всё было как обычно.

— Даже тем, кто спас твою шкуру? — чародей вскинул бровь. — Осмотрись повнимательнее. Думается мне, главного ты так и не заметила. Например, что лежишь в своей кровати, накрыта одеялом, и одежда на тебе нетронута. А ведь могла бы вместо этого плавно перевариваться в утробе мутанта...

От этих слов вчерашние события вновь воскресли в памяти, и девушку передёрнуло.

— Всё, хватит, — сказала она, поморщившись. — Я поняла. Ждёшь благодарностей?

— Давай я тебе помогу, — намного тише и спокойнее сказал незнакомец.

Он снова подался вперёд; она больше не сопротивлялась. Прохладные пальцы едва коснулись лба, но девушка вдруг испытала такое облегчение, что невольно подалась навстречу прикосновению. Боль отступила, и мысли немного прояснились.

— Не так уж страшно, правда?

В ответ она лишь вздохнула и, чуть помолчав, спросила:

— Что тебе от меня нужно?

— Мне от тебя? — не растерялся мужчина. — Уж скорее тебе от меня.

Настала её очередь выгнуть бровь:

— Ты спас меня, чтобы предложить свои услуги?

— Нет, спас я тебя, потому что весь из себя добрый и не могу бросить человека в смертельной опасности. Так уж совпало, что я оказался рядом.

— О, так мне надо благодарить не тебя, а судьбу? — ехидность в её голосе перешла в издевательство.

— Почему бы и нет, — мужчина пожал плечами. — Если ты, конечно, в неё веришь.

— Не верю.

Незнакомец развёл руками — мол, не стоило тогда и упоминать, раз не веришь.

Они замолчали, сверля друг друга взглядами. Девушка ждала продолжения, надеясь, что ей не придётся повторять свой первый вопрос. Почему-то ей казалось, что диалог складывается не в её пользу.

Чародей словно почувствовал настроение собеседницы. Морщинки в углах его глаз стали глубже, а в голос проскользнули нотки искреннего веселья:

— Станный у нас получается разговор. Ладно, давай начистоту. В лесу я оказался не так уж и случайно.

— Следил за мной?

— От трактира. Люблю всякие интересные фокусы, знаешь ли. Особенно мне понравился номер с летающим кошельком. Я много видел разных воришек, но чтобы вот так, у всех на виду это сделать — нужен талант. Я бы даже сказал — Дар.

Девушка бессознательно втянула голову в плечи. Разумеется, он раскусил её, как только увидел, по праву сильного. А ведь она так надеялась, что этой темы касаться не придётся...

— Кто ты? — спросила она, поняв, что крыть больше нечем.

— Зависит от того, что ты хочешь услышать, — ответил незнакомец неожиданно серьёзно. — Я тот, кто благодаря своему Дару видит твой. Но вместе с тем я так же как ты скрываю его от посторонних. И поэтому я не закрылся от тебя — потому что ты всё равно никому не расскажешь.

— Да? Но я ни от кого не прячусь.

Она и сама не верила, что собеседник купится на очевидную ложь.

— Тем, кто не прячется, не нужно использовать Дар для воровства, — мягко улыбнулся чародей, но от бархатности его голоса девушку пробрала дрожь. — Они припеваючи живут в столице, в роскошной башне Меритари, а не в заброшенных охотничьих домиках на окраине королевства. Давай не будем врать друг другу, и ты увидишь, как быстро мы достигнем взаимопонимания.

— Как скажешь, — сказала она, пожав плечами. — Давай оба поклянёмся не врать и сразу станем лучшими друзьями.

Незнакомец рассмеялся. Легко, расслабленно, будто и в самом деле говорил с другом.

— Ты права. Пора уже переходить к делу. Но для начала нам нужно как-то называть друг друга. Меня можешь звать Энормис.

— Лина.

— Отлично, Лина. Как ты уже поняла, я не имею отношения к тем, кто тебя ищет.

Меритари, я прав?

— Предположим.

— Тогда предположим ещё кое-что. Слышала о чародее из Квисленда?

— Который квислендский изгой? — припомнила Лина.

Она и в самом деле слышала много интересного об этом чародее. Если верить слухам, он настолько силён, что даже Красному Ордену приходится с ним считаться. Однако живую этого изгоя никто не видел — так что вопрос ещё, существует ли он на самом деле.

— Именно. Я его ученик.

Лина фыркнула.

— Не веришь?

— Да даже если так, то что с того?

Девушка давно привыкла обходить любых чародеев за тридевять земель. Чему-чему, а этому жизнь её научила. Видишь колдуна — жди неприятностей. А если колдун тебя видит — считай, они уже начались.

И снова Энормис понял недосказанное — будто в мысли заглянул.

— Чем же тебе так насолили маги? — он встал и прислонился спиной к стене. — Ведь у тебя самой есть Дар.

— Я его не просила, — огрызнулась Лина.

— Никто не просил. Я не просил. Большинство меритаритов его не просили. Он просто есть, хочешь или нет. И это не так уж плохо...

Чародей не успел договорить. Сам того не зная — или зная? — он ударил в самое больное место. Девушка взъярилась, вскочила, но ноги подвели — слабость заставила снова сесть на кровать. Разозлившись от этого ещё больше, она ударила по топчану кулаком и выкрикнула:

— Да неужели?! Это из-за него я оказалась на улице! Из-за него я ворую, побираюсь и сплю с клопами! Эти «одарённые», — слово прозвучало как последнее ругательство, — пронюхали о моём Даре, хотели сделать такой же! Убийцы, которых они послали, убили папу, дом сожгли! Я сама там чуть не сгорела! Не так уж плохо, говоришь?! Да забирай его тогда, отдам с удовольствием!

Энормис перестал улыбаться. В его глазах Лина прочла сочувствие — и тут же подумала, что если он произнесёт хоть слово, она его ударит. Плевать, что будет потом, пусть хоть кожу живьём сдирает, зато она оставит отметину на его чародейской роже...

Но он молчал. Во взгляде ни злости, ни волнения — только участие и какая-то потаённая грусть. Он будто вспомнил, что сам когда-то пережил нечто подобное, но боялся показать, что всё прекрасно понимает.

Лина больше не могла смотреть чародею в глаза — потому что хотелось злиться на него, но не получалось. Будь проклят этот понимающий взгляд... Она опустила голову, сгорбилась. Мало того, что не сдержалась перед посторонним, так теперь ещё и предательские слёзы к глазам подступают. Ну нет, реветь она не будет.

— Не нужен мне этот Дар, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — С голоду не помереть помогает, но и без него бы прожила.

— Его нельзя отнять, не отняв жизни, — сказал Энормис тихо. — Но его можно заблокировать.

Лина смотрела на меня во все глаза, явно ожидая продолжения. Похоже мне наконец удалось завладеть её вниманием.

— То есть? Что это значит?

Я задумчиво почесал переносицу. То, что она услышит дальше, ей не понравится.

— Закупорить. Как бутылку. Ты не сможешь им пользоваться, обнаружить его можно будет только специальным заклинанием. Только учти, что...

— Ты можешь это сделать? — вклинилась девчонка.

— ... всех проблем это не решит, — с нажимом договорил я. — Нет, я не могу. Для этого надо немного больше сил, чем есть у меня.

— Насколько больше?

— Раз в сто.

Во взгляд Лины вернулось отчаяние.

— А ещё для этого нужно очень много знаний и умений. Дисс может заблокировать твой Дар, но, подчёркиваю, такие операции вредны для здоровья.

— Дисс — это и есть твой квислендский чародей?

— Да. Меритари ему в подмётки не годятся. Без шуток.

— А почему вредны?

Я вздохнул.

— Дар — штука серьёзная. Он как второе сердце. Пока это сердце бьётся, у тебя всё хорошо. Когда плохо твоему Дару — тебе тоже плохо. Если его не развивать, он начинает разрушать тело носителя. Если ты не можешь управлять своим Даром, то Дар управляет тобой. Если он достаточно развит, то будет влиять на тебя даже в закупоренном состоянии. Со временем из-за этого может отказать тело, а может — разум. Так что...

Я с сожалением развёл руками. Лина разочарованно отвернулась — надежда на «выздоровление», которую я ей дал, тут же улетучилась. Как бы объяснить ей, что её Дар не имеет отношения к её проблемам?

— Раз ты не можешь мне помочь, — сказала она, — то зачем весь этот разговор? Зачем ты меня спас вообще?

— Да хотел предложить решение твоих проблем с пропитанием, — я прошёлся взглядом по прохуdivшемуся потолку, — и со всем остальным. Дисс не прочь обзавестись ещё одной ученицей. Но если тебе так хочется, может и закупорить твой Дар.

Лина снова фыркнула. На этот раз немного обречённо.

— Что, вот так просто? С порога — и сразу в ученицы?

— Не удивляйся. Люди с магическими задатками на дороге не валяются. Ты ненавидишь Меритари — так Дисс их тоже не жалуется. Враг моего врага, и всё такое. Я восемь лет у него в учениках. Сыт, одет, с нормальной крышей над головой, жаловаться не на что. Разве что скучно временами.

Лина отрешённо смотрела в одну точку, и я впервые за весь разговор даже представить не мог, о чём она думает. А ведь как раз сейчас решается самое интересное. Разумеется, Дисс даже не заикался о желании обзавестись ещё одной спиногрызкой — ему это даром было не нужно. Просто мне вдруг подумалось, что быть единственным учеником — как-то грустно. Да и не бросать же девчонку на произвол судьбы. Сделать её ученицей — вот самый правильный выход, совмещение приятного с полезным! Да, Дисс, скорее всего, имеет на этот счёт несколько иное мнение, но в его благоразумии я не сомневался.

— Не знаю... — протянула Лина. — Ты же всё равно просто так меня не отпустишь?

— Да моё дело предложить, — усмехнулся я. — Если хочешь дальше воровать и голодать, то хозяин — барин. Я даю тебе шанс что-то в жизни изменить, а пользоваться им или нет, решать тебе.

Уверенности в глазах Лины не прибавилось.

— Давай так, — сказал я, видя, что решение даётся ей слишком тяжело. — Сейчас я еду в Керист, навестить одного приятеля, а потом возвращаюсь в Квисленд. Можешь поехать со мной и обдумать всё по дороге. Договорились?

Девчонка вдруг пристально посмотрела мне в глаза — словно в последний раз пыталась разглядеть подвох, уличить меня во лжи. Но я не лгал. Наверное, эта обезоруживающая честность и склонила чашу весов на мою сторону.

Лина помолчала, переводя взгляд с одного моего глаза на другой, и кивнула.

* * *

До Кериста было рукой подать — пару часов неспешной езды. По прямой и того меньше, но короткой дороги через местные леса я не знал. Солнце взошло не больше трёх часов назад, так что по моим расчётам мы должны были прибыть на место около полудня. Кобылка Лины, оголтело пронёсшаяся мимо меня ночью, не вернулась, так что моему скакуну предстояло везти нас обоих.

Я как раз седлал его, когда девчонка наконец вышла из своей лачуги. На ней была чистая одежда, не самая новая, но придающая Лине чуть больше женственности, чем прежняя. Управляясь с упряжью, я краем глаза заметил, что воровка странно поглядывает на дом, и решил спросить:

— Долго ты здесь прожила?

— С начала зимы, — девчонка поёжилась и плотнее запахнула плащ. Утро и впрямь было морозным.

— Рискованно, — я затянул подпругу. — В такой чаще нередко заводится какая-нибудь мерзость. Вроде вчерашнего волколака.

— В городах ещё рискованнее. У магиков повсюду шпионы.

— Ну, Меритари вряд ли будут пытаться тебя сожрать, — мягко возразил я. — А химера или отродье — запросто.

— А ты что, чистильщик? — Лина покосилась на меня с недоверием.

— Время от времени. Но вообще я разбираюсь во всём понемногу. Например, могу сказать, что Орден — организация большая, авторитетная, и им не нужно рыскать по всему свету в поисках новых адептов. Люди сами к ним приходят, потому что Меритари богаты и влиятельны. Охотятся они только на тех, кто им мешает.

— Как скажешь.

Я запрыгнул в седло и помог забраться девчонке. Пришлось посадить её по-женски перед собой. Лина была не самого низкого роста, но рядом со мной казалась сущим ребёнком — едва доставала макушкой до моего подбородка.

— Сколько ты уже от них скрываешься?

Девчонка помолчала, прежде чем ответить.

— Почти восемь лет.

Я удивлённо присвистнул.

— И ни разу не попалась?

— Я была очень осторожна.

А ведь она действительно верит, что за ней охотятся самые могущественные маги Нириона. Переубедить её, пожалуй, будет не так-то просто. И всё же я мог представить только одну причину, по которой Меритари за восемь лет не поймали простую девчонку, пусть и хитрую. Они просто не искали. Что бы ни случилось с Линой в детстве, это вряд ли связано с её Даром. Она винит Орден просто потому что нужно кого-то винить. А может она винит саму себя.

Мы выехали на Окраинный тракт и направились в сторону Кериста. Эта дорога называлась так, потому что пролегла вдоль границы Либрии с Прибрежьем и проходила через все приграничные города. Самим рубежом здесь была Виера — судоходная река, такая широкая, что на сотню вёрст в обе стороны на ней не строили мостов. Грузы в Прибрежье сплавляли по ней, но в обратную сторону пользовались Окраинным трактом — чтобы не грести против течения.

Один из торговых караванов шёл как раз перед нами. Я нагнал его и, держась поодаль, пристроился в хвост. За нагруженными под завязку телегами тянулся шлейф самых разных запахов, как приятных, так и не очень. Ярче всех ощущались терпкий аромат назирских специй и резкая вонь медицинского раствора.

— Твой приятель тоже чародей? — вдруг спросила Лина.

Я усмехнулся.

— Алонсо? Нет, он обычный торговец, родом из Кан-Терна. Несколько лет назад я спас его кошелек в одной керистской подворотне.

— И поэтому вы друзья?

— Нет. Друзья мы потому что он знает, что такое благодарность.

Девчонка фыркнула.

— Редкое качество.

— Именно.

Лина обернулась и странно посмотрела на меня, но ничего не сказала.

Солнце поднималось всё выше, и утренний холод постепенно отступил. Лучи, бьющие прямо в лицо, ощутимо согревали кожу, а вскоре тепло забралось и под одежду. Я с наслаждением потянулся и тотчас увидел шпиль керистской колокольни, выглянувший из-за верхушек деревьев.

Пейзажи здесь, в приграничье, довольно таки однообразные: обычные леса чередовались со столь же обычными полями, лишь изредка тракт перегибался мостом через мелкие притоки Виеры или дугой огибал небольшое озерцо. На берегу одного из таких озёр и вырос Керист. Городок жил за счёт торговли, так что около трети населения приходилось на различных купцов и ремесленников, заполнивших и без того тесные улочки своими лавками и магазинами. Здесь же проводилось множество ярмарок и праздников, часто выступали бродячие цирки, менестрели и прочие мастера развлечений; благодаря этому провинциальный Керист бурлил жизнью не хуже, чем иная столица.

Мы приближались к западному въезду. Город был обнесён невысокой деревянной стеной, и перед ней имелось большое открытое пространство, на котором обычно устраивали гонки на лошадях. Их проводили только летом, после праздника Цветущих Яблонь, так что сейчас перед главной трибуной соорудили подмости для артистов. Сами циркачи как раз готовились к выступлению: на свободной полянке разминалась пара

акробатов, метательница ножей с завязанными глазами уничтожала ближайшее дерево, мечник, тщательно примериваясь, рубил клинком средней толщины брёвна.

При виде последнего я лишь усмехнулся, но Лина... Она смотрела на артистов, как на воплотившихся героев сказок. Глаза округлились, шея вытянулась, даже рот немного приоткрылся, придавая лицу потешное выражение. Я посмотрел на неё и вдруг понял, что где-то внутри циничной недоверчивой воровки, почти всю сознательную жизнь прожившей на улице, всё же сохранился наивный ребёнок, который верит в маленькие чудеса. И уж не знаю почему, меня это открытие обрадовало и огорчило одновременно.

Чтобы не толкаться в очереди, я обогнал караван и первым подъехал к воротам. На посту оказалось только два стражника, или, вернее, полтора: один сидел на чурке, подпирающей створку, и спал, свесив голову на грудь. Я немного ему завидовал — солнышко так пригревало, что вздремнуть было святым делом. Второй, явно не совсем трезвый, окинул нас мутным взглядом и вымолвил заветную формулу:

— Серебряк с человека, крупная скотина по два за голову, лошади бесплатно!

— Похоже, что у нас есть крупная скотина? — я сунул обозначенную сумму в грязную ладонь привратника.

— Откуда ж мне знать, вдруг то ваш караван! — пробурчал страж и отошёл в сторону, освобождая дорогу.

А за воротами раскинулся Керист. Площадь перед воротами была одной из самых просторных в городе, который славился именно своими тесными улочками. В рынке как месте для торговли надобность отпадала вообще: торговали на каждом углу и такими разнообразными товарами, что глаза разбегались. Правда, меня всегда немного напрягал здешний гвалт.

— Вино с лучших виноградников Прибрежья, спешите, товар расходуется буквально на лету!

— Хлопок и шёлк из самого Аль-Назира, подходите, выбирайте, покупайте!

— Соления, варения, закваски!

— Шкуры и жир северного зверя! Прибыли прямиком из Нейрата!

— Мёд, сивуха, самогон! Налетай, мужики!

— Услуги дантиста! Очень дёшево!

— Пира-а-аги-и-и!!!

Мы с Линой проехали главную площадь, пестревшую разномастными вывесками, и направились к улице Ремесленников. Здесь я наконец признал битву с разошедшимся солнцем проигранной и снял куртку, а Лина скинула плащ, оставшись в одной мешковато сидевшей на ней темной рубахе. Улицы в этой части города были сильно запружены народом, так что ради экономии времени пришлось свернуть в переулок. Правда, передвигаться тут можно было только пешком — поперёк улочки народ натянул бельевые верёвки.

Мне всегда нравился этот город. Не то, чтобы он был велик или красив, нет — народу здесь шаталось до неприличия много, но и только. Просто в Керисте даже окраинные улочки не выглядели, как трущобы, дороги исправно латались, и вероятность свалиться в яму с нечистотами, замаскировавшуюся под обычную лужу, была крайне низка. Да и домики радовали глаз: аккуратные, чистые, похожие один на другой, и в то же время очень разные. Их острые крыши, покрытые тёмно-красной черепицей, напоминали устремлённые в небо наконечники копий.

Всё же для города близость мирной границы — крайне выгодное обстоятельство. Огромное количество товаров, проходящих через него, обеспечивали горожан в любое время года, а о золоте, оседающем в карманах местных властей в виде переплат за контрабандный товар и завышенных пошлин, и говорить не стоит. При таких деньгах можно и на городские службы разориться.

В местах, где сходились две, а то и больше улиц, располагались фонтаны или статуи. Их выполняли в виде пар грехов и добродетелей. Так, например, мы прошли мимо каменного изваяния двух людей: один, хорошо одетый и ухоженный, поддерживает под руку и протягивает несколько крупных монет другому, плохо стоящему на ногах, в ободранной одежде и совершенно без обуви. Изображены здесь, конечно, зажиточный гражданин и пьяница, образы щедроты и расточительства. Помещать такие статуи на улицах торговых городов стали с тех пор, как в купеческую гильдию Либрии просочились предприимчивые люди из Кан-Терна. Многие их традиции и верования мне как зайцу — царский герб, но эти скульптуры выглядели однозначно лучше мусорных куч, которые скапливались здесь раньше.

Атмосфера бурлящего города поднимала настроение и заставляла внимательно следить за своими карманами. Люди сновали по улицам с удивительной ловкостью и быстротой; из окон слышались ругань, смех, пьяные песни; под ногами всюду лезли неугомонные ребятишки, которых, как всегда, привлекал мой рост. Я не любил выделяться из толпы, поэтому давно привык чуть сутулиться, чуть горбиться, и всеми силами старался вести себя неприметно. К сожалению, удавалось это далеко не всегда.

Мы вышли с улицы Ремесленников и направились в южную часть города, попутно избегая настырных лавочников и глаза по сторонам. То тут, то там мелькали тощие типы со смазанными лицами — представители не совсем законных, но самых прибыльных профессий. Матёрые щипачи натаскивали молодняк тягать кошельки и смешиваться с толпой, что в такой толчее было вовсе не трудно. Здоровенный громала, угрюмо оглядывающийся по сторонам, почувял, что я на него смотрю, повернулся и невинно осклабился, обнажив крупную дыру в сплошном ряду серебряных зубов.

— Какой приветливый парень, — заметила Лина, тоже увидевшая эту лучезарную улыбку.

— Не обманывайся, — сказал я тихо. — Он из гильдии убийц.

— Спасибо, что пояснил, — ехидно отозвалась девчонка. — Я всяко дольше тебя знакома с городскими улицами. Научилась отличать волка от овцы.

Спустя какое-то время мы наконец вышли к нужному дому. Поначалу я подумал, что ошибся улицей, но, присмотревшись, понял, что память меня не подвела. Просто Алонсо сделал очередную пристройку к дому, сменил отделку и перекрасил всё в малиновый цвет. Теперь его хоромы на фоне остальных домов выглядели как сказочный дворец.

— Пришли, — сказал я, внутренне посмеиваясь над страстью приятеля.

Лина смотрела на дом со смесью удивления и непонимания. Да, тягу к экстравагантности Алонсо могла пересилить только его тяга к деньгам.

Привязав коня во дворе, я постучал в разузоренную малиновую дверь. Некоторое время за дверью висела тишина, а потом раздался знакомый ворчливый голос:

— Кого там опять Лукавый принёс? Я сегодня занят! Да не заперто, хватит уже стучать!!!

Сколько его знаю, он всегда занят, но каждый раз, как прихожу, застаю его бездельничающим или орущим на прислугу. Лишь один раз за четыре года он оказался в

отъезде.

Мы вошли. В комнате свободно стояла мебель из недорогого дерева, вырезанная в строгом гномском стиле. Стены комнаты окрашены в тот же малиновый цвет, правда, это почти не заметно из-за висящих на них картин. У всех богатых торговцев в королевстве принято коллекционировать всевозможные портреты правителей Либрии, как давно умерших, так и правящего в данный момент. Чем полнее эта коллекция, тем более уважаем её обладатель. Алонсо говорил, что ему безразличны эти соревнования, однако это не помешало ему собрать самую полную коллекцию в городе. Мой приятель относился к категории людей, болезненно зависимых от мнения посторонних и различных веяний моды, но вслух он ни за что бы в этом не признался. Вот сейчас я спросил бы его: «Зачем тебе новая пристройка, Алонсо? Зачем малиновый цвет?» А он так равнодушно пожал бы плечами, мол: «Да вот, подумал, маловата моя обеденная...», хотя на самом деле он просто не смог смириться с тем, что сосед построил во дворе фонтан, сделал перепланировку и теперь водит в свой особняк экскурсии, а дом Алонсо на его фоне смотрится невзрачной избушкой.

Сейчас же мой приятель сидел за конторкой и что-то напряжённо подсчитывал. Серьёзность, с которой он щёлкал счётами и вносил записи в учётную книгу, говорила о том, что от результатов этих вычислений зависит по меньшей мере судьба мира. Но стоило ему поднять взгляд и увидеть меня, как все до единой морщины на его лице разгладились.

— Эн, дружище! — Алонсо встал и направился ко мне. — Как у тебя дела? Давненько ты меня не наве... Ой! Кто это с тобой?

Алонсо, наконец, заметил стоящую позади меня Лину и сейчас с удивлением её разглядывал.

— Привет, мой златоглавый друг! — начал я с обычного для нас приветствия. — Это Лина, у нас есть кое-какие дела в Квисленде. Рад тебя видеть! — я хлопнул приятеля по плечу, но тот, похоже, этого не заметил.

Он разглядывал Лину, как баран — новые ворота, даже не моргая. Девчонка сначала молча терпела, но, не выдержав столь пристального внимания, цокнула и закатила глаза.

Я поспешил вывести своего приятеля из ступора:

— Ты разрешишь войти?

Тот быстро моргнул, посмотрел на меня, словно что-то хотел спросить, но в последний момент остановил себя и произнёс:

— Да, да, проходите, не стойте на пороге! Располагайтесь. Устали, небось, с дороги? Как насчёт обеда?

Я отрицательно покачал головой и только кивнул в сторону Лины.

— Сейчас, Боэтта вас проводит. Боэтта! — В комнату заглянуло личико хорошенькой служаночки. — Боэтта, проводи госпожу Лину в столовую, приготовь ей обед.

— Я бы не отказался от кружечки сидра, — добавил я. Служанка коротко взглянула на Алонсо, тот поморщился и махнул рукой — мол, конечно, только иди уже.

Когда Лина скрылась вслед за пухленькой, отчаянно вертящей задом Боэттой, Алонсо повернулся ко мне и спросил:

— Кое-какие дела?

— Угу, — ответил я, не желая вдаваться в подробности.

— Какого рода дела могут быть у тебя с такой соплячкой? — терпеливо допытывался толстяк.

— Алонсо, отстань.

— Отстану, когда ты мне скажешь, что задумал. Кто она такая вообще?

— Да никто.

— Никто — как Таммита Тирхенс? Напомнить тебе ту историю? Знаешь, как трудно было объяснить графине, откуда взялся на балу уличный наёмник-соблазнитель?

Я сжал губы от досады. Конечно! Мы с Алонсо не виделись с того самого дня. Не стоило и надеяться, что он забудет тот случай.

— Прекрати, приятель. С графиней я уже сам всё уладил.

— Это как же?! Едва не прибавив её сыночка на дуэли? Наслышан!

— Она сама потом нашла меня и извинилась за его неподобающее поведение. И даже передала приглашение на намеченную свадьбу!

— После того, что ты натворил? Так я тебе и поверил!

— Да честно!

Алонсо замолк и зло засопел. Я чувствовал за собой вину, потому что и впрямь подвёл его той историей, поэтому не хотел лишней раз к ней возвращаться.

— Я же с тебя взял тогда обещание, — Алонсо всплеснул руками, — что будешь вести себя по-человечески! Эх, по-человечески — это не трахать невесту графа и сбегать через балкон!

Я вздохнул и виновато опустил взгляд, дожидаясь, когда запал моего приятеля иссякнет.

— Ну и подмочил ты мне репутацию. В жизни тебя больше с собой не возьму! А эта девчонка, небось, переодетая в бродягу принцесса?

— Нет. Она на самом деле бродяга.

Уловив мой серьёзный тон, Алонсо сменил гнев на любопытство:

— Вот как? И какие же у тебя дела тогда с ней?

Так уж вышло, что Алонсо был единственным человеком за пределами Квисленда, который знал о моём Даре. Конечно, дело Лины его никак не касалось, но я подумал, что если посвящу его в одну из магических тайн, это поможет ему пережить размолвку с графом Тирхенсом. Обиды обидами, а когда тебе доверяют секрет — это что-то да значит. А уж в случае моего приятеля это едва ли не лучший способ потешить его самолюбие.

— Вообще-то это тайна... — я сделал многозначительную паузу и скорчил недовольную физиономию — мол, не хочу болтать лишнего.

— Да я хоть раз проболтался?! — вскинулся купец. — Давай говори уже, не томи!

Я придвинулся поближе к нему и понизил голос, словно боялся, что нас подслушают.

— У Лины есть Дар.

Алонсо откинулся на спинку кресла и сделал задумчивый вид.

— Скорее всего, она скоро станет моей... коллегой, — продолжил я полушёпотом. — Ученицей Дисса.

— Откуда она взялась вообще?

— Не поверишь. Случайно встретил её в одной деревне.

— И правда, верится с трудом, — Алонсо смотрел на меня с сомнением.

— Да я сам чуть глаза не потерял. В таком захолустье — и такая находка. Но об этом всё тсс, — я для убедительности приложил палец к губам.

— Да ясный день, — махнул рукой купец.

— Ты, как я посмотрю, тоже времени не терял, — я перешёл из защиты в атаку. — Опять новая служанка?

— Боэтта очень исполнительна, — сказал Алонсо и поёжился.

— А что случилось с её предшественницей, как её... Гельмой?

— Она заболела, — отмахнулся Алонсо, а я, зная своего приятеля, усмехнулся про себя и подумал: «не иначе, как вздутием живота!». Этот закоренелый холостяк, несмотря на одинокий образ жизни, не упускал возможности соблазнить молоденькую служаночку, так что по городу бегали, по меньшей мере, трое его малолетних отпрысков. — Лучше вот что мне скажи: ты не слышал последних вестей из столицы?

— Нет, — кисло отозвался я. — Но чувствую, что сейчас услышу.

Я не доверял слухам и сплетням, а потому не особо их любил. Мой приятель напротив, предпочитал быть в курсе всего, и поэтому не брезговал любыми источниками информации.

— Тебе будет интересно, — Алонсо тоже пододвинулся ближе и заговорил вполголоса. — Два дня назад из столицы прискакал гонец. От ворот он во весь опор рванул к городской Канцелярии. Этого тоже никто не знает, но у меня в Канцелярии несколько знакомых... — он наклонился чуть не к самому моему уху. — Там все помалкивают, но ты же знаешь...

— Короче, Алонсо, — перебил я.

— У Меритари какой-то переворот или что-то вроде того. Башня на ушах стоит. Верховная, эта стерва Литесса, мертва. Её засосало в какую-то магическую дыру... Ну, это ваши чародейские штучки, я не в курсе. В общем, Орден преподносит всё как ошибку в эксперименте, но в это верят не все. Некоторые считают, что её убил Вернон, её же ученик, который теперь стал Верховным. К тому же, у них там начались какие-то внутренние движения, но что именно происходит — никто не знает. Сам понимаешь, Меритари не очень-то любят выносить сор из избы. Какие-то странные перестановки, переназначения... Что-то там затевается.

Он замолк, но весь его вид буквально кричал: «Посмотри, как хорошо я осведомлён!»

— Новости и впрямь интересные, — не стал врать я. — Но не слишком-то новые.

— То есть? — изумился-возмутился торговец.

— Потому что у Меритари вечно что-то затевается, вечно происходит что-то странное. Это их конёк — затевать и плести интриги. Только пещерный житель может поверить в их рассказы о стремлении к всеобщему благу.

— Тогда получается, что у нас полкоролевства составляют пещерные жители, — фыркнул Алонсо.

— Ну, когда-то им верили больше, — согласился я. — Поэтому они и достигли такого могущества. Но речь не об этом. А о том, что в их внутренних перестановках нет ничего нового. Напомнить тебе, как леди Кантелия стала Архимагессой?

— Да тебя тогда и на свете-то не было!

— Какая разница? Дисс был. Он говорит, что в то время происходили точно такие же странности. Разве что предшественник Литессы вдруг ни с того ни с сего ушёл в отставку, а не превратился в суп. Но даже если её убили — я не удивлюсь. И охать по этому поводу не стану. Хотят убивать друг друга — да пожалуйста, каждому по потребностям.

— То есть тебя не волнует, что новый Архимаг может пересмотреть отношения между Орденом и Квислендом? — купец ухватился за последнюю соломинку.

— Если он их и пересмотрит, то ненадолго. Литесса пыталась. Её предшественник — Саргас, кажется — тоже пытался. И даже предшественник предшественника пытался. А что в итоге?

— Ну, раз ты так говоришь... — скучающе проговорил Алонсо, стремительно теряя интерес к разговору.

— Приятель, просто поверь мне — это всё ерунда.

— Ладно, — купец хлопнул себя по коленям и встал. — Вообще-то, у меня для тебя кое-что есть. Чуть не забыл, сейчас принесу.

Он удалился в свой кабинет, и я тут же понял, о чём речь. У Алонсо было много полезных связей, которыми я пользовался время от времени. Он привозил мне вещи, по тем или иным причинам отсутствующие на прилавках, стоило только попросить. Разумеется, платил я по двойному тарифу, но считал такой коэффициент приемлемым. Просто потому что знал, сколько накручивает Алонсо на других своих клиентах. Моих заказов у него накопилось уже немало, так что я понятия не имел, что он добыл на этот раз.

Алонсо вынырнул из боковой дверцы, совсем не той, в которую уходил, держа в руках длинный свёрток чёрной ткани, перевязанный алым шнурком.

— Подумал, от такого ты точно не откажешься, — он протянул свёрток мне.

Тот оказался неожиданно лёгким, будто внутри покоилась связка хворостин. Я поспешил его развернуть и тут же замер — от увиденного перехватило дыхание.

В моих руках оказалась пара великолепных мечей-близнецов. Обычные деревянные ножны на них выглядели сущим кощунством.

— У-у-ух... — только и смог выговорить я. — Ты позволишь?

— Конечно, — купец чуть отошёл от меня, поняв, что я хочу сделать. — Маши, только аккуратно, мебель не повреди. Они до ужаса острые.

Я встал в позицию и по привычке крутанул мулине. Клинки были отлично сбалансированы и почти идеально подходили под мою руку. Кроме того, их вес и мутноватый отблеск навели на мысль, которая повергла меня в полный восторг:

— Живая сталь?

— Точно, — довольно прищурился Алонсо. — Я как их увидел, сразу понял — вещь очень дорогая. Не поленился, нашёл гнома-оружейника. Он хоть и был нетрезв, но все же восхищённо цокал языком и дивился работе. Клеймо, говорит, очень редкое, мастер делает только шедевры.

— Похоже на то, — я не мог оторвать взгляд от оружия.

Живая сталь — самый лучший и дорогостоящий материал для изготовления оружия. Лёгкая, прочная, благодаря чему почти не тупится и совершенно не ржавеет. Восприимчива к зачарованию. Проблема в том, что изготавливать её умеют только гномы. Они выплавляют не больше пуда живой стали в год, поэтому цена этого материала, образно выражаясь, прошибает потолок. Любой гном скорее съест свою бороду или умрёт, чем раскроет секрет её изготовления.

До этого я ни разу в жизни не держал в руках полноценный меч из живой стали, только видел небольшую её пластинку в одном из приборов Старого Мага и тонкий стилет размером чуть больше зубочистки. Сейчас же это богатство лежало у меня в руках, и я знал почти наверняка, что всех моих денег не хватит, чтобы расплатиться с Алонсо.

Гарда каждого из мечей компактная, но изящная и функциональная — в самый раз принимать скользкие удары. Обоюдоострые клинки ровные, с изящным долом и чуть закруглённой слабой частью. Рукояти чуть длиннее, чем того требовалось, что поначалу сбило меня с толку. Однако Алонсо с удовольствием пояснил, что механизмы на их навершиях есть не что иное, как замок, сцепляющий два меча в единое целое, образуя

подобие двусторонней глефы. Я не преминул проделать этот фокус и с удивлением услышал тонкий щелчок, намертво закрепивший клинки в нужном положении. Открылся этот замок так же просто — стоило лишь немного повернуть кольца на рукоятях.

— Сколько ты хочешь за них? — как можно небрежнее спросил я, но мой товарищ не был бы собой, если бы попался на эту уловку.

— Оценщик сказал, что они стоят не меньше пяти тысяч золотых. Не думаю, что у тебя есть такие деньги, — Алонсо изобразил скучающий вид.

Как и следовало ожидать. Хорошо, что у меня имелся запасной план.

— Дружище, — я широко улыбнулся и хлопнул Алонсо по плечу. — Ты же знаешь, что моё слово крепче любой стали?

— Не-а, — купец замотал головой. — Даже не думай об этом. Заём в пять тысяч? Да я бы даже королю такого не дал!

— Ой, завязывай! Сколько ты за них отдал? Две сотни? Три?

— Не твоё дело!

— Да как это не моё? Я тоже не хочу, чтобы ты остался в накладе, но пять тысяч — это больше, чем стоит вся моя жизнь! Не стыдно тебе с лучшего друга сдирать такие суммы?

— Я — купец, забыл?

Разумеется, пять тысяч он с меня получить и не рассчитывал. Просто пытался выбить побольше.

— Ну хватит, Алонсо! Сколько ты за них отдал?

Хитрый торгаш соорудил злую мину, на которой отчётливо читалась внутренняя борьба. Когда дело касалось прибыли, он проявлял поразительные актёрские способности.

— Со мной ими расплатился один должник.

— Сколько он был тебе должен?

— Какая разница? Если ты не можешь их купить, я найду того, кто сможет. Пять тысяч, Эн! Пять тысяч! Да я даже гадить золотом буду!

— Сколько. Тебе. Был. Должен. Этот. Идиот? — отчеканил я, не переставая добродушно улыбаться. — Заплачу вдвое.

— Сто пятьдесят.

— Значит, триста. Столько у меня с собой нет, но сумма уже реальная.

— Вот и пусть они полежат здесь, пока не принесёшь деньги! — Алонсо ткнул пальцем в мечи.

— Приятель, — я улыбнулся ещё добродушнее. — Ты же понимаешь, что без этой парочки я отсюда не уйду. И понимал ты это ещё до того, как показал их. Давай сделаем так: я буду должен тебе четыреста, но эту пару заберу с собой. Если не объявлюсь с деньгами через месяц, можешь объявлять за мою голову награду!

Вот теперь Алонсо и впрямь сомневался. Он смотрел то на меня, то на мечи, то снова на меня и явно что-то подсчитывал в уме.

— За твою объявишь, как же, — проворчал он в итоге. — Эх, угораздило меня тогда нарваться на бандитов... Если бы не они, в жизни бы я такую невыгодную сделку не заключил! Тебе...

Купец не договорил, потому что я стиснул его в объятиях.

— Хорошо, когда есть такие друзья, как ты, Алонсо! — крикнул я как можно искреннее. — Где бы я был без нашей дружбы?

— Будешь паясничать — передумаю! — крикнул купец, едва смог от меня отбиться.

«Как будто от этого что-то изменится», — подумал я и тут же воскликнул:

— Умолкаю! Но мне, как новому владельцу, очень интересно, как такая вещь попала к такому придурку, как этот твой должник.

Я взялся прилаживать ножны с мечами к ремню, пока приятель не передумал.

— Это вообще долгая история, — помолчав, сказал Алонсо. — И странная. Он сказал что добыл их в бою, но вряд ли это правда. Сдаётся мне, он их просто свистнул откуда-то или снял с трупа.

В это самое время в комнату, довольно поглаживая живот, вошла Лина, и...

Мою голову будто с размаху впечатали в стену. В глазах потемнело, тишина надавила на перепонки. В плечо что-то толкнулось, и я понял, что лежу. Перед глазами плавали мутные кляксы; я взмахнул рукой, но захватил лишь пустоту. Внутри черепа звонким колокольчиком задрезжала мысль: «Что происходит?», а ноги задёргались, заскребли по полу, безуспешно пытаюсь нащупать опору.

И вдруг — оглушительный грохот. Такой, что после густого беззвучия терзает слух до физической боли. Челюсти сжимаются, сквозь зубы вырывается натужный выдох, взгляд проясняется: на ковёр падают брызги слюны. Грохот переходит в шипение, в затихающий свист. Меня трясёт, но движения становятся всё твёрже; я сжимаю кулаки и, опираясь на оказавшийся рядом диван, встаю.

«Магия, — пронеслось в голове. — Сверхмощная магия. Недалеко. Дисс?»

Взгляд скользит по предметам и задерживается на человеческой фигуре. Алонсо стоит, зажмурившись и закрыв уши руками. За его спиной Лина — на четвереньках, трясёт головой. Пол наклоняется... нет, это я падаю. Хватаюсь за спинку дивана. По губам бежит тёплое. Вытираю рукавом — кровь.

— Магия, — повторяю я вслух и тут же окончательно прихожу в себя.

Ноги плохо слушались, так что я с трудом добрался до окна. Небо, всего минуту назад чистое, покрылось грязно-серыми облаками. Формой они напоминали круги, и что находилось в их центре, было не разглядеть из-за особняка, который закрывал весь обзор.

Но где-то там, на северо-западе, располагался Квисленд.

Я вернулся за оброненными мечами и направился к двери. «Быстрее, быстрее, в замок... Зараза, да что же это? Почему меня так колотит?..»

Выйти я не успел, потому что у самого порога в мой локоть вцепились.

— Ты куда?! — В широко раскрытых глазах Лины застыл страх.

— Мне нужно ехать. Срочно, — бросил я, вырывая руку из её пальцев.

— Не бросай меня! — вдруг крикнула девчонка, чем заставила меня обернуться.

«Не бросай меня? — вспыхнул я. — Что ещё за бред?»

Но стоило мне посмотреть на Лину снова — и я понял, что она имела в виду. Её тоже накрыло отдачей того сверхмощного плетения, и видно было, как девчонка дрожит, как боль выкручивает её суставы, разве что кровь носом не пошла, как у меня. Но всё это не имело значения, потому что боялась она не боли.

Лина боялась остаться одна. Здесь и сейчас. Словно когда-то она пережила нечто подобное — и сделала бы что угодно, лишь бы не переживать это снова. «Не бросай меня одну».

Вскипевшая было ярость отступила.

— Только быстрее, — сказал я, пропуская девчонку вперёд. — Времени нет.

Скаун дико ржал и брыкался, норовя вырвать перекладину, к которой я его привязал.

Некогда было ждать, пока он успокоится: в ход пошло заклинание лишения воли. Я вскочил в седло, Лина села позади — и мы стремительно вырвались из закутка, в котором стоял дом Алонсо.

На улицах царила полная неразбериха. Прохожие, точно оглашённые, бежали кто куда; некоторые просто валялись ничком на мостовой. Отовсюду доносились крики, вой, плач, с треском хлопали двери и ставни.

Облака темнели, наливаясь свинцом, и над городом стремительно сгущались сумерки. Впотьмах я не заметил выбежавшую на дорогу шальную бабу и сбил её. Лина вскрикнула. Я оглянулся: женщина, вставая, орала благим матом. «Жить будет», — сказал я себе и снова сосредоточился на скачке.

Мы пролетели северо-западные ворота и выехали на дорогу, ведущую напрямиком в Квисленд. Путь туда должен был занять около двух часов, если скакать галопом. Но я видел огромный дымный столб, поднимающийся далеко впереди, и просто не мог ждать.

Конь под нами сбился с шага, истошно заржал — это я привёл в действие первую часть преобразующего заклинания. Если бы я не лишил скакуна воли, он тотчас скинул бы нас на землю, но сейчас, понукаемый ударами каблуков по бокам, поскакал дальше. Как только его мышцы наполнились сверхъестественной чужеродной силой под завязку, я крикнул:

— Держись! — и запустил вторую часть плетения.

Лина обхватила меня руками, сам я вцепился в шею коня, но тот всё равно едва не вырвался из-под нас из-за резкого ускорения. Животное окончательно превратилось в безвольную куклу, управляемую мной, и понеслось в несколько раз быстрее.

Встречный ветер настолько усилился, что я с трудом видел дорогу. Мне было жаль верного скакуна, но все мои мысли занимал чёрный дым, вливающийся в небо. Я не представлял, куда так тороплюсь и что там увижу. Знал только, что должен быть там первым.

Чем ближе мы подъезжали к цели, тем непроглядней становилась тьма, тяжёлыми клубами нависающая над землёй. Пришлось зажечь магический огонёк и замедлиться, чтобы не расшибиться в темноте. Я потерял счёт времени; казалось, мы скачем уже несколько часов. В голове металась всего одна злая, навязчивая мысль, но я всеми силами сопротивлялся ей, отказываясь верить, пока не увижу всё собственными глазами.

На краю дороги показался знакомый указатель. Из-за дыма стало тяжело дышать. Осталось два поворота. Один...

Мы вылетели на опушку леса, и я тут же остановил коня, пытаюсь разглядеть хоть что-то в едком антрацитовом мареве. В свете моего люмика отчётливо проступала лишь широкая полоса земли, покрытая слоем пепла, а дальше — стена дыма. Некоторые деревья и растения скрючились и пожухли, другие и вовсе превратились в рдеющие угли. Кое-где среди них мелькали крохотные язычки пламени.

Я спешил и, прикрыв лицо рукавом, направился прямо в черноту. Сердце ухало где-то между ключиц и причиняло боль, глаза слезились, кожа горела от сгустившегося вокруг жара, но ноги сами несли меня вперёд. До тех пор, пока идти стало некуда.

Яма. Никакого замка. Только огромный дымящийся кратер. Его склоны, проглядывающие из темноты, гладкие до блеска. В поперечнике — примерно верста. И на всей этой территории ничего не осталось. Что уж говорить о сравнительно небольшом замке.

Поисковые заклинания одно за другим сплетались и возвращались ни с чем. Я пытался

найти выживших, но делал это машинально, потому что иначе понял бы — после такой катастрофы энергетический фон блокирует поисковую магию наглухо.

Я слышал, как трещит горящее дерево. Как шипит, остывая, сплавившаяся в стекло земля. Слышал хрип скакуна, загнанного чуть не до смерти. Всё это сливалось в назойливый неприятный шум, но я слушал только тишину, притаившуюся где-то позади него. Она одна имела смысл. Она всегда была там, скрытая за недолговечными иллюзиями звучания, и терпеливо ждала, пока я её услышу. Чтобы напомнить:

«Ты здесь совсем один».

Когда-то я решил, что смогу привыкнуть к этой мысли. Иногда я даже думал, что сам внушил её себе, и на самом деле нет между мной и миром никакой отчуждённости. Я изо всех сил старался стать его частью и делал вид, что не замечаю притаившейся внутри тишины. Но теперь мы снова остались наедине. И с каждой секундой я становился беспомощнее, а тишина — громче.

«Знал ведь, знал, что так будет, — говорил то ли я, то ли кто-то другой моим голосом. — Хотел нормальной жизни? На-ка, полюбуйся: теперь достаточно нормально?»

Дым, чёрный дым, и больше ничего. Душит, обволакивает, лезет в глаза и нос, будто пытаюсь добраться до мыслей. От него никуда не деться, ведь он — единственное, чем здесь можно дышать.

«Кто? — спрашиваю я себя. — Кто вообще способен на такое?»

«А ведь всё складывалось так удачно! Притворись, что проблемы нет, — и она исчезнет. Простой рецепт, доступный каждому. А главное — он действенный! Все, кто ему следует, избавляются от одной проблемы и получают горсть совсем других!»

За этой чернотой должен быть замок, который я так часто покидал, и в который всегда возвращался, как домой. Сейчас, ветер чуть сгонит завесу, и выглянут знакомые башни... Нет, здесь только кратер. Его раскалённое дно медленно остывает, а кажется, будто остывает моя кровь.

«Ничего не осталось. Никого. Одна пустота. И я. Почему-то ещё живой. Прямо посередине».

«А чего, спрашивается, ожидал-то? Ты, безымянный выродок, взявшийся ниоткуда, чужой каждой частице этого мира, небось, надеялся на «долго и счастливо»? Долго — возможно, но счастливо — уж прости, такие сказки точно не про тебя».

«Сколько нужно сил, чтобы разнести замок и все окрестности? Это сравнимо, наверное... не знаю, с чем. Бессмыслица. Не понимаю».

Арджин садится на коня и машет мне рукой: «Увидимся!» Его фигура удаляется к замку.

Дисс сидит у раскрытого настежь окна, в очередной раз перечитывает одну из книг. Вдруг что-то его отвлекает, Маг поворачивает голову; в его очках отражается небо, а в следующий миг линзы вспыхивают, как маленькие солнца...

«Не глупо ли это — пытаться встроиться в мир, которому ты не нужен? Идёшь навстречу, а он хлещет тебя по роже. Пытаешься восстановить справедливость, а тебя за это бросают в яму. Привязываешься к людям, а их взрывают одним махом, как не бывало! Ну и как там твои надежды? Не надоело ещё подставлять вторую щёку? Ведь с самого начала же было ясно: жить придётся не благодаря, а вопреки!»

Стук. Тихий, равномерный, гипнотизирующий. Пепел, скрипящий на зубах. Резкий запах гари. Исходящая едким дымом яма. И всё? Это всё, что есть у меня спустя восемь лет?

Спусти всю мою жизнь?

«Можно попытаться ещё раз. Найти тихий уголок, заползти в него и снова попытаться стать как все, дожидаясь, пока мир окончательно тебя отторгнет. Этого ты хочешь? Сдохнуть в надежде, что тебе удалось сравняться с заурядностью? Откуда же такой комплекс неполноценности?»

Вдруг перестало хватать воздуха; я закашлялся, пошатнулся и чуть не упал. Это немного отрезвило — даже пришла мысль о том, что нужно куда-то идти и что-то делать. Она казалась полностью бредовой. Куда идти? Разве есть в этом мире место, где я смогу избавиться от собственного присутствия?

Позади раздался чей-то кашель. Я обернулся, с удивлением вспомнив — точно, девчонка! Она всё ещё здесь. Я так погрузился в себя, что позабыл, где нахожусь.

«Нет, хватит с меня. Все эти мысли — они от шока. Пора брать себя в руки и действовать».

Я развернулся и пошагал прочь, намереваясь как можно скорее покинуть это проклятое место. Мной завладело непреодолимое желание во что бы то ни стало выяснить, кто стоит за катастрофой. Это всё, что мне оставалось — потому что о другом даже думать было тошно.

Когда я прошёл мимо Лины, она взволнованно крикнула:

— Ты куда?

— Уезжаю. — Я даже не обернулся.

— Куда? — девчонка шла следом, стараясь не отстать. — А как же... то, что ты обещал?

— Ничего я тебе не обещал.

— Но...

— Ты что, не видишь? Некому теперь тебя учить.

— А ты? Ты разве не можешь?..

Я развернулся и хотел уже было крикнуть: «Не до тебя сейчас!», но остановился. Не из жалости или стыда, просто до меня вдруг дошло: а ведь она такая же.

Лина выглядела взволнованной, словно ей действительно было важно, соглашусь ли я взять её с собой. Утром она смотрела на меня волком, даже несмотря на то, что осталась жива только благодаря мне. А теперь вдруг передумала.

Почему?

Да потому что теперь мы оба неприкаянные. Лина, наверное, может представить, что я сейчас испытываю. Кому как не ей знать, что такое жить в огромном мире, в котором для тебя совсем нет места...

Я окончательно запутался и не знал, как поступить. Мы были едва знакомы, и в то же время у нас было много общего. Она смотрела мне в глаза так, будто тоже это чувствовала — и, вероятно, только поэтому решила напроситься в ученицы. Так что же — оттолкнуть её?

— Ты же понимаешь, что мне теперь придётся прятаться? — спросил я. — Только меня будут искать по-настоящему. И если найдут меня — найдут и тебя.

Она думала над ответом всего секунду.

— Значит, постараемся не попадаться.

«Она всё ещё не понимает, — догадался я. — Думает, раз её одну не поймали, то двоих и подавно не найдут».

— Послушай...

— Не надо, — перебила Лина. — Просто езжай, а я поеду с тобой.

Мне оставалось только вздохнуть. Хочет — пусть остаётся. Может, и это правда не

такая уж плохая идея.

«Давай, попробуй снова, — шептала, посмеиваясь, тишина. — Возьми её с собой, привяжись к ней! Надежда умирает последней...»

— У тебя ещё будет время передумать, — сказал я, отворачиваясь. — Поехали. Здесь оставаться опасно.

Я запрыгнул в седло и помог забраться девчонке.

— Куда мы теперь?

— Не знаю. У меня не было плана на такой случай. На восток, наверное.

— Давай сначала вернёмся к моей хижине?

— Это ещё зачем?

Лина неловко поёжилась и тихо ответила:

— Там остались кое-какие... сбережения.

— Ага, — я понимающе кивнул. — То есть теперь ты достаточно мне доверяешь, чтобы рассказать о них?

— Как будто ты на моём месте поступил бы иначе, — отмахнулась девчонка. — Поехали уже. Мне здесь не по себе.

Меня не нужно было просить дважды. Сбежать — всё, чего я хотел, и жалел лишь, что не могу в один миг оказаться на другом конце света. Меня не пугала сила, уничтожившая Квисленд. Странно, но я боялся самого себя — опустошённого и злого на весь мир за его несправедливость. Наверное, потому что чувствовал, что не так уж и не права эта моя сторона.

Долгое время я считал, что главная моя проблема — это скука. Это были хорошие времена, и они закончились. Настали новые — где всё привычное кануло в Бездну, а осталось лишь... то, что осталось.

Глава 3. Отражение

Я не помнил, как очутился здесь, знал только, что мне тоскливо и немного жутко. Вокруг высились громадины-дома. Пугающе одинаковые, угнетающе бездушные, они смотрели на меня тысячами строго упорядоченных дырочек-окон. Ржавые металлические оградки и чахлые деревца немного оттесняли эти жилища от каменных дорог, тонущих в тени и тумане. Нигде не было ни души — словно не нашлось ни одного дурака, осмелившегося жить в таком месте. Был только я.

Выглядывающее из-за угловатых строений небо медленно наливалось свинцом, который бесформенными массами ворочался где-то в высоте. Я стал опасаться, что вот-вот польёт дождь, но вместо холодных капель сверху редкими хлопьями полетел пепел.

В конце одной из улиц я заметил тусклый огонёк. Он был еле виден, но ноги сами понесли меня ему навстречу. Чем дальше я шёл, тем ярче мерцал призрачный свет, и тем больше редел туман. Угрюмый город постепенно остался позади. Огонёк же оказался стеной чистого света, зажатой между двух могучих деревьев. Меня так и манило прикоснуться к сияющей преграде; недолго думая, я сделал это, и стена тут же обратилась в большое зеркало.

Вот только моё отражение, появившееся на его идеальной глади, жило собственной жизнью.

— Чего уставился? — со скучающим видом спросило оно.

— Сон какой-то странный, — ответил я.

— Ну, не знаю, твой же сон, — осклабилось Отражение.

Позади него в зеркале появился вековечный лес, а за моими плечами клубился туман — словно зеркало вдруг стало окном в другой мир.

— Никогда не разговаривал с отражениями.

— А зря. Иногда бывает очень полезно.

— Чем?

Мой двойник в зеркале закатил глаза и небрежно ответил:

— Дружок, да я же единственный в этом мире, кто тебя понимает. С кем как не со мной тебе говорить?

Удар попал точно в цель. Я разозлился, хоть и понимал задним умом, что двойник в чём-то прав.

— Вот только не знаю, нравится ли мне, что ты меня понимаешь, — прошипел я.

— Ой, я задел твои нежные чувства? — Отражение равнодушно вскинуло бровь, и я вдруг понял, насколько сволочным может быть моё лицо. — Ну, в таком случае... — оно сделало паузу, — извинений не будет. Потому что давно пора перестать воспринимать свою уникальность как уродство.

— Что за бред? Я не считаю себя уродом.

— Ага, — двойник внимательно разглядывал свои ногти.

— Трудновато, знаешь ли, не обращать внимания на огромную дыру внутри себя, — сказал я, стараясь взять себя в руки.

Отражение окинуло меня взглядом с ног до головы и изрекло:

— Это которую из?

— Вот здесь, — я ткнул себя в висок. — Человеку свойственно считать себя неполноценным необоснованно, но у меня на то есть все причины.

— Могу угадать все по порядку, — лицо двойника отразило величайшую скуку. — У тебя не было детства, нет родителей, нет дома... ничего не забыл? Как по мне, обычное нытьё.

— Каждый человек должен знать, с чего он начался, — сказал я уже спокойнее. — Это элементарные знания. Сколько мне лет. Какое время года было, когда я родился. Как я рос и в каком возрасте у меня выпал первый молочный зуб. Как выросел. У меня просто нет этих знаний. И вся эта неизвестность сводит с ума, дружок. Воспоминания дают человеку опору, которая позволяет идти дальше, а у меня её нет, так что я только беспомощно болтаю ногами.

— Вместо того чтобы лететь, — со вздохом добавил двойник. — Я же говорю — обычное нытьё.

— Очевидно, ты понимаешь меня не так хорошо, как думаешь, — сказал я и добавил с презрением. — Да и о чём это я? Ты же всего лишь моё отражение!

Двойник звонко расхохотался, и вокруг начали сгущаться сумерки.

— Да ну! — бросил он, щерясь. — Уверен, что я не понимаю тебя лучше, чем ты сам? Уверен, что настоящий мир по твою сторону зеркала, а не по мою?

С этими словами он ударил по разделявшей нас преграде, и та разлетелась вдребезги. Из зеркала, как из прорехи в реальности, ураганом хлынули краски и звуки; их напор был таким сильным, что меня едва не сбilo с ног: пришлось отступить на несколько шагов, чтобы не упасть. Пёстрое шумное месиво полилось во все стороны, разрывая туман в клочья. Здания серого города стремительно зарастали мхом, покрывались лианами и плющом. Между ними, пробивая камень, вырастали громадные деревья, намного выше самого высокого из домов, а кажущиеся игрушечными оградки просто вырывало из земли могучими корнями. Мир наполнился пением птиц и запахами цветов, от которых закружилась голова — и я усомнился в том, что сплю.

Двойник шагнул сквозь разбитое зеркало, которое теперь превратилось в пустую рамку, и остановился в шаге от меня. В его позе сквозили хозяйская уверенность и властность, граничащая с величием.

— Уверен, что это я — всего лишь твоё отражение, а не ты — моё?

Я смешался на несколько мгновений, не зная, что ответить. Представление, устроенное Отражением, впечатляло. На место унылой серости пришло разнообразие. Вязкая тишина расступилась перед неторопливым потоком сотен звуков. Мёртвый город ожил — или, вернее, стал приютом для новой жизни. Вокруг изменилось всё. Один я остался прежним.

— Так вот кто я по-твоему? — сказал я наконец. — Чья-то тень? Не человек, а только облик, который кто-то когда-то видел в зеркале?

— Нет, — двойник покачал головой. — Это не по-моему. Это по-твоему.

Великолепный панорамный пейзаж разом поблёк и как будто выцвел: звуки разом утихли, зелень на домах стала шелушиться и облетать, по каменным стенам побежали трещины. Деревья засыхали на глазах и обращались в труху; откуда ни возмись поднялась пыль, плотными облаками укутывающая погибающие растения.

— Я показал тебе простенький фокус, и вот ты уже говоришь мне то, что я хочу услышать. — Отражение вздохнуло, глядя мне в глаза. — Но я — это ты. Поэтому на самом деле ты произнёс вслух то, в чём давно боишься признаться себе самому.

Город разваливался на части, и его по кусочку поглощали обрётшие тяготение небеса. Бесцветные, немые небеса.

— Вот что ты такое, — продолжал двойник. — Существует, но не можешь себе этого объяснить. Ты окружён подсказками, но не замечаешь их, потому что смотришь внутрь себя. Ищешь, но не хочешь найти.

Вокруг нас уже не осталось ничего — ни тумана, ни города, ни даже земли под ногами. На месте буйства жизни зияла пустота.

— Ты не видишь, не слышишь, не понимаешь. Только бегаешь по кругу, как пёс, пытающийся догнать свой хвост. И пока это так, не может быть и речи о «нормальной» жизни. Ты — пуст.

С этими словами Отражение ткнуло в меня пальцем, и я начал рассыпаться на кусочки точно так же, как всё остальное несколько секунд назад.

— Что?! — запаниковал я. — Что ты делаешь?! Подожди!

Но было поздно — все чувства разом отказали, и меня окутала глухая непроницаемая тьма.

* * *

Проснулся я от того, что в горле собрался мешающий дышать комок. Тело взмокло, сердце билось где-то под диафрагмой. Хрипя и пытаясь откашляться, я сел на постели.

После посещения новообразованного Квислендского кратера с моими снами и так творилось что-то странное, но в этот раз ночные фантазии превзошли все ожидания. Перед глазами всё ещё висело лицо Отражения, ухмыляющееся одновременно гнусно и грустно. Он был как... настоящий.

— Ты чего?

Лина сидела на своей кровати и штопала плащ. Обычно я просыпался раньше, а она дрыхла до победного конца — если не будить, могла проспать до полудня или даже больше. Я глянул в окно: солнце только взошло, и тень от трактира, в котором мы остановились, простиралась на несколько десятков саженей.

«С ума, что ли, сошла?» — подумал я, глянув на девчонку, и ответил:

— Сон был... яркий.

— Мне кошмары давно перестали сниться, — сказала Лина, так и не повернув головы в мою сторону.

— А мне, похоже, как раз начали. После того, как встретил тебя, кстати. Хм-м... — я посмотрел на девчонку с прищуром.

— Ой, ну конечно, — отмахнулась та. — Я одним своим появлением разрушила твою психику. Смотри окончательно не рехнись.

В коридоре пронзительно скрипнула половица, и почти сразу раздался стук в дверь.

— Кто там? — недовольно отозвался я, вставая с постели.

— Велели жвать к завтраку, — прошамкала служанка из коридора.

— Скоро будем, — я начал одеваться.

— Вы уж поспешите, гошпода хорошие, похлёбка-то штынет жеж! — И до нас донеслись шаркающие удаляющиеся шаги.

Я повернулся к Лине:

— Ты-то чего не спишь? Лучше бы выспалась. В следующий раз ночевать под крышей

нам придётся только через недельку.

Девчонка только усмехнулась в ответ.

— Я спала в канаве с городскими шавками в обнимку. Уж как-нибудь переживу.

— Как знаешь, — вздохнул я. — Но если ты опять начнёшь ныть, что устала и хочешь спать, я засуну кляп тебе в рот и оставлю в ближайшей деревне, так и знай.

— Ну, ну, не оставишь, — промурлыкала Лина, подходя ближе. — Не бросишь же ты единственную ученицу на произвол судьбы из-за такой мелочи.

На мгновение мне захотелось придушить маленькую нахалку голыми руками.

— Ты меня в могилу сведёшь, — вздохнул я. — Пойдём уже завтракать.

Наглая девчонка зловеще хихикнула и первой шмыгнула из комнаты.

Что бы я ни говорил, она права. Не брошу.

Недоверие между нами растаяло в тот же день, когда мы уехали с места катастрофы. Это случилось само по себе, незаметно: я даже себе самому не мог объяснить, почему перестал ждать от Лины подвоха. Она тоже перестала смотреть исподлобья и односложно отвечать на вопросы. Мы словно одновременно расслабились, и барьеры, мешавшие нам находиться рядом, пали.

Я и не подозревал, что способен так быстро сближаться с людьми. Алонсо, к примеру, даже за несколько лет знакомства не подобрался к такому уровню: при нём я сначала думал, затем думал ещё раз, и только потом говорил. Любопытному купцу трудно верить — наверное, в этом всё дело.

Лина же ни о чём не спрашивала, а если и спрашивала, то не настаивала. Мы говорили обо всём понемногу и ни о чём. Временами девчонка вела себя грубо, временами — до умиления наивно. Иногда она становилась совершенно несносной, но даже когда я злился на неё, злость внутри меня смеялась. С Линой было легко.

Поэтому, несмотря на изначальные сомнения, теперь я не жалел, что взял её с собой.

Даже в такую рань в общем зале свободным остался только один стол. Девчонка, увидев в дверном проёме нового посетителя, бросилась занимать последнее место. Я, в силу менее скромных габаритов, шёл осторожнее и по давней привычке присматривался к публике. Уж что-то, а посмотреть сегодня было на кого — народ собрался весьма разномастный.

В одном углу сидела группа мужчин в богато расшитых назирских халатах, в вырезах которых мелькали медальоны гильдии торговцев. Рядом с ними пристроилось несколько наёмных караванщиков с помятыми лицами — при одном взгляде на них в воздухе мерещился запах перегара. В другом углу, надвинув капюшон на глаза, пил молоко странствующий монах. Напротив него торопливо уничтожал похлёбку хмурый детина, похожий на рыцаря, но без герба и, судя по состоянию снаряжения, без гроша в кармане. Посреди зала свободно расположилась компания вольников — чистильщиков, которым кочевая жизнь наёмника показалась прибыльнее членства гильдии, в которую нужно платить взнос. Они играли в карты и вычурно, используя характерные для своей профессии словечки, ругались на весь зал. От стойки на них апатично смотрела пухлая девица, держащая на коленях выдавшую виды лютню. Мне хватило одного взгляда, чтобы наградить её званием «самый нелепый менестрель, которого я когда-либо видел». Нам же с Линой достался маленький столик, стоящий у самой стены. По соседству, у окна, клевал носом человек в пёстрой одежде королевского гонца.

Я мысленно посочувствовал парню — у этих ребят в последнее время сильно прибавилось работёнки. Уже месяц минул со дня уничтожения квислендского замка.

Известие об этом событии быстро разлетелось по всем градам и весям, и хрупкое политическое равновесие, установившееся на просторах Куивиена, плавно покатило в Бездну. Из того, что мне удалось подслушать в дороге, картина вырисовывалась прелюбопытнейшая. В народе ходило две особо популярных версии, поэтому иные дураки до хрипоты спорили о том, кто из них правей.

Одни, делая страшные глаза и указывая на небо, говорили о Великой Божественной Каре. Церковные глашатаи и буйнопомешанные проповедники вопили об этом на каждом углу, так что набожная часть населения глотала их сказочки как назирские конфетки, не жуя. Правда, что это за кара такая и почему она обрушилась на стоящий в глуши замок, никто сказать не мог. Наверное, так далеко никто не думал, ведь есть же строки Святого Писания: «И настанет тьма великая, и развернутся небеса, и падёт на землю кара божественная, выжигающая огнём священным всякий грех» — и какие, спрашивается, ещё нужны доказательства? Добрые прихожане и глупые грешники вереницами устремились к порогам церквей, где первые молились, расшибая лбы, а вторые ещё и жертвовали деньги — чтобы святые отцы замолвили перед Богами словечко. Как, бывало, говаривал мне Арджин: «Хочешь стать величайшим алхимиком — иди в церковники. Они золото делают прямо из воздуха».

Другие, более приземлённые, твердили, что не было на самом деле никакого катаклизма, и что замок разрушен вовсе не божественной силой, а подлым южным соседом Либрии, под покровом ночи перебросившим через границу карательный отряд. Мол, те земли принадлежали предкам нынешних танов Прибрежья, вот морские владыки и решили их отбить. Находились очевидцы, которые побывали на месте: они уверяли, что тамошняя картина не очень-то похожа на результат божественной кары, зато очень похожа на обычные развалины взятого штурмом замка. В ответ на упоминание ужасного грохота, землетрясения и ослепляющей вспышки света они пожимали плечами: «Погода».

И то, и другое, разумеется, было полнейшей чушью. Люди видели на месте кратера развалины, потому что Меритари создали очень качественную иллюзию. Они прикрыли катастрофу легендой о вторжении, чтобы избежать скандалов вокруг себя — потому что их обвинили бы в первую очередь. Престиж Ордена в народе и без того был не слишком высок, а после такой демонстрации силы положение и вовсе стало бы критическим.

Что касается меня, то спустя месяц после катастрофы я был полностью уверен, что Меритари к ней непричастны. Во-первых, потому что испытывал известные сомнения по поводу мастерства чародеев Ордена, а во-вторых, потому что вслед за этим колоссальным, невероятным по своей мощи магическим ударом так и не последовало возврата. Никакого. Я ждал новостей о новых катаклизмах, о нашествиях выродков, об оживающих кладбищах или эпидемиях, но слышал лишь пересуды о подскочивших ценах и передвижениях войск вокруг границы. словно чудовищный луч света, расщепляющий любую материю на мельчайшие частицы, мог обойтись без естественных для нашего мира последствий! Я даже представить себе не мог, как это возможно. Кто бы ни уничтожил Квисленд, он обладал исключительными знаниями и навыками. Если я, конечно, не ошибся в своих суждениях относительно могущества Меритари или Божественной Кары...

Гонца, на которого я периодически поглядывал, окончательно сморило, и он едва не упал на бок, но сработали профессиональные рефлексy — парень встрепенулся и выпрямился на стуле, одновременно попытавшись схватиться за несуществующие вожжи. Осоловело оглядевшись, человек в пёстром плаще потёр лицо, допил из кружки и вышел из

корчмы. Я посмотрел ему вслед с некоторым сожалением, потому что планировал расспросить вестника о последних новостях с границы.

Дело в том, что между Либрией и Прибрежьем по слухам вот-вот должна была разразиться война. Эти державы десятилетиями улыбались друг другу, стискивая рукоять спрятанного под одеждой кинжала, и теперь, с уничтожением Квисленда, получили долгожданный повод накормить друг друга сталью. Начались частые пограничные стычки. Участились грабежи и нападения на знать. Торговля затруднилась, что повлияло на цены и, в конечном итоге, на общественные настроения. На границе Либрии и Прибрежья всё туже затягивался клубок хаоса. Всё шло к моменту, когда множество мелких потасовок превращается в одно масштабное кровопролитие. Отчасти поэтому мы с Линой улепётывали оттуда со всех ног — чтобы оказаться как можно дальше от чужих разборок, когда грянут настоящие битвы.

Для начала я планировал добраться до сравнительно безопасной границы с Кан-Терном, но потом прошёл слух, что там ввели усиленный контроль, поэтому мы направились вдоль неё — в сторону Дембри. Чтобы не попадаться на глаза Меритари, приходилось ехать по бездорожью и делать крюки, что ещё больше осложняло путь. Конечно, можно было обнаглеть и попытаться слиться с толпой, но мы, посоветовавшись, решили, что попусту рисковать не стоит. Ночевали в основном на открытом воздухе, хотя изредка нам попадались одиночные домики крестьян или охотников, которые за чисто символическую плату соглашались оставить на ночлег двух усталых путников. В этот раз я решил остановиться в корчме, дабы хорошенько выспаться и запастись всем необходимым перед длинным забегом по лесам — дальше шли плотно населённые места, от которых следовало держаться в стороне.

Покончив с завтраком, мы забрали свои вещи и направились к конюшне.

— Мы едем в сторону Катунга? — спросила Лина.

— Да.

— Мы там долго будем ехать. Полно народу.

— Объезжать будет ещё дольше. А нам нужно поскорее к границе. Скоро тут станет не продохнуть.

Девчонка дёрнула плечами в знак того, что не собирается спорить, и запрыгнула на своего жеребца.

Мне удалось снарядить её в поход, купив необходимую одежду и снаряжение в небольшом городишке, попавшемся на пути. Правда, пришлось побегать от тамошней стражи, чтобы избежать лишних расспросов, но оно того стоило: Лина пищала от восторга при виде обновок. Размахивая подаренной саблей, она поскользнулась на траве и едва не отсекала себе запястье; после этого я впервые обругал девчонку и провёл первый в её жизни урок фехтования.

В дальнейшем такие уроки вошли в наш распорядок наравне с занятиями магией — мне не хотелось однажды проснуться с пядью стали в боку, так же как не хотелось однажды лишиться волос из-за неуклюжести Лины. Она оказалась способной, но до ужаса недисциплинированной ученицей. Сколько я ни твердил, что дисциплина это фундамент обучения — всё как об стенку горох. Усидчивости девчонке хватало от силы на полчаса, после чего занятие скатывалось в дурачество или заканчивалось сонными зевками, в зависимости от настроения ученицы. Иногда эта бестия наглела настолько, что начинала кокетничать со мной, чтобы сбить с мысли и вывести из себя — и несколько раз, будь я

проклят, ей это удалось.

Я злился, грозился прекратить обучение вовсе, но на следующем уроке видел, что Лина в том или ином виде усвоила всё, что ей давали, и смягчался. Мало-помалу я перестал напирать с дисциплиной, девчонка начала вести себя подобающе, и наши занятия вошли в колею.

— Держи клинок свободнее, не нужно стискивать его, как последнюю соломинку.

— Если я ослаблю хватку, то потеряю его при ударе!

— Помнишь, что я говорил? Это продолжение руки. Разве ты можешь потерять продолжение руки?

— Хорошо. Вот так?

— Сейчас посмотрим. Нападай. Нет, стой, стой! Лина, что ты делаешь? Что я тебе говорил про замахи?

— Замахнулся — умер.

— Тогда почему ты это делаешь?

— Прости, забыла. Давай ещё раз.

— Как проходили: прямой или лёгкий боковой укол. Быстрый, точный. Хоть сколько-нибудь опытный фехтовальщик все равно отразит первый удар, а финты ты делать пока не умеешь. Давай!

— Х-х-а-а!

— И ты мертва. Будь начеку, если неудачно атакуешь, то сразу за твоим ударом последует контратака.

— Конечно, против тебя всегда получается неудачно! Потому что ты в сто раз опытнее!

— Да уж больше, чем в сто раз. Но я разве не был на твоём уровне? Если ты сможешь показать бой со мной, то любого среднестатистического мечника ты порубишь в капусту. К тому же сейчас я дерусь не в полную силу. Нападай и будь готова к контрудару!

— Х-х-а-а! Х-х-а-а!

— И ты снова мертва. Но уже лучше.

— Да так нечестно! Силы слишком неравны!

— А настоящий бой и не бывает честным, потому что там на кону стоят жизни. Представь, что против тебя стоит несколько противников. Думаешь, они будут вежливо атаковать тебя по очереди? В квартиру! Защищайся! Справа, сверху, снизу! Не хочешь всё время защищаться — делай вольт и переходи в атаку!

— Х-х-а-а! Х-х-а-а! Х-х-а-к!

* * *

Небо уже стало тёмно-синим, и ночь постепенно вступала в свои права. Зажглись первые звёзды, застрекотали ночные сверчки, наполнив засыпающий лес звонкими руладами. Забивались муравейники, звери и птицы возвращались к логовам и гнёздам, на небосвод плавно выплыл тусклый и холодный Нир. Наступило полное безветрие, в воздухе не чувствовалось ни малейшего дуновения, но затхлости не чувствовалось тоже. Маленький лагерь чародея и его ученицы укутала свежесть летней ночи.

Лина сосредоточенно мешала варево в походном котелке, изредка пробуя его на вкус. Рецепт бульона ей удалось перенять у кухарки при доме удовольствий, где она в детстве

работала служкой. Сотни раз, сидя в своём уголке на горе тряпья и жуя выданную краюху хлеба, вечно чумазая девчушка Линка наблюдала за стоящей у печи тучной Памоньей. Кухарка, как и надлежит настоящей бабе из простонародья, была предельно хозяйственной и потрясающе доверчивой. Она покупалась на все уловки, которые разыгрывала перед ней смекалистая девчонка. Лина пользовалась добротой Памоньи, но никогда не перегибала палку и уж тем более не стала бы ничего красть — ведь кухарка относилась к подобранной на улице сироте с почти материнским трепетом. Уже в свои девять Лина понимала, что это дороже любых денег, лучше самой вкусной еды, даже когда есть совсем нечего.

От запаха варева в воображении девушки всякий раз всплывали пухлые руки с зажатой в них огромной деревянной ложкой, тепло от растопленной печи и низкий голос кухарки, мурлыкающий нечто бессвязное. Лина любила готовить эту похлёбку из-за связанных с ней приятных воспоминаний, и ещё приятнее становилось от того, что Энормису нравилось её лучшее блюдо. Он не признавался в этом вслух, но аппетит, с которым чародей опустошал котелок, говорил красноречивее всяких слов.

Интересно, что он скажет, если узнает обо всём, что Лине пришлось пережить до встречи с ним? И если она расскажет — не отвернётся ли, не отстранится?

Например, об этих трёх годах в публичном доме, в грязнейшем — как говорили многие, кто никогда там не был — месте из всех возможных. Да что говорить? Даже иной посетитель, получив своё, бросал деньги на подушку и брезгливо морщился — словно это не он несколько минут назад с похотливой жадностью впивался в губы полупьяной девицы и срывал с неё остатки одежды. Купив ласки проститутки, мужчины оказывались лицом к лицу с собственной низостью, осознавали свой грех — и за это ненавидели бордель ещё больше. Временами Лине казалось, что она насквозь, до самой глубины души пропиталась отчаянием, похотью и презрением, которыми был под завязку наполнен дом удовольствий. С тех пор прошло долгих пять лет, но девушка по сей день чувствовала привкус той тошнотворной смеси, и никак не могла — а может, попросту боялась — от него избавиться.

Да, в борделе было лучше, чем на улице, но всё же отвратительно до судорог. Особенно под конец. Клиенты борделя всё чаще бросали сальные взгляды на смазливую полумойку, которая прямо на глазах превращалась из угловатого ребёнка в стройную нимфетку. Мадам не то чтобы была совсем бесчеловечной стервой, но деньги любила больше, чем какую-то там сироту. Именно поэтому Лина, не дожидаясь, пока её подстелют под первого же достаточно щедрого и недостаточно богобоязненного клиента, по-тихому сделала ноги — и больше туда не возвращалась. Только вспоминала иногда Памонью и гадала, всё ли хорошо у той доброй кухарки, что подобрала беспризорницу и подкармливала её едой с хозяйского стола.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Всё ещё не готово?

Увлёкшись воспоминаниями и готовкой, девушка не заметила, как Энормис подошёл к костру. Его голос заставил Лину вздрогнуть; она тайком глянула на чародея и отмахнулась как можно небрежнее:

— Да подожди ты...

Девушка в последний раз поднесла ложку ко рту и, удовлетворённая результатом, скомандовала:

— Снимай с огня.

Они уселись на мешки с припасами и принялись за ужин. Девушка не без удовольствия

отметила брошенный на неё уважительный взгляд мужчины, отхлебнувшего из ложки. Но он, как всегда, промолчал. Он вообще был скуп на похвалы — как и на комплименты. Зато если уж слетало с уст чародея доброе слово, то настроение у Лины поднималось само собой. Хорошо это или плохо — она пока не могла понять.

Поначалу Энормис был молчалив и угрюм. Оно и понятно: ему требовалось время, чтобы прийти в себя после того кошмара, что они увидели. Глядя на чародея, Лина словно чувствовала отголоски его переживаний — и это было более чем странное ощущение, ведь девушка никогда в жизни не желала знать, что творится в сердцах других людей. Одна мысль о чужом сокровенном вызывала у неё отторжение — что взять с мелочных душонок, кроме страха и горстки постыдностей? Но в этот раз всё вышло иначе. Лина сопереживала чародею так, как прежде не сопереживала никому, и по непонятной причине ей это даже нравилось.

Чем лучше Лина узнавала своего спутника, тем отчётливее понимала, что не знает о нём ничего. Энормис не был одним из тех, кто, найдя достаточно терпеливого слушателя, раскрывает нараспашку всего себя. Он отмалчивался, отшучивался, менял тему, и Лина не знала, специально ли чародей напускает туману на свою персону, или всего лишь боится подпускать к себе кого-либо, но её интерес к нему возрастал с каждым днём.

Она и сейчас наблюдала за ним исподтишка, словно надеясь уловить мысли, вращающиеся в голове спутника, а теперь ещё и учителя. Тот задумчиво жевал хлеб и смотрел на тропу, которая проходила через их лагерь и терялась за деревьями. С другой стороны виднелась ещё одна полузаросшая тропка, но Энормис не обращал на неё ни малейшего внимания.

— Если не ошибаюсь, — сказал он наконец, — пойдя сюда, мы выйдем на следующий изгиб тракта.

— Мы же сейчас к северу от Катунга?

— Даже к северо-востоку.

— Тогда скорее через пол лиги.

Чародей посмотрел на Лину с удивлением.

— Ты-то откуда знаешь?

— Бывала в этих краях, — пожала плечами девушка, довольная тем, что сумела привлечь к себе внимание. — Искала родственников, о которых мне рассказывал отец.

Энормис молча смотрел на неё, явно ожидая продолжения, и, не дождавшись, спросил:

— Нашла?

Лина усмехнулась и хлопнула себя по ягодице:

— Приключений вот на это место я нашла! Никто и слыхом не слыхивал имён, которые я называла. Облазила всю округу, да всё попусту.

— Так ты знаешь здешние места? Чего раньше-то не сказала?

— А надо было спросить, — бросила девушка и тут же поняла, что следовало ответить иначе.

Но идти на попятную было уже поздно, поэтому она поступила как всегда — сделала невозмутимый вид, будто так и надо. Энормис посмотрел на неё, перекосив брови, вдохнул и ничего не сказал.

Лина в свою очередь вздохнула и поспешила сменить тему:

— Куда именно мы направляемся?

Чародей нахмурился. Он не делился с ученицей своими планами, а та не спрашивала. Она и сейчас могла задать любой другой вопрос, ведь по большому счёту Лине было не так

уж важно, куда они едут. Но по задумчивому взгляду Энормиса девушка поняла, что затронула непростую тему.

— Сейчас — скорее не «куда», а «откуда», — ответил чародей. — Для начала уберёмся подальше от войны и Ордена.

— А потом?

Энормис поскрёб ложкой дно котелка, вдруг отставил его и в упор посмотрел на Лину.

— Не знаю, как на это ответить, — он пожал плечами. — У меня есть несколько задумок, но когда ты говоришь «мы», я начинаю сомневаться, что возьмусь за их исполнение. Потому что это всё мои и только мои планы, и делать тебя их частью... неправильно, что ли. Пока есть это «мы», не может быть моих или твоих интересов, они могут быть только общие. Понимаешь, о чём я?

Лина понимала. Чего она не понимала, так это зачем так сложно отвечать на достаточно простой вопрос.

— Я думала, с этим мы уже определились.

— Нет, не определились, — отрезал чародей. — Я согласился взять тебя с собой, потому что у меня не было иных планов, кроме бегства. Не было направления. Теперь есть. Но коль скоро ты стала моей ученицей, мне нужно думать за нас обоих, а не только за себя.

Это прозвучало обидно. Со слов Эна выходило, что Лина — какой-то неразумный ребёнок, которого надо от всего беречь и чьё мнение совсем не имеет значения. Девушке тут же захотелось высказать чародею всё, что она думает о его «сомнениях», причём в самой жёсткой форме, чтобы навсегда выбить из него эту сверхдобропорядочную дурь.

Но вместо этого она тоже отставила кружку и со спокойной улыбкой проговорила:

— Ты, наверное, тогда не понял. Давай повторю, — Лина наклонилась к Энормису. — Просто езжай куда хочешь, а я поеду с тобой.

Между ними повисла пауза, которая растянулась, казалось, на часы. По лицу мужчины невозможно было угадать, о чём он думает. Лина не знала, как ещё точнее донести до него элементарную мысль: что ей всё равно, куда они отправятся. Главное — не по отдельности.

Несколько лет девушка избегала любых знакомств, любых продолжительных связей, надеясь таким образом защититься от вечно голодной отвратительной химеры под названием «мир». Едва почувствовав, что привыкает к месту или человеку, она делала всё, чтобы избавиться от привязанности. Это действительно помогало не влипать в неприятности, но в то же время угнетало. С каждой убитой привычкой Лине казалось, что внутри лопнула очередная ниточка, и что всё там вот-вот окончательно расползётся на лоскуты, развалится на кусочки... Когда было тяжело, она спрашивала себя: «А разве жизнь — весёлая прогулка?» Когда становилось совсем невмоготу, она орала, стиснув кулаки: «Бывало и хуже!», и переступала через себя снова и снова, потому что просто не могла позволить миру взять верх. И только наткнувшись на этого странноватого чародея, Лина поняла, насколько это странно и глупо — надеяться только на себя. Тогда, стоя в пышущем жаром дыму, всматриваясь в неподвижную спину того, кто, как и она, потерял всё, девушка решила — довольно. Не будет больше страха и скрипа зубов по ночам. Хватит без конца твердить: «Я сильная, я сильная!» и заставлять себя дышать, когда больше всего на свете хочется задохнуться. Нужно просто один раз довериться кому-то по-настоящему сильному — и такой человек как раз оказался рядом.

Энормис смотрел на Лину со странной смесью грусти и благодарности. Наверное, он думал, что его ученица не понимает, о чём говорит, что она ещё слишком юна и

легкомысленна. На самом же деле она ни в чём и никогда не была так уверена, как в последних своих словах.

— Я должен выяснить, что случилось с Квислендом, — сказал чародей. — Найти виновных и при возможности призвать к ответу. Ещё очень хотелось бы раскопать что-то о своём прошлом. Иначе мне не будет покоя. И при всём этом очень желательно не сдохнуть. Так что для начала всё-таки нужно найти безопасное место.

— Мне всё нравится, — кивнула девушка, чем вызвала смехок спутника. — Хотя насчёт последнего пункта сомневаюсь.

— То есть?

— Нет в мире безопасных мест, — сказала она, отвернувшись.

— А, ты просто их не находила, — махнул рукой чародей. — В мире есть всякие места.

Девушка чуть не сказала: «Про Квисленд ты тоже говорил, что там безопасно», но вовремя остановилась. Улыбнулась, как бы в знак согласия. Ведь дело было не в том, есть ли на свете безопасные места, а в том, что это сказал человек, которому совсем недавно очень наглядно показали обратное.

Разговор завершился сам собой, но никто этого и не заметил. Чародей и его ученица сидели у костра, глядя в огонь, и каждый размышлял о своём.

Лина вдруг подумала, что и впрямь никогда не чувствовала себя до конца защищённой, и потому убедила себя в том, что только так и может быть. Но что если Энормис и в самом деле прав? Ведь защищённость бывает разная. Хорошо тем, у кого есть дом — для них родные стены, даже если это стены ветхой лачуги, служат символом безопасности. Бездомным и вечным странникам остаётся только одно — искать тепла и защищённости в других людях. Только другой человек, понимающий и принимающий, способен дать неприкаянному изгою спокойствие и уверенность в завтрашнем дне.

С этими мыслями девушка легла спать. В душе её ныла неясная тревога, непонятно откуда взявшаяся, но чувство защищённости, которое, сам того не ведая, дарил Лине сидящий рядом мужчина, легко одержало верх. Она заснула с мыслью, что обрела, наконец, то, чего ей не хватало столько лет.

Энормис бросил задумчивый взгляд на посапывающую ученицу, подкинул дров в костёр и тоже улёгся. Глаза чародея ещё долго смотрели в небо, черными пятнами проглядывающее сквозь озарённые огнём кроны деревьев, но в итоге и его сморил сон, нагоняемый уютным потрескиванием горящего сушняка.

* * *

Проснулся я от того, что замёрз. Холод пронизывал до костей, забираясь под рубаху и утеплённый плащ. Костёр погас: лишь в самой глубине золы тускнели, затухая, последние угли.

Внутри зашевелилась смутная настороженность по поводу столь резкого похолодания, однако охранные круги оказались в неприкосновенности, что несколько меня успокоило. Я вяло выругался, повернулся в сторону, где спала Лина, и тут же вскочил, позабыв о холоде.

Девчонка пропала.

— Лина! — крикнул я, но в ответ услышал только эхо своего голоса.

Охранные заклинания ничего не уловили, а значит, Лина вышла из лагеря по своей собственной воле. Но куда?!

Её плащ лежал у моих ног, откиннутый торопливой рукой. Сабля осталась у свёрнутой куртки, игравшей роль подушки. Мешок с вещами тоже остался на месте. Девчонка просто встала и пошла, словно собиралась отлучиться на минутку.

Я на всякий случай ещё раз выкрикнул её имя, но с прежним результатом.

Совершенно ничего не понимая, я заметался по поляне в поисках следов. Они обнаружили у той тропинки, что вела в глушь, обозначенную на карте как «Волчья чаща». След девичьего сапожка, недавно примявшего траву, я ни с чем не мог спутать.

«Если это очередное дурачество или шутка, ей конец. — злобно думал я, хватая оружие и бросаясь в погоню. — Найду и придушу».

След оставался чётким и не сворачивал с тропы, но мне никак не удавалось догнать беглянку. Похоже, Лина встала почти сразу после того, как я задремал, и успела уйти далеко вперёд. Следы говорили, что шла она быстро и ни разу не остановилась.

Холодный воздух обжигал лёгкие, низко висящие ветви хлестали по одежде и лицу; из-за этого я не заметил на тропе препятствие и запнулся об него. Оказалось, это мёртвая лесная коза — с перегрызенной шеей, но в остальном нетронутая. Труп был свежим, ещё вечером бедняга бегала по лесу. Её убили, но не съели, а просто притащили на тропу и бросили — словно предупреждая, что дальше ходить не стоит.

Чертыхнувшись, я побежал дальше — и почти сразу над деревьями взвился устрашающий волчий вой.

Постепенно лес поредел, а тропинка исчезла: кто бы её ни протаптывал, до этих мест он не доходил. Я побежал по высокой, до колена, траве, ориентируясь на примятые Линой стебли. Вдруг чуть заметно пахнуло тухлятиной, и этот необычный для лесной чащи запах заставил меня остановиться. Я скорее интуицией, чем носом уловил, что это не просто вонь разлагающегося тела; было в ней нечто особо омерзительное, похожее на... смерть? Я никак не мог понять, откуда взялся этот запах, но чувствовал, что близок к цели. В поисках хоть каких-то подсказок я взглянул на окружающий мир сквозь Эфир — и тут же поперхнулся от увиденного.

Вокруг лились громадные объёмы энергии. Её ручьи собирались в потоки и утекали прочь — в том же направлении, что и следы девушки. Я готов был спорить хоть с самим Голахом, что энергия либо стремится к некоему магниту, либо проваливается в пространственную дыру, где реальный мир напрямую соприкасается с Эфиром. Если это и вправду дыра, то следовало хватать девчонку в охапку и бежать как можно дальше, потому что у человека с Даром есть все шансы не выжить рядом с таким местом. Дар просто вытягивается вовне вместе с жизненными силами.

Однако вскоре вариант с дырой отпал. Вонь разложения, которую я почуял ранее, усилилась. Теперь я понял, что с ней не так: где-то поблизости слонялась нежить, и именно её эманации сбили с толку мои чувства. Настораживало расстояние, на котором улавливались эти эманации. Судя по всему, нежить была не из простых.

С каждым моим шагом магнит набирал силу, потоки энергии уплотнялись и ускорялись. От их насыщенности захватывало дух. Интересно, Дисс знал об этом магните? По мощности и размаху он лишь немного не дотягивал до одного из больших энергетических скоплений, которых в Нирионе насчитывалась только дюжина. За всё моё небогатое прошлое я не сталкивался ни с чем подобным — естественные скопления легко вычисляются по формулам и давно известны каждому чародею; этот же магнит можно было обнаружить только подойдя вплотную.

Снова раздался вой, на этот раз совсем близко. Я крепче стиснул рукояти мечей. На этом расстоянии магнит уже влиял на ауру: моё личное энергетическое поле из яйцеобразного стало каплевидным и вибрировало под гнётом внешнего притяжения. Последнее стало настолько сильно, что энергия просто не могла вырваться за его пределы. Потому-то я и не заметил магнит издалека — притяжение теряло силу на расстоянии трёх-четырёх сотен саженей.

Внезапно лес кончился, открыв моему взгляду неестественно ровную круглую поляну. В центре её возвышался холм с пологими склонами, заросшими густой шевелюрой травы. Наверняка этот холм некогда был чем-то другим, но время сгладило его, края оплыли, потеряли правильную форму. Клубящаяся вокруг энергия устремлялась к возвышению и проходила сквозь него, вглубь земли.

Всё на этой поляне странно смазывалось и расплывалось, казалось приевшимся и неинтересным, так и подмывало пойти дальше в лес, но меня этим было уже не провести. Заклинание отвода глаз, наложенное на холм, оказалось довольно сильным и искусным, но всё же недостаточно сильным, чтобы я не смог разобрать его на связки. Несколько секунд — и краски прояснились, а черты окружающих предметов обрели резкость.

Но стоило мне сделать шаг к холму, как из-за него с угрожающим рыком выскочил большой чёрный волчище. Я тут же замер. Хищник, глядя мне в глаза и топорща шерсть на загривке, медленно прохаживался между мной и моей целью. Волк не нападал и не уходил, в его взгляде читалась злоба и вместе с ней какая-то непонятная мука, которой я поначалу не придал значения.

Первой мыслью было сжечь шавку на месте, но странное поведение хищника заставило меня повременить с решением. Волк почуял мою магию и зарычал громче, а во взгляде его мелькнула опаска. При этом он даже не дёрнулся, хотя обычно дикому зверью хватало почуять в человеке Дар, чтобы не связываться с ним. Чем дальше, тем больше я убеждался в том, что волк действовал не по своей воле.

Чуть наклонив голову вбок, я продолжал смотреть в глаза зверю. Только этот зрительный контакт удерживал от нападения его и его стаю, которая не спеша окружала меня со всех сторон. Я знал: если начну убивать, они бросятся все разом, и тогда хоть один да дотянется. Оставалось только заставить их бояться меня сильнее, чем того, кто ими управляет.

Не отрывая взгляда от глаз хищника, я обратился к Эфиру. В его глубинах, на слоях, где могли существовать лишь очень сильные демоны, обитали существа, приходящиеся этим волкам дальними родственниками. Я показал им врагов, и две твари подняли морды, почуяв запах крови.

Они вынырнули прямо из воздуха, упали костлявыми лапами на мягкую траву, даже не промяв её, и встали по бокам от меня. Их внешний вид уже вызывал страх и отвращение: исковерканное собачье тело, торчащие из тонкой бурой кожи кости и шипы, местами оголённые гнилые мышцы, лапы с длинными острыми когтями, а вместо головы — череп с чёрными, как сама Бездна, провалами глазниц. Такую внешность баргесты приобретали, попадая в наш мир, хотя их истинный демонический облик был куда страшнее.

Волки, завидев таких противников, испуганно попятились, некоторые даже заскулили. Однако вожак остался на месте. Припав к земле, он оскалился насколько мог и рыкнул, наверное, больше для очистки совести.

Баргесты в ответ тоже хрипло завывали, и от этого звука волосы на затылке зашевелились

даже у меня. Стая отпрянула, разомкнула кольцо окружения, но не побежала. Её вожак попятился, выпучив глаза: понял, что таких противников ему не одолеть. Я выглядел для него вполне уязвимым, но демоны — совсем другое дело, их сверхъестественная сущность должна была вызвать у зверя животный ужас. Волк постоял ещё немного, словно не в силах сдвинуться с места, потом дёрнул головой, рыкнул, и вся стая как по команде скрылась в лесу.

Я отпустил баргестов назад в их тёмный мрачный мир — находясь вне Эфира, они жрали силы вызвавшего их чародея. Демоны с тоскливым воем растворились в воздухе, и я вздохнул с облегчением: этих тварей нельзя не бояться, как и всех остальных обитателей потусторонних глубин. Можно лишь бояться меньше, если они стоят на твоей стороне и больше, если они вот-вот разорвут тебя на части.

Вход в подземелье обнаружился с противоположной стороны холма. Две каменные плиты, играющие роль створок, были чуть раздвинуты, образуя проход для человека небольших габаритов. На наружной их стороне виднелись древние барельефы, на которых смутно угадывались фигуры в свободных балахонах. Мне очень не нравилась перспектива лезть в затхлый склеп, оставляя позади стаю волков, которые могут запросто вернуться и напасть в самый неподходящий момент. Но в следующий миг я представил, что моя беззаботно-несносная ученица останется один на один с умертвием или умруном, и ноги сами понесли меня вперёд.

Проход оказался узковат, так что пришлось налечь на одну из створок: тяжёлая плита никак не хотела сдвигаться, но в итоге всё же немного подалась, и мне удалось протиснуться внутрь.

В нос тут же ударила сладковатая вонь разложения. Света с улицы едва хватало, чтобы осветить несколько ступеней уходящей вниз лестницы, поэтому я сразу же зажёл люмик. Его тусклые лучи озарили каменный коридор, уходящий вниз на десяток саженей. Стены и потолок покрывали диковинные рельефные узоры, но я не имел права отвлекаться и поспешил вниз.

Здесь притяжение магнита уже напоминало смертельную воронку смерча. Оно достигло такой силы, что мой внутренний запас сил тонкой струйкой начал вытягиваться наружу. Пришлось ставить дополнительную защиту: это тоже требовало затрат энергии, но так энергия хотя бы не уходила в никуда.

Лестница кончилась залом, заваленным деревянной трухой и остатками каких-то инструментов. Пройдя его насквозь, я оказался в длинном горизонтальном коридоре, который в свою очередь упёрся в железные створки с тонкой неразборчивой резьбой. Они выглядели новыми, будто их принесли и поставили пару дней назад, что немало меня смутило. Я осторожно толкнул гладкую ручку, и дверь неожиданно легко отворилась; в просвет тут же прошмыгнул мой магический огонёк.

Сначала ничего не было видно — свет не доставал до стен помещения. Я добавил люмику яркости — и замер, словно громом поражённый.

Гладкие стены и высокий потолок белого камня с бордюрами и ступенями дополняли угольно-чёрный пол, покрытый серебрящимися в свете огонька линиями, что складывались в таинственные узоры. В зале без труда могли поместиться несколько сотен человек, потолок через равные промежутки подпирали колонны, вырезанные из цельного куска полупрозрачного камня, который я никогда прежде не видел. Тут и там стояла мебель — массивные столы и скамьи, трибуны и стеллажи, все выполненные с какой-то неуловимой

пропорциональностью и изяществом. Это место внушало ни больше, ни меньше — благоговение, и я даже не сразу поймал себя на том, что никогда прежде не слышал о таком великолепии. Не веря своим глазам, я осторожно пошёл вдоль цепочки следов, что вели от входа куда-то в темноту.

В центре зала ровным кругом стояли семь статуй в полтора человеческих роста: первая — фигура в балахоне, держащая на ладони высокое пламя; вторая — девушка с льющимися на пол косами-ручьями; одежду третьей, лёгкой на вид девушки, всколыхнул ветер и разметал в стороны волосы; четвёртый — здоровяк, что держит над головой каменную глыбу; пятой оказалась женщина, вытянувшая руки ладонями вверх и смотрящая в небо; рядом с ней стоит худой мужчина с посохом, оканчивающимся черепом. Седьмая статуя более всего напоминала песочные часы в человеческий рост — и единственная не вписывалась в ряд изображений семи великих Начал. Изваяния были выполнены так искусно и реалистично, что я невольно вздрогнул, увидев жреца Тьмы. Мазня на наружных дверях не шла ни в какое сравнение с этим произведением искусства. Едва увидев их, я понял, что попал в храм — и будь я проклят, если меня, убеждённого агностика, не заинтересовали верования его строителей.

Перед каждой статуей обнаружился невысокий постамент, на котором поблёскивали гравировкой кольца мелких рун. А в самом центре располагался алтарь.

Широкий низкий цилиндр с углублением в центре, сплошь покрытый теми же рунами. Тот самый магический магнит, сборщик эфирной массы. Насколько я понял, именно накопленная им энергия не давала храму разрушаться. И что-то мне подсказывало, что столь мощная и совершенная магия могла бы сохранять его вечно.

«Всё стремится к гармонии. Пределы смыкаются в линию, линия сжимается к точке равновесия. Достигнув её, любая сущность заполняет собой всё, так как прежде множественное отныне становится единым...» — мои глаза ухватили часть надписи, написанной на новом для меня языке.

Я скрипнул зубами от досады и усилием воли унял любопытство: с каждой секундой шансы найти Лину живой таяли.

Зала имел четыре выхода — по одному в каждой стене. Но во многовековом слое пыли виднелась только одна тропинка, протоптанная как людьми, так и волками. По ней я и пошёл.

Следы вели в противоположную от входа сторону, уходя в круглый коридор с искусно вырезанными ликами и фигурами на стенах. Он кончился квадратным залом с узкими колодцами вдоль стен. Только зайдя в него, я едва не одурел от резкой вони мертвечины. Там словно стоял жертвенник, на котором безостановочно резали людей много недель подряд. Повинуясь моей воле, люмик скользнул вперёд, выхватив из темноты груды костей и мёртвых тел разной степени разложения, неровными кучами лежащие вокруг колодцев. Большинство из них были обглоданы. А в углах обнаружили первые живые обитатели этого места. Едва разглядев эти бледные силуэты, небольшими группками толкущиеся у стен, я понял, с чем имею дело. Лину вывел из лагеря некрот, сильный и старый.

Вампир, вурдалак, упырь, демон-кровопийца, экимму, ракшаса, стрига, альп — как только их не называли в самых разных народах. Среди учёной братии и по сей день не утихают споры, к какому виду выродков относить некротов — к нежити или мутантам? Ведь первый некрот мутировал из человека, но в то же время они не являются в полной мере живыми: для поддержания существования им необходима кровь или плоть по-настоящему

живого существа, лучше — человека. «Некрот обладает разумом, но не душой; Даром, но не аурой; он жив и мёртв одновременно, и благодаря демонической наследственности способен делать других людей подобными себе» — вот самое исчерпывающее описание этих существ, вычитанное мной в одном из старых фолиантов.

Я никогда не встречал некрота, а потому сомневался, что смогу его одолеть. Они имели репутацию чрезвычайно хитрых и коварных тварей, лжецов и убийц без малейших моральных ограничений. Но Алекко Учёный, кажется, писал, что их магия весьма ограничена; я зацепился за это знание и планировал им воспользоваться.

Я осторожно двинулся через комнату, надеясь незаметно проскользнуть мимо геммидов — людей, из которых некрот делает возобновляемый источник пищи, лишая их разума. Геммиды спали, но могли легко пробудиться, стоило только их хозяину пошевелить пальцем. Их предшественников в колодцах лежала, наверное, не одна сотня, а значит, некрот поселился здесь больше пятисот лет назад. Этим объяснялось и странное поведение волчьей стаи: старые «вампиры» нередко находили способ воздействовать на разум животных. Тем хуже для меня и Лины — чем опытнее тварь, тем сложнее её убить.

Всё это проносилось у меня в голове, пока я осторожно ступал меж вздувшихся трупов и обглоданных костей, направляясь к выходу из комнаты. В какой-то момент я даже подумал, что сумею добраться до хозяина белёсой стаи прежде, чем он натравит её на меня.

Как водится, такие мысли пришли преждевременно. Едва я миновал середину комнаты, как одно из лежащих на полу тел схватило меня за ногу. Моё сердце прыгнуло к горлу, злополучная рука тут же отлетела в сторону, отсечённая, но некрот уже обнаружил незваного гостя и геммиды, разорвав рты в хриплых воплях, бросились на меня со всех сторон.

Мужчины и женщины; старики и подростки; все как один искусанные, с просвечивающими через кожу венами, будто стояли здесь, в темноте, всю жизнь. Кожа, похожая на ветхий пергамент, обтягивала тонкие руки, ноги, тела; лица напоминали оплывшие восковые маски. У геммидов не было оружия, но были когти и зубы, которые они и собирались пустить в ход против человека, посмевшегося тревожить их хозяина.

Слишком ослабленные, слишком неповоротливые. Они валились на пол с гулким стуком, словно деревянные куклы. Я старался убивать мгновенно, чтобы избавить их пустые — во всех смыслах — телесные оболочки от агонии. Геммиды, разумеется, не могли оценить моего милосердия, но когда последний из них упал замертво, я неожиданно для самого себя испытал секундное умиротворение.

На выходе из зала вниз убегала ещё одна лестница, переходящая в узкий коридор. Люмик летел впереди, освещая несколько саженей голых стен. Вокруг зависла вязкая глушь, которую я чувствовал даже не ушами — кожей. Воздух, затхлый, влажный, своими вялыми дуновениями напоминал прикосновения холодных пальцев мертвеца — так ощущалось присутствие некрота, притаившегося где-то поблизости. Ненависть к этому существу разгоралась во мне всё сильнее: при одной только мысли о том, что он притронется своими клешнями к Лине, мне хотелось спалить его дотла.

Из темноты коридора навстречу мне метнулся стремительный силуэт, покрыв всё освещаемое расстояние за считанные мгновения. Перед глазами мелькнуло бледное клыкастое лицо, и я запоздало махнул клинком, уходя в сторону. Что-то холодное и острое прорвало рубаху и кожу на груди, но и противник не ушёл безнаказанно. Я отпрыгнул и принял защитную стойку.

Напротив меня стоял тощий субъект в полуистлевших обносках, невысокий, сутулый, с мраморно-белой кожей. На его гладком черепе не осталось ни единого волоска, а в мутных глазах застыла поистине звериная ярость. Уже не человек, но ещё не некрот; нечеловеческие сила и быстрота дополнялись полной неспособностью к магии. Мой меч прочертил на левой руке выродка глубокую борозду, что несколько охладило его пыл.

Упырь явно не ожидал от смертного такой прыти: он стоял, напряжинившись, и пожирал меня глазами. Его рана стремительно затягивалась, но получить ещё одну он не спешил — тянул время. Я шагнул вперёд, делая вид, что замахиваюсь; так и не почувываящий подвоха выродок кинулся на меня, разом превратившись в размытую тень.

Не достав до меня лишь чуть-чуть, кровопийца врезался в невидимую преграду некротического плетения. Беспомощно дёрнулся раз, другой; хрипнул, побито заскулил. Я, нисколько не церемонясь, впечатал в тощее тело сапог, и упырь полетел на пол, стуча костями. На белёсой коже постепенно проявлялись подвижные чёрные змейки — моя «сеть Бездны» стремительно пожирала кровопийцу.

— Некромант!!! — обречённо заорал упырь, дёргаясь из последних сил. — Некромант, пощади!!!

С таким же успехом сгорающий на костре еретик мог бы просить пощады у инквизиции. Я шлёпнул по выродку заклинанием из разряда высшей некромантии, так что шансов у него не осталось даже если я бы захотел таковые предоставить. Полуживое тело быстро, клетка за клеткой, растворялось в тёмной шевелящейся сети.

Почти физически чувствуя, как истекает время Лины, я перешагнул через обречённого и двинулся дальше. Рана на груди оказалась ерундовой — всего лишь глубокая царапина; жаль было только распоротую рубаху.

Коридор снова кончился залом с небольшим алтарём, но гораздо меньше главного. Каменный цилиндр стоял посередине, а на нём лежала моя ученица.

Сердце неприятно ёкнуло, хотя Лина выглядела здоровой — просто спала глубоким сном. Над ней возвышалась тощая фигура в грязном балахоне с накинутым капюшоном, которая при виде меня подняла руки, выказывая желание вести переговоры:

— Некромант. Не убивай, — голос был сухим и безжизненным, лишённым эмоций и интонации, а говорил мутант и вовсе на странном языке, который смутно напоминал Локуэл.

Он стоял сгорбившись, двигался очень медленно, неуверенно, как старик, из-за чего казался дряхлым и хрупким. Уж на что на что, а на такую наглую уловку я бы ни за что не попался — особенно после встречи с «отпрыском» мутанта. Успокаивало то, что некрот немного отошёл от Лины и теперь даже при своей скорости не успевал причинить ей вред: моя магия настигла бы его быстрее. Но была ещё одна деталь, которую я заметил, но не подал виду, решив сначала разобраться, а потом уже действовать.

— Уговори меня, — сказал я, медленно приближаясь к алтарю.

Мутант принял меня за некроманта, потому что на подступах к храму я использовал лишь некромантию — и это его заблуждение тоже играло мне на руку. Магический потенциал некрота явно уступал моему, так что ему оставалось только вымаливать пощаду; во всяком случае, мой противник очень хотел, чтобы я так думал.

— Я готов стать твоим слугой, если пожелаешь, — проскрипел мутант, — только не торопись отправлять меня за Черту.

Я поднял бровь:

— А мне нужен слуга? Да ещё такой бестолковый. Ты напал на мою спутницу, — я кивнул в сторону неподвижно лежащей Лины.

Этот людоед явно что-то задумал, и притворялся теперь слабым старым существом, которое просто хочет жить. Средний чародей-высочка, скорее всего, поверил бы в эту ложь, и тут же поплатился бы за глупость. Некрот ни за что не станет пресмыкаться перед человеком, потому что считает его едой. Он может притворяться слугой или даже рабом, но только до тех пор, пока не окажется в выигрышной позиции. И тогда, вместо того, чтобы выполнять приказы человека, мутант перегрызёт глотку «хозяина» и обглодает его кости.

— Не напал. Я лишь заманил её сюда. На тебя не подействовал мой «зов», поэтому я решил действовать через неё.

«И поэтому натравил на меня волков и свою еду — весьма логично».

Я снова сдержал нетерпение и продолжил играть в игру мутанта, поглядывая на Лину.

— И зачем я тебе нужен? С каких пор падальщик нуждается в некроманте?

— Я не могу выбраться из этого подземелья без помощи чародея. Не хватает сил.

— Так не проще ли мне прикончить тебя? И хлопот меньше, — я лукаво прищурился.

Некрот вздрогнул, но продолжил всё тем же безжизненным тоном:

— Ты и так убил моего единственного сына, слуга Смерти. Но он не знал того, что знаю я.

— Короче, падаль.

— Я хочу предложить сделку. Ты помогаешь мне выбраться отсюда, а я взамен становлюсь твоим слугой и помогаю заполучить магию этого места.

После этих слов я не выдержал и расхохотался. Этот кровосос держал меня за полнейшего тупицу! Я всё смеялся и смеялся, следя за каждым движением некрота, а тот терпеливо ждал, когда я успокоюсь и, должно быть, лихорадочно соображал, где прокололся.

— Сколько тебе лет, мутант? — мой тон стал серьезнее.

— Двести сорок...

— Врёшь. Даже тому упырю, которого ты назвал своим сыном, было больше раза в два.

Людоед промолчал. Он будто превратился в статую на полминуты, не двигаясь и не говоря ни слова. А потом произнёс всего одну фразу, в которой через скрип старых связок прорвалась крупица обречённости:

— Как ты узнал?

— Об этом разве что у тебя на лбу не написано. Зачем тебе понадобилась девушка? Чего молчишь, язык проглотил? Отвечай!

— Чтобы выманить тебя...

— Ну хватит уже, во имя Бездны! Я немного сообразительнее улитки и чуть сильнее тебя, так что вижу твоё заклинание, подвешенное над девчонкой. Для чего она нужна тебе?

Последний вопрос я выкрикнул чуть не в самое лицо некрота. Терпение и впрямь заканчивалось, и сдерживать рвущуюся наружу злость становилось всё труднее.

— Сопляк, — прохрустел людоед и рванулся вперёд. Медленно, будто напоказ, но угрожающе. Я так же не торопясь ударил по нему темной волной, сорвавшейся с пальцев руки. Слабо, только чтобы утихомирить.

Мутанта отбросило, проволочило по гладкому полу и от души врезало в алтарь, от чего стукнули, казалось, все его косточки. Я медленно направился к нему, на ходу продолжая разьяснительную беседу:

— Твоя голова лучше бы смотрелась на полке в Лоторском университете, чем там, где

она сейчас. Но ты что-то сделал с моей спутницей, и я не убью тебя, пока ты не скажешь, что именно. Умрёшь ты в любом случае, но одну сделку я тебе всё же могу предложить: если говоришь правду, умираешь быстро, но если я хотя бы почую подвох, кончина твоя будет мучительной.

Я остановился в двух шагах от стоящего на четвереньках мутанта. Тот медленно поднялся и коротким движением костистой руки откинул назад капюшон.

На меня смотрел некогда красивый мужчина с благородными очертаниями носа, скул и подбородка. Прожитые столетия отняли всё, кроме этих пропорций: кожа посерела и покрылась коростой; глаза казались тёмными провалами, на дне которых мутными голубоватыми огоньками светилась сверхъестественная сущность полудемона; уши заострились и на кончиках почернели, а мочки казались чересчур оттянутыми; череп полностью облысел, как и у всех некротов. Через всю правую щеку пролёг глубокий жжёный шрам, который меня немало удивил — эти создания умели регенерировать, не оставляя на себе ни царапины.

В его взгляде не осталось и намёка на заискивание или лукавство; впрочем, не было в нём и сожаления, я не видел в нём ни ненависти, ни боли — ничего, даже сухого безразличия. Открыв мне лицо, некрот словно сбросил последнюю маску, представив мне свою самую глубинную сущность, и, не произнеся ни слова, предложил говорить начистоту.

Я всё же не был уверен, что истрактовал его намерения правильно, поэтому начал издали:

— Сколько тебе лет? И как давно ты здесь находишься?

— Я не считал годы с тех пор, как оказался заперт здесь, — глядя мне в глаза, ответил некрот. — Но я попал сюда через год после смерти последнего императора Трон-Гарада. До этого мне было двести тридцать восемь лет.

Его ответ был так невероятен, что, без сомнения, правдив.

— Девять тысяч лет ты сидел в храме и не выходил отсюда??? — это было даже больше, чем я предполагал. Кровосос вдруг представился мне древней реликвией.

— Война Посохов только началась, — мутант прикрыл глаза. — Я был отпрыском благородной семьи Лугат до того как стать... — он на мгновение запнулся, — собой, и после обращения сохранил статус. Моё поместье находилось в сорока лигах к юго-западу отсюда, и в одну из ночей через те места проходила отступающая армия Многоцветных. Один из некротомантов разоблачил меня и силой забрал с собой, велел сражаться на их стороне. По ночам я находился с ним рядом, а днём меня и нескольких братьев перевозили в глухой повозке, укрытой толстой тканью. Неподалёку отсюда случилась битва с Пурпурными, в которой меня сильно ранили, а хозяина убили. Я еле дополз до этого холма, откопал вход...

— Откопал?

— Холм был сплошным. Я собирался вырыть нору, чтобы отлежаться в ней несколько дней, но наткнулся на эти ворота.

— Да сколько же ему лет... — потрясённо пробормотал я, не сводя глаз с вампира.

Тот посчитал, что я спрашиваю его и ответил:

— Я лишь знаю, что храм существовал задолго до моего появления на свет. И ничуть не изменился за всё время, пока я здесь.

— Почему ты не ушёл отсюда?

— Мои силы постепенно восстановились, но в первую же ночь, когда я попытался выйти наружу, полностью покинули меня через несколько десятков шагов. Я едва смог

вернуться, и с тех пор все мои попытки покинуть храм проваливались. Со временем я бросил их и не выходил дальше обеденной комнаты, ожидая, что сюда придёт чародей, способный вывести меня. Сейчас моё тело полностью зависит от магии храма.

— Как ты за столько лет не сдох с голоду?

— Я не могу умереть от голода. Могу лишь впасть в спячку... засохнуть, но нескольких капель крови хватит, чтобы снова дать мне возможность двигаться. Сначала было трудно, приходилось голодать, особенно пока шла война... Но изредка в этих местах объявлялись люди, из которых я делал геммос.

— Геммидов? Тех, что были в твоей «обеденной комнате»?

— Это название мне неизвестно, в моё время их называли геммос.

— Ладно, всё это было очень интересно, — сказал я, подойдя ближе к Лине. — Но главный вопрос был не в этом. Зачем тебе понадобилась она?

Некрот замялся, но под моим требовательным взглядом предпочёл не врать:

— У неё есть Дар. Чистый или почти чистый. В неё я мог переместить свой разум и выйти отсюда.

— Вот как? Не сложновато ли заклинание для тебя?

— Налево от главного зала — библиотека. Я расшифровал некоторые записи. Среди них нашёл описание этого ритуала. Я не лгал когда говорил о магии этого места. Я могу помочь перевести...

— Я и сам в состоянии это сделать. Почему ты не провёл ритуал с этим упырём? У него тоже были задатки.

— Его Дар слишком слаб и не выдержит моего. Был слишком слаб, — я не заметил в его голосе даже намёка на сожаление.

— Но её ты не получишь.

Некрот молча смотрел мне в глаза, и я не мог даже предположить, что творится в его древней черепушке. Душа у него отсутствовала, она если и была вообще, то покинула его сразу после мутации, но разум, к сожалению, остался в полном порядке.

— Ты не сможешь мне помешать, некромант. Я сильнее тебя.

— Не храбрись. Ты ведь знаешь, что вся твоя Сила ничего не значит в бою с адептом Тьмы. Так что не делай глупостей.

Вампир никак не отреагировал на мои увещевания, и я добавил, на всякий случай:

— Ты не сильнее меня. И я не некромант.

— Я знаю.

— Вот и молодец. Поэтому у меня к тебе есть другое предложение. Ты отпускаешь её, а взамен я вернусь сюда через пару лет и, возможно, помогу тебе. Ты ведь сидел тут тысячелетия, знаешь много интересного, вот и посиди ещё...

Мутант не слушал. Его глаза снова закрылись, и я почувствовал, как подготовленное им заклинание пришло в движение, связав некрота и Лину магическим каналом. В то же мгновение рука людоеда с непостижимой скоростью взметнулась, вонзив в её тело что-то острое, а затем вторая его рука стала опускаться на то же место, словно чтобы вбить предмет ещё глубже, но тут его, наконец, достало моё заклинание.

Взбесившись от его поступка, я не стал мелочиться и ударил самым мощным плетением некромантии, на какое хватало сил. Вопреки моим ожиданиям, некрота не разметало горсткой пыли по залу, а лишь бросило в сторону; впрочем, это вовсе не означало, что он выживет. Заклинание, которое мутант привёл в действие, распалось, не завершившись.

Первым делом я бросился к Лине и вытащил из её груди двухсторонний костяной стилет с трубкой, соединяющей острия изнутри. Едва я успел вытащить эту гадость, как она рассыпалась прахом. Рана на теле девушки стремительно затянулась, на её месте не осталось ни кровинки.

Я быстро проверил девчонку заклинанием и удивился — она оказалась в порядке, но внутри её ауры поселилась какая-то странная и абсолютно непонятная мне чернота.

Метнувшись к мутанту, я заорал ему в лицо:

— Кретин! Что ты сделал?!

Тело кровососа трескалось и разваливалось, по бурой коже пробегали золотистые искорки, кроша остатки его теневого щита. В глубине древнего тела мерцали зелёные вспышки, выжигающие кусочки Дара, которые поддерживали в мутанте подобие жизни. Некрот весь без остатка переходил в собственность её святейшества Смерти, которой избегал больше девяти тысяч лет.

Несмотря на боль, на лице твари застыло выражение облегчения. Он разлепил губы и едва слышно пробормотал:

— Так было... И... будет. Я же говорил...

— Что ты с ней сделал?!

Мутант резко поднялся и схватил меня за ворот рубахи, на ходу теряя кусочки расползающегося тела.

— Не видишь?! — прохрипел он. — А я вижу! Всё вижу! Так всё и будет! Сегодня я, завтра — весь мир!

— Что?! — Я оттолкнул людоеда, но тот даже не долетел до пола — его прямо в воздухе пожрал зелёный огонь, обратив в горстку праха, которая разлетелась по полу чёрной волной.

— Мразь, — с чувством выпалил я ему вслед.

Похоже, перед смертью некрот всё-таки успел повредиться рассудком, потому что последние его слова совершенно не поддавались логическому осмыслению. Даже если бы у меня не было более насущных проблем, я бы не стал тратить время на разгадывание его бредней.

Девушка на алтаре начала бледнеть. Прощупав её ауру, я понял, что энергия Лины начинает вытягиваться магнитом. Если в ближайшее время не унести её подальше от алтаря, она станет заложницей храма точно так же, как некрот.

Подхватив на руки показавшееся невесомым тело, я скорым шагом направился к выходу из храма. Проходя мимо источника в центральном зале, скрипнул зубами: исследовать древнее сооружение было некогда, но очень хотелось. Ещё раз посмотрев на свою драгоценную ношу, я скрепя сердце пообещал себе вернуться сюда в более спокойные времена. Подумать только — магнит проработал десяток тысяч лет, а энергетическая схема храма до сих пор в равновесии. Столько дармовой энергии пропадает...

И тут меня, как разряд молнии, поразила идея.

«Чем больше энергии, тем сильнее заклинание. Если найти достаточно мощный источник, можно будет запустить поисковое плетение такой силы, что хватит обыскать не только наш мир, но и всё, что окажется поблизости. Так я смогу, например, найти свою родню. Или тех, кто уничтожил Квисленд. Во втором случае я даже знаю, с чего начать: сфера, которая перенесла меня в Нирион, была неуничтожимой, но в кратере её не оказалось — значит, её забрал тот, кто нанёс тот чудовищный удар по замку. Я мог бы просто запустить поисковое заклинание и найти вещицу, будь она хоть на краю света. Вопрос

только — где взять достаточно энергии?

Источник храма не годится — магнит обладает недостаточно грандиозной мощностью. Однако одно из глобальных скоплений вполне способно зашвырнуть моё плетение хоть на сам Нир. Конечно, потребуется много сложных расчётов и несколько вспомогательных магических конструкций, но на это моих умений хватит».

Взбегая по последней лестнице, я вдруг понял, куда мы направимся дальше — к ближайшему глобальному скоплению.

На улице я внимательно огляделся — не вернулась ли стая? — и осторожно уложил девушку на траву. Затем, произведя необходимые приготовления, наложил «Отвлекающий ветер» на холм и окружающую его часть леса. «Ветер» нельзя обнаружить, если ты не присутствовал при его наложении. То есть храм не найдёт никто, кроме меня и Лины. Разве что более сильный чародей, который будет искать специально. Подумав ещё минуту, я обрушил землю на проход, снова погребая его под слоем почвы — для пущей надёжности.

И лишь после этого, с чувством выполненного долга, со снова разругавшейся Линой на руках, я направился к нашему лагерю.

Глава 4. Связанные кровью

Лина проспала до второй половины дня. Я не будил её умышленно — во время сна подсознание расслаблено, поэтому изучать чёрное пятно на ауре девчонки было проще. Заклинание некрота оказалось настолько запутанным, что я не смог понять и мельчайшей его связки. Даже Дисс мне ничего подобного не показывал. Немного успокаивало, что в остальном Лина выглядела здоровой: сердце билось ровно, лоб наощупь был тёплым, а вытянутая храмом энергия быстро восстановилась. Будто эта червоточина в ауре — что-то само собой разумеющееся. Я не знал, что и думать.

Проснувшись, девочка ничего не вспомнила, но пожаловалась на ночной кошмар и ломоту в висках. Немного поколебавшись, я решил умолчать о настоящем кошмаре, который с ней приключился. До поры до времени. Отчасти потому что чувствовал вину, отчасти чтобы не будить лихо — лишнее беспокойство могло нехорошо повлиять на здоровье ученицы.

Я знал, что поступаю бесчестно, поэтому с трудом заставлял себя смотреть Лине в глаза, избегал откровенничать и следующие пару дней опекал её сверх меры — а она будто этого и ждала. Заметив во мне перемену, Лина попыталась аккуратно выпросить, что случилось. Я в ответ сбивчиво пробормотал нечто, содержащее фразу «плохое предчувствие». Видимо, она нашла моё беспокойство забавным, потому что быстро свернула допрос и начала всю пользоваться моим повышенным к себе вниманием: то у неё болела голова, то уже через минуту живот, то зуб; случайно оцарапав локоть, она пришла ко мне и пожаловалась на сильное жжение, «будто горящие угли под кожей», а стоило мне отвлечься от её проблемы, как девчонка тут же начала тереть замазанную ранку и жаловаться уже на зуд. Я отлично понимал, что это всего лишь ребяческое притворство, но, будучи в заложниках у совести, терпел и помалкивал.

В общем, скучать не приходилось. Ко всему прочему из головы у меня не выходила встреча с некротом. Даже несмотря на правдоподобность его рассказа, мне не верилось, что можно девять тысяч лет просидеть в одном месте и даже не умереть ни разу. Каковы шансы? Наверное, это был самый везучий выродок всех времён, раз никто из чародеев не заглянул к нему на огонёк и не пристукнул тварь. Спору нет, с таким мутантом не всякий справится, но ведь и срок немаленький. Да и перебои пищи должны были случаться, особенно во время войн и эпидемий. Эти чудесные стечения обстоятельств выглядели настолько несуразно, что я почувствовал себя исключительным везунчиком, раз именно мне довелось прервать их череду и найти затерянный храм.

Через день после встречи с некротом, уже перед сном, я чистил ножны и в очередной раз прокручивал в голове ночное приключение, когда над самым ухом раздалось:

— С такими лицами на советах сидят, — ученица порхнула мимо, плюхнулась на своё одеяло и выжидающе посмотрела на меня. — О чём задумался?

Чтобы не говорить правду, пришлось изобретать увлекательную ложь.

— Вспоминаю кое-что. Слышала о Трон-Гараде?

— Да, так, только байки всякие. И что теперь на его месте Либрия.

Девчонка разглядывала свою заживающую руку с таким интересом, что я понял — она ждёт продолжения.

— Верно, Лотор построен на развалинах его столицы, Трона. А о том, как пала эта империя, ты знаешь?

— Как раз собираюсь узнать, — Лина ехидно улыбнулась и легла на живот, подперев руками подбородок.

— Короткую или длинную версию?

— Спать что-то пока не хочется. Давай длинную.

— Как скажешь, — я вложил меч в ножны. — Трон-Гарад был первой империей людей. Первой и величайшей. Очень многое из их культуры преобразилось и укоренилось в современных странах... Об их магии нужно сказать отдельно, но я сделаю это чуть позже. Империя простиралась по всему Куивиену, северным землям и Скалистой долине — то есть она покрыла бы Либрию, Дембри, Кан-Терн, Прибрежье, Нейрат и все северные княжества вместе взятые.

Девчонка совсем по-мужски присвистнула и на мой недоумённый взгляд ответила:

— Считай полмира!

— Наш мир больше, чем ты думаешь. Но да, та ещё громадина. Так вот, жили в Трон-Гараде два класса людей: волены и простолюдины. Первые — благородные, обычно имевшие отношение к императорской династии, либо заслужившие её благосклонность. Они владели землёй, предприятиями и платили за это налоги. Вторые считались безродными и не имели никаких прав, но и налогов не платили — только десятину волену за возможность жить и работать на его земле.

Девчонка фыркнула.

— За девять тысяч лет ничего не изменилось. За то, чтобы горбатиться на чужого, надо платить!

— В целом — да. Но отличия всё же есть. Простолюдины были свободны, волен не мог заставить крестьянскую семью работать на себя. Поэтому больше всего работников — а значит и денег — было у хорошего хозяина, к которому люди шли сами. Улавливаешь принцип?

— Как-то всё слишком хорошо, чтобы быть правдой.

— До этого дойдём. Ага, вот что я забыл сказать! Пурпурный цвет считался благородным, и носить его могли только волены, в то время как простолюдины обязаны были одеваться в цвета провинций, в которых жили. И теперь о том, как Империя начала разваливаться. На самом деле в разных книгах описаны разные причины. Где-то — засухи и неурожаи, приведшие к повсеместным голоду и нищете, где-то — плохое управление и череда напрасно принятых законов. Где-то — то и другое вместе. Так или иначе, начались беспорядки, завязалось множество мелких внутренних конфликтов. Тут и там люди впадали в крайности, старались безнаказанно обокрасть, присвоить, поживиться за чужой счёт — в общем, всё как сейчас. Ты хотела что-то сказать?

— Ты обещал рассказать про магию.

— А! Да, точно. В Трон-Гараде не существовало магических орденов, но была каста имперских чародеев. Да и сами они сильно отличались от нынешних Меритари. Как ты теперь знаешь, современные маги пользуются исключительно силами стихий: огня, воды, земли и воздуха. Причём каждый может управлять сразу всеми. Очень редко кто-то из них владеет Тьмой или Светом. Имперцы же черпали силу из шести начал, но каждый чародей специализировался только в одном направлении: маг воздуха, воды, огня, земли, целитель или некромант. Их Дар имел предрасположенность только к одному началу, остальными

они владели лишь по верхам, самые элементарные заклинания и те не всегда удавались... Зато мощь имперских чародеев на порядок превосходила их нынешних коллег. Поэтому маги были очень, очень влиятельными людьми, что тоже сыграло немаловажную роль в надвигающемся хаосе. Я ответил на твой вопрос?

— Ответил, ответил.

— Прекрасно. В каком-то там году после Исхода, не помню, в каком, императором стал Ирденд Третий Кровавый, и камешек покатился с горы, собирая за собой лавину. Если верить книгам, он пришёл к власти, отравив своего отца. Также, насколько я смог заключить из прочитанного, он был изрядно тронутым на голову. Этаким расчётливый психопат. В этих дворцовых интригах сам черт ногу сломит, так что не возьмусь утверждать наверняка, но факт есть факт — Ирденд Третий стал последним императором Трон-Гарада. Империя перед его правлением оставалась в своих границах несколько сотен лет, перестав расширяться после войны с южными племенами. Множество семей, вхожих во дворец, были очень недовольны тем, что имея возможность, Империя не завоёвывала новые земли, а лишь отражала набеги орков и племён варваров. Хотя армия насчитывала более двухсот тысяч воинов.

— Матушки-батюшки! Да куда им столько?

— ...Ирденд, кстати, был того же мнения. Ему втемяшилось в голову пустить эту силу в ход, и он стал снаряжать армии и флот на Южном море для походов на запад, всерьёз намереваясь завоевать весь мир. Стоит ли говорить, что на катящуюся по наклонной Империю это подействовало не лучшим образом? Совет в большинстве своём не одобрил этого стремления, и тогда император заявил о праве неоспоримости своего голоса. Чем он думал, даже представить себе не могу, наверное, тем, на чём сидел. Трон-Гарад треснул пополам, разделившись на лагерь сторонников императора и его противников. Разумеется, сторонниками стали волены, а противниками — простолюдины.

Лина задумчиво закатила глаза, но быстро сдалась и спросила:

— Почему разумеется?

— Потому что завоёванные земли достались бы воленам, а умирать за них пришлось бы крестьянам.

Лицо ученицы просветлело, и она тихо с придыханием протянула:

— А-а-а!

— Ага. В то время касту чародеев возглавлял Берт, выдающегося ума человек и необычайной силы чародей. По легенде он был единственным, кто владел тремя началами сразу — Светом, Тьмой и Землей. Все эти качества быстро сделали его самым влиятельным чародеем в касте и очень значимым человеком в Совете. Он был категорически против войны. Однако всех ему объединить не удалось, так что Совет, а вслед за ним и вся каста раскололись на две части. Одни поддерживали императора, другие — Берта. Через полгода нарастающих волнений началась междоусобная война. Подробностей история не сохранила, но в результате первой же битвы Трон оказался почти полностью разрушен. Император и вся его семья погибли в первую же ночь, несмотря на мощную магию императорской крови. Берт уцелел и начал собирать сторонников. Его коалиция стала называться Многоцветной, так как состояла из безродных, а его противники — Пурпурными.

— Так вот почему ты рассказывал про цвета!

— Да-да! Через несколько недель Империю уже вовсю лихорадило. Началась неслыханная война, как по масштабам, так и по безумию. Благородные грызлись между

собой из-за трона и воевали с Многоцветными за свои земли, те в свою очередь норовили оттяпать кусок побольше. Некоторые волены, ходившие в «добрых» хозяевах, сохраняли нейтралитет, так их подняли на вилы просто на всякий случай... Но самая страшная война разразилась среди членов касты, потому как чародеи во всей этой неразберихе были самыми влиятельными людьми. Толпа формировалась уже вокруг них. В стане Многоцветных порядок сохранялся только благодаря жестокости Берта. Любого, кто подрывал боевой дух войска изнутри, он без суда и следствия хоронил заживо под слоем земли.

Верхняя губа Лины брезгливо поползла к носу.

— Ну и изверг.

— Не думаю, что у него был выбор. В ту пору каждый мог убить каждого, по какой угодно причине. Двухтысячелетняя цивилизация превратилась в орду кровожадных варваров. Единственные, кто отдавал себе отчёт в своих действиях — маги касты, разбитой на две почти равные части. Эта войну окрестили Войной Посохов — потому что у имперских чародеев посохи играли роль знака отличия. Через два года этой кровавой бойни население империи сократилось наполовину, а через пять осталась четверть, мечущаяся по разорённым выжженным землям и непрерывно воюющая между собой. А потом пришла гнойница.

— Кто пришла?

— Болезнь. Начинается с цинги, потом выпадают зубы, ногти, в конце — волосы. Кожа на их месте покрывается струпьями, во рту и вокруг любой ранки набухают гнойники, которые не сходят, пока человек не сгниёт заживо или не умрёт от голода.

— Фу-у-у, меня сейчас вывернет.

— Тогда почаще мой руки и избегай крыс, гнойница и нынче иногда встречается. Тогда эпидемия выкосила девять десятых от общего числа населения, остались лишь самые сильные, самые удачливые и немногочисленные обладатели иммунитета.

— И что, даже это не прекратило войну?

— Представляешь, нет! Нравы тогда, конечно, были совсем иные, но мне всё равно не верится, что люди могли настолько потерять головы. Наверное, что-то историки всё же упустили. В общей сложности, от первого боя до последнего, война длилась девять с лишним лет, после чего произошёл возврат в виде Великого Нашествия. Империя, которая формировалась и развивалась почти два тысячелетия, рассыпалась в прах за считанные годы. Кто-то сумел сбежать на запад и юг ещё до начала междоусобицы, другие бежали уже во время Войны Посохов. На седьмом году войны погиб Берт, совсем неблагородно и банально отравленный кем-то из приближённых, к концу восьмого погибли последние вожди Пурпурных, что некогда входили в совет касты. После этого было несколько попыток заключить перемирие, так как большинство уже не понимало, зачем нужно воевать. Однако именно из-за того, что все настолько привыкли убивать друг друга, переговоры каждый раз заканчивались стычкой, и всё оставалось по-прежнему. В итоге остатки враждующих сторон собрались недалеко от Чернотопья, но так и не смогли договориться. Завязался бой. Многоцветные стали отступать, и не нашли ничего лучше, чем залезть в болото. Наверное, думали, что их не станут преследовать, но не тут-то было. Пурпурные полезли следом, загоняя противника всё глубже в трясины. Оба войска ушли вглубь топей, и никто не узнает, чем закончилась битва, потому что обратно не вернулся почти никто. А вернулся лишь один слабенький, престарелый Пурпурный маг по имени Меритари.

Лина, услышав знакомое название, нахмурилась.

— Так вот откуда взялось это слово?

— Совершенно верно. Только цвет они слегка изменили. Хотя неизвестно, что взято за основу: цвет его происхождения или цвет его стихии — огня.

— Но он же вернулся! Почему неизвестен итог битвы?

— В «Истории» сказано, что его оглушили в самом начале стычки, и когда он пришёл в себя, никого вокруг уже не было, поэтому он вернулся. Но на правдоподобную эта версия, сама понимаешь, не тянет. Не удивлюсь, если он просто сбежал и не сознался.

— И? Что было дальше?

— Да ничего. Почти все территории, принадлежавшие Трон-Гараду в годы его величия, оказались либо заброшены, либо захвачены отродьями, варварами или орками, а потом всё равно заброшены. Только через несколько столетий люди стали возвращаться сюда со всех уголков Нириона. Те, кто видел Войну Посохов, уже умерли, а те, кто не видел, уже не так боялись... Стали возвращаться, постепенно выбивая со своих земель временных хозяев, снова распахать земли, отстраивать города, но уже без прежнего размаха. Все, что могли перенять новые люди у Империи, они переняли. Кусочки культуры в виде разрушенных храмов, осколки искусства в виде сломанных памятников. Оружие, названия, кое-какие механизмы. За следующие девять тысяч лет Нирион повидал немало государств, но ни одно из них величия Трон-Гарада не достигло даже близко. Магия изменилась. Наука изменилась. Меритари же был единственным учёным, оставшимся в живых.

— Учёным?

— Не удивляйся. Это сейчас существуют целые академии с сотнями преподавателей, а тогда единственными, кто занимался наукой, были чародеи касты. Кстати, тебе тоже придётся изучать науки — без них дотянешь максимум до деревенской знахарки.

— А что произошло с магией?

— Видоизменилась. Где-то деградировала, где-то расширилась. О главном отличии я тебе уже сказал. Меритари научил своих учеников всему, что знал, но знал-то он немного. Из-за войны многие знания канули в Бездну. Кровосмешение, отсутствие правильной инициации, может быть, и болезни поработали — всё это привело магию к тому виду, какая она сейчас. И это, наверное, даже к лучшему. Ещё одной войны Посохов этот мир может и не пережить.

— Но ты ведь знаешь больше, чем Меритари? Я о том, что ты владеешь и Светом, и Тьмой, и Материей, а Меритари всего этого не могут.

— В большинстве своём — нет, не могут. Но в этом заслуга не столько моя, сколько моего учителя. Он понимал в чародействе намного больше, чем любой из людей, даже трижды талантливый.

— Кстати, ты говорил, что ему было больше шестнадцати тысяч лет — как он тогда уцелел в той войне?

— Он был в другом мире и пришёл сюда через два тысячелетия после окончания войны.

Девчонка захихикала и сказала:

— Ну да, из другого мира. Из сказочного, что ли?

Я посмотрел на неё исподлобья, как всегда смотрел, если мне надоедало её ребячество. Лина продолжала весело улыбаться, как будто ожидая чего-то ещё, и до меня дошло: она не знает о множественности миров!

Одновременно с тем, как моё лицо принимало умиленное выражение, улыбка девчонки, напротив, увядала.

— Так то, что в сказках — всё правда? — Лина даже приподнялась на ложе от

удивления.

— Другие миры существуют, — сказал я осторожно, — но они вовсе не обязательно сказочные.

— А какие же тогда?

— А всякие, — улыбнувшись, сказал я. — Давай-ка спать. О других мирах — в другой раз. Мы и так чересчур заболтались, не хочу завтра засыпать в седле.

Лина посмотрела на меня одним из тех томных взглядов, которых я старался не замечать, и потом легла, отвернувшись. С полчаса она лежала тихо, словно не могла заснуть и хотела ещё о чём-нибудь спросить, но не решалась. Она так и не подала голоса до самого утра.

Ночь пахла прелью и сыростью. Неподалёку в темноте леса слышался равномерный шелест, и только по редким всплескам можно было узнать в нём бег ручья. Спрятавшись в высоких ветвях, ухал филин; ему аккомпанировали неутомимые сверчки. Не в такт потрескивали догорающие дрова. Налетал порывами ветерок, заставляя листья аплодировать. А совсем рядом, в двух шагах, мирно посапывала непоседливая девчонка, присутствие которой придавало вышперечисленному особый привкус, призыв, присвет — всё словно обретало дополнительную ясность и объём.

Я же лежал на спине, и взгляд мой заблудился среди звёзд. Их было слишком много, чтобы сосчитать, но слишком мало, чтобы насмотреться. На меня напало на редкость благостное настроение: хотелось дышать каждой порой, чувствовать каждой жилкой, лишь бы вобрать в себя настоящее без остатка, заполниться им до макушки.

Я жалел только об одном: что нельзя растянуть это мгновение до бесконечности, или хотя бы забрать его с собой в рыхлое пространство сна. Не потому, что момент был особенным или неповторимым — просто другого не хотелось. «Наверное, вот такое оно, — думал я. — Может найти тебя в любую секунду, несмотря ни на какие беды. Робкое, тёплое, пушистое — сядет рядом, всего на несколько минут, а потом, заскучав, упорхнёт к кому-нибудь другому. Потому что хорошего — понемножку. Оно обязательно вернётся, но только если ты найдёшь для него место. И только если совсем не будешь его ждать».

* * *

— ...Как ты уже знаешь, чародеев от обычных людей отличает Дар — способность накапливать внутри себя энергию и распоряжаться ей с помощью заклинаний. Максимум энергии, который чародей может накопить, называется силовым порогом и напрямую зависит от глубины Дара чародея. Со временем порог увеличивается, в основном благодаря тренировкам и освоению новых видов плетений. Процесс расширения силового предела называется асессией и происходит рывками. Как правило, время до следующей асессии увеличивается вместе с самим силовым порогом. Пока понятно?

— Да.

— Помни, что я пока объясняю тебе на пальцах, на самом деле всё сложнее. Итак, предположим, ты сотворила сложное заклинание и твой запас магических сил иссяк. Есть три способа восполнить его. Первый — просто накопить энергию. Это самый безопасный, но и самый медленный способ, называемый регенерацией. Чародей может ускорить её с помощью медитации, но всё равно это долго — в зависимости от глубины Дара чародея регенерация может длиться от суток до двух месяцев...

— Эн?

— Да?

— А как определить глубину Дара?

— Достаточно всмотреться в ауру чародея, чтобы определить насколько его Дар глубже твоего. Это будет видно по насыщенности поля. Если поле рябит, и ты можешь видеть сквозь него — этот чародей обладает поверхностным Даром и, как следствие, не способен к сложной магии. Если поле непроницаемо или, что бывает у очень могучих чародеев, блестит и отливает яркими цветами — то его Дар, скорее всего, глубже твоего.

— Ты научишь меня это делать?

— Разумеется. В своё время. Итак, второй способ. Он не так безопасен, как первый, но зато значительно быстрее и эффективнее. Для этого необходимо найти сборщик энергии, или магический магнит. Магнитом может быть что угодно — дерево, вода, камень, металл — это зависит от пересечения эфирных потоков. Скоро я покажу тебе пару таких мест, их в мире предостаточно и встречаются они довольно часто. Возле магнита тебе нужно будет настроить свою ауру так, чтобы она пропускала свободно текущую энергию сквозь себя. Энергия возле магнитов стабильна, поэтому ей можно восполнить свой магический запас. Этот процесс называется нутризацией или энергетическим питанием. Таким образом, ты питаешься под пробочку за несколько часов, максимум за сутки. Хотя, тут тоже, смотря какой попадётся магнит. Самое главное при нутризации — не переборщить. Побочными эффектами такого «переедания» могут быть резкое ухудшение самочувствия и даже смерть. Вопрос?

— Да. Как определить, что уже достаточно?

— О, ты всегда будешь чувствовать, сколько сил у тебя осталось, главное, научиться правильно их рассчитывать — как при питании, так и при затратах. Этому я тоже тебя научу, не переживай.

— Жду не дождусь! Так какой третий способ?

— Это самый рискованный способ и пользоваться им рекомендуется только в самом крайнем случае — если тебе напрямую будет угрожать смерть. Он называется абсорбцией, иначе поглощением. Если у тебя есть с собой какой-либо зачарованный предмет, такой, например, как амулет, талисман, магический камень, метеорит, артефакт — ты можешь поглотить содержащуюся в нем магию. Для того чтобы извлечь магию из предмета существует несколько достаточно сложных плетений, но ни одно из них не гарантирует, что ты выживешь после такой операции.

— Почему?

— Потому что энергия, выпущенная из предмета, становится неуправляемой очень быстро. Если ты не успеешь её поглотить до того, как она выйдет из состояния равновесия, тебя попросту разорвёт на части. Не физически, конечно, но смерть неизбежна.

— Эн?

— Да, Лина.

— А нельзя поглотить заклинание, направленное в тебя?

— Даже не пытайся. Причина та же — эта энергия уже не находится в равновесии, она задействована. Это все равно, что попытаться схватить арбалетный болт, выпущенный в тебя в упор.

— Я видала умельца, который хватал.

— А я не говорю, что это нереально. В природе встречаются существа, способные

абсорбировать нестабильную энергию, но они редки, чрезвычайно редки. И чрезвычайно умны, как правило. Демоны, которые живут в глубинах Эфира, почти все способны к абсорбции, потому что там без этого как нам — без воздуха. Но для человека такая абсорбция — задача невыполнимая. Ну, или почти невыполнимая — у очень, очень сильного и умного чародея, возможно, есть один шанс на миллион. У нас с тобой — нет.

— Понятно...

— Ладно. Тогда перейдём к основным видам плетений...

С тех пор, как мы перешли от теории к практике, и у Лины стало получаться колдовать, старательности в ней сильно прибавилось. Иногда она даже уговаривала меня начать занятие пораньше — её, как и любого начинающего чародея, серьёзно увлекли собственные способности. Отсюда появились типичные ошибки: нетерпеливость, заносчивость, стремление охватить всё и сразу; молодость и крутой нрав только усугубляли положение.

Я понимал её чувства — когда осознаешь, что способен щелчком пальцев заставить повиноваться непредсказуемую стихию, появляется иллюзия всесильности. Дисс быстро подавил во мне этот комплекс бога. То же самое я пытался проделать и со своей ученицей — чтобы научить смирению и терпеливости. Девчонка зло косилась на меня всякий раз, когда вместо увлекательнейших практических упражнений я заставлял её, например, переносить всю воду из одного сосуда в другой одним пальцем, не пролив мимо ни капли.

Несмотря на явный прогресс в умении контролировать Дар, Лине до сих пор не давались мысленные плетения — не хватало концентрации. Мы упражнялись каждый день, но каждый раз всё заканчивалось тем, что Лина разочарованно бросала занятие. Я утешал себя тем, что рано или поздно она заставит себя сосредоточиться, и тогда дело сдвинется с мёртвой точки.

— Ardo! — Лина вытянула руки в сторону небольшого пня.

Тот затрепал и слабо вспыхнул колдовским бездымным огнём. Ученица самодовольно улыбнулась.

— Теперь потуши, — сказал я. — Мыслеформой.

Мы стояли на небольшой поляне в полулиге от Тракта, специально отдалившись от людных мест, чтобы Лина могла спокойно потренироваться.

— Обязательно именно так? — скисла девчонка. — Может, пока закрепим жестовые заклинания?

— Хитрая! — усмехнулся я. — Жестовые у тебя и так уже неплохо получаются. Пойми: пока ты будешь произносить словесную формулу и размахивать руками, я создам столько мыслеформ, что от этого пенька даже воспоминаний не останется. А если придётся колдовать со связанными руками — будешь ждать, пока развяжут? Мыслеформы — это оружие чародея-профессионала, так же как меч для воина. Давай, пробуй. Концентрируйся как следует. Выкинь всё остальное из головы, сейчас для тебя самое главное, это сделать одну единственную вещь — составить в уме плетение и пустить через него энергию.

Лина глядела на меня исподлобья — будто ни слова не понимала. Она уже почти смирилась с тем, что обойдётся без мыслеформ и всё надеялась, что я тоже смирюсь. Не тут-то было.

— Не смотри на меня так! Вперёд, смелее!

Поняв, что урок не продолжится, пока она в очередной раз не попробует, девчонка

тяжко вздохнула и повернулась к несчастному пню. Пытаясь вообразить рисунок заклинания, она, как и всегда, вся скукожилась: стиснула кулаки, чуть сгорбилась, втянула голову в плечи и крепко зажмурилась.

Язычки пламени опали, но не исчезли — словно заклинанию не хватало силы. Я нахмурился. Огонь тотчас потух.

— Вот, можешь же когда хочешь! — я одобрительно похлопал ученицу по плечу. — Давно бы так!

Лина открыла глаза и уставилась на пень, изумлённая.

— Получилось? — она повернулась ко мне и победно вскинула руки. — Получилось!

— Я же говорил, рано или поздно получится, главное пытаться! Давай, теперь снова зажги его, только свободнее, и подпитай получше!

Девчонка снова зажмурилась; над пеньком тотчас показался дымок.

— Больше энергии! — крикнул я, и через секунду из трещин в коре плеснуло пламя.

Увидев это, Лина издала ликующий возглас и несколько раз подпрыгнула на месте, после чего вдруг оказалась болтающейся у меня на шее.

— Молодец, умница, — сказал я прямо ей в ухо. — Но рано радоваться, надо закреплять! Потуши его ещё раз.

Девушка, уже несколько не колеблясь, встала напротив цели.

— Не закрывай глаза!

Лина послушалась, и только что вспыхнувший огонь медленно потух — снова.

Я не удержался и издал торжествующее «Ха!». От гордости — за себя и за ученицу. В первый раз, конечно, пламя погасил я, но всё остальное сделала Лина. Сама.

— Давай ещё! — крикнула девчонка, глядя на меня горящими глазами. — Давай что-нибудь ещё попробуем!

Я видел, что она слишком распалилась, чтобы продолжать, но разве возможно было ей сказать об этом?

— Давай так: с мыслеформами продолжим завтра, а сегодня попробуем работу с сильным заклинанием. Если сможешь сейчас погасить огонь, который разведу я, будем считать сегодняшнюю программу выполненной. Тушить можешь, как хочешь, но без мыслеформ. Договорились?

— Ко-о-онечно! — протянула Лина и напоказ размяла шею, будто перед дракой.

— Отойди подальше. Я сделаю так же как ты.

Когда мы отошли, я, повторяя жест Лины, произнёс:

— Ardo.

Пень взорвался горящими щепками, мгновенно превратившись в монструозных размеров факел. Лина непроизвольно отшатнулась и закрыла лицо руками. Жар был что надо — даже я, стоя в десяти шагах, чувствовал исходящее от пламени тепло. Девушка с минуту смотрела на воющий огненный столп с отстранённым выражением на лице, а потом вдруг гаденько усмехнулась. Она вытянула руки перед собой ладонями друг к другу и так же отчётливо, как прозвучало предыдущее заклинание, бросила:

— Premer!

Воздух вокруг остатков пня стал уплотняться и разламываться, рассекая пламя на быстро гаснущие обрывки. Огонь тут же опал, но заклинание продолжало безжалостно прессовать пространство, отрезая языки от источника пищи. Через несколько секунд от моего импровизированного инферно осталась только горстка угольков.

Девчонка повернулась ко мне. Эффект был, как она и ожидала: мои глаза едва не вылезли из орбит.

— Ты... Чего?! — только и смог выдать я.

Лина снова улыбнулась, но уже как-то вяло, показала мне язык и побежала к лагерю, где остались лошади и сумки.

* * *

Лина была чрезвычайно довольна собой. Ей удалось, наконец, по-настоящему удивить спутника. После тренировки прошёл уже час, а Энормис с тех пор открыл рот только для того, чтобы потребовать объяснений и съесть ужин. Она с гордостью пояснила, что несколько недель назад видела, как чародей сам использовал это заклинание, чтобы прибрать стоянку. С тех пор оно стало главным предметом её «внеклассовых» занятий и оттачивалось втайне от учителя, ведь Лина знала, что он не одобрит. Девушка самостоятельно разобрала заклинание на узлы, нашла знакомые связки, отрепетировала жест...

— Лина, — прервал её Энормис, сосредоточенно жуя. — Ты, конечно, молодец. Но это ведь заклинание Материи.

Девушка замерла, усиленно соображая, что может значить напряжённый тон спутника. Сам же озвученный факт Лине ни о чём не говорил.

— И это... плохо? — попыталась угадать она.

— Это странно. — Эн бросил ложку в опустевший котелок. — Люди не способны к магии Материи. От слова «совсем».

— Ха! А ты не люди, что ли?.. — Лина осеклась, наткнувшись на красноречивый взгляд чародея.

Действительно, обычным человеком он точно не был. Уж что-что, а это девушка уяснила быстро — потому и прониклась к нему нежданной симпатией.

— Я — дело другое, — с нажимом сказал Эн. — По мне мерить не надо. Вообще-то нынешние люди часто даже Светом и Тьмой не владеют. Их потому и называют «стихийниками». Огонь, Вода, Земля, Воздух — вот и весь арсенал рядового чародея.

— Отлично. И что же, по мне тоже получается мерить не надо? Получилось ведь.

Энормис почесал в затылке.

— Хороший вопрос. Самому интересно — как же это у тебя получилось? Материя — это же основа, первичный элемент, — чародей не смотрел на Лину, словно просто рассуждал вслух. — У неё самые заковыристые связки. Вторичные элементы наследуют от Материи только простейшие её части плетения.

— Вторичные — это какие? — быстро спросила девушка, чтобы уж совсем не терять нить разговора.

— Тьма и Свет. А третичные — это как раз набор «стихийников» — в свою очередь наследуют у вторичных ещё более простые фрагменты плетений. И тут всё зависит Дара. Если Дар средненький — то дальше третичных элементов не уйдёшь. Тем не менее, у людей изредка проявляются Дары такой глубины, что хватает ещё и на Свет и Тьму. Так что выкинь ты некротический фокус, я бы не сильно удивился. Но Материя...

— Но кто-то же способен к Материи? Кроме тебя, разумеется.

— А как же. Эльфы вроде бы способны.

— Ну вот! Может я — эльф!

Вместо ответа Энормис умиленно посмотрел на Лину, отчего та мгновенно вспыхнула:

— Чего уставился?! Видел ты хоть одного эльфа живьем?

— Нет, — сокрушенно признался чародей.

— Вот и не... смотри так!

— Ладно-ладно, — Эн примирительно поднял руки. — Извини. Но поверь, ты не эльф.

И даже не полуэльф.

— С чего ты взял?

— Дисс их видел. Сказал, по эльфу сразу видно, что он не человек. А ты вроде на нелюдь не похожа...

— Ну ладно, — нехотя согласилась Лина. — Кто ещё?

— Кто ещё — что?

— Владеет Материей.

— Говорят, драконы владеют. И хотя их тоже уже лет пятьсот не видели, могу точно сказать, что ты не дракон. Чешуи совсем на тебе нет, хвоста не видать, да и размерами не вышла...

— Ха-ха, обхохочешься! — девушка состроила злую гримасу. — Кто ещё?

— Маги неплохо с ней управляют. Такие, как Дисс. Но если бы ты была Магом, мне бы не нужно было тебя ничему учить. Ты бы колдовала так же естественно, как дышала. Это если не говорить о том, что Дисс бы тебя давно уже почувствовал и нашёл.

— Так. Ещё?

— Некроты, — сказал Эн, и всё его веселье тут же улетучилось.

— Это кто такие?

— Вурдалаками их ещё называют.

— А! Ну, чеснок я, конечно, не люблю, но дневного света не боюсь. Так что вряд ли.

Чародей только хмуро угукнул и ничего не сказал. Он вдруг стал страшно задумчивым и будто потерял интерес к разговору.

— Ты чего? — спросила Лина, почуяв неладное.

— Да больше ничего в голову не приходит, — вздохнул Эн. — А я ведь чувствовал, как ты «практиковалась»... пару раз. Но думал, что это откуда-то со стороны фонит, а оказалось вот оно что. Ты, кстати, как себя чувствуешь?

Лина прислушалась к своим ощущениям. Кроме подкожного зуда и головных болей, о которых она за последние дни сказала чародею несколько раз, всё вроде бы было нормально. Ну, ещё стали приходиться странные сны со сказочными городами и нездешними мирами, красивыми до жути. Ну и если покопаться, то пару раз появлялось дикое ощущение, что она потеряла какую-то свою часть. Ощущение это было ярким настолько, что Лина тут же бросалась осматривать себя: на месте ли руки-ноги? Убедившись, что да, на месте, девушка вроде бы успокаивалась, но какая-то мерзкая струнка всё же фальшивила где-то на окраине разума, и избавиться от этой незаконченности не удавалось.

В общем, мелочи. Вряд ли Эн спрашивал о такой ерунде.

— Да нормально я себя чувствую. Иногда только чешется всё... — И в подтверждение своих слов Лина злобно заскребла зудящий локоть.

— Да уж. Надо бы найти, где помыться, — сказал чародей и задумчиво откусил от огурца.

Огурец оказался горьким, и Энормиса тут же перекосило. Он сплюнул горечь, с

отвращением посмотрел на надкушенный овощ и запустил им в кусты.

Девушка не стала говорить, что от грязи чешется совсем по-другому, потому что помыться и правда хотелось. Но вообще этот странный зуд начался после той ночи, когда ей приснился кошмар.

Лину, конечно, немного встревожили неясности с её Даром, которому подвластна Материя, и огорчило известие, что она всё-таки не эльф. Зато ей очень нравилось внимание Энормиса к своей персоне, поэтому настроение у девушки даже немного поднялось.

— А почему мы повернули к северу? — спросила она, чтобы не дать чародею окончательно уйти в себя.

Чародей вздохнул, словно так ни к чему и не пришёл в своих размышлениях, и пояснил:

— Мы едем в Кантахар.

— К гномам? — с сомнением протянула Лина. — Что ты там потерял?

— Там живёт один гном, который сможет нам помочь.

— Думаешь, нас туда пустят?

— Посмотрим. Но что-то мне подсказывает, что пустят.

— А если нет?

Энормис пожал плечами.

— Осядем где-нибудь в Дембри, наверное.

От одного упоминания об этой стране настроение у Лины начало портиться. Она скривилась, словно целиком сжевала невкусный огурец, и подтянула колени к себе. Ей вдруг тоже расхотелось продолжать разговор.

— В чём дело?

Девушка повернулась на голос: Энормис смотрел на неё настороженно. От него явно не укрылась перемена в настроении спутницы. Эн вообще был очень внимательным и наблюдательным, он видел всё. Кроме самого очевидного, разумеется.

— Да, так, — Лина спрятала нос в коленях.

— Давай, по порядку, — чародей уселся поудобнее и приготовился слушать.

Лина замялась. Ей не хотелось поднимать тему, но отталкивать единственного, кто достоин был услышать такие подробности её жизни, она тоже не хотела. Не зная, с чего начать, девушка поморщилась и пробормотала:

— Ну, был один случай...

— Именно он меня и интересует.

Лина вздохнула.

— Тебе приходилось когда-нибудь убивать?

Во взгляде чародея мелькнуло лёгкое удивление.

— Почему ты спрашиваешь?

Лина неопределённо повела плечами. Она вдруг испугалась: а вдруг не стоит рассказывать? Вдруг он не поймёт? Но тут Энормис неожиданно ответил:

— Приходилось. Исключительно из самозащиты. Несколько раз. А тебе?

— Однажды, — её голос слегка охрип, и пришлось прочистить горло. — Три года назад.

Энормис пожал плечами — мол, ну и что с того? И добавил:

— Кто?

— Одна купчиха. Тупая, жирная корова, — это должно было прозвучать твёрдо, но Лина и сама бы в такую твёрдость не поверила. — Поймала меня на краже апельсинов. Жалко ей было, что ли? Заорала, как умалишённая. Всё прямо на рыночной площади, в одном

занюханном дембрийском городке. Я не успела увернуться — та схватила меня за руку, да так сильно, что у меня слёзы выступили. Ей бы подковы гнуть, а не за прилавком стоять. Держит — не вырваться, глазёнки кровью налились, «воровка!» — орёт. Ну и отвесила мне сначала одну оплеуху, потом другую. Тут и другие подтянулись. Сам знаешь, воров на рынках не особо жалуют. Не знаю, что в тот день такого случилось, но настроение плохое было у всех. Обступили нас. Купчиха меня лупит, а те знай кричат, подбадривают её, свистят. Я вырвалась было, да меня тут же схватили и швырнули обратно ей под ноги. Она мне волосы рвёт, а у самой аж пена ртом лезет. Понимаю — сейчас закидают меня камнями до смерти, или она из меня своими руками дух выбьет. У меня всё лицо в крови, не вижу ни зги, вдруг, смотрю — прямо передо мной мужик стоит в толпе, тоже орёт со всеми, а на поясе у него кинжал висит в ножнах. Ну, я и дёрнула за рукоять, ничего не соображая. Махнула наугад, да попала аккурат купчихе по горлу. Кровища как брызнет, да прямо на меня. Народ ахнул и замер — обалдели от неожиданности. Я тут же ноги в руки и бежать. Кинжалом замахнулась — люди от страха поотскакивали, зенки свои на меня таращат, боятся. Только щелочка меж ними образовалась, я в неё нырнула и побежала, ног под собой не чувю, а сама думаю — только бы страже не попасться, иначе точно на куски порубят...

Голос девушки сорвался; она прочистила горло, сглотнула. Спрятала лицо за коленями — только глаза смотрят на бьющийся в кострище огонь.

Лина будто снова стала той четырнадцатилетней девчонкой, перепуганной до смерти; она не помнила всех деталей, но всплывших ощущений было достаточно, чтобы заново пережить то безумие.

Она бежала по грязным закоулкам города, вся в крови, судорожно сжимая рукой окровавленный кинжал, потому что он был последним её защитником в целом мире врагов. Бежала до тех пор, пока не начали подкашиваться ноги; нашла какую-то нору и забилась в неё, дрожа всем телом, вытирая грязными рукавами кровь и слёзы. А в голове билась только одна мысль: «я живая, живая, я всё ещё живая...» Только потом пришло понимание: она-то жива, а та купчиха — уже нет.

Энормис поднялся, пересел поближе — чтобы чуть-чуть касаться её плеча своим.

— Больше такого не будет, — сказал он. — Пока я с тобой — не будет.

Вместо ответа Лина прислонилась к нему, и в этот раз чародей не спешил увеличить дистанцию между ними — сидел, не шевелясь, одним своим молчаливым присутствием подавляя чужую боль, делая её всё менее значимой, всё менее ощутимой. И Лина, неожиданно для самой себя, поверила в его обещание.

Они просидели так, в тишине, с полчаса; когда огонь стал гаснуть, Эн первый заговорил:

— Уже поздно.

— Да уж, — вздохнула девушка.

Потянулась, зевнула.

— Я ложусь спать. После этих упражнений сил совсем нет.

Чародей кивнул, не оборачиваясь. Даже когда она легла, он так и не пошевелился, продолжая сидеть, глядя в рдеющие угли. Сам его вид действовал на Лину успокаивающе — ощущение надёжности, которое она испытывала рядом с Энормисом, напоминало ей об отце, но не о том, как он погиб, а о том, каким он был для неё при жизни. И засыпать с этими мыслями было так легко...

Меня разбудил шорох, раздавшийся совсем рядом, и я тут же открыл глаза. Это поднялась Лина. Она знала, что я долго не сплю по вечерам и засыпаю обычно поздней ночью, так что по утрам изо всех сил старалась не шуметь.

Наивная.

— Припозднился вчера? — спросила девушка, заметив, что я проснулся.

Ничто в её поведении уже не напоминало о вчерашнем разговоре. Она была весела, улыбочива и, судя по выражению лица, готовилась напроказить. После вчерашней выходки Лины я старательно выискивал в её облике детали, которые говорили бы о превращении в... во что-то нечеловеческое, но всё было как обычно. Пятно на её ауре не увеличилось, но и не уменьшилось, что меня несколько не успокаивало. Я не знал, каким именно образом протекает превращение человека в некрота. Скорее всего, первые признаки проявились бы уже на следующий день. Однако Лина оставалась собой. А я всё ещё плавал в раздражающей неопределённости и не знал, что предпринять.

— Не спалось. — Я встал на ноги и потянулся. — Ты выпалась? Сегодня у нас ответственный день.

— Переходим границу?

— Да. И там у нас одна дорога — через пост.

— Ты уверен? — Лина с сомнением посмотрела на меня. — Как бы нас там не сцапали.

— Уверен, что сцапают, если мы облажаемся, — саркастично отозвался я. — За лигу до границы я собираюсь наложить на нас с тобой заклинание «личины». Морок, короче говоря.

— А если там будут Меритари? Морок не засекут?

— Не думаю, что там будет маг сильнее пятой ступени.

— Ступени?

— А, я тебе ещё не рассказывал... — внезапно осознал я. — У Ордена есть шкала, по которой они меряют силу. Таких шкал в мире много, но Меритари — самая большая организация чародеев, поэтому в основном пользуются их изобретением. Ступеней всего двадцать. Первая — самая слабая. Два мага первой ступени, соединённые кольцом, примерно равны по силе магу второй ступени. О кольце я тебе рассказывал, — ученица кивнула. — Третья ступень — это два вторых в кольце, и так до одиннадцатой ступени. В Меритари маг с первой ступенью считается учеником, со второй по четвертую — подмастерьем, с пятой по десятую — адептом различного ранга. Это уже серьёзные ребята. Но одиннадцатая — это ступень, с которой начинаются полноправные Волшебники. Маг одиннадцатой ступени по силовому порогу может сравниться с тремя магами десятой ступени.

Лина внимала мне с прилежанием образцовой ученицы.

— Со временем сила растёт, но у каждого чародея есть свой предел. У всех он разный, но когда силовой порог чародея достигает этой величины, он перестаёт расти. И определить этот предел очень сложно. Но я не рассказывал ещё о Высших. Каждая следующая ступень после десятой примерно равна трём закольцованным предыдущим. Бывает, трём, а бывает и пяти. С пятнадцатой начинаются ступени Мастеров. Таких очень мало, люди редко выходят за тринадцатую, но все же они есть. До двадцатой ступени дорастают единицы из миллионов владеющих Даром. Это ступень Сверхмагов. Они, как правило, дорастают до этой точки за пару-тройку сотен лет. И могут буквально двигать горы. Но у Меритари старше

шестнадцатой, насколько я знаю, сейчас никого не осталось.

Лина разочарованно вздохнула. Должно быть, представила себе такую силу и распрощалась с надеждой быстро стать Сверхмагом.

— А дальше? Есть кто-нибудь сильнее двадцатой ступени?

— Есть. Боги.

— Нет, а люди вырастают?

— Все, кто доходят до двадцатой и дальше называются магами Вне Лестницы. Надо ли говорить, что таких за всю историю набралось меньше, чем пальцев на одной руке?

За время разговора мы успели позавтракать и оседлать лошадей.

— Эн... А я какой ступени?

Я улыбнулся.

— Вторая. С половинкой.

Мы взобрались в сёдла и выехали с места ночлега.

— А ты? Раз не боишься пятой ступени, значит ты выше. Какая у тебя ступень? — девчонка с прищуром разглядывала меня.

— Тебе обязательно это знать?

В ответ возмущённо цокнули:

— А сам-то как думаешь? Неужели такая страшная тайна?

Я вздохнул, повернулся и, глядя перед собой, ответил:

— Девятая.

— Оу! Почти Волшебник!

— Вот именно. Почти, — пробурчал я и замолк.

* * *

Три часа спустя мы остановились неподалёку от тракта, на берегу небольшого озера, спрятавшегося меж двух едва заметных холмов. Время подходило к полудню; солнце выкатилось высоко, и пот по нашим лицам так и струился — духота установилась невыносимая.

— Всё, надо накладывать морок, — сказал я и спешился. — Начерти на земле большой круг, чтобы мы с лошадьми могли в нём поместиться. Я пока подготовлюсь. Только ровно черти!

Последнее я крикнул уже вдогонку — девчонка, обрадованная, что поучаствует в создании морока, понеслась к ближайшей полянке.

Я же достал из сумки обычную свечу и начал пронизывать её металлическими иглами, располагая их ярусами, крест-накрест. Такая схема позволяет тратить меньше сил и страхует от непредвиденных случайностей. Накладывая такой сложный наговор или заклинание, как составной морок, приходится держать в голове кучу деталей, о которых нельзя забывать. А так — подготовил несколько безделушек, зачаровал как надо, и обряд сам сделает всё остальное.

— Всё, начертила. — Лина подошла ко мне.

— Я тоже почти закончил. Там у тебя точно ровный круг получился? Смотри, исказишь заклинание кривизной дуги, превратимся в лягушек.

— Тогда нас уж точно никто не узнает, — хмыкнула девчонка.

Я покачал головой и воткнул последнюю иглу. Теперь нужно было создать образ и

привязать его к фитилю свечи. Я составил в воображении нечто простое, не броское, но с необходимыми убедительными деталями и старательно вплёл получившуюся картинку в заклинание. Через минуту у меня в руке уже лежал самодельный артефакт, зачарованный на одно превращение.

Круг Лина и правда начертила ровно. Я встал рядом с ней, поставил свечку в центре фигуры и зажёл её магическим пламенем, чтобы не задуло ветром. Теперь просто требовалось подождать, пока не завершится обряд.

— У меня нехорошее предчувствие, — внезапно сказала Лина.

Она обнимала себя за плечи, будто озябла, и смотрела в сторону; сомнения и неуверенность были буквально написаны на её лице крупными буквами.

— В чём это проявляется?

— Просто нехорошо, — посмотрела на меня, поёжилась. — Чувство, как будто я иду в полной темноте по мостику, и знаю, что скоро он оборвётся. Но когда именно — не знаю.

— У меня тоже так бывает, — я пожал плечами. — Это страх неизвестности. Но она пугает только до тех пор, пока таковой остаётся. Просто постарайся понять, что именно тебя тревожит, и страх утихнет.

Девчонка в свою очередь пожала плечами.

Её волосы постепенно теряли форму и цвет. Заклинание уже действовало, и выглядело это престранно. Я никогда раньше не накладывал морок на людей, поэтому с интересом наблюдал за процессом, следя за изменениями внешности девчонки. Лина, видимо, тоже начала замечать во мне перемены и во все глаза смотрела на моё превращение.

Тем временем её волосы из прозрачных стали просто светлыми; на лицо прокрались мелкие морщинки, сначала призрачные, потом вполне натуральные; добротная одежда становилась грубой и изношенной; изящные руки опухали и обрастали мозолями, как у крестьянки. Черты лица несколько расплылись, нос немного увеличился, глаза потеряли свою выдающуюся зелень, ресницы укоротились.

Я перевёл взгляд на наших лошадок и с удовлетворением отметил, что заклинание отлично справляется со всеми нами. Добротные скакуны превратились в кляч, а седельные сумки почему-то стали сетками с капустой. Я хмыкнул, разглядывая эту странную метаморфозу. При создании образа я совсем забыл про сумки, но заклинание довершило общую картину моего воображения само. Довольно редкое явление. В итоге сетки получились намного большего размера, чем настоящая поклажа, так что мне пришлось вмешаться и превратить их в простые тюки со всяким барахлом. Солдаты должны купиться.

Наконец последняя игла упала, и фитиль потух, обозначив окончание обряда.

— Всё, можешь выходить из круга, — мой голос звучал простодушно и басил сверх меры.

— Ну и видок у тебя, свинопас, — протянула Лина не своим голосом. Низким хриплым альтом.

Я смерил взглядом ухмыляющуюся бабёнку и ответил, присовокупив ответную улыбку:

— На себя посмотри, доярка.

Улыбка на лице Лины тут же увяла, и девчонка целеустремлённо направилась к краю озера, видимо, чтобы полюбоваться на своё отражение. Через минуту со стороны, куда она ушла, раздался вопль:

— А-а-а! Что ты со мной сделал?! В кого я превратилась?!

Её истеричный тон здорово меня развеселил, и я довольно мерзко хохотнул. Лина, как и

всякая девушка, хотела быть красивой везде и всегда, так что подобное превращение для неё выглядело сродни святотатству. Хотя, на мой скромный взгляд, ей-то беспокоиться не стоило — с внешностью у неё всё было в порядке. Даже очень в порядке.

Я вышел к краю озера. Лина стояла на коленях у самого края воды и держалась за лицо. Она разглядывала своё изменившееся отражение, и в глазах её плескался ужас.

— Что ты наколдовал?! Посмотри на меня! Я — старуха! — прокричала девчонка, взвившись на ноги.

На самом деле на вид её образу я бы не дал больше тридцати пяти, но спорить, конечно, не стоило. Я изо всех сил давил в себе улыбку, понимая, что смеха она мне может и вовсе не простить.

— Нельзя было, ну не знаю, просто лицо изменить, обязательно было в бабку превращать?! — проорала «бабка».

И тут меня прорвало. Я захохотал так, что чтобы не упасть, мне пришлось схватиться за рядом стоящее дерево. Лина какое-то время прожигала во мне дыру гневным взглядом, но потом на её лицо вползла змеистая усмешка:

— Иди теперь ты на себя посмотри, твоя очередь.

Я отлепился от дерева, и, вытирая выступившие от смеха слёзы, принял её позу у воды.

Из озера на меня посмотрело широкое, скуластое, но простое лицо деревенского мужика, которому только-только перевалило за тридцать. Нос картошкой, светлые соломенные волосы, низкий лоб и добродушные голубые глаза. В общем, типичный крестьянин. Я встал, всё ещё глядя в воду. Рядом со мной появилась Лина — она пристально вглядывалась в моё лицо. Думала, наверное, что я буду так же верещать от ужаса, но, глядя на мою довольную физиономию, всё больше разочаровывалась. Я заранее знал обо всех изменениях своего облика. Вид собственного отражения вызвал у меня скорее удовлетворение от хорошо выполненной работы.

— По-моему, отлично получилось.

— Конечно, отлично ему получилось, — пробурчала девчонка. — Себя и то моложе меня сделал, фокусник недоделанный... — и она стала с остервенением тереть свои руки.

— Что с тобой?

— Под кожей всё везде чешется... Это всё твой грёбаный морок!

— Странно, у меня ничего не чешется. Но обещаю, как только мы пересечём границу и отъедем на безопасное расстояние, я сниму с тебя личину. Только пока он на тебе, веди себя соответствующе, договорились?

— Договорились, — буркнула Лина.

Мы молча оседлали скакунов и поехали в сторону тракта.

Едва мы оказались на дороге, девчонка подала голос:

— Слушай, а нельзя было стороной объехать? На посту наверняка много охраны.

— Нет, нельзя. Здесь вокруг болота. Чтобы объехать их, понадобится лишняя пара недель, и нет никакой гарантии, что за это время с нами ничего не случится. Проводника искать тоже опасно. Проще один раз рискнуть.

— Ты что, бывал здесь раньше?

Лина продолжала чесаться.

— Нет. У меня есть карта. Перестань.

— Не могу! Чешется, будто я вся завшивела!

Мы опять замолчали. Тракт пустовал, что вполне объяснялось лихим временем, так что

нас пока никто не видел и не слышал. До пограничного поста оставалось совсем немного, буквально пара изгибов тракта. Я чётко ощущал, что там, впереди, есть кто-то владеющий магией, но ещё не мог определить его силу. План преодоления поста как раз созрел в моей голове, когда сзади раздался голос отставшей Лины:

— Эн, а где твои мечи?

— На месте. Только их никто кроме меня не может видеть. Если спросят, мы брат и сестра, — пояснил я, не поворачиваясь.

Девушка тут же посерьёзнела, отчего её наведённое лицо выпятило нижнюю губу.

Очередной поворот тракта открыл неожиданно широкий обзор: деревья прямо здесь и кончались. Далее дорога пролегла через болото, из которого торчали только редкие кустарники. А впереди, резко выделяясь на фоне топей, кучкой деревянных строений торчал пограничный пост. Впрочем, он был великоват для обычного дозора и скорее напоминал укреплённую деревушку. Всё расстояние от одного края болот до другого наглухо перегородили частоколом, дорога терялась за деревянным барбаканом, ворота которого сейчас были открыты. Две вышки, стоявшие за ограждением, получали великолепный обзор на окрестности, так что я уже не сомневался, что нас заметили — дороги назад больше не было.

Мы не торопясь ехали дальше, а я всё пытался прощупать, сколько там магов и какой они все ступени. Сердце зачастило с ударами. «Скоро узнаем, не кончилось ли наше везение».

Люди на посту, казалось, нас не замечают. Сидящие на вышках дозорные медленно жарились на солнышке, на небольшом шесте рядом с воротами под слабым ветерком трепетало знамя Либрии — белая ласточка в белой же окружности на малиновом фоне. В воротах стояли только два солдата.

Мы подъехали на расстояние моего магического зрения. Из эфирного тумана одна за другой проступили четыре ауры. Целых четыре! У них тут что, намечается сабантуй? Один... нет, два пятых. Ещё один седьмой. И последний... Волшебник. Одиннадцатая ступень.

Я громко скрипнул зубами.

«Разворачиваться поздно, тогда за нами вышлют погоню и, в конце концов, окружат в какой-нибудь глухомани. Какого лешего на границе делает Волшебник? В поединке против него я могу одержать победу с шансом один к десяти. Он же меня просто задавит, гад. А если учесть, что там ещё трое стихийников и не меньше пятидесяти солдат, то получается совсем хреново. Может, попробовать с разбегу проскочить? Ага, эффектное будет самоубийство... И чего я Лину не послушал? Лучше потерять пару недель, чем остаток жизни. Чёрт, чёрт!»

— Эн, в чём дело?

Я повернулся к девчонке и посмотрел на неё сквозь морок. Она заметила моё мрачное выражение лица и явно испугалась. Борясь с желанием развернуться прямо сейчас, я проговорил как можно спокойнее:

— Держи руки поближе к оружию, возможно, придётся подраться. Будь готова.

Лина решительно кивнула и не стала ничего уточнять. Какая всё-таки умница!

Я собрал волю в кулак и постарался сосредоточиться на оставшихся возможностях. Волшебник вряд ли стоит на воротах, значит, есть вероятность, что мы с ним просто разминёмся. И благополучно пройдем пост насквозь. А если всё-таки встретимся, существует вероятность, что я окажусь быстрее.

Вот до ворот осталась пара десятков сажений, вот уже десять — различимы лица стоящих в воротах стражников. Один из них, пожилой с виду, преградил нам дорогу копьем:

— Кто такие, почему пересекаете границу? — сказано грубо, но негромко. Так говорит человек, привыкший к своей работе.

Я уже открыл рот, чтобы произнести заготовленную речь, как вдруг Лина затараторила:

— Я Лесьяна, а это мой братец Лот, господин солдат. Изба у нас сгорела в Корюхах, горе такое... А как отец с матерью померли, так у нас больше и нет никого. Погорельцы мы, к родственникам дальним едем, крова просить...

— Что в сумках? — перебил стражник, не обращая внимания на её сбивчивый лепет. Я почувствовал, что мой морок ошупывает маг, сидящий где-то за воротами. К счастью, всего лишь адепт.

— Так хлебушек там, запасы наши последние...

— Показывайте! — рявкнул излишне старательный вояка.

— Не нужно, — раздался надменный голос из-за ворот. — Не видишь что ли? От войны они бегут. Пускай едут.

Стражник только сплюнул и, ворча, убрался с дороги.

— Спасибо, спасибо... — лепетала Лина. Я на какое-то время потерял дар речи, поражаясь убедительности, с которой она умудрялась врать. Куда мне с моими недоразвитыми навыками до такого мастерства! Поневоле задумаешься — а часто ли мне вот так лгут?

Мы проехали внутрь городка, и посторонние мысли тут же меня покинули. Теперь нам оставалось положиться только на удачу.

Впереди, сажений через сто, виднелся такой же барбакан, и тоже открытый. Вот он, выход! Близкий и в то же время недосыгаемый. По краям от дороги теснились кривые избы, рядом с ними шатались обычные крестьяне. Мой взгляд буквально прилип к высокому дому, стоявшему рядом с казармой недалеко от выезда, слева от дороги. Там находился тот единственный, что мог поднять тревогу. Волшебник. Его аура оставалась спокойной — возможно, он просто отдыхал, из-за чего я и смог его почувствовать. Если бы он закрылся, я бы и не подозревал о его существовании.

Мы проехали мимо дома с беседкой, в которой несколько солдат, судя по насечкам на доспехах — десятников, увлечённо резались в кости. Я тихо, не оборачиваясь, проговорил:

— Корюхи? Погорельцы?

— Да, — так же сквозь зубы проговорила Лина. — Это я там избу спалила. Полгода назад.

Я цокнул и слегка покачал головой, улыбнувшись. Старый солдат, стоящий в карауле возле амбара, проводил нас угрюмым взглядом.

— Надеюсь, хозяева не слишком на тебя обиделись за это, — я продолжал беседу, пытаюсь немного разрядить напряжение.

За почерневшим старым сараем пристроилась тройка солдат, изо всех сил старающаяся не светиться. Судя по всему, они там что-то торопливо распивали.

— Они отсутствовали, поэтому я не могла у них спросить.

Мы миновали вышку с лучниками, торчащую в самой середине селения. Судя по тому, как жилые хаты чередовались с постройками военных, раньше это была простая захолустная деревенька, но потом сюда пришли ратники его величества и построили здесь подобие форта. За домами центральной улицы, по которой мы ехали, мелькали какие-то сооружения,

очень напоминавшие полосу препятствий. «Значит, здесь муштруют солдатню. Значит, здесь их намного больше пятидесяти. Если расквартированный здесь полк не оттянули к границе с Прибрежьем, конечно».

— Могу я хотя бы узнать, за что?

Краем глаза мне удалось зацепить офицера, направляющегося к компании за сараем. Кое-кого ждал серьёзный разнос.

— Маленькая месть, — бросила ученица, пресекая дальнейшие расспросы на эту тему.

Расстояние между нами и выездом сокращалось настолько медленно, что я подумал, будто здесь замешана магия. Немногочисленные празднующиеся солдаты и крестьяне лениво провожали нас взглядами. Сердце лупило по рёбрам, словно молот по наковальне.

— С тобой опасно связываться, — усмехнулся я. — Надеюсь, разбоем ты не промышляла?

Мы уже проезжали мимо того самого дома, где находился одиннадцатый, когда во мне затеплился огонёк надежды. Ещё немного!

— Нет, — отрезала Лина.

До ворот оставалось каких-то пятнадцать сажений. Я изо всех сил старался не смотреть на дом с Волшебником, даже пришлось повернуться к ехавшей справа от меня Лине, чтобы не косить глазами в ту сторону. Но моим надеждам не суждено было сбыться.

Слева скрипнула дверь, и я мгновенно повернулся на звук.

На пороге дома стоял невысокий, худощавый, но, тем не менее, крепкий мужичок в красной дорожной куртке и красных же штанах. На вид я дал бы ему лет сорок, но это всё равно, что пальцем в небо. Цепкие глаза, крючковатый нос, короткие каштановые волосы и аккуратная борода. Волшебник.

Несколько мгновений он оглядывал окрестности, пока его взгляд не наткнулся на меня.

Секунду мы смотрели друг другу в глаза, пока он распознавал меня. А когда распознал, его брови поползли вверх, точно их тянули нитками. Воздух вокруг Волшебника затрепал от защитных заклятий, а сам он, что было мочи, заорал:

— Закрывать ворота! Здесь ренегат!

И тут же я заметил отлетевшее от него зашифрованное магическое сообщение.

В следующий миг меритарит запустил какое-то мощное заклинание, и я использовал свой единственный шанс: вклинил в его плетение эфирную заглушку. Наша магия столкнулась в Эфире и скомкалась в одну бесформенную структуру. Теперь никто из нас не мог ослабить давление, потому что иначе отдача вполне могла вышибить дух из обоих.

Фокус был крайне рискованный, но он всё же удался. Будь я обычным стихийником девятой ступени, уже лежал бы на земле в луже собственной мочи и пускал слюни — с ренегатами в Ордене церемониться не принято. Но, к счастью, Искусство мне преподавали не в башне Меритари. Меня учил лучший знаток чар во всём грёбаном Нирионе. Поэтому в каком-то смысле мне удалось остановить чародея, который был сильнее меня в несколько раз. Проблема заключалась только в том, что на поддержание заклинания тратилась энергия — и у меня она заканчивалась быстрее, чем у Волшебника.

Пока я занимался блокировкой меритарита, наперерез нам выбежал пяток солдат в лёгкой броне. Для конного боя совершенно не было места, поэтому я спешился и крикнул Лине:

— Не отставай! — но она уже держала в руках лук и натягивала тетиву.

Стрела ударила в скулу ближайшему противнику, уложив его на месте. Остальные от

неожиданности притормозили, чего им делать уж никак не стоило. На ходу выхватив оба клинка, я в два прыжка оказался среди них и первым же взмахом отсек неудачно выставленное запястье. Всё, на что я мог уповать — это демонстрация силы и сохранение инициативы; даже мастер меча сильно рискует, сражаясь в открытом бою с четырьмя опытными противниками.

Уклоняюсь, парирую, вижу открытое место и бью; клинок раскраивает чужое бедро и из рассечённой артерии хлещет красное. Ещё не завершив предыдущее движение, перетекаю в другую позицию, чтобы сделать следующий взмах — ни мгновения на атаку оставшимся в строю противникам. Сквозь вбитые тренировками рефлексy приходит понимание: нет, ни один из них может похвастаться воинским умением. Вчерашние рекруты, салаги.

Рядом вопил лишившийся руки несчастный; щедро поливая землю кровью, умирал его товарищ, но я даже внимания не обращал. У меня было всего три задачи: защитить девчонку, не ослаблять нажим заклятья, не словить брюхом сталь.

Даже этого оказалось много — отвлёкшись на Волшебника, я упустил момент для атаки, и один из солдат успел сделать выпад. Я извернулся, уклонился и ударил в полруки, неудобно: убил, но кровь из его шеи горячей струйкой ударила мне в лицо. Несколько мгновений я ничего не видел, поэтому на всякий случай сделал вольт — и оказался нос к носу с последним противником. Выходя из вращения, я ударил набравшим инерцию эфесом пареньку в зубы: хруст шейных позвонков, треск вылетающей из сустава челюсти. Вояка упал ничком поверх своего убитого товарища.

Гляжу на Лину: глаза у девчонки вытаращены, губы сжаты, руки трясутся, но всё же тянут из колчана следующую стрелу. Позади неё появляются две фигуры в красных одеждах — адепты пятого и седьмого рангов. Волшебник надрывно орёт им:

— Не убивать! Брать живым!

Моя рука отработанным движением выхватывает из-за пояса метательный нож. Лина натягивает лук. Оба стихийника останавливаются, но защитные заклинания наложить не успевают. Один падает с метательным ножом в глазнице, другой — со стрелой в сердце.

По счастливому стечению обстоятельств большая часть гарнизона оказалась на другом конце аванпоста, так что между нами и спасительными воротами осталось только семь солдат, но остальные уже бежали к нам по дороге. Пока они не успевали. И ещё где-то сидел последний Адепт.

Лучники не стреляли, видимо, боясь попасть в своих; свои стояли в пяти шагах от меня, оцетинившись мечами и загораживая собой закрытые ворота. Волшебник по-прежнему давил на меня своим плетением, но и я сдаваться не собирался.

— Давай к воротам! — я кинулся на последнюю преграду на пути к свободе.

Солдаты поглядывали на трупы товарищей и не спешили нападать. Один оказался ближе остальных и потому стал первой моей жертвой: я замахнулся, воин купился на этот финт и закрылся щитом. Через мгновение деревянный щит развалился надвое, а солдат лишился руки почти по локоть. Эта живая сталь — просто чудо! Недоуменно глядя на культу, вояка пропустил удар ногой в живот и надолго отправился на землю.

Позади что-то орал Волшебник, который ничего не мог поделать с комком связок, в который я превратил его заклинание. Меня обступили четверо солдат; остальные двое направились на захват Лины, видимо, сочтя её более лёгкой добычей. Вскоре один из них убедился, что был не прав — та уверенно выкинула руку в его направлении и выкрикнула:

— Ardo!

Голова пехотинца вспыхнула и тот, обезумев от боли, с воплем бросился на девчонку. Она только отбежала в сторону и извлекла из-за пояса саблю.

Тут ученица снова пропала из поля моего зрения, потому что четвёрка воинов взялась за меня. Атаковали грамотно, по двое — то ли бывалые солдаты, то ли завербованные наёмники — но и в этот раз среди них не нашлось достойного соперника моей быстроте. Напрягая мышцы до предела, я выбросил клинок в сторону и угодил одному из них точно в глаз — самым кончиком острия, но и этого оказалось достаточно, чтобы разорвать кольцо нападающих. Полу ослепший солдат выронил свой палаш и с криком отскочил в сторону; я тут же выскочил на его место и на короткое время оказался вне досягаемости вражеских клинков.

За несколько мгновений передышки мне удалось увидеть кусочек схватки моей ученицы и неизвестного солдата. Её сабля уже лежала на земле неподалёку — видимо, воин успел её обезоружить, но это ему не помогло. Уличная воровка оказалась не из тех, кого можно вынудить сдаться, лишив оружия. Девчонка рванулась в сторону, без труда проскочив под рукой солдата, пытавшегося схватить её за волосы, и мне показалось, что это движение вышло у неё уж слишком быстрым.

Помочь ей я не мог — пришлось парировать новый удар. Троица нападала на меня осторожно, прикрывая друг друга; краем уха я услышал хрип одного из них — он начал выдыхаться или попросту чем-то болел. Слабое звено. Очередной финт, неожиданная подсечка — ноги солдата взлетели выше головы — и рубящий удар сверху. Клинок с хрустом и лязгом пробивает лёгкий доспех, погружается в податливую плоть.

Двое оставшихся солдат отпрянули, но я не собирался оставлять угрозу за спиной, и напал сам. Схватка вышла очень скоротечной — боевой дух солдат оказался окончательно сломлен, но оно и понятно: шесть трупов за неполных две минуты, а на их убийце — ни царапины. Я знал, им кажется, что я неуязвим. Правда была в том, что после неудачного удара я потянул мышцу, нога при подсечке попала в кость и болела, но придать этому значение в бою — значит проиграть.

Первый солдат упал, зажимая рану в шее, второй отделался оглушающим ударом в челюсть. Одноглазый солдат уже тоже лежал без движения: видимо, я зацепил артерию, и он прямо в тот миг умирал от потери крови.

Со стороны раздался девичий вскрик; я дернулся на звук.

Схватка девчонки и шустрого солдата переместилась к стене ближайшего дома, где юная волшебница оказалась в ловушке — прижавшись к стене, она смотрела на острие меча, направленного ей в грудь.

— Лина! — крикнул я, бросаясь к ней, но так и не успел помочь.

Солдат, прижавший её к стене, понял, что оказался меж двух огней, поэтому прибёг к последнему средству — попытался взять девушку в заложники, но она, презрев острие меча, фактически упирающееся ей шее, отскочила в сторону. Сделав это, она оказалась к воину спиной и не могла видеть, что тот уже заносит над ней клинок.

Я громко крикнул, бросаясь на солдата и уже зная, что не успеваю.

Лина, услышав мой рёв, вскинула взгляд, и на мгновение мы встретились глазами. Это было всего лишь мгновение, но даже этого хватило, чтобы произошло чудо, над которым впоследствии я ломал голову не одну неделю.

Следующее движение девушки было настолько стремительным, что мой глаз уловил лишь размытые очертания её фигуры. Не знаю, успела ли она сообразить, что делает — я так

точно не успел ничего понять — но тот толчок, который она проделала через долю секунды после разворота, перешёл все допустимые границы. Несчастный солдат, которого она просто оттолкнула от себя ладошками, с громким всхлипом оторвался от земли, пролетел пару сажений, врезался в крыльцо дома, оказавшееся на пути, и упал без движения.

От изумления я едва не потерял концентрацию и не ослабил своё заклятие. Именно оно напомнило мне о том, что сейчас не время погружаться в размышления.

Волшебник резко увеличил подпитку заклинания. В Эфире моя вязь затрещала от напряжения, грозясь разлететься в локуты. Я с удивлением глянул на мага: тот держал в руке нож, который только что вспорол его собственную руку. На лице застыл злобный оскал. «Магия крови? Вот же холера!»

Я, спотыкаясь, подбежал к скорчившейся от боли Лине, но тут же понял, что если прямо сейчас не сделаю хоть что-то, Волшебник меня раздавит. Так что я, повторяя жест врага, зажал в ладони лезвие меча и вскрыл кожу, чтобы принести в жертву заклинанию свои жизненные силы.

Кровь, потёкшая на запястье, сторала чёрным бездымным пламенем. Меня согнуло пополам от боли. Магия крови — чистой воды некромантия, так что в жилах у меня несколько мгновений буквально тёк яд. Это было очень больно, но зато эффективно — некромантией я уж точно владел намного лучше орденского чародея. Поэтому поток энергии, которой стала моя кровь, превратил клин моего астрального заклинания в сплошную стену, и плетение Волшебника сорвалось.

Улицу перегородила огненная стена. Несколько домов вспыхнули, как свечи; воздух раскалился за несколько мгновений. Мертиарит оказался в ловушке и больше не мог атаковать — ему бы отбиться от отзеркаленного мной заклинания. Вот что такой шгукой он и планировал связать нас с Линой: «Огненный Нир», который обычно используют для поимки бешеных огров. Что ж, получилось весьма удачно — ведь пламя на какое-то время отрезало нас от преследователей. Перед тем как задать дёру я подумал, что нам сегодня уж слишком везёт.

Девчонка, упираясь всеми силами, тянула на себя створку ворот, в которые вдруг с треском ударили три стрелы. Не успев развернуться, я только пригнулся ещё сильнее и бросил под себя девчонку. Правое плечо прошила резкая боль, и узкий наконечник стрелы выскочил у меня над ключицей. Зарывав, я схватил Лину за локоть здоровой рукой и потащил за ворота, куда уже проскочил мой скакун.

Оказавшись снаружи, я первым делом пинком закрыл ворота. Затем, здоровой рукой схватившись за пояс девчонки, зашвырнул её на спину коня. Стараясь не сбиться, прошептал над воротами запирающий наговор, чтобы хоть немного задержать преследователей с луками.

С той стороны к небу уже потянулся чёрный дым, кричали люди, но я уже не слушал. Вернул мечи в ножны, сам запрыгнул позади ослабшей Линой и воткнул пятки в бока коня.

Скакать пришлось до самой темноты. Лишь ближе к полуночи я остановился в придорожном леске. Конь хрипел и мог пасть в любую минуту, но иначе было нельзя. Пару раз нам попадались путевые камни с нацарапанными на них названиями каких-то селений, но соваться к людям означало слишком рисковать. Да, границу мы пересекли, но влияние Меритари здесь не ослабевало нисколько, поэтому сохранялась вероятность, что в селении окажется орденский чародей. Я знал, что если хоть один захудалый меритарит нас заметит,

то через пару минут по Скрытым Тропам ему на подмогу нагрят ещё десяток-другой орденских чародеев, и тогда неким Энормису и Лине точно не поздоровится.

Едва наш скакун остановился, Лина начала потихоньку вываливаться из седла. Хорошо, что я был начеку и успел вовремя её подхватить. Бой и скачка измотали её до предела. Сам шатаясь от усталости, я аккуратно уложил её головой на уцелевшую седельную сумку.

Я не просто так остановился именно в этом месте — здесь находился слабенький магнит, собирающий небольшое количество магии, но мне было этого достаточно, чтобы нутризировать её и восстановить силы во сне.

Однако прежде чем спать, пришлось уничтожить следы, оставленные подковами моего коня за последний час. Заклинание оказалось очень тяжелым — раны и бой отняли все силы — но я, скрипя зубами, тратил последнее. Потом наложил на место нашего ночлега пелену «рассеянности» самого высокого порядка, какого смог. Потом поставил обычные охранные круги, и, немного подумав, добавил к ним парочку новых. Таких, чтобы подняли меня, даже если я буду не в состоянии проснуться.

«Волшебник наверняка рвёт и мечет, — размышлял я, пока обеспечивал нам с Линой спокойный сон. — Ещё бы — упустил квислендского ренегата! Дисс и я всю дорогу были Ордену как кость в горле, так что искать нас будут очень тщательно. Меритари надавят на местных баронов и уже завтра на дорогах появятся конные отряды, а окрестности будут буквально кишеть чародеями. Повезло ещё, что вокруг густые леса — не так-то просто тут найти кого-то, кто не хочет быть найденным. Правда, ради нас могут и местное население выгнать на поиски. Да и пёс с ними. Я уж точно не собираюсь облегчать им задачу и сдаваться».

Порез на ладони я обработал эликсиром и перевязал. Затем с самыми изощрёнными ругательствами, какие знал, сломал и вытащил из плеча стрелу, измотавшую меня сильнее, чем бой с десятком солдат. Она лишь чудом не задела крупные артерии, иначе я потерял бы сознание еще по дороге. Упав рядом с Линой, достал из сумки кривую иглу. С трудом попадая остриём куда нужно, зашил рану, тоже обработал эликсиром и еле-еле наложил повязку.

Окончательно вымотавшись, я уронил голову на траву. Взгляд упал на Лину. Девушка мирно спала.

Молиться я никогда не умел, но готов был хоть весь день простоять на коленях, лишь бы мы оторвались.

Глава 5. Капля эгоизма

Закат переливался всеми оттенками красного, то темнея, то светлея, то становясь похожим на пятно краски, разлитой неосторожным движением. Но я знал, что это не обычный закат, которым завершается любой день. Этой звезде не суждено было скрыться, она навеки замерла у самой линии горизонта, обмакнув свой нижний краешек в океан.

Моё расслабленное тело наслаждалось каждой секундой безмятежного блаженства. Тёплые волны, гонимые слабым ветерком, омывали натруженные ступни. Океан в свете вечно заходящей звезды выглядел бесконечным искрящимся покрывалом, на которое хотелось смотреть и смотреть, не отрывая взгляда. А ещё хотелось вечно слушать шелестящий голос этого текучего исполина. Величественного, безбрежного. Доброго.

Кто-то тронул меня за плечо, но сзади никого не оказалось.

— Ты всё расслабляешься. Как дела? — сказал мой голос.

— Были лучше, пока ты не появился, — ответил я возникшему из ниоткуда Отражению.

— Да брось. Ты что, сам себе не рад?

Я не стал отвечать, снова повернувшись к Закату. Почему-то мне показалось, что эта звезда именно так и называется. Отражение сидело рядом, на редкость спокойное и немногословное.

— Как думаешь, что будет дальше? — вместо ответа спросил я.

Двойник встал и невозмутимо зашагал прямо по поверхности океана, загородив собой Закат. Он выхватил из воздуха несколько яблок и принялся жонглировать ими со сноровкой опытного шута.

— Будешь мотаться по свету в поисках так необходимых тебе воспоминаний и острых ощущений, рикошетом отскакивая от непреодолимых препятствий и тараном прошибая всё, что способен сокрушить. Будешь поступать «правильно», потом жалеть об этом, потом поступать «неправильно» и тоже жалеть, разрываться между тем, что надо и тем, что хочется. Всё это время, разумеется, не замечая главного. Ты же об этом спрашивал?

— Не совсем. Но раз уж начал пророчествовать, договаривай. Что в итоге-то?

Яблоки замерли в воздухе. Отражение многозначительно усмехнулось:

— А в итоге умрёшь. Разве не этим всегда заканчивается? — и продолжило номер.

Я помолчал с минуту и вздохнул.

— Ничего нового.

Двойник финальным движением подкинул в воздух все снаряды, и они одновременно рассыпались сонмом разноцветных бабочек.

— Я же в твоей голове, балда. Я — видение! Что нового я могу сказать?

— Обычно новое из тебя сыплется как из рога изобилия, — буркнул я себе под нос.

— И я не предсказывал будущее.

Он взмыл в воздух, пытаясь на лету схватить хотя бы одну бабочку, но они проворно ускользали от него, поднимаясь всё выше. Отражение попорхало среди них какое-то время и вернулось на землю ни с чем, впрочем, ничуть не расстроившись.

— С моей стороны это была бы медвежья услуга.

— То есть ты всё-таки можешь предсказывать.

— Конечно. Но не буду. Так не интересно.

— Зато интересно, почему ты можешь предсказывать. Ты же в моей голове. Как это объяснить?

Отражение ухмыльнулось и широко взмахнуло руками:

— А как ты объяснишь все это?

— Что именно? Сон?

— Какой сон, чудик? — взорвался он. — Это же целый новый мир, который ты сотворил в своей башке! И благодаря этому, как видишь, я имею тут неограниченную власть!

С этими словами он стал увеличиваться в размерах, что сопровождалось рокотом и дрожью земли. Свет играл в его волосах, бросая лучи поверх титанической фигуры, и сам воздух, казалось, сжался оттого, что ему стало тесно рядом с моим Отражением. И когда мне подумалось, что его голова вот-вот ударится о небесный свод, двойник вдруг нагнулся ко мне, и, готов поклясться, я стал намного меньше его бездонного зрачка:

— Посмотри на Закат! Эта звезда лучше меня расскажет тебе о вселенных, которые существуют по одной твоей прихоти! — его голос гремел, заставляя воду в океане пениться от вибрации.

— Она же не настоящая. Как и все вокруг.

— Ну до чего же твердолобый, — цокнуло Отражение и за секунду вернулось к обычному росту. — Хотя, чего я распинаюсь? И так вон какую подсказку дал. Жаль, что ты пока не готов её воспринять. Ну ничего, рано или поздно твоя бестолковка родит эту мысль сама.

— Как скажешь, — ответил я, наслаждаясь океаном.

Отражение повело рукой, и в ярком небе появились мириады плавающих искорок, почти точь-в-точь напоминающие те, которые блуждали по океану.

— А у тебя неплохо получается, — я одобрительно покивал. — Но для человека ты странновато пользуешься своей властью.

— Это потому что я не человек, — хмыкнул двойник. — А вот ты — да. Не по природе, но по сути. Ты отчаянно стараешься быть человеком, пытаешься соответствовать своим анатомическим признакам, хотя это вовсе не обязательно. Вот и меня ты меряешь человеческими мерками.

— Других у меня нет.

— Это пока что, — улыбнулось Отражение и одним мановением пальца заставило искорки в небе танцевать. — Когда-нибудь тебе достанет ума взглянуть на всё под другим углом.

— По-твоему я узколобый?

— Нет. Для человека.

Я вздохнул, понимая, что с этим парнем говорить бесполезно. Проще убедить солнце вставать на западе, чем доказать этому паяцу хоть что-то.

— Не мог бы ты заткнуться? Пожалуйста.

Отражение скорчило донельзя обиженную рожу на эту мою просьбу.

— Видишь ли, я ранен и хочу отдохнуть, — добавил я на всякий случай.

— На том свете отдохнёшь, — усмехнулся двойник. — Меритари с тебя теперь не слезут, ты же знаешь. Будут травить как зверя по всему миру.

— Как-нибудь выпутаюсь.

Отражение нагнулось, зачерпнуло горсть песка, бросило его над собой. Песчинки незамедлительно обратились в пух одуванчиков, который, подхваченный ветром, плавно

опустился неподалёку и тут же пророс дикорастущими растениями, главным образом — цветами. Откуда ни возьмись, над ними закружились пчёлы и загудели мохнатые шмели.

— Выпутаешься. В крайнем случае — нет, — Отражение вдруг посмотрело на меня со всей серьёзностью. — Тоже вполне правдоподобный расклад. Никогда не задумывался, как будешь умирать? Ведь ясно же, что когда-нибудь это случится. Но как именно? Старость? М-м-м, явно не твой случай. Меч, стрела? Удар в спину? Уже вероятнее. Что ты будешь испытывать при этом? Боль, страх, отчаяние? А о чём будешь думать? Спроси себя, Тот-Кто-Хочет-Быть-Человеком, какова будет человеческая смерть. Прикинь, достаточно ли в ней будет чести и патетики, чтобы заглушить животный ужас и бесконечное разочарование. Представил? Осознал? — двойник выждал пару секунд и махнул рукой. — По лицу вижу, ни хрена ты не осознал. В тебе не хватает человеческого, чтобы как следует задуматься о таких вещах. А ведь смерть будет ходить за тобой по пятам, и вряд ли долго. Рано или поздно ты оступишься, а она — тут как тут. Будешь истекать кровью, а над тобой будет рыдать девчонка, влюблённая в тебя по уши. Или вообще — оба будете гореть в холодном пламени в башне Меритари. Разумеется, исключительно по твоей вине. Ну, какие будут твои ощущения? Скажи мне!

— Я, в отличие от тебя, не провидец, — сказал я мрачно.

— Ну так хоть воображение подключи. Это твоей драгоценной человечности не чуждо? Можешь себе представить уверенность в том, что доживаешь последние мгновения? Напряги мозги. Вот ты дышишь и понимаешь: «сейчас меня не станет». И это не просто уверенность, это так и будет. Жизнь вот-вот закончится. Дальше карета поедет без тебя. Страшно? М?

— Немного.

— Это потому что до тебя всё ещё не дошло.

— А что ты мне предлагаешь-то? — не выдержал я. — Взять и перестать быть человеком? Ты хотя бы можешь мне объяснить — как это вообще?

Двойник сидел рядом со мной и строил прямо на песке карточный дворец. Карты он вытягивал прямо из воздуха.

— А ты напрягай, напрягай голову, — с улыбкой сказал он. — Сам должен понять. Да поторопись — время идёт, а смерть шагает с ним в ногу.

— Если я умру, ты тоже умрёшь, — сказал я, снова переводя взгляд на Закат.

— Я всего лишь исчезну, — пожал плечами двойник. — Неживое умереть не может. Мне и не обидно поэтому за себя. Обидно за тебя и за то, как талантливо ты прокакиваешь свой потенциал.

— Понятия не имею ни о каком потенциале.

— Ну да, — Отражение снова повеселело. — Я просто развлекаюсь! Мне тоскливо и твоей не слишком-то богатой воображением голове. Вот и приходится веселить себя самому, подкидывая тебе разные шутки.

Оно шевельнуло бровями, и дворец карта за картой взлетел воздух, окружив двойника целым карточным облаком. Схватив одну из них, он бросил её мне. На ней оказалась фигура в чёрном и надпись «Смерть».

— Сегодня ты чересчур скучный, — изрекло Отражение, скорчив недовольную мину. — Счастливо оставаться.

Двойник снял материализовавшуюся шляпу в прощальном жесте, а потом взмыл в воздух и устремился к Закату, быстро превратившись в маленькую точку на фоне огненного диска. Я смотрел ему вслед со смесью досады и задумчивости.

Вдруг на мою руку села пчела, пробежалась по ней, замерла.

— Ищешь что-то? — спросил я у маленькой труженицы, поднося ладонь к лицу.

Но пчёлка в ответ лишь встопорщила крылышки и ужалила меня, мгновенно прервав чудесный сон.

* * *

Пробуждение оказалось почти приятным, хотя проспал я вряд ли дольше пяти часов. Ни усталости, ни ломоты в суставах, ни даже неподъёмных век — удивительно, но я выспался. Правда, по телу бродила слабость из-за потери крови, да и раны болели, но лекарства и отдых предотвратили осложнения.

Далеко на востоке уже забрезжил рассвет, но окружающий лес всё ещё тонул в темноте. Звёзды одна за другой исчезали, словно уходя от слишком яркого дневного светила, Нир тоже постепенно бледнел, готовясь скрыться до вечера за голубой плёнкой небесного свода. В траве ещё брнчали ночные насекомые; проснувшиеся кузнечики выпрыгивали, сослепу сбивая со стебельков утреннюю росу.

Кряхтя и шёпотом ругаясь, я поднялся и проверил охранные круги. По их нетронутости выходило, что никто нас не беспокоил и даже не приближался к лагерю. Лина всё ещё спала, хотя аура её выглядела как у совершенно здорового человека — за исключением небольшого чёрного пятна, разумеется. Я достал из седельной сумки часть уцелевшей провизии и решил разжечь костёр, чтобы приготовить нормальной еды. Я знал, что рискую, разводя огонь — ведь его могли заметить. Но как оказалось, даже осознанный риск может удивить.

Отойдя подальше от лагеря, чтобы не разбудить Лину вознёй, я сложил небольшую кучку из веточек. Для такого случая у меня как раз имелось подходящее заклинание: оно создавало небольшой зеленоватый костерок, дающий мало света и совсем не дымящий. Этакая магическая «кипяtilка», обычная и совсем не опасная. Я прекрасно об этом помнил, да и плетение было не из сложных, так что я без всякой задней мысли произнёс нужную формулу.

То, что произошло дальше, люди обычно описывают как «результат превзошёл все ожидания». Вместо безобидного зеленоватого огонька передо мной полыхнуло настоящее изумрудное inferно. Я лишь чудом успел прикрыть глаза и мало-мальски сгруппироваться. Взрывом меня отбросило далеко назад; моё многострадальное телесное вместилище с размаху шлёпнулось на пятую точку рядом с Линой и проехало ещё немного по земле. Лицо нещадно зажгло. Рука, машинально ощупывающая пострадавшую кожу, обнаружила, что волосы у меня остались только на затылке, а остальное, включая брови и ресницы, как корова языком слизала. Одежда слегка дымилась. По воздуху плыл навязчивый аромат палёного.

С минуту я недоумённо смотрел на ревущий зелёный пожар и ничего не соображал. Видимо, слегка контузило взрывной волной. Лишь услышав, как зашевелилась рядом Лина, я спохватился и погасил заклинание, которое уже готовилось перекинуться на ближайшие деревья.

— Упражняешься? — сонно пробормотала девчонка.

Я повернулся на звук и молча уставился на Лину. Та, увидев моё лицо, стала похожа на испуганную сову, судорожно вздохнула и прохрипела панически:

— Ты чего наделал?! Эн, у тебя лицо... — она сдавленно хныкнула, не закончив.

Я только молча перевёл взгляд обратно, в сторону взрыва. Земля под эпицентром почернела и запеклась в твёрдую корку. Действительно, чего это я?

Ответ медленно, но верно пробирался по моим извилинам к мыслительному центру. Если заклинание резко увеличило силу, значит, увеличилась мощь, которая его питает. Это в свою очередь означало, что так же резко увеличился силовой порог, ограничивающий накопление энергии. Я быстро проверил себя заклятием и кашлянул от неожиданности — мой силовой порог достиг уровня десятой ступени! Точнее, он едва не дотягивал до одиннадцатой. Так, как же это я?..

«Девятая ступень была всего полгода назад. Восьмая — ещё за год до того. Десятой я должен достигнуть минимум через полтора года. А одиннадцатой... как же тяжело считать... через семь-восемь лет? Получается, так. Но какого огра сейчас тогда случилось? Откуда ж такой дикий ассессионный скачок? Или это я столько проспал?»

Пока я, выпучив глаза, боролся за здравость своего рассудка, Лина вышла из оцепенения и начала трясти меня за плечи.

— Эн! Ты слышишь меня?

— Я... десятой ступени, — пролепетал я.

— Что? — не поняла Лина.

— Я десятой ступени!

— Как так?

— Репой об косяк! — брякнул я, постепенно возвращаясь к реальности. — Не рассчитал силу.

— Ни хрена себе не рассчитал! — всплеснула руками девчонка. — Ты на себя посмотри! Поросёнок на вертеле и то краше смотрится!

Смотреть не хотелось. Я и так понимал, что выгляжу, осторожно выражаясь, не очень. В то же время здравый смысл подсказывал, что для чародея одиннадцатой ступени это перестаёт быть проблемой. Энергии в моём распоряжении оказалось столько, что подправить внешность — это на ползуба. Встреться я с тем Волшебником теперь, его бы буквально соскребали со стенки.

Не откладывая в долгий ящик, я припомнил нужное заклинание для ускорения регенерации, наложил его на себя и удивился, насколько легко оно мне далось. Тут же нос, лоб и щёки начали зверски чесаться — я даже зубами заскрипел, но стерпел стоически. Плечо будто прижгли калёным железом. Так работало плетение: омертвевшая плоть отторгалась, и на её месте тут же вырастала свежая.

— Ого! Ну ты даёшь!

От удивления глаза у моей подруги стали ещё больше, хотя, казалось, больше уже некуда. Нетрудно представить, что она наблюдала: волдыри от ожогов лопались и оседали, лицо буквально расслаивалось, пострадавшая кожа отваливалась лоскутами, а брови, волосы и ресницы прямо на глазах отрастали до прежней длины. Конечно, кроме щетины, потому что бриться всё-таки лень. Видя восхищение в глазах ученицы, я и сам восхищался: ведь буквально вчера сил на такое мне не хватало даже с натяжкой...

Через минуту регенерация завершилась, и мне осталось лишь смахнуть остатки своего старого лица с одежды. В животе тут же отчаянно заурчало — заклинание сожрало столько энергии тела, что голод усилился многократно. Я сорвал повязку и с довольной ухмылкой осмотрел маленький розовый рубец на плече.

— Как ты это сделал? — девчонка облизнула губы.

— Думаешь, если я объясню, ты поймёшь?

— Ну так ты уж постарайся объяснять понятнее!

Я вздохнул. Детское любопытство — бессмысленное и беспощадное.

— Это вита-магия. Большой и сложный раздел. Чтобы изучать его, нужно знать основы некромантии и креатомии. Разумеется, необходимо владеть такими Началами, как Тьма и Свет, но самое главное — Материей. Это не целительская магия, как может показаться на первый взгляд. Целитель способен вылечить ожог, но вот отрастить заново волосы — уже нет. Чтобы создавать биоматериал, нужно обращаться к куда более глубоким источникам. К тому же, это требует огромных затрат энергии.

— То есть мне пока вита-магии не видать, — девчонка несколько скисла.

— Теорию рассказать могу, — я пожал плечами. — Но даже для этого придётся рассказать ещё кучу всего, чего ты пока не знаешь, так что запасись терпением. А теперь отойди-ка подальше. Я всё-таки разожгу этот треклятый огонь.

Лина послушно отступила. Я вдохнул, сосредоточился, сплёл нужное заклинание, выделил на него минимум энергии. В точно указанном месте зажглось неяркое зеленоватое пламя. Я облегчённо вздохнул, отметив про себя, что теперь придётся внимательно следить за каждым плетением, чтобы невзначай не превратить обычный костёр в огненный смерч.

Лина добыла из сумки мясо, хлеб и кое-какую зелень — собралась готовить.

— Материя, Материя... — пробормотала она со странной ненавистью. — Чем больше тебя слушаю, тем больше мне кажется, что в неё упирается вся магия.

— И не только магия, — кивнул я, присаживаясь рядом и борясь с желанием отправить в рот сырое мясо. — Вообще всё.

— Что она вообще такое? Как она выглядит? Вот стихии я могу себе представить, Свет и Тьму — тоже, но как представить Материю?

— Если верить Диссу, то всё, что мы видим — и есть Материя.

— То есть?

— То есть всё это, — я повёл рукой вокруг себя, — она самая. Основа основ, из которой соткана наша реальность. Ты, я, вот это дерево, вот этот камень. Это не материал, но и не энергия, это — голая суть, закон, квинтэссенция существования. Даже Дисс не знал о ней всего, потому что её просто невозможно познать или изучить как другие предметы.

Котелок с водой переключался на огонь. Лина задумчиво покачала головой:

— Не понимаю. Как можно управлять тем, что невозможно познать?

— Ты же можешь взять в руки меч, даже если не умеешь с ним обращаться. Можешь им даже махнуть пару раз и убить кого-нибудь. А слова? Ты говоришь их, пишешь их, но ты уверена, что до конца понимаешь хоть одно из них? Хоть самое простое, но до самых глубинных его корней? Степень познания предмета не влияет на возможность взаимодействия с ним. Вот на качество взаимодействия влияет, это да...

— Чего?

— Опасно браться за то, чего не понимаешь, вот чего. Я понимаю Материю достаточно для того, чтобы пользоваться ей и не убить себя ненароком. Но если бы я понимал её полностью? Как знать — возможно, я был бы богом и мог менять реальность как мне заблагорассудится. Ведь если Дисс не ошибся, Материя — это само Сущее. Магия в первозданном виде. Её нельзя, да и не нужно объяснять. Она просто есть.

Лина тем временем нарезала ингредиенты и бросила их в воду. Почти сразу от котелка потянулся запах, от которого мой желудок сжался в судороге, а рот наполнился слюной.

— И всё равно получается, что пользоваться Материей опасно, — девушка сосредоточенно помешивала в котелке.

Я улыбнулся, стараясь не замечать, как урчит в животе.

— Магия сама по себе опасна. Если ты не приручишь её, она тебя уничтожит. А уж Материя... Тут даже сложно сказать, кто кого использует. Может ведь стать, что мы с тобой тоже из неё состоим. Наши тела, наши Дары. Может быть, даже наши души. И если кто-нибудь когда-нибудь сумеет познать все её глубины, он сможет разрушать и создавать миры мановением пальца, а из нас слепить всё, что угодно...

Я посмотрел на Лину и понял, что она меня уже не слушает. Очевидно, мои абстрактные теории её несколько не интересовали. Девушка думала о чём-то своём, продолжая готовить. Я посмотрел на неё задумчиво и решил не продолжать разговор — уж больно есть хотелось.

Мы приговорили всё жареное мясо и похлёбку, причём я поймал себя на мысли, что даже не наелся. Но запасы были не бесконечные, а погоня не спала, так что пришлось скрепя сердце сворачивать стоянку и выдвигаться в путь.

Сначала я решил проверить тракт — больше для очистки совести, чем в надежде на открытую дорогу. Не доезжая до тракта саженой сто, оставил Лину с конём на полянке, а сам зарослями добрался до придорожного оврага. Тракт пустовал, но стоило мне отвернуться, как со стороны гор послышался перестук копыт. Я затаился. Спустя минуту на дороге показались двое всадников в красных плащах. Я мгновенно напрягся, но напрасно — то были не чародеи, а всего лишь гонцы, без толики Дара. Собирался ли я рисковать и попадаться им на глаза? Нет, не собирался.

Ехать предстояло через лес, огибая все сёла и дворы, которых в этой глуши, к счастью, почти не было. То ещё удовольствие — продираться через бурелом, спотыкаясь о коряги и корни чересчур вольно раскинувшихся деревьев, которые если не поцарапают острым сучком, то на худой конец ударят ветвью в лицо. Я постоянно прислушивался, опасаясь случайной встречи с людьми, но слышал только лесных жителей. К сожалению, не всех — под одним деревом нас поджидал медведь. Он лежал вразвалку и только лениво повернул голову, царственно глядя на шумных суетливых людишек, что вывалились из зарослей. Под этим пристальным взглядом мы и ретировались обратно, покуда у зверя не испортилось настроение. Пришлось обходить то место по менее удобному пути.

По дороге мы почти не разговаривали, и я использовал эту возможность, чтобы хорошенько обдумать день вчерашний и день завтрашний. Поразмышлять действительно было о чём, и не сказать, чтобы темы подобрались сплошь приятные — например, сверхчеловеческий рывок Лины во время драки. Несколько раз я порывался спросить у неё напрямик, что там произошло, но в последний момент останавливал себя. Не хотел давать ей повод подозревать меня в нечестности. Плевать, что я и правда был нечестен — главное, что она мне доверяла, и терять это доверие я вовсе не желал. Осознавал, как это гнусно, понимал, что это рано или поздно выйдет мне боком, но раскрыть всю правду был не готов.

Тем не менее, следовало хоть что-то прояснить, поэтому я всё же насмелился и зашёл издалека:

— Ты как вообще после вчерашнего?

Девчонка поморщилась.

— Все мышцы ноют. И голова побаливает. Но жить буду, не беспокойся.

— Ты вчера неплохо... долбанула того стражника.

— В смысле? — Лина выглядела искренне удивлённой. — Я думала, это ты сделал!

— Нет, не я.

— Хочешь сказать, я в состоянии ударить человека, который в полтора раза больше меня, так, что он отлетел на несколько саженей? Хороша фантазия!

— Да я бы и сам не поверил, если бы не видел своими глазами.

Лина выглядела сбитой с толку. Видимо, она и в самом деле нашла какое-то своё объяснение случившемуся.

— Это точно не ты? — переспросила она, заглядывая мне в глаза.

— Я не мог колдовать. Мы с Волшебником блокировали друг друга.

— А кто тогда жёг стрелы?

— Стрелы? — я насторожился.

— В нас стреляли с вышек, но стрелы сгорали в полёте. Только поэтому я успела снять двух стрелков. Хочешь сказать, это тоже не ты?

И тут у меня в голове всё сошлось.

— Четвёртый маг! — я даже хлопнул себя по ноге. — Ну, точно!

— Чего?

— Их было четверо. Двух мы убили, от третьего насилу отбились. Я всё думал — что же делал четвёртый?

— Любезно не дал нас продырявить? — лицо Лины исполнилось скепсиса. — Ты серьёзно?

— Есть другие предположения? Они же хотели взять нас живьём. А лучники начали стрелять с перепугу. Вот ему и пришлось...

— А когда тебя под конец всё-таки продырявили он, видимо, отошёл пописать?

Замечание было вполне резонным. Не всё в моей версии стыковалось так уж хорошо.

— И что стражника от меня отшвырнуло с такой силой, тоже его заслуга? — девчонка будто мысленно прикидывала варианты. — Ну, не знаю, не знаю...

— Может, и его, — сказал я задумчиво.

«Конечно, не его. Магию я бы почувствовал. Это было что угодно, но не магия».

— Чтобы нас защищал меритарит? Нас, двух отступников? Да скорее в трущобах пойдёт дождь из денег, а шляха откроет церковь!

— Не суди так скоро, — я поморщился. — Нас, конечно, теперь наверняка записали в отпетые головорезы, но всякое может быть. То, что нам помогли в первый раз, не значит, что во второй нас не сожгут на костре. И раз уж на то пошло, наиболее вероятен как раз второй вариант.

Девчонка в ответ недоверчиво хмыкнула, но всё же сбавила тон.

— Меня всё равно разыскивали.

— Меня тоже. Но если раньше они сомневались в том, как с нами поступить, то теперь мы развеяли всяческие сомнения на этот счёт. Сдайся мы на той заставе, меня бы упрятали в каземат и пытались любыми способами склонить к сотрудничеству. Тебя возможно даже взяли бы на обучение. Но теперь...

— Казнь.

Сказано было вроде бы безразлично, но в то же время совсем не легкомысленно. Я посмотрел на семнадцатилетнюю девчонку, которая только что с таким презрением щёлкнула смерть по носу, и снова удивился её решительности. Раньше я думал, что она не понимает, во что ввязалась, но сейчас явственно услышал — всё она понимает. И совместить

эту внутреннюю зрелость с внешностью вчерашнего ребёнка оказалось непростой задачей. Очень трудно было поверить, что искренняя наивность может ужиться с тяжёлой уверенностью в неизбежности смерти.

Глядя на Лину, я вдруг ощутил невероятный, совершенно дикий стыд. Во-первых, потому что по моей вине совсем юная девушка вынуждена принимать по-настоящему взрослые решения. Встреть она кого-то, кто смог бы вправить ей мозги и заставить вступить в Меритари, жизнь её прошла бы как у Явора за пазухой. Я же пошёл по пути наименьшего сопротивления — и вот у Лины уже не осталось других вариантов, кроме как остаться со мной. Просто потому что так безопаснее, чем в одиночку.

Самая же поганая причина, по которой мне стало стыдно — меня всё устраивало. Осознание того, что теперь Лина никуда от меня не денется, грело мне душу. «Я не буду один? Да это же великолепно! — думал Энормис-эгоист. — И она ведь сама так захотела, я тут ни при чём. Как же удачно всё сложилось!» Это, наверное, было такое своеобразное проявление симпатии. Слишком своеобразное. Слишком безответственное. На первый взгляд я следовал интересам ученицы, не отправив её в Орден, но в том случае как раз интересы Лины и ставили её под удар. Так что её желания вряд ли имели отношение к моим решениям. Уж скорее это были мои желания.

— Что?

Лина непонимающе смотрела на меня. Размышляя, я пристально разглядывал её, и этот взгляд не уклонился от её внимания.

— Ничего, — я поспешно отвернулся. — Просто задумался.

— Ты мне вот что скажи, — помявшись, сказала Лина. — Магия крови — это же некромантия?

— А океан состоит из воды?

— Понятно. Но разве она не запрещена? Некромантия.

— А то! Ещё как запрещена.

Брови девчонки съехались к переносице. Она замолчала, пытаюсь сообразить, что ещё спросить, чтобы стало хоть немного понятнее.

— Хочешь знать, почему я воспользовался запрещённой магией? — подсказал я невозмутимо.

— Да, учитель. Именно это я и хочу знать, — язвительно отозвалась девчонка.

— Так и быть, отроковица, — сказал я тоном проповедника. — Внимай моей мудрости. Некромантию запретили идиоты.

Шутка не прошла: девчонка смотрела на меня с сомнением.

— Я уже вижу, как ты горишь на костре за эти слова.

— Потому что идиотов — большинство, — я назидательно поднял палец. — Что говорит Церковь о некромантии?

— Что она — зло. Что она противна любой жизни и попирает могущество Создателей. Но это не только Церковь, так все считают...

— ... потому что так говорит Церковь. Говорит давно и упорно. Талдычит, я бы даже сказал. Им нужны козлы отпущения, а лучше некромантов на эту роль не подходят даже еретики. Если послушать святых отцов, некроманты — это мерзкие людоеды, которые шатаются по градам и весям, разносят чуму и проказу, со злобным хохотом поднимают кладбища и на ужин едят доверчивых девственниц.

— А ещё собирают армию мёртвых, чтобы убить или поработить всех живых. Слышала

на уличной проповеди.

— Ну, ты, видимо, понимаешь, что всё не совсем так. Вот я, к примеру, вполне себе некромант, так что если ты девственница и веришь уличным проповедникам, то тебе впору начать беспокоиться о своём благополучии.

Судя по выражению лица Лины, внутри неё давно заученные истины отчаянно боролись с желанием их опровергнуть. Особенно мне понравилось, что беспокойства среди этой палитры эмоций не наблюдалось.

— Если кроме шуток, — продолжил я уже серьёзнее, — то некромантия — это просто раздел магии, не лучше и не хуже остальных. Магия — это оружие, а оружие не может быть ни злым, ни добрым. Оно не несёт ответственности за отнятые им жизни. Человек, который его держит — вот с кого стоит спрашивать. И в этом плане маг, практикующий стихийную магию, ничуть не лучше самого заядлого некроманта. Кладбища намного чаще поднимаются благодаря возвратам, чем чародеям. И если уж ходяки повылазили из могил и полезли убивать живых, то кто, по-твоему, легче всех с ними справится? Некромант. Пока светлые до самых портков маги будут крошить несчастных покойников силой всех стихий, некромант просто расплетёт магическую нить, заставляющую мёртвые кости двигаться. Ему это как два перста оросить. Но люди, имея проблему с восставшими из мёртвых, жгут на кострах тех, кто мог бы эту проблему решить. Иначе всё было бы слишком просто, правда ведь?

Лина не ответила. В общем-то, мне ответа и не требовалось, так что я просто не стал продолжать. Некоторое время мы шагали молча, пока девчонка вдруг не сказала:

— Значит, мне тоже надо будет её изучить.

— О, тебе понравится, — заверил я. — Некромантия интереснее, чем стихийная магия.

— И опаснее для здоровья.

— Только в присутствии других людей.

— Но нам в присутствии других людей и так опасно.

— Правильно мыслишь!

Лина кривенько улыбнулась.

— Учитель, вы дурно на меня влияете!

— Только не говори, что тебе не нравится!

* * *

Так, по кустам да оврагам, мы пробирались к горам — сначала до конца дня, а потом и недели. Без происшествий, но особо оттого не нарываясь, мы прошли почти всё расстояние, отделяющее нас от Закатных Врат, так что в один пасмурный вечер мы вышли к юго-западным предгорьям Тингар. Здесь лес заканчивался, и впереди раскинулась равнина длиной в полдня пути. К северо-западу от нас, на небольшом холмике, громоздились домики какой-то деревеньки, а где-то перед самими Вратами должен был стоять торговый пост, на котором сейчас наверняка сидели меритариты. Так что пусть мы и видели горы очень хорошо, подобраться к ним незамеченными мы не могли. Тут-то у моей спутницы и созрел весьма закономерный вопрос.

— Нас по пути не зажарят?

К счастью, я озадачился этой проблемой чуть раньше, так что у меня уже имелся приблизительный план. Правда, я был совершенно уверен, что Лине он не понравится, так что помалкивал до самого последнего момента.

— Если пойдём напролом, то может и зажарят. Но мы будем действовать тоньше.

— И как же?

— Маскироваться.

Лина посмотрела на меня как на дурачка.

— Я думала, на той заставе мы выяснили, что этот способ не работает. Нас же опять раскроют!

— На этот раз это будет не магия. Поздравляю тебя! Сейчас ты получишь первый в своей жизни урок ведовства.

— А это разве не то же самое?

— И да, и нет. Сейчас ты всё поймёшь!

Девчонка после этой фразы подозрительно сощурилась и проговорила:

— Что-то мне не нравится твой тон. Звучит как-то неприятно!

— Что-о?! Нет! Отпусти! Ты что, пытать меня решил?! Я не стану, нет, не стану я это пить! Да пусти же!.. Пей сам, если хочешь, я лучше тут останусь!

Эти крики сопровождались отчаянными попытками не дать напоить себя свежесваренным зельем.

— Да чего ты так всполошилась? Только проглоти и всё, оно даже не противное нисколько! — я одной рукой держал её запястья, чтобы не дать опрокинуть склянку, а другой пытался влить содержимое этой склянки девчонке в рот.

— Ага, не противное! Я видела, что ты туда кидал! Я скорее сапоги свои съем, понял?! Без хлеба!

— Сапоги не изменят твою внешность, а зелье — изменит!

— Ага, на какую? От такого я разве что в кикимору превращусь! С бородавками! А если я такой и останусь потом?

— Да эффект пропадёт через день-два! Я же говорю, только цвет волос и глаз поменяется!

— Ну, конечно! А потом они вообще выпадут! Отпусти! А-а-а!!! — ей таки удалось вырвать кисти из захвата, но я тут же освободившейся рукой уцепился за упругую ягодицу.

Лина, конечно, закричала — что мне и требовалось. Её «а-а-а» закончилось громким всхлипом и таким же громким плотком. Симпатичное девичье личико на несколько секунд превратилось в физиономию самого жуткого демона — исключительно из-за вкуса зелья.

— Это временная трансформация, — успокаивающе заговорил я. — Когда я расскажу тебе про зельеварение, ты станешь больше ему доверять. Это намного безопаснее, чем пользоваться мороком. Даже несмотря на слизня, которого я сварил.

— Свежо предание, кха-кха, — девчонка опёрлась на колени, пытаясь прийти в себя.

Магический морок зарекомендовал себя не лучшим образом, поэтому я решил прибегнуть к народным средствам. Ещё в первый год жизни в замке я прочитал немало книг по ведовству, и даже сдал Диссу целый экзамен по зельеварению. Не думал, что когда-нибудь воспользуюсь этими знаниями — более архаичного способа колдовства просто не сыскать. Кто же знал, что псевдонаука может быть в чём-то эффективнее науки настоящей!

Трансформация с помощью зелий — это, конечно, тоже волшебство. Соль в том, что это волшебство гораздо более низкоуровневая, нежели наведение морока. В качестве источника она использует не энергию чародея, а то, что подвернётся — поэтому мне пришлось поймать и принести в жертву барсука, а потом использовать некоторые его внутренности в качестве

ингредиентов. Выглядит отвратительно, но благодаря этому обнаружить следы зелья почти невозможно. Всё это я объяснял Лине, пока готовил варево — и мне почти удалось отвлечь её от мысли, что чуть погода придётся эту гадость выпить.

А теперь она стояла, держась за горло, и изо всех сил боролась с рвотными позывами.

— Всё, теперь дня три есть не смогу. Какая дрянь, — девчонку передёрнуло.

— Захочешь — сможешь, — поспешил заверить её я. — Смотри, ты становишься похожа на южанку!

Зелье и в самом деле уже действовало. Лина преобразилась в считанные секунды: брови почернели, стали гуще, ресницы ещё немного вытянулись, радужки глаз стали тёмно-карими, волосы окрасились в цвет воронова крыла. Даже кожа приобрела терпкую смуглость.

— Лучше я не буду на это смотреть, а то меня точно стошнит.

— Зря ты так думаешь, — проговорил я, оценивая изменения.

На сей раз в красоте она нисколько не потеряла. Лина превратилась в чернооую южную красавицу и, конечно, совсем перестала походить на себя. Входя в комнату, такие женщины всегда приковывают к себе взгляды: завистливые у женщин и восхищённо-жадные у мужчин. На том и строился мой нехитрый план. Я посвятил в него Лину, и ей понравилась задумка — во всяком случае, новых возмущений не последовало.

— Ты знаешь, куда там ехать? — всё ещё морщась, спросила она.

— Там не заблудишься. Главное — преодолеть пост, дальше можно будет расслабиться.

— С чего это?

— С того, что дружбы между гномами и Меритари не получилось. Магов Ордена туда просто не пускают. Они, конечно, туда всё равно просачиваются, но если кто попадает на колдовстве — получает пинком под зад.

— Значит, нам колдовать тоже нельзя?

— Я бы не стал рисковать. Для гномов все чародеи на один цвет. Красный.

Девчонка некоторое время молчала, недоверчиво глядя на меня, но в итоге лишь спросила:

— Когда выдвигаемся?

— Завтра рано утром. Надо бы выспаться.

Мы ушли немного вглубь леска, разбили лагерь и поужинали, не разжигая костра. Трапеза получилась лёгкой, а у Лины и вовсе состояла из нескольких глотков воды, так что мы оба легли спать толком не насытившись. В глубине души я боялся оплошать со своим гениальным планом, но упорно запрещал себе об этом думать, ворочаясь с бока на бок.

А вот Лина заснула почти сразу — сказалось выпитое зелье. Это было хорошо, потому что ей в завтрашнем спектакле предстояло играть главную роль. А в том, что она справится, я не сомневался.

* * *

Мацхи всегда считал себя особенным. Заботливые родители с детства баловали мальчика и всячески насаждали в нём эту уверенность. Поэтому, когда Мацхи в возрасте четырнадцати лет обнаружил свой магический Дар, никто и не удивился. Ещё бы, он ведь и так был отмечен Богами! Родители отвели его в Орден. Отец — писарь в городской канцелярии — всегда говорил, что господа чародеи — самые уважаемые и богатые люди в

мире. Они, говорил папа, творят судьбу мира и знают больше, чем все короли вместе взятые.

Именно поэтому мальчик с ничем не выдающимся именем Мацхи решил стать Великим Волшебником. Во что бы то ни стало.

Он отучился почти год, прежде чем будущему Великому Волшебнику наконец стукнула первая ступень. Учёба проходила легко и интересно, напрягаться особо не приходилось. Учителя хвалили, Высокий Совет поощрял за хорошую учёбу, так что жил Мацхи просто чудесно. Только по родителям скучал — из университета магии учеников не выпускали.

Годы шли, сила Мацхи росла, но уж больно неторопливо. Некоторые его одногодки уже получили ранг адепта и несли службу в разных частях света, а Мацхи застрял в университете. Он был одним из лучших школяров, теория у него от зубов отскакивала, для получения заветного жезла адепта — атрибута полноценного чародея — не хватало только магической силы. Именно это досадное обстоятельство посеяло зёрна сомнений в душе Мацхи — а что, если он не такой уж и особенный?

Но едва его сила достигла уровня пятой ступени, как все сомнения снова развеялись. Это произошло на пару лет раньше, чем у других чародеев — Мацхи как раз исполнилось двадцать семь. Принимая из рук наставника долгожданный жезл, молодой чародей предвкушал долгий и полный приключений путь. Путь познания и силы, славы и могущества. Путь вершителя судеб мира.

Как и всех новоиспечённых адептов его отправили на службу — испытательно-воспитательный период, когда маг покидает стены университета и направляется работать «на поля». Мацхи с местом службы, можно сказать, повезло — не на краю света, тепло, спокойно, денежно. Закатные Врата, пост контроля проезжающих. Поначалу будущий Великий Волшебник был уверен, что лучшего назначения и получить не мог.

Но вот пошла пятая неделя, как он прибыл на место. Стало скучновато. За всё это время не только не произошло ничего интересного — казалось, здесь вообще никогда и ничего не происходит. Только вереница проезжающих тянулась через пост в обоих направлениях, а Мацхи сидел и смотрел на неё со стороны. Иногда ему казалось, что в склепе и то веселее, чем в этом захолустье.

Дело было после обеда. Чтобы хоть как-то себя развлечь, Мацхи стал сам опрашивать проезжающих, так что как раз сидел на посту и боролся с дремотой, когда увидел одинокую повозку. Ей управлял некто худой и невысокий, а кляча в сбруе казалась настолько дряхлой, что и шакал не позарится. Спустя какое-то время Мацхи с приятным удивлением разглядел на козлах девушку с шалью на плечах. Смуглую, ладную, молодую. Красивую.

Повозка приблизилась, и с поста стало видно её содержимое — солома, тряпье, матерчатые игрушки, деревянные побрякушки и ворох прочей требухи, не представляющей никакой ценности. Обычный груз обычного барахольщика. Правда, девица совсем не походила на одного из них. Это было странно.

На Мацхи не успел задуматься над этой странностью всерьёз, потому что девушка подъехала уже вплотную, и вблизи она оказалась ещё красивее. Адепт, предупреждая намерения стражников, спустился со своего возвышения и подошёл к остановившейся повозке. Девушка, заметив его, приятно улыбнулась:

— Привет!

На мгновение Мацхи захотелось сесть рядом с ней и уехать куда глаза глядят. Но вместо этого нужно было делать свою работу.

— Имя, откуда едете, по какому делу в Тингар... — уныло затянул Мацхи. Слова

вылетали сами собой, по привычке, и от этого звучали ещё скучнее.

— Я Ринна, путешествую, еду вот к ростовщику местному, — быстро проговорила девушка. — А тебя как зовут?

— Мацхи... — от неожиданности ответил он.

Впервые за всё время на посту кто-то поинтересовался его именем.

— Слушай, Мацхи, свет мой, можно как-нибудь побыстрее, а? Я весь вчерашний день тряслась в повозке, потом ещё всю ночь, задержалась в городе в одном, одни убытки... Сам видишь, что у меня за товар. Медяки... Пропусти побыстрее, а?

Позже, вспоминая этот случай, он думал, что его околдовали. Ну как можно было поверить, что такая женщина торгует барахлом? Ведь так выглядят скорее переодетые принцессы. Она бы и до ближайшего перекрёстка не доехала, не то что до города. И стражники, толкущиеся неподалёку, тоже не почуяли неладного — словно все враз ум потеряли. Насторожиться стоило от одного только вида этой странной девицы, но вместо этого...

Вместо этого Мацхи помолчал немного для приличия, обошёл повозку, вскользь глянув на хлам, задержал взгляд на красивых волосах Ринны, собранных в хвост, и сказал:

— Проезжай.

Он настолько растерялся, что забыл даже о магической проверке.

И уж тем более он забыл о недавнем приказе на высокого мужчину с седой прядью и молодую девушку, которые умеют менять внешность.

Ринна просветлела, горячо поблагодарила Мацхи за доброту, помахала ему ручкой и тронула повозку в сторону Врат.

Он смотрел ей вслед и подумал, что не всё в его службе так уж плохо. Когда-нибудь он сам будет путешествовать, а вот такие девицы будут увиваться за ним косяками. Потому что каждый дурак знает, что ни одна девушка не может устоять перед успешным странствующим магом. А Мацхи станет успешным. Обязательно станет.

Он уже собирался отвернуться, как вдруг повозку подбросило на ухабе чуть сильнее, чем обычно, и одна из тряпиц, лежащих поверх соломы, соскользнула и открыла часть довольно внушительного мужского сапога, явно надетого на столь же внушительную мужскую ногу.

На несколько секунд он впал в ступор. Потом, скрипя зубами, бросил вслед Ринне заклинание-сыщика, и с удивлением обнаружил, что повозка пуста. Но там же явно кто-то лежал! Неужели, труп?

— Эй, постой! — крикнул Мацхи ей вслед, но от волнения дал петуха.

Стражники захихикали, явно подумав, что он к ней клеится. Дуралеи!

Больше ничего Мацхи сделать не успел, потому что ощутил чью-то постороннюю магию и то, как сильно нагрелся его служебный амулет. А дальше была только темнота.

* * *

Услышав окрик, Лина поняла, что их маскарад всё-таки не сработал, и запаниковала. Она вспомнила заклинание «мгновенной усталости», начала произносить про себя формулу, но ошиблась в плетении, и оно разлетелось на ошмётки, а Лину словно обухом по голове ударили. Она потеряла ориентацию и пошатнулась, но не упала — вовремя поймала равновесие.

Когда девушка пришла в себя, то с удивлением обнаружила, что повозка всё ещё едет к

Вратам, за ней никто не гонится, не кричит и вообще всё идёт, как ни в чём не бывало. Лина замерла на своём облучке и изо всех сил старалась сохранять спокойствие.

Оклик гнома-привратника заставил её вздрогнуть, и в первые несколько мгновений девушка растерялась. Гном смотрел на неё снизу вверх из под забрала шлема — он ожидал ответа на вопрос, который Лина не запомнила.

— Куда намылилась, говорю? — пробасил бородач. — Глухая, что ли? Чего надо в Подгорном Царстве?

— Мы к мастеру Крорри, — сказал Эн, вылезая из повозки. — Нам нужна его.. консултация, — и он потряс перед лицом стражника кошелём с деньгами.

Гном придирчиво осмотрел повозку и её экипаж, но, наткнувшись взглядом на мечи чародея, тут же подобрел.

— Пошлина десять серебряных, — сказал он, махнув рукой куда-то в сторону. — Ведите себя хорошо и добро пожаловать.

Эн отсчитал нужную сумму в его мозолистую ладонь, Лина тронула лошадь, и они въехали под арку Закатных Врат, оказавшись внутри гномьего царства.

Едва мы миновали Врата и спрятанные за ними фортификации, я окончательно перебрался вперёд и взял у девчонки поводья. Она даже не повернулась в мою сторону.

— Я ничего не поняла, — сказала Лина, бестолково глядя перед собой. — Это что было вообще?

Я аккуратно огляделся, чтобы убедиться, что нас не подслушивают. Дорога, по которой мы ехали, вела к подземному городу гномов, поэтому народу здесь было порядочно, в основном, конечно, коротконогого и длиннородого. У гномов здесь был собственный пост, к тому же шло какое-то строительство: они сновали тут и там, таскали на тележках материалы, стучали, ругались — и не обращали на нас ровным счётом никакого внимания.

— Сам хотел бы знать.

— Ты тоже ничего не понял?

— Кое-что понял. Но не всё.

Дорога пошла под уклон. Несмотря на то, что по тоннелю мы уже проехали прилично, день не угасал — свет проникал через специально вырубленные шахты и отражался от закреплённых на стенах полированных плит. Между них я заметил указатель: «Кантахар — пять лиг».

— Когда мы отъехали от проверяющего, он что-то заподозрил, — сказал я. — Он всё-таки прощупал повозку заклинанием, а может и тебя тоже. В общем, когда он приказал остановиться, мы с тобой сплели по заклинанию. Моим был «Сон». А ты что пыталась изобразить?

— «Мгновенную усталость», — понуро отозвалась девчонка.

— Что ж, это кое-что объясняет. «Мгновенная усталость» вытягивает из жертвы энергию. Но твоё заклинание по дороге развалилось и вместо того, чтобы свалить паренька с ног, вышло из него все соки.

— Он живой? — вдруг спросила Лина.

— Да чего ему будет, живой, конечно. Ты дальше слушай. В общем, после того как твоё недоплетение высосало из парня всю его магию, оно развернулось, хапнуло ещё всю энергию из амулета этого адепта, а на обратном путихватило и моё заклинание, которое на тот момент находилось на полпути. Парень, разумеется, потерял сознание и тихо сполз по

стенке — поэтому никто сначала ничего и не понял. Скажи-ка мне, — я наклонился к уху девчонки, — странных ощущений никаких нет?

— У меня до сих пор в глазах темно, — призналась она. — Я сама чуть под колёса не свалилась.

— Это потому что твоё заклинание, слолав всю энергию, какую нашло, вернулось к тебе. И ладно моё плетение, оно было экономичным. Даже сила чародея пятой ступени — не такая уж важность. Но в его амулете магии было предостаточно. И всё это прямо сейчас внутри тебя.

Тоннель перестал ветвиться и стал похож на полый брусочек, прямой, как стрела. Народу стало намного меньше, исчез дневной свет — его заменили тускло светящиеся кристаллы, развешанные на манер факелов. Вдоль одной из стен тянулись рельсы, по которым мимо нас под горку пролетела никем не управляемая вагонетка. Если бы не загадка, которую сама того не желая мне загадала Лина, я бы во всю глазел по сторонам и предвкушал погружение в доселе невиданный мною мир.

— Ты поглотила столько энергии, что это должно было убить тебя на месте, — продолжал я, стараясь сохранять спокойствие. — Но не убило.

Лина молчала, по-прежнему глядя перед собой.

— Ты вырвала из другого человека кусочек Дара и присвоила его, — сказал я ещё более веско. — До сегодняшнего дня я думал, что это невозможно. Сейчас я проверяю тебя заклинанием и вижу перед собой чародейку четвёртой ступени. Хотя только что ты не дотягивала и до третьей. До того, как подобное случилось со мной, я тоже считал это невозможным. Ну, скажешь что-нибудь?

— Если ждёшь от меня объяснений, то у меня их нет, — её голос охрип, и Лина откашлялась. — И у меня всё ещё трещит голова. Трещит, как чурка, в которую лупит колун. А ещё мне кажется, что если я посмотрю вверх, меня вырвет. Так что прости, что не удивляюсь вместе с тобой.

Я вздохнул и положил руку на её плечо, одновременно сплетая исцеляющее заклинание. Лина тотчас блаженно откинулась на спинку, прикрыв глаза.

— Спасибо, — выдохнула она. — Как же здорово, что ты умеешь такие штуки.

— Это да, — сказал я задумчиво. — Это здорово.

* * *

До самого Кантахара мы ехали молча. Мне хотелось хорошенько расспросить ученицу и в то же время не хотелось затрагивать тему её странностей. Всё потому, что причина этих странностей стала мне вполне ясна. Я мог бы и дальше пытаться списать их на стечение обстоятельств или, например, на волю божью, но пора было признать: куда вероятнее, что виноват во всём некрот и его странное заклинание.

«Сначала Лина была совсем обычной — насколько может быть обычной девчонка с Даром, — думал я, косясь на ученицу. — Потом её заманивает на алтарь некрот. Бьёт её странным оружием, создаёт непонятное плетение, которое так и не завершается — и всё идёт наперекосяк. На ауре девчонки появляется пятно, а через некоторое время она творит заклинание Материи. Была ли она способна на это раньше? Вряд ли. Затем Лина ударяет бойца на заставе с такой силой, что и тролль бы позавидовал. Могла ли она так до встречи с некротом? Ой, вряд ли. А теперь она плетёт заклинания — пусть и случайно, — которые

подвластны разве что демонам Эфира. Так даже я не могу, а девчонка — вот, пожалуйста. Магия, конечно, штука непредсказуемая, но не настолько же!

Лина и сама знает, что с ней происходит нечто странное. Но она видит, что я реагирую на это спокойно, и потому тоже особо не нервничает. Может, думает, что это побочные эффекты обучения. Или что она эльф, во что я скоро сам готов буду поверить. И ведь на самом деле я не спокоен. Совсем, холера, не спокоен! Интересно, что случится раньше — у меня сдадут нервы или у Лины иссякнет доверие ко мне? Ведь кто знает, какие ещё изменения ждут бедную девочку. Она меняется, и совершенно непонятно, к добру это или к худу. Пока что все её изменения не так уж плохи, но они пугают. И если Лина однажды поймёт, что я с ней не совсем искренен...»

Дальше думать об этом я не захотел. Эти мысли мне показались лишними, поэтому я прогнал их и с удовольствием отвлёкся на удивительный подземный мир — тем более что дорога как раз привела нас к воротам Кантахара.

Стены тоннеля к тому времени немного разошлись в стороны, потолок поднялся, а сами створки находились между башен, сложенных из каменных блоков. Из парных бойниц торчали острия болтов — там наверняка стояли гномские самовзводные арбалеты, грозное и редкое на поверхности оружие. Ворота были открыты, а единственный охранник сидел прямо в проходе на небольшой табуретке и ремонтировал прохудившийся сапог. Он пропустил нас без расспросов и даже с готовностью объяснил, как пройти к мастеру Крорри, когда я его спросил. Такое удивительное добродушие и простота несколько сбили меня с толку — среди людей такое встречалось крайне редко. Прежде мне не доводилось общаться с гномами, но чем дальше, тем больше я проникался к ним симпатией.

Кантахар состоял из двух ярусов: верхний назывался сто сорок первым залом, а нижний — двести сорок первым. По всей видимости, сто сорок первый зал некогда был громадной естественной пещерой, которую гномы испещрили вентиляционными и осветительными шахтами. Забавно, но эти яркие точки придавали тонущему в темноте потолку пещеры сходство со звёздным небом, хотя на самом деле на поверхности был день. Это единственный признак, по которому жители Кантахара узнавали о наступлении новых суток, и в этом смысле им ещё повезло. Насколько я знал, в большинстве подгорных городов понятия дня и ночи теряли смысл, и за ходом времени можно было уследить только с помощью часового механизма.

Улицы города были настолько прямыми, что пройдя по одной из них, мы могли упереться в противоположную стену зала, ни разу не повернув. Идеально ровные квадратные кварталы вмещали по восемь — десять домов, а иногда и вовсе представляли собой площадь со статуей или памятником посередине. Однако если в улицах читалась строгость и даже математика, то в виде и расположении зданий главенствовал хаос.

Гномы не писали картин, не создавали литературных трудов и очень редко музицировали, но по части архитектуры, скульптур и кузнечного дела в Нирионе просто не существовало мастеров, равных им — в этом я убедился как раз в Кантахаре. Пока мы ехали, я не заметил ни одного дома, похожего на другой. Попадались маленькие и неказистые, из грубых каменных блоков; большие и красивые из декоративного кирпича; встречались даже такие, которые больше походили на цирковые сооружения, неправильной формы, с нечётным числом углов или вообще без оных — сверху донизу округлые, как осиные ульи. Вдоль дорог тянулись каменные и железные трубы, в которых шумела вода. Под ногами попадались утопленные в камень крышки люков, говорящие о наличии стоков даже в

промежутке между ярусами. На одной из площадей возвышался настоящий фонтан в виде гротескного морского чудовища, воздевшего кверху золотой ключ. Вода струйками била из глаз чудовища и каждой присоски на его щупальцах, а самая большая струя хлестала из окончания ключа, и брызги, рассеиваясь, превращались в радугу благодаря ярким солнечным кристаллам. Ничего из этого в городах людей просто не было.

Кстати о людях: я думал, что мы с Линой привлечём к себе ненужное внимание, но ошибся. Больше всего, конечно, на улицах встречалось гномов, но не только. Торговцы, наёмники и просто путешественники: либрийцы, назирцы, северяне, приморцы — довольно пёстрая публика. Встречались даже пустынные — все беловолосые и красноглазые, словно альбиносы. Возле облезлой вывески с непонятным рисунком я заметил скучающего орка. Люди глазели друг на друга, иногда с любопытством, иногда с неприязнью, особенно на фоне известия о надвигающейся войне. Оружие у чужаков не отбирали, потому что для подгорного племени это означало нанести оскорбление, но вряд ли кто-то решился бы пустить его в ход. Все знали: гномы — народ простой и суровый, в случае потасовки будут бить всех без разбора, и правого, и виноватого.

Иногда на улице или в окнах мелькали гномки. Их можно было встретить только в городах подгорного племени, так что мы с Линой разглядывали их с любопытством. Первое, что нас удивило — гномы если и превосходили своих женщин в силе, то ненамного. На наших глазах одна гномка приподняла над полом гружёную рудой повозку, а другая в это время заменила сломанное колесо. Получалось, что средняя женщина-гном вполне могла скрутить в бараний рог среднего мужчину-человека. В них странным образом сочеталась женственность и мощь: длинные волосы, заплетённые в косы, полная грудь, вполне зримая талия — и тут же широкие плечи, крепкая шея и развитая мускулатура. В общем-то это легко объясняло, как гномки справляются с домашними делами, пока их мужчины в шахте или на поверхности, добывают деньги. Такие «хранительницы очага» при необходимости могли и вооружённый набег отбить, не то, что дом построить или завал разобрать. Чрезвычайно практично. Глядя на гномок, я не понимал, восхищаюсь ими или недоумеваю, а в итоге вовсе решил, что это не моё дело.

«Мне бы за этой женщиной уследить», — подумал я, покосившись на Лину.

Вскоре мы добрались до центральной площади, объединяющей сразу четыре квартала. В самом её центре возвышалась большая статуя Кадара, праотца гномов. Выполненный из чёрного с белыми вкраплениями гранита, с позолоченным молотом в руках, украшенный драгоценными камнями, он выглядел весьма монументально. Мы с Линой некоторое время разглядывали это чудо, пока нас не отвлек гном-дружинник и не сказал, что на площадь Кадара разрешено входить только пешком.

Мы отогнали повозку в сторонку, привязали лошадь к одному из специальных столбиков и направились на площадь. Я тут же начал вертеть головой в поисках вывески, которую описал мне привратник. Она нашлась быстро — у самой площади, с северной стороны, через всю улицу висела широкая деревянная табличка с надписью «Мастер Крорри» на Локуэле и Фугарке, а с боков от неё были нарисованы булава и топор. Вывеска выглядела достаточно бледно по сравнению с остальными, но это совершенно не имело значения. Мастер Крорри вообще не нуждался в рекламе. Все, кому надо, уже знали, кто он такой и чем занимается.

Я дёрнул за руку увлечённую созерцанием статуи Лину, и мы направились к вывеске. Оказалось, она закрывала собой переход между вторыми этажами домов, которые стояли

окнами на площадь. Выглядело это странно: богатый трёхэтажный дом, украшенный резьбой, с множеством окон, был соединён с пятиугольным грубоватым зданием, больше похожим на склад. Зная, что Крорри вовсе не бедствовал, я постучал в тот, что побогаче.

Никакого результата.

Я постучал ещё раз, и только потом сзади раздался сипловатый голос:

— Кого ищете, молодые люди?

В дверях второго домика стоял уже явно немолодой гном с выдающихся размеров носом, на котором плотно сидели очки-полумесяцы, и длинной седой бородой. Он вертел в руках какую-то деталь и тёр её тряпкой. Из-под рабочего фартука выпирали солидный живот, отлично сочетающийся с хозяйским выражением лица гнома.

— Мы ищем мастера Крорри, — ответил я.

— Уже нашли, — пожал плечами гном. — Зачем искали-то?

— Я от нашего общего знакомого. Старый Маг передаёт привет.

Крорри на секунду замер, внимательно разглядывая меня сквозь линзы, но потом повернулся и сделал приглашающий жест.

— Ну, заходите. И на будущее: вы стучали в мастерскую. Живу я здесь.

Он скрылся в проёме, и мы с Линой, переглянувшись, последовали за ним. Для этого девчонке пришлось пригнуться, а мне сложиться пополам и присесть. Да и внутри оказалось не легче: потолок явно не рассчитывался на посетителей ростом выше трёх с половиной локтей. Мне предложили стул, но я от греха подальше опустил сразу на напольную подушку.

Комната не отличалась богатством убранства: обычная мебель, обычная посуда, обычные безделушки. На одной стене — живописная картина с заснеженным горным хребтом, на другой — инкрустированный серебром щит. По внешнему виду всего этого было не похоже, что тут живёт гном-оружейник, обеспечивший себя на несколько жизней.

— Я вижу у тебя мои мечи, — проговорил гном, садясь напротив.

Я даже замер от удивления.

— Серьёзно?

— Ты, наверное, замечал клеймо на рукоятях, — Крорри поднял правую руку. На одном из пальцев оказалось кольцо-печатка, и это в самом деле был тот самый знак: три заострённых лепестка, сходящихся в центре под равным углом и пересечённых кругом.

Вот тебе и раз. В такие моменты и начинаешь думать, что Нирион тесней дубильной бочки.

— Их мне достал один друг.

— Значит, кто-то ради этого умер, — кивнул гном. — С таким оружием по доброй воле не расстаются. Сколько с тебя взял друг?

— Просил пять тысяч, — брови мастера поползли вверх. — Но мне уступил за четыреста.

Крорри скрипуче захохотал, схватившись за живот. Лина от неожиданности вытаращилась на него, а я вдруг почувствовал себя неудобно — уж слишком нехороший был смех.

— Поистине выгодная сделка! — воскликнул гном. — Я не буду говорить, сколько они стоили, мальчик, но пять тысяч... — он посмотрел на меня чуть ли не умиленно. — Это же сущая мелочь. Даже кинжал такого качества стоит больше.

Крорри заговорщически мне подмигнул, чего я совершенно не понял, но заострять на

этом внимание посчитал лишним. Однако мастеру удалось меня заинтересовать — что же такого в этом оружии, что оно стоит десятки тысяч?

— Ладно, моё имя вы знаете, — сказал гном, откидываясь в кресле. — Пора бы и вам назвать свои.

— Да, простите, мастер, — спохватился я. — Меня зовут Энормис, это Лина. Мы к вам за помощью.

— Вот даже как, — гном снова сосредоточился на протирании детали. — Тогда сначала расскажите, откуда знаете Дисса, а там и посмотрим.

Таким его Старый Маг и описывал. Подозрительный, цепкий, деловитый. И если он спрашивает, лучше ответить.

— Я его ученик.

— Ты его кто? — вытаращился гном.

Он даже забыл про свою деталь. В его взгляде мне почудилось возрастающее недоверие, которое требовалось срочно устранить. Пришлось вкратце рассказать свою историю.

Когда я закончил, Крорри с сомнением покачал головой, но всё же немного расслабился.

— Кхм... — мастер задумался. — Ну да, мы с ним в последний раз виделись лет двадцать назад. Но вообще мы знакомы полтора века... — он сделал многозначительную паузу. — И за всё это время я не слышал ни об одном его ученике. Потому что их не было. Никогда бы не подумал... Она — тоже?

— Нет, Лина моя ученица.

— Хм...

Гном замолчал и будто бы ушёл в себя. Я посмотрел на Лину, та пожала плечами. Я уже хотел прервать затянувшуюся паузу, как Крорри сам заговорил:

— Я слышал о Квисленде, — тяжёлый взгляд поверх очков. — Слухи ходят самые разные. Но раз ты здесь, да ещё и с собственной ученицей, Дисс...

— Погиб, — закончил я и сразу дал несколько ответов на опережение: — Не знаю, как именно. Мне повезло не оказаться в замке. Я как раз пытаюсь выяснить, кто это сделал. Для того и пришёл.

Крорри кашлянул и уткнулся в свою деталь.

— А говорил, что почти бессмертен, — пробормотал он и добавил уже громче: — Неужто он и в самом деле просто взял и погиб?

— Там огромный кратер вместо замка, — ответил я веско. — Пропечённый до стекла. Я не сильно разбираюсь в такой чудовищной магии, но если она на что и способна, так это убивать.

Гном пристально посмотрел на меня, словно пытаюсь разглядеть в моих глазах что-то известное только ему. Это продолжалось несколько секунд, после чего мастер вздохнул и спросил, как-то раздражённо и устало:

— Так чего вы хотите от меня?

— Мы ищем проводника к Оракулу.

— Правда? — ухмыльнулся гном. — А чёрта за хвост поймать не желаете?

Я не понял шутки. Крорри, глядя на мою недоумевающую физиономию, перестал улыбаться и пояснил:

— Оракул — это легенда, мальчик. Якобы есть всеведущее существо, обитающее под самой высокой в мире горой, и каждому, кто сумеет до него добраться, разрешено задать три

любых вопроса. Подобная сказка есть у каждого народа. Оракул — гномская сказка.

— Пусть так. Значит, мне нужен прообраз этой сказки.

— Зачем?

— Вы поможете или нет?

Крорри вздохнул так, словно разговаривал с бродячим торговцем, который убеждал его купить веник.

— Вы хоть знаете, куда вам придётся идти? Про Глубины слышали? Нет? Выйдите на улицу, спросите любого гнома, что это такое. Вам в красках объяснят, что проще и безболезненнее сигануть с Небесного Пика, чем добраться до двадцать девятого яруса тоннелей.

Снова пауза и испытующий взгляд. Я, не зная, что ответить, пожал плечами. Гном махнул рукой.

— А, как хочешь. Отговаривать не стану. Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Сами вернётесь, если поздно не будет.

Крорри откинулся на спинку и в задумчивости побарабанил пальцами по подлокотнику.

— Есть у меня один знакомый копатель. Знаете, кто такие копатели?

— Нет.

— Гномы, которые ходят на Глубины под Небесным Пиком. Среди них есть такой Кир Рыжий. Он немного того, — палец мастера описал несколько кругов вокруг виска. — Копатели все немного «того», но этот «того» больше остальных. Везучий как сам чёрт, ходит на Глубины не первый десяток лет. Тоже всё ищет Оракула. Самое удивительное, что несмотря на это самоубийственное занятие он до сих пор жив. Ты, как я вижу, такой же ушибленный, — Крорри посмотрел на меня сочувственно. — Чуть ли не родственная душа. Вы легко сговоритесь.

— Как его найти?

— Доплывёте до Небесного Пика, спуститесь на шестой ярус. Там спросите дорогу — на шестом все его знают. Самому Киру покажешь свои мечи и скажешь, что я за вас поручился, а то он шибко недоверчивый. Всё понял?

— Да, мастер, спасибо.

— Знал бы, на что идёшь, не благодарил бы. Через несколько часов к небесному Пику по подземной реке уходит ладья, советую поторопиться и сесть на неё. Дней через десять будете на месте.

Он замолчал и снова взялся за тряпку, давая понять, что разговор окончен. Мы молча поднялись и направились к выходу. Лина уже была снаружи, когда я обернулся на самом пороге.

— Спасибо ещё раз, мастер.

— Будешь помирать там — меня не вини, — сказал гном и не глядя махнул рукой на прощание.

Мы оказались на улице. Разговор с Крорри вышел странным и не сильно-то вдохновляющим. Его уверенность в собственных словах настораживала. И я, и Лина крепко призадумались над тем, что нас ожидало в пресловутых Глубинах. Но я точно знал, что там, под Небесным Пиком, есть огромное скопление энергии, с помощью которой я мог хоть немного рассеять завесу неизвестности вокруг себя. Есть Оракул на самом деле, или это просто легенда, было не так уж важно.

Я с сомнением посмотрел на Лину.

— Что думаешь?

Судя по долгому молчанию, она отлично поняла, что я имел в виду. Мы оба понимали, что Крорри мог и не преувеличивать. Если верить ему, то путешествие предстояло рискованнее, чем я думал. И вот вопрос — место ли там для юной девчонки, которую к такому никто не готовил?

— Что надо взять еды в дорогу, — сказала она.

На этом разговор завершился. Я не стал спрашивать, уверена ли она — боялся, что Лина передумает. Отчего-то мне стало очень важно, чтобы девчонка осталась со мной. Тогда мне казалось, что она без меня пропадёт. Потом я понял — нет, не пропала бы, это просто мне хотелось, чтобы она так думала.

Проблема в том, что она действительно так думала.

Глава 6. В погоне за туманом

Тринадцатый ярус.

Колонны недостроенной галереи проносятся мимо одна за другой. В напольных плитах зияют трещины, которые приходится перепрыгивать, чтобы ненароком не сломать ногу. Впереди маячит знак: справа будет переход между ярусами.

Сзади топочет и улюлюкает голодная стая. Гоблины не очень быстры, но они бегут налегке, и поэтому не отстают уже два часа к ряду. В этом секторе подземелий негде спрятаться, негде даже запереться, поэтому остаётся только бежать.

«Да когда же вы устанете?»

Пришлось выбросить всю руду и минералы, чтобы не выдохнуться раньше времени. Остались только запасной кристалл, немного еды и металлическая коробочка с защёлкой. Содержимое этой коробочки в сотню раз важнее всей остальной поклажи. Её нельзя потерять.

Поворот, лестница, двенадцатый ярус. Переход на одиннадцатый и десятый будет через двести саженей по временному штреку. В принципе, по той же лестнице можно уйти и на девятый, но тогда придётся пробираться через ловушки, а на это сейчас совершенно нет времени.

«Лишь бы тут новых не понаставили, а то и до одиннадцатого не добегу».

Ноги у гоблинов короткие и кривые, поэтому по прямой они бегают медленнее, чем гномы. Штрек идеально подходит для того, чтобы немного оторваться. По его стенам и потолку змеятся трещины — участок на грани обвала.

«Эх, была бы у меня бомба...»

Сапог скользит по обломку отполированной плиты, и копатель, не додумав мысль, летит кувырком. От падения кристалл выпадает из руки и исчезает в одной из трещин. Поправив съехавший на глаза шлем, гном быстро достаёт последний солнечный кристалл и прислушивается.

«Осталось около дюжины, остальные отстали. Славно, теперь есть шанс в рукопашной! — пальцы стискивают рукоять топора. — Попробуйте возьмите, дерьмояды!»

Словно в ответ на это приглашение в голове раздаётся змеиное шипение — голос шлема, заметившего преследователей. Гном, не оглядываясь, срывается с места и бежит дальше. Шанс может и есть, но зачем драться, если можно сбежать?

Лестничный пролёт, коридор, ещё пролёт. Тайный знак на потолочной перекладине указывает на шахту, по которой можно выбраться сразу на восьмой ярус. Гном уверенно пробегает мимо. Он уже знает, что в той шахте засел прозрачник, который недавно поужинал бедолагой Кхари. Этот знак вообще следовало убрать, и копатель пообещал себе это сделать, если переживёт сегодняшнюю погоню.

Десятый ярус. Поворот. Полуобрушенная галерея. Поворот. Ловушка! Гном с разбегу перемахивает через нажимную плиту и тут же катится кубарем, чтобы проскочить под леской. Вскрикивает, хлопает себя рукой по спине, чтобы проверить содержимое мешка после такого лихого кульбита. Вроде, всё на месте.

Сзади раздаётся грохот — гоблины всей гурьбой налетели на ловушки. Губы копателя растягиваются в злорадной ухмылке.

«Штуки три точно зацепило. Перебить бы оставшихся... А, да ну их! До заграждений осталось саженой четыреста».

Гном взбегает по очередной лестнице. Девятый ярус.

Топоры уже прилично натёрли бёдра, стуча по ним рукоятями. Как всегда перед последним рывком копатель вдруг ощутил, насколько устал. Две недели без нормального отдыха навалились на плечи трёхпудовой гирей, но гном только ускорил бег. Он уже давно научился открывать в себе второе дыхание усилием воли. Иначе на Глубинах нельзя — если хочешь жить, придётся находить в себе силы, даже если их уже нет.

Предпоследний поворот. Последний...

Едва он выбежал из-за угла, на укреплениях раздались радостные возгласы, а в воротах поднялась металлическая решётка. Из бойниц уже торчали наконечники болтов, в темноту коридора целилась баллиста. Гномы готовы были встретить даже группу троллей, не то, что нескольких гоблинов.

Оскалившись, копатель влетел в ворота и сразу повалился на пол. Решётка за его спиной с лязгом вернулась на место. Едва первые выродки оказались на свету, один за другим щёлкнули шесть арбалетов. Пущенные из таких орудий болты прошибали дерево толщиной в ладонь, так что гоблинов, бегущих практически колонной, прошивало навывлет и убивало по двое за раз.

Второго залпа не потребовалось.

Копатель лежал на спине и пытался отдышаться. Разобравшись с отродьями, стражи заслона обступили его, под одобрительные возгласы помогли встать, начали хлопать по плечам.

— Опять живой! Ну, даёшь, бродяга!

— Оракула-то нашёл, Кир?

— Э, Рыжий, ты никак утомился? Всего-то полмесяца отсутствовал!

— Как сходил, рассказывай!

Кир с пыхтением подобрал выпавший топор и проворчал:

— А то сами не видите! Говорят, бегать полезно — вот, решил проверить!

Стражи захохотали.

— Разойдитесь уже! — отмахнулся копатель. — Не видите, еле на ногах стою после пробежки? Пойду отдохну, что ли...

Гномы понимающе покивали и расступились. Кир поблагодарил всех за то, что снова спасли его везучую задницу, чем снова вызвал смех, и отправился в жилой сектор.

Придя домой, он первым делом натаскал тёплой воды и плюхнулся отмокать. Старательно борясь со сном, вымылся на несколько раз. Потом тщательно проверил всё снаряжение. В кармане куртки обнаружил внушительную дыру, в которую провалился эбонитовый стержень. Копатель вздохнул. «Придётся купить новый, а то подпитывать осветители больше нечем». Наконец, Кир извлёк из кармана заветную жестяную коробочку.

Вот он, самый ценный груз этой вылазки. Пыльца могильщика.

Аккуратно раскрыв коробочку, он пересыпал всё содержимое в склянку синего стекла и плотно закупорил пробкой. Позже эта склянка отправится к знахарке — та приготовит из пыльцы эффективный яд, которым могильщика можно будет убить с одного удара, не отрубая предварительно все его четырнадцать ног. Но это потом, а сейчас — спать.

Спать, пока голова от сна не заболит.

В дверь постучали. Громко, уверенно, даже нахально.

Кир, привыкший спать чутче мухи, проснулся сразу же, но вставать отказался. Только с ворчанием повернулся на другой бок и попытался вернуться в чудесный сон, из которого копателя так по-хамски выдернули. Ему грезилось, будто он в очередной раз спустился на Глубины и обнаружил там гномов. Не осталось внизу ни одной твари, ни одной магической ловушки — только одно великое государство подгорного племени. Казавшаяся бесконечной война закончилась, будущему гномов больше ничего не угрожало...

Снова стук в дверь. Ещё громче и ещё нахальнее.

— Пшли вон! — заорал Кир и для пущей убедительности запустил в дверь первым, что попало под руку. Тяжёлая железная кружка звонко ударилась доньшком о кованую створку и жалобно задрезжала по полу.

Это помогло, но ненадолго. Снаружи послышалась приглушённая возня, и на этот раз постучали вполне деликатно.

Запоздалая вежливость незваного гостя не спасла положение. Кир, бубня под нос ругательства, встал. Проспал он часов шесть — это была даже не половина от запланированного, так что копатель рассвирепел не на шутку. По дороге к двери он сразу засучил рукава, чтобы без лишних вступлений начистить косматую морду, которая посмела нарушить его священный отдых после вылазки.

Но за дверью никакой косматой морды он не нашёл. Распахнув створку, Кир упёрся взглядом в чей-то живот — и от неожиданности замер.

Перед ним стоял длиннющий человек в коричневой путевой куртке, явно не так давно прибывший с поверхности. Крепкий, жилистый. С чёрными волосами и многодневной щетиной. Из-за спины крест-накрест торчали рукояти мечей. На лицо — сама серьёзность.

Из-за плеча незнакомца выглядывала человеческая же девчонка, довольно смазливая по их меркам. Русые волосы, собранные в хвост, тонкая фигурка, ростом на полторы головы выше гнома. Кир даже забыл о намерении дать в морду, настолько его удивила эта парочка.

— Приветствую. Кир Рыжий? — спокойно проговорил верзила.

Его внешний вид слабо увязывался с такой вежливостью.

— Он самый, сожрите вас черти! Чем обязан? — гному пришлось задрать голову, чтобы смотреть мужику в лицо.

— Я Энормис, это — Лина. За нас поручился мастер Крорри.

С этими словами он извлёк из ножен меч — ровно настолько, чтобы стало видно клеймо оружейника. Кир снова смерил его взглядом, на этот раз недоверчиво. Все знали, что мастер Крорри недолюбливал людей. Чего ради он вдруг стал за них ручаться?

— Предположим, и правда поручился, — сказал копатель наконец. — Чего надо-то?

— Мы ищем Оракула. Проводник нужен.

Кир прищурился — не издеваются ли над ним? Может, это шутка какая-то? Но человек оставался невозмутим, словно вправду ждал какого-то ответа. Гном высунулся наружу и с удивлением обнаружил, что гостей всего двое.

— Так, ну-ка, заходите, — сказал он, освобождая проход. — Расскажите по порядку.

Люди протиснулись внутрь. Кир усадил их на тахте, а сам первым делом пошёл умыться. Прихватив с собой кинжал, просто так, на всякий случай.

— Теперь объясняй, — сказал он, возвращаясь в комнату. — Сколько вас всего и зачем

вам Оракул.

Гости переглянулись.

— Нас двое, — ответил Энормис слегка растерянно. — А Оракул нам, подозреваю, нужен по одной и той же причине. Информация.

Он держался расслабленно, не проявляя ни малейшей нервозности или даже волнения — словно не впервые под землёй. На глаз человеку было под тридцать, но с таким же успехом он мог оказаться и старше. Ножны за его спиной сидели плотно и удобно, узловатые пальцы производили впечатление сильных и цепких. Уверенность в себе, скупые, экономичные движения — всё указывало на умелого воина.

Девчонка, напротив, на такое звание даже не претендовала. Она была слишком молода и слишком хила. Однако она тоже не боялась — ни отсутствия окон и открытого воздуха, ни незнакомой обстановки.

Кир задумчиво поскрёб бороду.

— Вы чудики, что ли? — он с лёгким недоумением заглянул в лица гостей. — Из этих, которые ищут приключений на пятую точку?

Левая бровь гостя поползла вверх, но от комментариев он воздержался.

— Вы же даже не гномы, — пояснил копатель. — Сомневаюсь, что вы имеете представление о том, что такое Глубины. Какой вам Оракул?

— Потому мы и ищем проводника, — Энормис развёл руками.

— Не-не-не, ты не понял. Туда ходить учатся годами, и всё равно гибнут. Смекаешь? Это тебе не прогулка по поверхности. Тут выносливость нужна, сила, выдержка. Ну и смелость особого сорта. Из тех, которые сильнее чувства самосохранения. Я понимаю — ты, мальчик большой, но девчонка-то куда?

«Девчонке» эти слова не понравились. Она посмотрела на Кира так, словно собиралась скормить ему его же бороду, но гнома не пробрало. Вот когда понимаешь, что на тебя смотрит Тень, у которой и глаз-то нет, и что она сейчас из тебя душу вытряхнет одним прикосновением — вот это действительно страшно. А что может сделать человеческая девчонка?

— Она владеет магией, — так же сдержанно сказал Энормис. — Не пропадёт. А если её умений не хватит, то хватит моих. — Человек вдруг заинтересовался своими ногтями. — Я её учитель.

После этих слов Кир взглянул на гостей по-новому. «Эта парочка — чародеи! — подумал он, заново прицениваясь. — Значит, всё же не слабоумные. С магией их — а значит и мои — шансы выжить и впрямь возрастают. Если они не врут, конечно».

— Не хочу грубить, — проговорил гном, — но ты больше похож на обычного громилу, чем на настоящего чародея.

В ответ Энормис улыбнулся, но уж как-то слишком нехорошо.

— Желаешь удостовериться? — сказал он с прищуром.

Каменный потолок в комнате вспыхнул ярким зелёным пламенем, и от неожиданности гном рефлекторно отскочил к двери. Рука сама схватилась за кинжал. Гибкие огненные языки, точно живые, сложились в огромное лицо, которое яростно скалило зубы-иглы; его глаза напоминали два провала, заполненных злым белым сиянием. Лицо обернулось к Киру и разверзло пасть в крике — звук был такой, словно сотня душ ревела на разные лады. Поток горячего воздуха обрушился на прижавшегося к двери копателя, и тот, закрывая лицо руками, выкрикнул:

— А, чертовщина! Всё, я понял, прекращай!

Чародей поднял руку, и огненный монстр почти мгновенно застыл чистейшим зеленоватым льдом.

— Ты мне чуть всю мебель не спалил! — рявкнул гном, бросаясь к вещам. Однако всё, что могло гореть, нисколько не пострадало. Будто и не бушевало здесь пламя несколько мгновений назад.

— Расслабься, — проговорил маг. — Это иллюзия. На настоящее пламя потребовалось бы намного больше сил, но и это не проблема.

После этих слов лёд потерял чёткость очертаний и стал медленно превращаться в дымку, а вскоре исчез совсем. Кир заметил восхищённый взгляд девчонки, обращённый к чародею. У того на лбу не выступило ни капельки пота — словно подобные фокусы ему вообще ничего не стоили.

— Предположим, я тебе поверил, — выдавил гном сквозь зубы. Его сердце всё ещё билось учащённо. — Магией ты владеешь. Но это тоже ставит тебя в невыгодное положение.

— Я знаю, в какое, — кивнул Энормис. — Здесь не принято доверять чародеям, так?

— Именно.

В комнате повисла тяжёлая пауза. Чародей словно размышлял о чём-то, а гном, не скрываясь, стискивал рукоять кинжала. Тишину можно было ножом резать, пока прежде безмолвная девчонка не кашлянула и не сказала:

— И правильно.

Чародей метнул на неё непонимающий взгляд, что-то вроде «ты что творишь?», но та лишь пожалала плечами со словами:

— А что? Ты сам-то им сильно доверяешь?

Энормис собирался было возразить, но в последний момент что-то его остановило, и он сказал, поворачиваясь к Киру:

— Справедливо, на самом деле. Мы вроде как... изгой среди чародеев.

— Разыскиваемые, — вставила девчонка.

— Меритари нас заживо сожгут, если поймают, — подтвердил Энормис. — Так что, любезный гном, у нас сейчас два варианта. Первый — ты нам не доверяешь, и мы разбегаемся, чтобы продолжать искать Оракула по отдельности. Судя по тому, что в одиночку ты его до сих пор не нашёл, это вариант не очень привлекательный, зато безопасный. Или! — человек поднял палец, — мы все можем рискнуть и помочь друг другу. Ведь вместе у нас намного больше шансов на успех, не правда ли?

— Это только если вы не замыслили чего, — упрямо отозвался Кир.

— Слушай, — чародей придвинулся поближе. — Если я дам тебе повод сомневаться в своей добропорядочности, можешь в тот же миг разворачиваться и идти обратно. Я полезу искать Оракула в любом случае, даже если не найду проводника. Мне это необходимо, понял? Так что решай.

Кир посмотрел на человека, как на безнадёжного осла, но того это нисколько не смутило.

И всё же чутьём копатель уловил искренность гостя, а это уже многого стоило. Он говорил от души, не кривя оной. «Может, действительно стоит рискнуть, — подумал Кир, задумчиво покусывая ус. — Когда ещё такая возможность представится? «Мне это необходимо». Мне ведь тоже необходимо, чёрт бы тебя побрал!»

— Вам придётся принять все мои условия, — сказал он, испытующе глядя на гостей.

— Если они будут вменяемыми, — кивнул человек.

— Ишь какой избирательный, — усмехнулся гном. — Условие первое: как только выйдем за укрепления, вы будете делать всё как я скажу. Если вы мне недостаточно для этого доверяете, ничего не выйдет. Там некогда объяснять, почему так, а не иначе. Даже если я велю снять штаны и танцевать, вы должны будете оголить зад и дрыгать ногами. Достаточно вменяемое условие?

Гости переглянулись.

— Во всяком случае, логичное, — сказал Энормис. — Если для выживания потребуется оголить зад, так и сделаем.

Гном пристально посмотрел на девчонку. Та и бровью не повела.

— Решительные, значит. Это хорошо. Условие второе: расходные материалы оплачиваете вы. Считайте, что делаете жест доброй воли. Так нам всем будет легче друг другу доверять.

— Договорились.

— Условие третье: мы не друзья, но будет намного проще и безопаснее, если между нами не останется недосказанности. Так что все интересующие вопросы лучше задать до того, как мы выйдем за кордон. Ясно, о чём речь?

— Предельно.

— Ещё и понятливые, — всплеснул руками Кир. — Ну, теперь точно сработаемся. Выдвигаемся, значит, через трое-четверо суток. За это время я вас немного поднатаскаю, проведу детальный инструктаж и куплю всё не обходимое. От вас требуется слушать меня внимательно и не забывать, что находитесь в гостях. Вопросы есть?

— Пока нет.

— Отлично. Вроде, ничего не забыл. Ах, да! Я бы на вашем месте поискал душеприказчика, пока вы тут. Просто на всякий случай.

* * *

Станным был этот гном. Он смотрел на нас с Линой как на умалишённых, но всё равно согласился на авантюру. То ли он сомневался только напоказ, то ли готов был ухватиться за любую соломинку, чтобы найти Оракула — я не мог понять. Но в любом случае, взяв в попутчики зелёную непроверенную команду, Кир рисковал. И меня это радовало, потому что говорило о том, насколько он заинтересован в успехе нашего похода.

Первым делом гном, взяв у меня оговоренные деньги, на несколько часов ушёл «за покупками». Вернулся он с двумя огромными тюками, набитыми под завязку. В ответ на наши несколько удивлённые взгляды Кир пояснил, что в прошлой вылазке потерял почти всё снаряжение. В красках повествуя о том, как улепётывал от гоблинов, он извлёк несколько банок со смолой, вязанку деревянных палок, толстенный моток верёвки, чёрный металлический стержень, набор зубил, а так же кучу других безделушек и приспособлений, назначение которых осталось для меня загадкой. Гном разложил всё это на столе, после чего объявил, что идёт досыпать, и порекомендовал нам заняться тем же. «Там будет не до сна», — сказал он с тоской во взоре.

Мы решили последовать его совету, а когда проснулись, Кир уже заготавливал факелы для похода. Мы с Линой решили присоединиться. Чтобы не терять время, гном начал попутно рассказывать нам о премудростях копательского ремесла. Поначалу лекция была

интересной, но она затянулась на три часа. Под конец даже я начал путаться в названиях и правилах, а Лина просто вклинилась и сказала, что по её мнению это всё даже запомнить нельзя, не то что выполнить. В ответ на это гном, зыркнув исподлобья, поделился своим мнением о том, как будут выглядеть наши останки, если мы всё это не запомним. Потом он высказал мнение о роли балласта в отряде и, немного подумав, присовокупил к этому мнению ещё одно, о том, что если некто не понимает важности дисциплины, то этот некто просто не понимает куда идёт. В этом месте я решил ещё раз озвучить своё мнение о том, что девушка вовсе не беспомощна и вряд ли станет балластом, в ответ на что услышал мнение Кира о том, что я сам балласт что надо, чего уж о малолетних девчонках говорить. После этого высказывания у Лины возник вполне закономерный вопрос:

— Зачем же ты тогда согласился на спуск с двумя балластами?

Гном вздохнул и, набычившись, ответил сквозь зубы:

— Потому что вы тут единственные хреновы кандидаты. Чтобы пройти цветные залы, нужна чёртова магия, а подготовленных к спуску чародеев нет. Они как-то стремятся держаться от Глубин подальше, знаете ли. А тех, что не стремятся, мы сами не пускаем. Гордые мы, как двукопый петух! — Он бросил в мешок последний факел и вышел из дома, громко хлопнув дверью.

Мы с Линой лишь озадаченно переглянулись и предпочли не обсуждать странности нового знакомого. Мы явно наступили на большую мозоль Кира, хоть и не понимали, что именно вызвало такую злобу.

Вернулся копатель только через несколько часов, принеся ещё один мешок, на этот раз с оружием: кинжал для Лины, «засапожный» нож для меня и целый арсенал для самого Кира — лёгкие метательные топорики, маленький самострел со связкой коротких толстых болтов, железный крюк и свежезаточенная облегчённая секира.

За время отсутствия Кира его настроение немного улучшилось, так что остаток дня прошёл в приготовлениях и обсуждениях. Мы с Линой даже немного удивились, когда копатель сказал, что скоро полночь. На вопрос откуда он это знает, гном ответил:

— Вы с рождения умеете отличать день от ночи по свету за окном. У нас окон, как видите, нет. Гномам не надо сверяться с небом, чтобы узнать сколько времени или в какой стороне восток. Мы это просто знаем. Так что если я говорю, что сейчас ночь, значит — сейчас ночь. Дуйте спать.

Всё, что нам оставалось — пожать плечами и улечься на жесткие топчаны, постеленные на полу.

Перед сном я вдруг вспомнил, что за последние пару недель мы с Линой толком не занимались ни магией, ни фехтованием. Это было плохо, потому что любой навык требует регулярной шлифовки. Следовало провести хотя бы один из этих уроков, пока мы не спустились в Бездну — и на следующий день как раз выдался удобный случай. Правда, прошло занятие совсем не так, как я ожидал.

* * *

— Здесь тесновато. Может, отложим?

— В доме Кира ещё теснее. Давай, не отлынивай. Перед спуском надо потренироваться.

— Ла-а-адно. Я нападаю?

— Ты защищаешься!

— Хак!

— Недоворачиваешь кисть, если бы я ударил чуть ниже, выбил бы клинок из твоей руки.

Такое парируется в октаве. Ещё раз!

— Х-х-а! Ну нет, дорогой мастер. Ты бы не смог меня обезоружить, потому что я видела твой финт. Если бы ты ударил ниже, я ушла бы в вольт.

— Интересно, как бы тебе это удалось, если твой клинок уходил в противоположную сторону.

— Перехватом, разумеется!

— Да неужели? Ну, попробуй!

— Ха-а! Х-ха!.. Ой! Ты живой?

— Ну не то, чтобы совсем...

— Ты же у нас мастер — я и не думала, что ты не успеешь.

— Я тоже не думал. Подсечка вышла что надо. Я сам встану, спасибо. Ничего необычного не заметила?

— Конечно, заметила! Мне наконец-то удалось тебя завалить.

— Я не об этом.

— А о чём?

— Твои движения слишком быстры.

— Вот как? Разок тебя уронила, и значит со мной что-то не так? Простите, мастер, за ваши помятые зад и самомнение.

— Не паясничай. Ты прекрасно понимаешь, о чём я говорю. Я не был медлительнее обычного. А вот ты вдруг стала намного быстрее. Так не бывает.

— А вдруг бывает?

— Нет. Я знаю, что-то с тобой происходит. И ты об этом знаешь. Но молчишь.

— Давай лучше ещё позанимаемся.

— Занятие окончено. Говори уже, не заставляй меня больше из-за этого нервничать.

— Ну... Я стала намного лучше высыпаться.

— Сомневаюсь, что мои зад и самомнение пострадали из-за этого.

— Ну, ещё мне очень легко двигаться. Я почти не ощущаю веса оружия в руке. Устаю намного меньше, чем раньше. И... ну...

— В чем дело? Говори, мне нужно знать всё, иначе я не смогу понять, что с тобой не так!

— У меня цикл прервался.

— Что?

— Кровь больше не идёт, вот что! Должно было начаться ещё на позапрошлой неделе.

— Эм-м-м... Но... ты же не беременная?

— Ага, от сквозняка? Конечно, нет! Ну, чего молчишь? Что со мной не так-то?

— Пока не знаю. Надо будет понаблюдать, как дальше дело пойдёт. Если что изменится — сразу говори, поняла? Ладно... пойдём, спросим у Кира, где тут помыться. А то сомневаюсь, что там, куда мы собираемся, будет такая возможность.

* * *

Вечером мы паковали вещи под пристальным надзором молчаливого и собранного Кира. Он велел сложить снаряжение так, чтобы не копаться в сумке, если что-то вдруг

понадобится. Задача оказалась не из простых, а я к тому же погрузился в размышления, навеянные недавним разговором с Линой, так что сборы проходили в тишине.

В итоге самый большой мешок получился у гнома, самый маленький — у Лины. Проверив работу, гном заявил, что перед выходом лучше выспаться, и отправил нас на второй этаж, куда раньше не пускал, а сам остался внизу на кушетке. Мы, понятное дело, отказываться не стали. На втором этаже обнаружилась одна широкая кровать, к которой мне пришлось приставить стул, чтобы поместились ноги. Лина первой плюхнулась на одеяло — видимо, её нисколько не смущала перспектива спать со мной в одной постели. Я мысленно хмыкнул и лёг рядом.

— Нехорошее у меня предчувствие, — сказала Лина ни с того ни с сего.

Я повернулся: она смотрела в потолок.

— По поводу?

— По поводу завтрашнего дня.

— Это нормально.

— Нет, не нормально. Один раз у меня уже было такое чувство. В тот день, когда папу убили.

Лина повернулась на бок, лицом ко мне, и подложила одну ладонь под щеку, а другую зажала между коленок. Она смотрела не на меня, а куда-то в сторону. Я, сохраняя небольшую дистанцию, тоже повернулся к ней и сказал как можно нейтральнее:

— Ты не рассказывала.

Она молчала, и я понимал, почему. За всё время нашего путешествия Лина ни разу не говорила о своих родителях. Когда я пытался аккуратно выспросить о них, она меняла тему. Наверное, что-то и впрямь напомнило ей о былом, раз девушка вдруг сказала об этом.

— Я знаю. Сама стараюсь об этом не думать.

— Неужели всё так плохо?

Лина бросила на меня короткий, но прямой взгляд, который был засчитан как ответ. Я даже дыхание затаил, когда спросил:

— Расскажи.

Девушка вздохнула, обежала взглядом комнату. Обращаться к тем воспоминаниям ей точно не хотелось. Честно говоря, я думал, что и на сей раз она найдёт способ избежать разговора, но ошибся.

— Мы жили на окраине Лотора, — Лина по-прежнему смотрела мимо меня. — Я и папа. В то утро я проснулась рано, но было уже светло. Помню, солнце светило прямо в глаза через открытое окно. Отец хлопотал в соседней комнате, готовил завтрак и насвистывал. Он вообще любил петь и насвистывать, — её губы дрогнули в улыбке. — И страшно фальшивил, это даже я слышала, а он сам — нет. Отшучивался, мол, медведь на ухо наступил. И много других баек рассказывал, а я во всё верила. Даже когда он хвастался, как сам себя за волосы выгацил из болота.

— Хороша выдумка, — я позволил себе улыбнуться.

— Это ещё не самая невероятная, поверь. Когда к нему друзья приходили, он таким соловьём заливался...

— А на что вы жили? В городе ведь просто так не поживёшь.

— Папа работал, — голос Лины чуть потускнел. — У Меритари. Каким-то секретарём или вроде того. Но на работу редко ходил, уж не знаю почему. Он ведь не был чародеем. Обычный человек. Поэтому я до сих пор не понимаю, что произошло в то утро, хотя помню

всё отчётливо. В дверь постучали. Папа проворчал что-то и пошёл открывать. Я подскочила и побежала к двери, чтобы тоже посмотреть на гостей. Не успела из комнаты выйти, слышу — грохот, стук, крики. Смотрю в замочную скважину: там папа дерётся с тремя верзилами сразу. У них — мечи, а у него только кинжал. Ни разу не видела у нас дома этот кинжал. Одного отец ранил, но другой рубанул ему по ноге, третий проткнул ему живот. Кто-то крикнул: «где она?».

Я перелёг поудобнее, чтобы приобнять Лину. Я прикоснулся к ней только пальцами, но и это, казалось, её немного ободрило.

— Я испугалась как никогда в жизни. Спряталась. У меня в комнате была оторвана половица — просто лежала на сваях. Только я легла под пол и положила доску на место, как дверь в комнату выбили. Я смотрела через щели в полу, поэтому видела немного, но достаточно. Головорезы вбежали, кровать перевернули, распахнули сундук с одеждой. Отца кто-то держал за локти, а одежда у него снизу вся пропиталась кровью... Я только потом поняла, что папа догадался, где я спряталась. Он сказал: «Она девочка умная, сбежала уже», — и рванулся как-то неловко, упал. Заслонил собой дыру в полу, чтобы меня никто случайно не увидел. А я, дура, лежу ни жива ни мертва, как дышать и то забыла. Те сволочи ещё какое-то время громили дом, ругались между собой, рылись везде. А потом кто-то говорит: «Этого добить. Дом сжечь».

Лина охрипла, прочистила горло, но продолжать не спешила. Я сжал её плечо покрепче, дав понять, что слушаю. Тогда она снова заговорила:

— Кто-то подошёл, и вдруг из доски рядом с моим лицом вылезло остриё меча. Я от испуга чуть душу Богам не отдала. А потом сообразила: на той доске папа лежал. Егс пробили насквозь, — голос Лины дрогнул, но она попыталась прикрыть это кашлем. — Потом остриё исчезло. Убийцы там ещё что-то орали, но я этого уже не замечала толком. Я даже не слышала, как они ушли. На меня капала папина кровь. На лицо, на одежду, везде. Места под полом было совсем немного, даже отодвинуться было толком некуда, так что я стала впадать в безумие и задыхаться. Может, так и померла бы, но папа вдруг зашевелился. Он с трудом перевернулся на живот и одним глазом заглянул в щель. От моего лица до его было не больше ладони. Папа хотел что-то сказать, но только хрипел и заливал меня кровью. А потом вдруг замер, так и не закрыв глаз. Я ещё лежала и смотрела на него, не знаю сколько. Дом уже горел, дымом потянуло. Я только когда увидела зарево на потолке, поняла, что хочу жить. Хоть как-нибудь, но жить. Начала упираться, чтобы вылезти — вот только папа был слишком тяжёлым. Помню, подумала, что так и сгорю заживо. Но потом мне всё-таки удалось поднять и сдвинуть доску. Вокруг всё полыхало, как в аду... До двери я бы уже не добралась, но окно-то было открыто.

«Да, — подумал я. — Досталось же ей».

Меня несколько не шокировал её рассказ, напротив — всё встало на свои места. Чтобы понять, что я чувствовал у Квислендского кратера, требовался схожий опыт, и у Лины он был. У неё отняли целую жизнь, светлую и беззаботную, и вышвырнули, как вшивую собачонку, в чужой враждебный мир. Только в её случае это произошло, пожалуй, даже жёстче и больнее, чем в моём.

Именно после этого её рассказа я понял: мы не могли не встретиться. А встретившись, не сможем снова разойтись, как ни в чём не бывало. Нам досталась одна и та же участь, выпали одни и те же испытания. Наши жизни состоят друг из друга, и состояли ещё до нашей встречи. Как две части единого целого, мы не встретились — мы воссоединились. И

это воссоединение показалось мне самым естественным событием из всех возможных.

— Тебя ещё искали? — спросил я.

— Не знаю. Я убежала и старалась как можно реже показываться на людях. Поначалу вообще на улицу не выходила — боялась, что убийцы появятся из-за угла. Но со временем этот страх прошёл. Стало не до него.

— А что твоя мать?

Лина помолчала.

— Я её не помню. Папа упоминал, что нас с ней разлучили, когда я была ещё очень маленькая. Я часто спрашивала, почему она не с нами, но папа улыбался и ловко уходил от ответа. Говорил только, что мама очень красивая и что она обязательно когда-нибудь вернётся, потому что нет человека, который любил бы меня сильнее. И добавлял каждый раз: «Кроме меня, конечно». А потом начинал меня щекотать.

— Ты не пыталась её найти?

— Папиными стараниями я не знаю толком, кого искать. Я сама очень смутно помню силуэт женского лица, которое приближалось ко мне и целовало, когда я была совсем соплячка. И голос — глубокий такой, ровный. Но ни черты лица, ни слова, которые она говорила, не запомнились. Да может это и не мама вовсе была. И вообще тот образ мог просто присниться.

— Может быть, она до сих пор тебя ищет.

— Надеюсь, — сказала Лина и прижалась ко мне так доверчиво, что я забыл все слова.

Так мы и лежали в тишине. Любые разговоры казались совершенно не к месту, потому что всё самое главное было уже сказано и осознано. У меня появилось ощущение, что я всё время заблуждался, а теперь вдруг прозрел, и что с этого мгновения всё изменится. Правда, не понимал, чем именно оно вызвано. Но тогда это было и не важно.

Важна была только внутренняя гармония, которая заполнила меня до макушки, и сиюминутное наслаждение блаженным покоем.

* * *

Я выспался вдосталь, а когда проснулся, услышал гулкое эхо шагов гнома — он топал и стучал за троих. Лина лежала ко мне спиной, перевернувшись во сне. Я повернул голову и уткнулся лицом в её волосы, разметавшиеся по постели. По щеке скользнули тёмные пряди, нос защекотал едва уловимый запах её тела. В груди поселился пушистый комочек, который мешал дышать, но мне это и не требовалось — я медленно вбирал в себя мгновение, стараясь закрепить его в памяти как можно полнее.

«Сейчас я встану, — подумал я с досадой, — и течение времени возобновится. Мы снарядимся, выйдем из дома и направимся в самую Бездну. А это мгновение станет прошлым и больше не повторится. И почему так всегда происходит? Хоть раз бы мировой временной поток замкнулся. Я бы с удовольствием застрял в таком «сейчас». Навечно».

К сожалению, желание остаться показалось мне тогда малодушным.

Я попытался улизнуть незаметно, но Лина проснулась, увидела меня и с улыбкой потянулась.

— Что, уже пора?

— Ещё нет. Иначе Кир бы нас поднял.

— Тогда я ещё поваляюсь, — промурлыкала девчонка и снова отвернулась, чем вызвала

мою глупую умилённую улыбку.

Оставив Лину «валиться», я спустился на первый этаж. Кир, в сотый раз проверяющий снаряжение, мельком глянул на меня и буркнул в бороду:

— Доброго утрачка.

— Тебе тоже.

На столе стоял завтрак — грибы и тушёное мясо. Не дожидаясь приглашения, я сел и принялся за еду.

— Так ты знаешь, где именно искать Оракула? — спросил я.

— Очень надеюсь, что знаю.

Помолчали.

— Давно ты его ищешь?

— Лет двадцать. С тех пор, как стал копателем.

— А другие, я так понял, в него не верят?

Гном взглянул на меня исподлобья — словно я его в чём-то упрекнул.

— Не особо, — ответил он с видимым раздражением. — Копатели — это добытчики и разведчики одновременно. Мы добываем редкие минералы с нижних ярусов и Глубин, заодно следя за силами всяческих выроdkов. И почему-то принято считать, что этим наши обязанности и ограничиваются. Многие копатели даже до Глубин не доходят — так, нахватают по мелочи и обратно. Другие залазят на Глубины, но только для того, чтобы достать какой-то более редкий и дорогой ресурс.

— И ты не относишь себя ни к тем, ни к другим, — заключил я.

— Естественно. Не то, чтобы я кого-то в чём-то упрекал, но если вдуматься, первые — хреновы трусы, а вторые — просто придурки. Никто не пытается решить проблему с тварями. Вместо этого мы только приспособливаемся, учимся с ними уживаться. А ведь как минимум до двадцать восьмого яруса мы — законные хозяева подземелий! Мы их вырубали, мы их разрабатывали! А теперь девятый — наш предел. Кое-где даже до седьмого отступили.

— И что, тебя одного это беспокоит?

— Отчего же, — гном присел на стул и взялся полировать один из топоров. — Всех беспокоит. Все хватаются за бороды и думают, что же делать. Но никто особо не чешется, потому что старейшины не видят всей картины в целом. Они считают, что укрепления защитят нас от любой напасти.

— Видимо, это не так.

— Да ты сам чёртов провидец, — съязвил Кир. — Конечно, не так. Я в первом же своём спуске такого насмотрелся, что по возвращении первым делом побежал в Совет. Говорю — страх и ужас, уважаемые. Надо что-то делать. Они мне — ну, предлагай. «Давайте найдём Оракула», говорю. Отвечают — не видел его никто, может, и нет его вовсе. Зачем искать то, чего нет? Я — а если есть? Препирался с ними битый час.

— И что в итоге?

— В итоге сказали: найдёшь доказательства существования Оракула — приходи, подумаем, что можно сделать. А до того времени зря рисковать не будем. Я плюнул на всё и решил сделать всё сам. Убедил четверых копателей в необходимости поисков, и отправились мы на экспедицию.

Кир замолчал, словно это был конец истории. Только точильный камень ходил вдоль лезвия топора: чирк, чирк, чирк.

— И как? — не выдержал я.

— И вернулся я один из неё, — уронил гном. — Остальные полегли. Зато успели набрести на цветные залы — тут-то я и ухватился за соломинку. Всем про них рассказал. Удалось набрать народу ещё на один поисковой спуск. Прошли первый зал, а во втором половина полегла. Магия там оказалась ещё суровее, чем в первом. Посоветались, решили вернуться. Мол, без чародея там делать нечего, — Кир сплюнул. — Так где его тут взять-то, чародея, коли сами их не пускаем! Вот с тех пор и не было больше туда экспедиций. Больших. Маленькие я нет-нет да водил.

— Судя по всему, не успешно.

— Залы мы так и не смогли пройти. Дорогу к ним я уже на зубок знаю, да толку нет. Кто бы их ни построил, толк в извращениях он знал.

Кир насупился и молча взялся за другой топор. Чирк, чирк, вжик.

Я понаблюдал за ним какое-то время, прикидывая, стоит ли озвучивать мысль, пришедшую мне в голову. Она была настолько очевидной, что для гнома могла прозвучать бредово. Но он сам велел задавать все вопросы до того, как мы окажемся за укреплениями.

— Ты уверен, что Оракул и впрямь решит все ваши проблемы? — зашёл я издалека.

— Я уверен, что сами по себе они точно не решатся. Есть у проблем такое хреновое свойство, — гном сверкнул глазом в мою сторону. — Я понял, о чём ты. Пытаешься понять, свихнулся я или нет.

— Не совсем.

— Лукавишь. Ничего, я тебе сейчас дам расклад, — гном отложил топор и облокотился на колени, сцепив руки в замок. — Двадцать лет назад я понял, что в войне против тварей Глубин у моего народа нет шансов. Нас выдавят из Тингар, рано или поздно. И никто нам не поможет кроме нас самих. Даже легион чародеев ничего не сможет сделать с полчищами химер и отродий, которые без конца лезут с глубинных ярусов. Единственное, что нас спасёт — это чудо. Улавливаешь нить моих рассуждений?

Я кивнул.

— Значит, пока моя башка рассуждает здраво? Слушай дальше. Легенда об Оракуле родилась вскоре после того, как гномы открыли Глубины. Я решил, что это неспроста и начал в этом копать. Истоков легенды найти, конечно, не удалось, но вот в чём странность: рассказывают её почти одинаково. Вплоть до повторения слово в слово. Её знают все, если ты неправильно расскажешь легенду, тебя поправят. А ведь ей уже не одна сотня лет. Странно?

— Странно.

— Легенда об Оракуле слишком детальна и живуча, чтобы быть просто легендой. Возможно, у неё есть продолжение, которое старательно замалчивается. И вот к чему я всё это говорю: если есть хоть какой-то шанс, что легенда окажется правдой, я пойду за ней хоть в самую Бездну. Пойду даже дальше, если это вообще возможно. Просто больше нам надеяться не на что, понимаешь?

— А если Оракула нет? — спросил я, внимательно наблюдая за реакцией Кира. — Если ты ищешь то, чего нельзя найти? Как ты поймёшь, что пора остановиться?

— Когда мне голову откусят, вот как, — с горящими глазами выдавил сквозь зубы гном. — Если я перестану искать, останется только ждать смерти. В походах, которые я организовал, погибло семнадцать копателей, — Кир даже скрипнул зубами. — Семнадцать! У меня кончились друзья. Они все либо остались на растерзание тварям, либо отвернулись. Как, думаешь, я себя чувствую, а? Мне никто больше не верит. Говорят, я свихнулся — да!

Чёрт возьми, так и есть! Если искать выход из безвыходной ситуации — это безумие, то я точно обезумел. И я уж скорее подохну где-нибудь там, на глубине, чем откажусь от попыток избавить свой народ от угрозы вымирания.

Кир засопел, буравя меня взглядом. Наверное, искал недоверие, опаску, сочувствие — всё, что привык видеть на лицах сородичей. Но на сей раз ничего такого не нашёл.

— Я верю тебе, — сказал я. — И считаю, что твоя целеустремлённость достойна уважения.

Я не солгал. Может, Кир и перегибал палку, но я понимал его чувства. Просто он принял угрозу из Глубин близко к сердцу. Намного ближе, чем остальные. Он попытался объяснить свои опасения собратьям, но сделал только хуже. Раз за разом гномы шли за ним и гибли — до тех пор, пока он не остался один. Этим Кир и загнал себя в ловушку: у него появилась ещё одна веская причина доказать, что Оракул существует. В противном случае пришлось бы признать, что он без веской причины свёл в могилу семнадцать товарищей.

Но всё это было не важно. Главное, что у каждого есть своя война, и я понял, какую именно войну вёл Кир. Он сражался против целого мира, почти безуспешно, в одиночку, но вовсе не собирался сдаваться. Это противостояние поведало о нём больше, чем могли рассказать все, кто его знал.

Копатель остыл в считанные секунды. Я ожидал от него проявлений радости или, на худой конец, недоверия, но гном вместо этого лишь в задумчивости хрустнул суставами на пальцах и сказал со вздохом:

— Тогда ты тоже свихнулся, парень.

— Может быть, — я упрямо выгнул шею. — Но я тоже верю, что иду на Глубины не зря. Вероятно, там — единственное место, где я смогу найти ответы на свои вопросы. А без ответов этих мне не будет покоя.

Ответом мне был лишь мрачный кивок. У Кира явно было что возразить, но он не стал. Из солидарности.

«Мастер Крорри оказался прав, — подумал я, довольный таким исходом. — С этим копателем мы быстро нашли общий язык».

— Иди, поднимай свою девчонку, — сказал гном, доставая из-под стула сапоги. — Нам пора выдвигаться. Хотя если она тебе дорога, оставил бы ты её лучше тут.

Я усмехнулся, подумав, что это шутка. Как выяснилось позже, Кир несколько не шутил — он по-дружески советовал. Просто он тогда тоже понял, что за войну веду я, а потому знал, к чему всё сведётся. У него был опыт в таких вещах.

И лучше бы я тогда последовал его совету.

* * *

Через пару часов мы вышли к укреплениям. Кир на ходу в последний раз проверил как сидят рюкзаки, не мешают ли они оружию, и попутно напоминал основные правила.

— Идем колонной: я впереди, девчонка в середине, чародей — замыкающий. Парень, если не хочешь внезапно «отстать», очень советую отрастить глаза на затылке. Прислушиваемся к любому необычному шуму. Говорим вполголоса, ещё лучше — помалкиваем, чтобы без надобности воздух не сотрясать. Если вы что-то почуяли, сначала говорите мне, а потом начинаете действовать. Не везде, конечно... Но я уверен, что вы сами догадаетесь, в каких местах нужно так делать. Снаряжение не теряем, оно для нас как

воздух. Факелы зазря не жжём. Солнечные кристаллы не теряем. Если начинает гаснуть — говорите мне, я знаю, как их подпитать. Понятно?

— Я могу светить магией, — сказал я.

— И я тоже, — вставила Лина.

— Кхм... Это славно, но магию тоже лучше применять только в случае крайней необходимости. Так будет спокойнее.

Мы подошли к воротам. Створки медленно, будто нехотя, открылись, лениво поднялась решётка. Молчаливые стражи стояли справа и слева, провожая нас взглядами. Одни смотрели дружелюбно. Другие — не очень, особенно на Кира. Но все молчали, даже когда за нами закрывались ворота. Даже когда мы скрылись за поворотом, никто не произнёс ни слова.

— Прохладно же вас провожают, — удивлённо заметила Лина.

— Это примета, — пояснил Кир. — В нашей профессии всё решает случай. И чтобы не привлечь к копателю хреновый случай, все соблюдают приметы. Например, нельзя желать ничего напоследок идущему вниз.

— А смотрели-то! Будто мы им денег должны.

— Это уже к приметам отношения не имеет.

К чему именно имеет отношение недружелюбие стражи, гном пояснять не стал.

Мы углубились в переплетение коридоров. Грубые низкие переходы чередовались с просторными галереями, которые в свою очередь соединяли собой внушительные залы. Кир вёл нас в обход открытых мест, поэтому о величине чертогов я не мог судить: света было маловато. Всё, что я видел — заброшенные тоннели, где-то почти не тронутые, где-то, напротив, пострадавшие; множество помещений явно бросили намного раньше окончания строительства.

— А почему здесь не построить укрепления? — спросил я, заглядывая в очередное ответвление коридора. — На вид тут ни души.

— Во-первых, это только на вид, — гном обернулся на ходу. — А во-вторых, тут середина сектора. Девятый ярус высотой около ста сажений, в нём пять-шесть часто соединённых этажей. Площадь сектора меньше восьми квадратных лиг вообще не бывает. Понятно, к чему веду? Нет? К тому, что внутри сектора бесполезно строить укрепления. Здесь чёртова пропасть параллельных переходов, чтобы все их защитить, целая армия нужна. А на границах секторов всего по два перехода с каждой стороны. Их перекрыть намного проще.

— Это сколько же мы по времени будем ходить? — подала голос Лина, видимо, прикинув расстояние.

— Недели три, не меньше. Вернее будет — месяц. Но что-то ты рановато задумалась о возвращении, сударыня.

Лина не стала отвечать на колкость, за что я её мысленно похвалил.

Кир был вовсе не в восторге от того, что ему на загривок посадили беспомощную девчонку, которую ему теперь пришлось оберегать, но вслух он об этом больше не говорил. Да и не надо было: его отношение к «балласту» сквозило наружу и без слов. Лина, уловив обращённую к ней неприязнь, в свою очередь тоже стала надменной до нахальности. Она всем своим видом показывала, что плевать хотела на мнение гнома о себе, хоть в бутылку и не лезла. К счастью, моим спутникам хватало сообразительности не устраивать скандал на ровном месте. Меня это радовало, потому что в их перепалке крайним всё равно оказался бы

я.

Чем дальше мы шли, тем острее чувствовался дух подземелий. Заселённые сектора мало отличались от того, что окружало нас теперь — вот только там кипела жизнь, а здесь всё было мертво. Брошенные инструменты и оружие, полуистлевшая утварь, безымянные останки, лежащие в тёмных углах — эти коридоры пахли смертью. Словно мир вымер, а в его пустой оболочке поселилась вечная тишина, укутанная мраком. Я живо представил, что такая же участь постигла весь Нирион, и понял, о чём именно говорил Кир. Копатель, конечно, хотел отвоевать потерянные гномами ярусы, но двигало им не это. Им двигал страх однажды прийти в свой дом и обнаружить его таким. Разорённым. Мёртвым.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

По словам Кира наш путь лежал на тридцатые ярусы, которые находились почти в двух лигах под поверхностью. Он уверял, что дальше подземелья будут намного оживлённее, а на Глубинах мы вовсе начнём скучать по мраку и пустоте здешних секторов. С ним никто не спорил, но лично мне трудно было поверить, что кто-то кроме гномов может скучать по таким местам.

Я шагал последним, а потому не заметил, когда именно Кир одел шлем со змеиными глазами, но его вид на время сбил меня с толку. Ощущение было такое, будто я не только видел этот шлем раньше, но и видел его именно здесь, в тёмном коридоре, едва освещаемом кристаллом Кира. Наваждение быстро сгинуло, поэтому я так и не успел понять, откуда взялось такое абсурдное чувство. «Наверное, это здешний воздух так влияет», — подумал я и махнул на странность рукой.

Вскоре пришло время спуститься на десятый ярус. Несколько раз я замечал площадки с противовесами, так называемые лифты, которыми гномы активно пользовались в жилых секторах, но Кир сказал, цитирую: «Костей после них не соберёшь», так что пришлось топтать по обычной лестнице. Столько ступенек за раз я никогда прежде не видел, и уж тем более не проходил. Их получилось не меньше тысячи, а на спуск ушло около получаса. Под конец мы с Линой уже начали основательно путаться в собственных ногах.

В самом низу Кир остановился и поднёс факел к стене, смотря при этом куда-то в сторону. Я посмотрел туда же и не увидел ничего, кроме стены и висящей на ней таблички с руной «10». Вниз уходила ещё одна лестница, низ которой терялся в темноте. Но копатель явно видел больше.

— Плохие новости, — сказал он. — Похоже, придётся делать крюк. Тут недавно поработали наши сапёры. Быстрее будет дойти до другой лестницы, чем обходить все ловушки.

— Дай хоть отдышаться, — попросил я, упираясь руками в гудящие с непривычки ноги. — Мы ещё от этой лестницы не отошли.

Копатель оглянулся на меня с искренним недоумением.

— Э, парень, это ведь был спуск, а не подъём! Да и лестница не самая длинная, чёрт тебя дер! Как дальше-то будешь жить?

Я счёл за лучшее не отвечать, но и разгибаться не спешил. Кир закатил глаза, снял с себя мешок и сел, привалившись к стене. Мы с Линой последовали его примеру.

На некоторое время среди нас воцарилось молчание. В кромешной тишине мне удалось расслышать еле слышный звук: не то гул, не то монотонное шуршание — но я не был уверен, что мне не мерещится. Тем более, что никто кроме меня на него не реагировал.

— А что такое чёрт? — подала голос девчонка, запустив руку в мешок. — Я слышала,

словечко не просто так появилось. У вас, гномов, вроде бы даже сказка есть про него.

— Не сказка это, — сказал Кир мрачно. — Чёрт такой же реальный, как мы с вами. Он живёт под поверхностью и властвует здесь.

— То есть?

— Он везде. Видит и слышит всё. А славен он тем, что творит свою чертовщину абсолютно случайным образом. Хорошего от него можно ожидать ровно столько, сколько плохого. Если ты встретишься в каком-нибудь тоннеле с выродком, то потолок может обвалиться как на твою голову, так и на его. Ни с того ни с сего, просто взять и рухнуть. А может и не рухнуть. Может, твой надёжный топор сломается от самого слабого удара, а может, выродок, погнавшись за тобой, споткнётся на ровном месте и расшибёт себе башку. А может и не споткнуться.

— Иными словами, чёртом вы называете случайности? — решил прояснить я.

Гном посмотрел на меня, как на глупого.

— Ты чем слушал? Это не случайности. Случайность — это когда ты заходишь в зал, а там в уголке спит неприметный, но очень голодный тролль. Или когда спиношип стреляет по тебе своими иглами, а тебе удаётся унести ноги, не заработав лишних отверстий в заднице. Это вполне может быть, понял? Если бывает — случайность. А вот когда ты упираешься в тупик, а другой копатель после тебя проходит по тому же коридору и рассказывает, что не было там обрушения — это чертовщина. Ты уж мне поверь. У нас с чёртом особые отношения.

Мы с Линой, не сговариваясь, повернулись к гному и уставились на него с известной долей удивления. Тот понял, что выразился нехорошо и поспешил исправить положение:

— Часто со мной чертовщина случается, понятно? Хорошая, плохая — разная. Но так уж сложилось, что даже если чертовщина хорошая, то ничего хорошего в этом нет. Любой гном предпочёл бы обойтись вообще без неё. Уж лучше нелепые случайности. Есть у нас несколько историй про копателей, которых чёрт побрал. Это, возможно, как раз сказки, но больно они жуткие.

— Про тебя говорили, что ты везучий, как сам чёрт.

— Кто?

— Мастер Крорри.

— Это не положительная оценка, дружище. Совсем не положительная.

— Так значит это дух какой-то? — предположила Лина. — Или тварь особенная?

— Вот уж вряд ли. Уж насколько богатый тут выбор тварей, их всех хотя бы увидеть можно. А чёрта — фигушки. Многие говорят, что видели, да только ни один ещё с другим в деталях не сошёлся. Один видел светящегося пса размером с телёнка, второй — слепую старуху, третий — густую дымку, четвёртый вообще рассказывал про двуногую тварь с рогами и копытами. Очевидцев — толпа, да у каждого своя история. Зато про серебро все говорят одно и то же.

— Про серебро? — оживился я.

— Да, чёртово серебро, — нехотя сказал Кир. — Иногда после того, как с тобой случится чертовщина, ты находишь горстку серебряных самородков. Хоть прямо на дороге, хоть в колодезном ведре. Серебро мутноватое даже после очистки, но отлично сочетается с железом. Получается очень прочный и износостойкий сплав, из которого мы делаем особую сталь.

— Не живую ли, часом? — спросил я, дотронувшись до ножен за спиной.

— Это вы называете её живой, а мы говорим — чёртова сталь.

— Как-то двусмысленно получается, — хмыкнула Лина.

Кир только пожал плечами. Меня так и подмывало спросить, как именно готовится эта чёртова сталь, но я точно знал, что копатель не ответит. Я уже достаточно разобрался в его характере, чтобы в этом не сомневаться. Даже если бы мы были закадычными друзьями (а мы ими не являлись), Кир бы не выдал тайну своего народа. Просто потому что я — не гном.

Переведя дух, мы направились дальше — к другой лестнице на одиннадцатый ярус. Шли долго, по длинной ломаной, прислушиваясь к эху своих шагов. Лишь однажды из полной тишины вырвался отдалённый монотонный стук, но уже через несколько поворотов он затих. В одном небольшом зале мы обнаружили утыканную болтами кучу глины и камня — убитого и распавшегося на составляющие тролля. Рядом лежали два гномьих скелета и пустой панцирь неприлично длинной — в полсажени — сколопендры. Лина посмотрела на останки твари с таким отвращением, что копатель не удержался и вставил: «эти любят за шиворот заползать», за что удостоился испепеляющего взгляда и едкого ответа: «у меня оно хоть в бороде не запутается».

После этого обмена любезностями разговор снова умер и не возобновился, пока мы не спустились сначала на одиннадцатый, а потом и на двенадцатый ярус. Дойдя до конца последнего пролёта, гном остановился и задумчиво проговорил:

— Что-то тихо сегодня. Три яруса прошли, а до сих пор всё тихо...

— Это ведь хорошо, да? — спросил я, переводя дыхание.

Надо сказать, к тому времени я уже основательно устал, но всё ещё старался не подавать виду.

— Хорошо-то хорошо... Ладно, дойдём сегодня до пятнадцатого, там привал на сон. Потом несколько дней пути по пятнадцатому. На нём безопаснее, чем на более глубоких ярусах, а нужные нам Врата находятся очень далеко. Лучше дойти до нужного места и спускаться вертикально. На двадцать пятый. Нет, даже на двадцать седьмой. Там посмотрим по обстоятельствам.

Почти так мы и поступили. До конца «дня» добирались до лестницы на пятнадцатый ярус. Услышали подозрительный шум и обошли его источник за тридевять земель. Перепрыгнули через обрушенную секцию лестницы, причём мне, как самому высокому, пришлось ловить обоих своих спутников. На четвереньках проползли по узкому лазу, соединяющему два сектора. По одному преодолели тёмный бездонный разлом, над которым висел непонятно на чём подвижный металлический мостик.

Поначалу мы с Линой смотрели по сторонам во все глаза. По мере накопления усталости интерес к невиданным пейзажам угасал, и мы перестали витать в облаках, как бы парадоксально это ни звучало. А ещё чуть позже наши перипетии настолько меня вымотали, что всё внимание уходило на то, чтобы не шаркать ногами.

Темп Кир держал не слабый. Его, по всей видимости, несколько не смущало, что с ним идут люди, которые не обладают природной выносливостью гномов. Признаться, я даже подумал, что он над нами измывается, но посмотрел на Лину и засомневался. По всем правилам она первой должна была запросить пощады, однако этого почему-то не происходило. Девчонка шагала вперёд и даже не заикалась об отдыхе, а её молчание, разумеется, очень сильно било по моему самолюбию. Начинать ныть первым совсем не хотелось.

К счастью, мы достигли конечной точки раньше, чем у меня подкосились ноги, потому

что такого позора я бы себе не простил. Едва мы увидели заветную табличку с руной «15», самая высокая треть нашего отряда попросту повалилась на пол, а самая красивая с явным облегчением сбросила с себя торбу. Последняя треть, самая низкорослая и бородатая, с удивлением обернулась и спросила:

— Что, уже?

— Да, Кир, уже, — сказал я, ложась прямо на камень. — Сколько мы уже идём?

— Да часов восемь всего.

— Сколько? — усомнилась Лина.

— Ну, может, десять. Ладно, двенадцать. Вы вроде моложе меня лет на семьдесят-восемьдесят, а уже разваливаетесь на части?

— Ты же сам говорил, что привал на пятнадцатом!

— Да, но не сказал, что прямо на лестнице! Вы знаете, что нам в общей сложности нужно пройти больше ста лиг? Это не считая всех обходов и облазов. Не хотите, что ли, вернуться пораньше?

— Мы сейчас десять минуточек полежим и встанем, — соврал я, закрыв глаза. — Мы только чуть-чуть полежим, честно. А потом ещё столько же пройдем.

Гном какое-то время зло сопел, потом достал фляжку с водой, вытряхнул в себя остатки и уже спокойнее сказал:

— Тогда так. Сейчас вы пересилите свою лень, оторвете ваши рыхлые тела от пола и донесёте их до ближайшего колодца. Надо пополнить запасы воды. Только не нойте раньше времени, здесь недалеко.

Мы послушались. В основном потому, что выслушивать ругань обзлётного гнома никому не хотелось. Тот, видя, что мы молча покоряемся его воле, и вовсе подобрел, а чуть погода пустился в объяснения:

— Мы хорошо идём. За целые полдня ни одного происшествия. Такой удачей надо пользоваться, а не спать ложиться... Ну да что поделаешь, раз вы такие тряпошные. Один же не пойду. Вы ведь даже отсюда дорогу назад не вспомните.

— Ты сам-то как не блуждаешь? — спросила Лина с завистью. — Только не говори, что дорогу наизусть помнишь, всё равно не поверю!

— Частично помню. А остальное — тайные знаки на стенах. Какие — не спрашивайте. Если расскажу, тайными они уже не будут, — отрезал гном и замолчал.

С полчаса мы шли до ближайшего колодца. В его ворот были врезаны шестерни, на которых висели цепи, а к тем в свою очередь крепились многочисленные ковши. Видимо, механизмом давно не пользовались, поэтому Киру пришлось долго крутить ворот, прежде чем до нас доехал целый ковш, наполненный водой. Остальные либо прогнили, либо вовсе отломались.

Так закончились первые сутки нашего спуска. Мы набрали воды, несколько солоноватой, но всё же пригодной для питья, и с удовольствием разлеглись вокруг колодца. Я мысленно готовился к ещё одной неделе в таком режиме, а потом к двум неделям подъёма, который ещё сложнее. Я очень надеялся, что к тому времени войду в ритм и не умру, восходя по одной из бесчисленных лестниц. Многократные спуски копателей теперь виделись мне чем-то сродни подвигу, хотя бы из-за этих треклятых ступенек.

Но оказалось, что переживать не стоило. Штурмовать подъём мне было не суждено.

* * *

Неприятности начались с самого пробуждения.

Я проснулся от тычка в бок и, открыв глаза, увидел Кира, приложившего палец к губам. Дошло до меня сразу. Без лишних вопросов я тихонько поднялся и разбудил Лину тем же способом, каким разбудили меня. Ей тоже не потребовалось дополнительных объяснений. Остатки сна слетели с нас мгновенно.

Причина столь странных приветствий заключалась в странных звуках, доносящихся из смежного коридора. Там кряхтели, хрипели и чуть слышно порывивали.

Кир на цыпочках подкрался к своему мешку и, взвалив его на спину, направился в противоположную от странных звуков сторону. Мы как тени повторяли за ним каждое движение, хотя теней-то было и не видно: копатель завернул кристалл в тряпицу, которая почти не пропускала свет. В такой темноте стало заметно, что глаза змеи на шлеме Кира горят очень тусклым зелёным огнём — и взгляд их сразу же обрёл жизнь.

Отойдя чуть подалее, гном прошептал:

— Целая толпа шушеры. Нам лучше убраться.

Наша компания покинула комнату, прошла двадцать саженей по прямой и свернула в грубый низкий тоннель, где я начал цепляться головой о потолок. Мы крались, а сзади всё громче копошились неизвестные существа. Их перекрикивания походили на переговоры, но я воспринимал любой язык, нагруженный смыслом, а из их хрипа не мог вычленить ни слова. Вряд ли эти твари были умнее самой глупой из обезьян.

Кир обернулся, бросил взгляд за наши спины и с досадой прошипел:

— Идут прямо к колодцу. Скоро почуют. У-у-у, гады!

Он как в воду глядел. Сзади до нас донеслось встревоженное фырканье, которое постепенно переросло отдельные вскрики. Через несколько мгновений орали уже без остановки, а по тоннелям покотился гул от топота нескольких десятков ног.

— Всё, бежим, быстрее, быстрее! — уже в голос крикнул гном.

Кристалл вынырнул из ткани и хлестнул по глазам непривычно ярким светом. Мы побежали.

Копатель нёсся впереди с удивительным для своей комплекции проворством, то и дело сворачивая в ответвления коридоров. Лина поспевала за ним без труда, мне приходилось хуже: я бежал почти в присядку, чтобы с разбегу не оставить полчерепа на низкой перекладине.

На очередном перекрёстке Кир швырнул что-то светящееся в правый проход, а сам нырнул в левый. Поворачивая вслед за ним, я увидел в пустом коридоре чадящий факел, и тут же почувал запах — едкий настолько, что глаза заслезились. Такая вонь способна была не то, что сбить со следа, она сбивала с ног.

Тут, казалось бы, мы обманули преследователей, но, как я уже сказал, удача повернулась к нам боком.

Кир немного оторвался от нас и скрылся за поворотом на пару секунд раньше. Но когда к тому же углу подбежала Лина, она столкнулась с выполняющим разворот гномом; девушка тут же выбросила руку в проход с криком: «Ardo!». За углом ярко полыхнуло, раздался сдавленный вопль, и тут же все звуки перекрыл рык нескольких десятков глоток новых тварей — они оказались совсем рядом.

Мы устремились в последний свободный проход. Я бежал последним, поэтому отчётливо видел безобразные хари гоблинов, мелькающие позади. Выродков набралось уже

несколько десятков, и они вовсе не собирались отставать.

Потолки вдруг стали выше; мы вбежали в квадратный зал с огромной вертикальной шахтой посередине, и едва её не сверзились. Кир рванул с пояса какую-то склянку и, пропустив нас вперёд, с размаху расхлестал её прямо на выходе из коридора. Мы побежали дальше, но в общем гвалте погони я отчётливо различил долгий крик летящего по трубе выродка, потом ещё один, и ещё. Кир, снова оказавшийся впереди, только довольно крикнул на ходу.

Повороты мелькали один за другим. Я с трудом понимал, куда бегу, целиком полагаясь на Кира. Гоблины не отставали: они явно были привычны к таким погоням и прекрасно ориентировались в темноте. Гном ещё несколько раз попытался избавиться от преследователей, но его уловки помогли лишь немного увеличить отрыв. Он периодически бросал факелы нам под ноги и в ответвления, пока те не кончились: мы вбежали в длинный коридор, поворачивающий то направо, то налево. Такими тоннелями обычно соединялись отдельные сектора.

И вдруг мы остановились. Я врезался в Лину, та в Кира, а гном в свою очередь выдал такую витиеватую ругань на родном языке, что мне захотелось её записать.

Коридор закончился обвалом.

Мы что было сил бросились обратно, но успели пробежать совсем немного, прежде чем столкнуться с гоблинами. Теперь я бежал первым, поэтому именно я убил первых двоих. Те успели значительно оторваться от своих сородичей, но остальные уже набегали. Они уже перекрыли последний выход из коридора, так что у меня не оставалось иного выбора, кроме как атаковать их.

Боец внутри меня сработал быстрее тактика. Соткав привычное плетение, я напоил его энергией, и в толпу выродков полетел бешено вращающийся огнешар.

— Придурок! — последнее, что я услышал перед взрывом.

Огнешар в клочья разнёс ближайших гоблинов, во все стороны шрапнелью полетели каменные осколки, а секунду спустя потолок тоннеля посыпался каменными глыбами прямо в проход. Меня, полуоглохшего и полуослепшего, рванули за шиворот и уже лежащего поволокли по полу; мир трещал и грохотал, большие куски породы валились едва мне не на ноги. Я, душимый собственным воротником, попытался высвободиться, но не успел — уже через несколько мгновений всё вокруг резко померкло.

* * *

Когда я пришёл в себя, всё уже стихло. Под головой лежал мешок, а рядом сидела Лина, обеспокоенно заглядывающая мне в глаза. Моя рука сама потянулась к голове и нащупала рядом с темечком здоровенную шишку. Кроме того жутко горело лицо, но только с одной стороны, будто мне вlepила пощёчину печная плита.

— Живой? — прошептала ученица.

— Вроде бы, — так же тихо ответил я. — А почему шёпотом?

Она молча кивнула куда-то в сторону. Я, всё ещё плохо соображая, поднялся и в указанном направлении увидел Кира. Тот сидел на полу, почти скрытый темнотой, и обеими руками держался за голову.

Способность ясно мыслить возвращалась ко мне неторопливо. Последние воспоминания одно за другим словно выныривали из кровавого тумана. Прежде чем я

окончательно вспомнил, что случилось, прошло несколько минут.

Я встал, поднял солнечный кристалл и поднёс его ближе к завалу. Тот выглядел крайне внушительно.

— А, очнулся, герой? — раздалось сзади.

Я вздохнул и обернулся. Кир смотрел на меня волком.

— Я просил тебя подрывать тоннель? М? Я говорил, чтоб ты не пускал в ход магию? Говорил. Да чтоб тебя тролль поймел, бестолочь! Ну неужели трудно было догадаться, что если с той стороны обвал, то и с этой он может случиться?

Он замолчал, словно ожидал ответов на все свои риторические вопросы. Я знал, стоило мне только открыть рот и сказать слово в свою защиту, он от моих аргументов камня на камне не оставит. Что, кстати, совсем не удивительно. Разве не я запер нас в каменном зигзаге примерно в трёх вёрстах под поверхностью?

— Это ты меня так? — спросил я, указывая на пылающую щёку.

— Нет, парень, не я, — гном сплюнул. — Это высшая справедливость. Скажи спасибо, что она хребет тебе не переломала. Хотя стоило бы! Есть за что.

Он встал, подошёл к завалу и задумчиво уставился на него, полностью игнорируя моё присутствие. Я ожидал продолжения тирады и даже хотел, чтобы меня отчитали, но Кир не проронил больше не слова. Не стал тратить на меня драгоценное время.

Я бросил ему под ноги кристалл, зажёл люмик и молча направился в противоположный конец коридора. Дошёл до второго тупика. Убедился в том, что Кир злился не зря. Выхода не было. Не было даже намёка на выход. Стены, пол, потолок и два завала по краям — вот и вся панорама.

— Дерьмо, — сказал я в пустоту. — Дерьмовое дерьмо.

Возвращаясь, я услышал, как Кир обрисовывает Лине наши перспективы:

— ... а если завал перекрыл доступ воздуха, то голодная смерть нам и вовсе не грозит. Задохнёмся за пару дней. Завалы не разобрать. На этом участке они только расширятся, если мы попытаемся их разгрести. Так что думайте, как хотите умереть. Есть два варианта: от жажды или от нового обрушения.

— Хочешь сказать, вот так всё закончится? — прервал я его. — Через сутки после начала спуска?

Кир поднял на меня усталый взгляд, полный сожаления. Правда, это было не то сожаление, которое проявляют по отношению к ближнему. Скорее уж он жалел, что взял нас с собой.

— Глупо получилось, да? — лениво съязвил он. — Ты же не нашёл выход?

— Нет.

— Ну так и не спрашивай тогда ерунды.

— И никаких идей?

— Есть у меня идея, — сказал Кир с задумчивым видом. — Залепить тебе говорильню смолой для факелов. Задолбал ты меня, чародей. Напортачил — не мешай думать.

Я прошёл мимо него и сел рядом с Линой. На язык просились ещё не придуманные слова, хоть я и понимал, что вымученный разговор вряд ли меня реабилитирует. Следовало что-то спросить, но что? На ум приходили только банальные вопросы, ответов на которые я к тому же боялся. Нетрудно было представить, что она чувствует — совсем не то, что я надеялся услышать. Мне хотелось, чтобы Лина меня простила. Хотя сам себя я бы не простил.

Она вяло повернула голову и спросила:

— Как голова?

— Трещит, — не стал врать я. — Но это меньшая из моих проблем.

Лина долго посмотрела на меня, словно пытаюсь проникнуть в мои мысли.

— Совесть?

Я вздохнул.

— Если что, я тебя не виню, — сказала она, не дождавшись ответа. — Вряд ли можно винить тебя за то, чего ты не мог знать.

— Кир считает иначе, — сказал я, натянув улыбку.

— Ну вот у него и проси прощения. Я этой ерунды слышать не хочу.

Я непроизвольно сжал челюсти. Оказалось, прощение даже хуже злобы и отчаяния. Лучше бы она наорала на меня. Лучше бы выцарапала мне глаза. Даже ослеплённый я, наверное, чувствовал бы себя лучше.

— Мне надо тебе кое-что рассказать, — сказал я, сам не понимая, зачем. — Уже давно пора.

Вопросительный взгляд.

— Помнишь, мы проезжали мимо Волчьей Чащи?

И я наконец-то рассказал ей о том, что тяготило меня много недель. О том, как Лину выманил из лагеря некрот, о том, как я шёл по её следам и как убил мутанта. Рассказал про древнее заклинание и про пятно на ауре девушки, которое появилось после того случая. Лина слушала с некоторым удивлением, иногда задавала уточняющие вопросы, но и теперь в её взгляде не было недовольства.

Я думал, что мне полегчает, если я всё расскажу. Но когда я закончил, спокойствие Лины повергло меня в полную растерянность. Как будто всё сказанное было не о ней.

— Значит, это с тех пор во мне начались... изменения, — девчонка кивнула сама себе. — Ясненько.

— Ясненько? — опешил я. — И всё?

— Я знала, что что-то случилось, — Лина замялась. — Мне снилось.

— Что снилось?

— Несколько раз одно и то же. Я тонула в чёрной воде. Точнее даже не тонула, а... исчезала в ней. Как будто под поверхностью этой воды ничего не было, — девчонка замолчала, задумавшись.

— ...И? — не выдержал я.

— Я просто тонула, а потом слышала твой голос. Ты говорил с кем-то. Ты почти кричал, но я ни слова не помню...

«Наверное, отложились моя беседа с некротом», — мимоходом подумал я.

— ... а потом в меня попала стрела.

— Стрела?

— Серебряная. Она появилась из ниоткуда и попала в меня, но не воткнулась, а как будто прошла насквозь. Исчезла где-то в моей груди. После этого я всегда просыпалась. Эти сны начались как раз в тот день.

— А почему раньше не сказала?

— А что бы изменилось?

— И то верно, — я пожал плечами.

Лина помолчала, глядя на меня, и сказала:

— Ты же вытащил меня. Защитил. Я тебя благодарить должна, а не обвинять.

Понятия не имею, как девчонка поняла, что я думал именно об этом. Может, у меня всё на лице было написано, а может она просто угадала. Но угадала лучше некуда. Я вдруг перестал на себя злиться, хотя до этого мгновения даже не знал, что злюсь.

— Наверное, так и есть, — я вытянул руку и приобнял девушку за плечи. — Но благодарить не надо. Я этой ерунды слышать не хочу.

«Особенно если учесть, где мы сейчас находимся» — добавил я про себя.

Как ни крути, а именно мои действия привели нас в тот запертый коридор. Виноват я или нет. Сидя там, в темноте, я отчётливо понимал это. Можно было корить себя или, наоборот, искать оправдания, в итоге мы оказались в тупике.

У меня перед глазами застыла сцена, которую до отвращения детально проработало воспалённое воображение.

Отряд копателей разбирает завал у себя на пути и обнаруживает за ним три набора останков: гнома, высокого мужчины и девушки. Никто из погибших не был виноват, но выжить им это не помогло.

Ведь убивает, конечно, не вина.

Глава 7. За Грань

Я знал, что сплю, но легче от этого не становилось. Коридор без входа и выхода никуда не делся, зато исчезли мои спутники. Я остался один внутри каменной коробки. Где-то неподалёку капала вода, но пол оставался сухим. Вокруг не было ни одного источника света, но я всё равно видел стены своей тюрьмы. Темнота просвечивала, словно ткань.

Из стены напротив меня вышагнуло Отражение. Оно посмотрело на меня сверху вниз, уперев руки в бока, и спросило:

— И чего мы тут сидим?

Странно, но я ему даже немного обрадовался.

— А где мне ещё сидеть? — я пожал плечами. — Разве что возле другого тупика.

Холод подземелья заставил меня поёжиться.

— Что, приятель, получил? — понимающе ухмыляясь, двойник присел рядом со мной. — Говорил я тебе? Предупреждал — попадёшь? Почему не слушал?

— Отстань. И без тебя тошно.

— А то как же.

Двойник начал водить пальцем в воздухе, и вслед за его движениями на противоположной стене появилась мерцающая надпись «дурак».

— Ты пришёл, чтобы добить меня?

— Ой, ну ещё чего, — отмахнулось Отражение. — Вовсе нет.

Оно задумчиво потёрло подбородок, любуясь на своё творение, а затем всё же присовокупило к нему слово «слабак».

— Перестань малевать, — попросил я.

— Как скажешь, — буквы выпорхнули со стены и весело запрыгали вокруг меня.

— Ну что ты за изверг, — я отвернулся.

— Нет! — рявкнул двойник, и эхо его голоса заставило буквы исчезнуть. — Это ты что за баран? Думаешь, я тут ерундой страдаю? Думаешь, все мои слова и советы — это просто так? Я не твоя весёлая галлюцинация, кретин! Когда я говорю, меня надо слушать!

Он ещё посмотрел на меня с плохо скрываемой яростью, а потом вдруг легко улыбнулся.

— К тому же, это больше в твоих интересах, чем в моих, — веско сказал он. — Ведь тут ты мог и не оказаться, если бы почаще включал голову. Всё ещё жаждешь восстановить свою память?

— Это важно? — я закатил глаза. — Ты можешь хотя бы сейчас отстать от меня? Всё равно твои советы настолько туманны, что я понимаю их едва ли наполовину.

— Конечно, это важно! — Отражение всплеснуло руками. — Ты же сейчас собственными соплями рисуешь картину своей смерти. Тебе по-прежнему важна твоя человеческая составляющая?

— А что если так? Что если это единственное, что для меня сейчас важно?

Двойник медленно закрыл глаза и накрыл лицо рукой.

— Мне достался самый наивный и тупоголовый симбионт в этой вселенной, — тихо и трагично проговорил он.

— Да можешь ты мне по-человечески объяснить, чего тебе от меня надо? — в сердцах крикнул я.

— Хочу, чтобы ты нашёл выход! — Отражение встало на ноги и протянуло мне руку. — Вставай давай! Ну, шевелись! Не ты ли тут жаловался, что «попал в тупик» и «заперт»? Вот бери и ищи причину! Думаешь, это обрушенный тоннель — твоя тюрьма?

Мы стояли и смотрели друг другу в глаза. Отражение не смеялось. Оно не издевалось. Оно было серьёзно. В его взгляде я видел искреннее желание сказать больше, точнее, понятнее — но двойник отчего-то не мог этого сделать. Поэтому он молчал и ждал, пока до меня дойдёт.

Не дождался.

— Давай сюда руку, остолоп, — сказал он, вздохнув. — Покажу тебе кое-что.

— Что именно? — я протянул двойнику руку, и тот крепко сжал её.

— Выход.

Он шагнул прямо в стену и прошёл сквозь неё, как сквозь туман. Но когда пришла моя очередь, я врезался лбом в камень. От боли чуть искры из глаз не посыпались; я зашипел и отпрянул. Из стены появилась удивлённое лицо Отражения.

— Издеваешься? — прорычал я.

— Что, не получилось? — с невиннейшим видом произнёс кривляка.

— А то ты не видишь!

— А почему? Вдумайся. Я — часть тебя. Я могу пройти, а ты — нет. О чём это говорит?

— О том, что тебя не существует?

— Нет, — двойник покачал головой и вернул оставшуюся часть тела в коридор. — Совсем не об этом.

— О том, что ты здесь всемогущий, а я — нет?

— Почему? Почему я здесь всемогущий?

— Да не знаю я!

Это был неправильный ответ, за который я тут же получил болезненный щелбан.

— Ай!

— Где твоя тюрьма? — Отражение чуть ли не хрипело от злости. — Где стены? Думай, человеке! У меня её нет, у тебя — есть! Думай!

Меня взяла злость. Двойник добивался ответов, которых и сам не знал, но хотел услышать от меня. Он словно заранее чувствовал мысли, которые должны были прийти мне — или нам? — в голову, и вёл меня к ним. Но как я мог подумать о том, чего ещё не знал?

— Ты не смог пройти сквозь стену. Потрогай её. Она настоящая?

Я потрогал.

— Да, настоящая.

— А теперь смотри ещё раз.

Отражение повторило мой жест — и его рука провалилась в камень, словно в туман.

— Да как ты это делаешь?

У меня в голове искоркой мелькнула странная мысль; я даже не успел до конца осознать то, что пришло мне на ум, а двойник уже выкрикнул это:

— Я — это ты, но между нами есть разница. Закрой глаза!

Я стиснул зубы и зажмурился, пытаюсь сосредоточиться на том, что только что подумал.

— Где стена? — голос Отражения звучал совсем рядом.

— Передо мной.

— Видишь её?

— Я же глаза закрыл!

— Видишь или нет?

— Нет!

— А себя видишь?

— Ничего не вижу!

Меня схватили за руку.

— А теперь — за мной! — И двойник так сильно дёрнул меня вперёд, что я сделал несколько шагов, чтобы только не упасть.

Несколько шагов, хотя от стены меня отделял только один шаг.

Я затаил дыхание, но глаз не открыл. Стало ещё тише, чем раньше: замолкла даже невидимая капель. Холод подземелья больше не чувствовался, но не ощущалось и тепла. Как будто на несколько мгновений всё замерло, перестало существовать — и я в том числе.

— Ну, где стена? — тихо спросило Отражение.

— Не знаю.

У наших голосов не было эха.

— А где ты?

— Не знаю, — я облизнул губы. — Кажется, нигде.

— Нет, приятель. Это я нигде. А ты... сам посмотри.

Я открыл глаза, и в следующий миг в лицо мне ударил ветер. Свежий, уверенный порыв, а не жалкий подземный сквозняк. Прохладный воздух струился по моей коже, забирался под одежду, топорщил волосы. Далеко внизу проплывали облака, над нашими головами застыла бесконечная насыщенная синь. В спину светило солнце. На мгновение мне показалось, что я окнулся в океан свободы.

— Понял теперь? — спросил двойник, и сам же ответил: — Конечно, ты понял. Иначе картинка была бы другой.

— Кажется, да, — отозвался я, не в силах оторвать взгляд от горизонта.

— Жаль, что пришлось таскать тебя за ручку, как ребёнка, — Отражение улыбнулось. — Надеюсь, теперь тебе стало понятнее, почему я это делаю.

Я хотел ответить, что не совсем, но не успел. Двойник лукаво подмигнул мне, закрыл глаза и с блаженной улыбкой растаял в воздухе.

* * *

Конечно, когда я проснулся, стены не исчезли, да и выход по-прежнему не нашёлся. Мы всё так же оставались взаперти на Боги знают какой глубине. Но я всё же проснулся, и проснулся пока ещё живым.

Кир сидел в той же позе. Лина спала, используя в качестве подушки моё бедро. Я аккуратно переложил голову девушки на свою куртку, а сам встал и размялся. Кристалл уже еле светил, но гном явно не торопился его подпитывать. В таком освещении каждый силуэт казался призрачным, а каждая линия — размытой. Если бы в нашем узилище вдруг зажегся дневной свет, я бы, наверное, ослеп.

Я сел рядом с Киrom. Тот не обращал на меня ровно никакого внимания, да и вообще не шевелился — словно был один на целом свете.

— Они были белыми, — сказал я задумчиво.

— Кто?

— Гоблины. Никогда не видел белых гоблинов.

— А... — гном махнул рукой. — В соседнем секторе есть проход к меловой шахте. Наверное, оттуда набежали.

— И что, они прямо из мела появляются?

Гном посмотрел на меня как на глупого, но всё же ответил.

— Парень, ты же вроде бывший чистильщик. Должен знать, что отродья появляются из всего подряд, — он помолчал и вдруг добавил: — Один раз во время вылазки мы выбрались на поверхность и встретили зелёную горгулью.

Я присвистнул.

— Это из чего же она была?

— Из нефрита. Она не вся из него состояла, но там было много. Никогда ещё с такой аккуратностью мы не таскались с трупом выродка.

Последнее замечание меня развеселило. Весь Нирион знал, насколько гномы жадны до драгоценных камней, так что я очень живо представил, как они волочат на себе горгулью. Отродья распадаются на составляющие в течение нескольких часов после смерти, так что Киру и его соратникам явно было не до скуки — следить, чтобы каждый кусочек четырёх-пяти пудовой туши доехал до безопасного места.

Сбоку послышалось шевеление — Лина проснулась. Она потёрла глаза, зажгла себе люмик и направилась с ним к противоположному тупику.

— А кого вообще можно встретить на пятнадцатом и ниже? — спросил я, когда девушка прошла мимо нас.

— На средних ярусах в основном обычная шушера, — Кир достал сухарь и начал им хрустеть. — Гоблины, черви-камнеяды, сколопендры, иногда попадаются тролли. Это из наиболее опасных. На двадцатых — рузги, живоглоты. В некоторых секторах живут скорпикоры — вот этих бойся больше остальных. Я один раз столкнулся, — брови гнома выгнулись дугой. — Летают со скоростью катапультного снаряда. Слюна ядовитая, если зацепит зубами или жалом — дуба врежешь в ту же минуту. А зацепить она обычно успевает, с такой-то скоростью...

— Как же ты тогда выбрался?

— Да вот шёл себе по коридору, далеко отсюда, лиг за двадцать... На семнадцатом ярусе. Остановился в небольшом зале, бывшей мастерской. Сел, открыл сумку, давай вещи перебирать. Вдруг с потолка что-то капает — прямо на рукав. Голову поднимаю, а там скорпикора. Висит, когтями в перекрытия вцепилась и скалится. Я даже подумать ничего не успел — если б успел, может и не выбрался, остался бы там чёрту на потеху... То есть скорпикорам. А тогда в одной руке был мешок, а во второй капсула с гремучим порошком. Я эту капсулу вверх метнул, а сам кубарем назад. Капсула разбилась обо что-то и рванула. Меня чудом не зацепило, только оглушило слегка.

— Убило?

— Кого?

— Ну не тебя же! Скорпикору.

— Ага, эту убьёшь. Она заверещала и рванула в другую сторону. Пока дым не рассеялся, я успел свинтить туда, откуда пришёл, и захлопнуть за собой ближайшую дверь. Куртку тут же выкинул к чёрту из-за грёбаной отравы скорпикорьей. Хорошая была куртка...

— Даже гремучий порошок не убил? — удивился я.

— Хех... Не сомневайся, его там даже на тролля хватило бы. Просто скорпикоры — это тебе не отродья. Они умные и живучие, как... как скорпикоры. На них даже магия не

действует. Мы иногда покупаем заряженные магические жезлы у ваших Меритари. Против других тварей — действенное средство, а против скорпикор — палка палкой.

— И как вы тогда с ними боретесь?

— Да никак не боремся. К счастью. Они не расселяются, как другие твари, и живут достаточно далеко от наших укреплений. Главное, держаться от тех мест подальше — тогда жив будешь. Поговаривают, что они сторожат что-то, но что — никто не знает. Да и как тут узнаешь, если они...

Он не договорил, потому что из-за угла донеслось громкое и достаточно взволнованное:

— Ки-и-ир! Эн! Подойдите-ка сюда!

Мы с гномом переглянулись и поспешили на зов. Лина стояла недалеко от тупика и озадаченно вертела головой.

— Чего орёшь? — пробасил гном, уперев руки в бока.

— Я слышу здесь что-то. Какой-то шум, очень тихий.

Мы все замерли и затаили дыхание, напряжённо прислушиваясь.

— Слышите? — прошептала девушка. — Какой-то хруст, что ли.

Я не слышал ровным счётом ничего. Зато Кир явно что-то уловил: он размашистым шагом двинулся к Лине и отеснил её в сторону. Копатель выглядел крайне сосредоточенным. Зажмурившись, он потрогал сначала одну стену, потом перешёл к другой и остановился.

— А ну-ка цыц все, — скомандовал он. — Не дышите и не шевелитесь.

Гном положил обе ладони на каменную поверхность и прильнул к ней ухом. Несколько долгих секунд мы все старательно изображали статуи. Я и Лина с нетерпением ждали, что будет дальше, а Кир всё слушал и слушал, пока, наконец, не открыл глаза и не обернулся.

Он смотрел на Лину так, словно она украла самую святую гномью реликвию.

— Что? — не выдержала девчонка.

— Ничего, — медленно проговорил Кир. — Просто впервые вижу человека с таким хорошим слухом.

Повисла тишина. Лина в растерянности пожала плечами, не понимая, похвалили её или упрекнули.

— Здесь около сажени породы, — гном ткнул пальцем в ошупанную стену, — а за ней искусственная пещера.

Когда новость сообщается таким тоном, крайне трудно понять, хорошая она или плохая. Между тем Кир явно думал, что объясняет доступно, поэтому я, боясь оплошать, задал универсальный вопрос:

— И что будем делать?

— Ломиться туда, разумеется! — гном всплеснул руками. — Судя по звукам, в той пещере муравейник. Это значит, пещера не замкнутая. Сечёте? У нас только одна проблема — разобрать эту стену так, чтобы не вызвать ещё один обвал. Как ты всё-таки слышала? Я ведь несколько раз всё обошёл — и пропустил.

Кир был сама подозрительность. Под его пронзительным взглядом Лина снова пожала плечами и с сомнением выдавила:

— Может, уши от взрыва отошли?

Копатель перевёл колючий взгляд на меня, неопределённо дёрнул плечами и махнул рукой.

— Ладно. Давайте за дело, и так уже день потеряли. Только на этот раз без

фейерверков! Где-то у меня были зубила...

Около двух часов у нас ушло на то, чтобы проделать в стене лаз диаметром в два локтя. Кир работал зубилами даже слишком аккуратно, но вряд ли его можно было за это винить. Никому не хотелось засыпаться — в буквальном смысле — в двух шагах от спасения.

Когда очередной кусок породы от удара молотком выпал наружу, до меня наконец дошло, что я не сплю, и что это не очередная бредня Отражения про то, что «стены на самом деле нет». Стена была. Просто она, как оказалось, не являлась преградой.

— Точно, муравейник, — сказал гном, сунув нос в образовавшееся отверстие. — Запашок тот самый.

— Я так понимаю, это не обычные муравьи? — забеспокоился я.

— Почти что обычные. Исключая тот факт, что на них можно ездить верхом.

Кир невозмутимо додолбил лаз и кувыркнулся в него — на вид крайне неловко. Несколько мгновений его было не видно и не слышно, но потом он заглянул в проход и поманил нас рукой.

— Подавайте мешки и полезайте сюда сами. Только аккуратно!

По ту сторону нашего несостоявшегося склепа оказалось тепло и сыро. Теперь и я слышал отдалённое шарканье: оно эхом прокатывалось по неровным стенкам пещеры и не прекращалось ни на мгновение. И да, приторный мускусный запах сильно бил по обонянию.

— Придётся идти прямо через гнездо, — Кир поправил перевязь с топором. — Это не страшно, если вести себя миролюбиво. Этих муравьёв раньше разводили, как скотину, но когда гномы ушли наверх, они слегка одичали. Так что они не будут кидаться на вас, если вы не будете кидаться на них. Кроме королевы, конечно. Если увидите огромную особь с крыльями — не попадайтесь ей на глаза. Может башку откусить просто от плохого настроения. Всё понятно? Тогда пошли.

Мы попали в гнездо почти сразу, как только отошли от лаза. Уже на подходе нас встретил один из хозяев: он остановился прямо у нас на дороге и принялся с интересом нас изучать. Глаза у насекомого отсутствовали, зато имелись усики длиной в полтора локтя, которыми муравей активно шевелил.

— Не пугайтесь, это щупы, — сказал Кир, медленно приближаясь к насекомому. — Они улавливают колебания воздуха, даже самые незначительные. Он буквально видит наше дыхание. Судя по всему, он нас не боится, а то бы уже жвалами защёлкал. Ну, мелкий, иди-ка сюда...

«Мелкий» позволил гному подойти и погладить себя по голове, даже не дёрнувшись. Жвала и впрямь не двигались, да и вообще муравей не проявлял враждебности. Он невозмутимо вытерпел непрощенную ласку и, развернувшись, засеменял прочь. Мы пошли следом.

Про то, что на этих муравьях можно ездить верхом, Кир не шутил. Даже самые маленькие из них — работники — в холке дали бы фору волкодаву, только выглядели ещё массивнее. Муравьи-воины размерами лишь немного уступали взрослому быку и были почти полностью закованы в хитиновый панцирь. На внутренней стороне их жвал виднелись такие зазубрины, что любая пила бы обзавидовалась.

— Ты уверен, что они не захотят отведать мяса? — встревожилась Лина, косясь на снующих поблизости насекомых.

— Твоего — точно не захотят, — буркнул копатель. — Слишком худюшая.

Я верил гному, но всё же старался ступать как можно осторожнее. Это было не так-то

просто — муравьи буквально прогрызли пещеру, да к тому же стаскали в неё всё, что нашли поблизости. Поэтому мы карабкались и спускались, ползали и протискивались, перешагивали и перепрыгивали — и всё это стараясь не беспокоить хозяев гнезда. Те сновали повсюду, и лишь немногие при нашем приближении останавливались, чтобы изучить гостей. Большинство просто нас не замечало; муравейник кипел своими, одному ему известными делами.

Порой пещера расширялась, и в стенах появлялись ниши — в них муравьи хранили чуть светящиеся яйца. Кое-где прямо на стенах росли мерзкие бесформенные грибы, которыми насекомые с удовольствием питались. Несколько раз мы забредали в тупики, в которых находили кучи полуистлевшей гномской утвари. Зачем её туда натащили, не смог сказать даже Кир. А в одном из ответвлений мы увидели массивный хитиновый бок, поверх которого лежало блестящее, похожее на стеклянное крыло — и поспешили ретироваться.

Пещера уводила нас всё ниже и ниже, в итоге закончившись сухим тоннелем шестнадцатого яруса. Мы прошли муравейник насквозь без особых проблем — как и обещал Кир. Разве что немного измазались слизью, которой были щедро покрыты стены некоторых гнездовищ. Колония муравьёв оказалась обширной: даже идя по шестнадцатому ярусу, мы ещё долго встречали этих неутомимых работяг, таскающих куски породы. Надо сказать, выглядели они совсем не привлекательно, но я тем не менее проникся к ним симпатией. Они, как-никак, помогли нам выбраться из ловушки, в которую я завёл наш маленький отряд.

— Придётся топтать по шестнадцатому, — сказал Кир, когда мы остановились перекусить. — Возвращаться на пятнадцатый слишком долго. Нас и так задержала на целые сутки эта история с завалом. Тут ещё много где порода рыхловатая, так что расслабляться не стоит. Завалы тут не редкость. К тому же, как видите, это вовсе нежилые места, тут какие-то кратковременные выработки были, их лет за пятнадцать-двадцать закончили... Да, ещё один обвал может быть запросто.

Кир с такой лёгкостью говорил о сроках в двадцать лет, что можно было подумать, будто он издевается. Среди людей долгожителями считались северяне, которые нередко доживали до ста лет, но по сравнению с гномами даже они старели до смешного быстро. Жизнь гномов измерялась веками: чтобы умереть от старости, им требовалось три, а иногда и четыре столетия. И пусть старость убивала гномов крайне редко, это был уже вопрос нравов, а не здоровья. Так что Кир, ста двух лет от роду, стоял ближе к юноше, чем к умудрённому годами мужу. Но вряд ли он пытался развлечься за наш с Линой счёт. Уж скорее просто отвык от общества людей.

Остаток «дня» пролетел незаметно. Хотелось убраться как можно дальше от злосчастного участка с рыхлой породой, так что мы, радуясь, что не умрём взаперти, шли ещё долго. Дорога выдалась спокойной; сами собой поддерживались разговоры и придумывались шутки, а Кир временно перестал ворчать из-за лишней болтовни. Мы откровенно наслаждались тем, что живы — вплоть до момента, пока не наткнулись на менее везучую жертву подземелий.

Сразу за переходом между секторами обнаружили разрушенные баррикады, которые некогда прикрывали временное поселение гномов. Здесь повсюду валялись кости, но кому они принадлежали сказать было трудно: битва закончилась очень давно, большинство останков распалось в пыль, уцелели лишь небольшие кусочки. Мы постарались поскорее миновать это место и оказались в квадратном зале, имеющем четыре входа — по одному на

каждую стену. Там мы свернули налево, в извилистый узкий проход, в конце которого и упёрлись в очередной обвал. Внизу, наполовину погребённый под каменными глыбами, лежал скелет гнома.

Кости были не такими старыми, как у баррикад, но пролежали явно не один десяток лет. Рядом обнаружился сломанный в двух местах топор, полусгнившее тряпьё и полностью проржавевший нагрудник. Пол и стены рядом с останками были сильно выщерблены.

— Копатель, — мрачно констатировал Кир. — Пережил обвал, но выбраться из-под него не смог. Встретимся в Торе, брат.

Гном дёрнул себя за бороду и развернулся, намереваясь уйти.

— Подождите, — подала голос Лина. — Там что-то лежит.

Девушка вскарабкалась по обломкам и подобрала завалившийся за камень предмет. Им оказалась книжица в твёрдом переплёте. Лина осторожно открыла её, перевернула одну страницу и тут же отдала Киру.

— Тут, кажется, всё по-вашему.

Копатель начал с интересом листать книжку, то и дело хмурясь. Я заглядывал ему через плечо. На потемневших страницах чернели сделанные углём записи и рисунки.

— Это его походный ежедневник. Он записывал сюда всё, что боялся забыть.

Вдруг Кир остановился на одной из страниц, вчитался и глубоко вздохнул. На его лице читалась скорбь.

— Что там?

— Последняя запись. Хреново ему пришлось.

— Прочитай, — облизнув губы, попросила Лина.

Гном снова вздохнул, на этот раз с явным неудовольствием, но всё же выполнил просьбу. Я не слушал, потому что и сам мог прочесть написанное. Строки рун тянулись неровно, то и дело сталкиваясь в конце листа; рука гнома дрожала, но он упорно выводил линии одну за другой. И чем дальше я читал, тем больше понимал реакцию Кира.

Запись начиналась так:

«Говорить не с кем. Это самое дерьмовое в моём положении. Некому рассказать, как сильно я не хочу умирать. Остаётся только записать это. Не хочу, не хочу, не хочу»

Последние слова размазались, и в одном месте лист порвался — так сильно на него надавили углём. Но дальше строки пошли ровнее.

«Справился с собой. Несколько часов не мог думать. Паниковал. Теперь стало полегче.

Это всё треклятая жаба. Мы бежали, да в спешке её не заметили. Одна жаба, а двух копателей похоронила. А Тик — засранец. Наступил он, а страдаю я. Сам-то сразу помер, везучий сукин сын...

Лежу уже давно. Не помню даже как упал — видно, взрывом приложило. Ног не чувствую. Спина болит. На своих отсюда явно не уйду.

К тому времени, как остальные доберутся до укреплений, я буду мертвее камня. Разве что случайно кто наткнётся. Добегался я, как пить дать добегался.

Прошло уже больше суток. Пока пытался высвободиться, не заметил, как уснул. Фляжка с водой почти опустела, хоть я и экономлю. Бросал камни в коридор, безрезультатно.

Кричать боюсь — мало ли какая мразь услышит. В коридорах тишина, будто весь мир вымер.

Как забудусь, всё время порываюсь встать. Никак не привыкну к мысли, что уже не сдвинусь с места. Вроде бы и понимаю, а поверить не могу.

(здесь гном закрасил две написанных строки)

Думал выдолбить ступеньку, чтобы было за что схватиться — не вышло. Сломал топор. Глыба надо мной тоже сидит прочно, не сдвинуть. Если б мог, отрубил бы себе ноги — всё равно от них теперь никакого толку, а вылезти мешают.

Боль в пояснице просто чудовищная. Не знаю, сколько ещё вытерплю. Хочется есть, но это ерунда. В руках слабость.

Пока пишу, не так тоскливо. Бумага — отличный слушатель. Ничего не забывает и не перебивает.

Выпил всю последнюю воду за раз. Надеялся напиться напоследок. Не хватило. Уже трое суток лежу, совсем выбился из сил от попыток выбраться. Наверное, пора завязывать барахтаться. Зря только силы трачу. Уже и не знаю, стоит ли пытаться протянуть подольше, или лучше помереть поскорей.

Видел Джину. Она стояла в конце коридора, на грани видимости. Я кричал ей, пока не понял, что это просто бредовое видение. Паршивее минут я в жизни не переживал.

Слышал отдалённые шорохи. Уже не уверен, что они были настоящие. Я тут совсем один. Совсем и насовсем... (уголь немного размыло водой) Может, кто-нибудь и найдёт эти записи. Если прочтёте, вы уж найдите Джину. Скажите, что я не сдавался, но этого не хватило, чтобы вернуться. Я бы всё сейчас отдал, чтобы взглянуть на неё настоящую. Хоть одним глазком. Хоть на полмгновения. Хоть (... снова размытые знаки)

Зажёг последний факел. Во рту всё ссохлось, да и в желудке тоже. Руки немеют. Недолго мне осталось.

Больше не могу спать. Всюду мерещатся пауки. И братьев видел — они будто бы мимо проходили, но на крик не отозвались. Как же так? Неужто и ум меня покидает?

Покидает. Я вдруг снова запомнил, что ноги отнялись. Взял — и встал. А потом опустил голову и увидел паучьи лапы вместо ног. И как заорал... А крика не услышал.

Стены вибрируют. Всё время. И всё время шаги. Без перерыва, никак не смолкнут. Даже когда зажимаю уши.

Спина уже не болит. Вообще ничего не болит. На руках раны, а кровь не идёт. Не знаю, может я уже умер. Как будто горю. И Огонь Глубин горит...

Не. Могу. Плохо. Пауки. Стен не видно».

Это была последняя разборчивая запись. Несчастный пытался написать что-то ещё, но уже не мог или не видел, что пишет. Угольные каракули плавали по странице, смешиваясь с кровавыми разводами. Очевидно, у копателя случился припадок, поэтому он зашвырнул книжку в угол. Если он и пережил приступ безумия, то умирал уже в полном одиночестве.

Я присмотрелся к скелету. На костях не было ни следов зубов, ни других отметин. Даже добить его было некому.

— Понятно теперь, кто это, — сказал Кир. — Это Скори. А Тик — это его бывший ученик, который со временем стал напарником.

— Ты знал их?

— Нет, только слышал. Я тогда ещё и не думал идти в копатели. Скори собрал восемь ходоков, чтобы дойти до Огня Глубин. Это самая нижняя точка. Нашли всех, кроме этих двоих. Скори даже не знал, что остался последним.

— Что, весь отряд погиб?

— Оказывается, да. Четверо погибли на двадцать седьмом. Их тела нашли совсем нетронутыми — наверное, Тени поработали. Оставшиеся пустились наутёк и для верности разделились. Здоровое решение, но это не помогло. Торк и Норк погибли на двадцать пятом. А Тик и Скори, оказывается, уходили до самого шестнадцатого, и тут напоролись на саламандру. Обидно. Всего ничего оставалось пройти...

Кир раскрыл свой мешок и сунул туда книжку Скори.

— И сколько он здесь лежит? — осторожно спросила Лина.

— Давно. Лет сорок. Пойдёмте, нечего тут стоять.

Мы оставили мёртвого копателя и пошли дальше, а я вдруг задался вопросом: как давно существует эта профессия? Я знал, что война гномов с обитателями Глубин длится уже не одну сотню лет, но точные даты никто из историков не указывал. Кир наверняка мог рассказать, но момент был явно неподходящий, поэтому я решил повременить с расспросами.

Безоглядная радость выветрилась из нас в одночасье. Стало не до шуток. Мертвец напомнил нам, что жизнь — в любом случае явление временное, а удача переменчива. И то, что мы выкарабкались один раз, не означало, что опасность миновала навсегда.

Может быть, отчасти благодаря этому фортуна больше не спешила нас наказывать.

* * *

Во всяком случае, она не наказала нас сразу же. Следующие три дневных перехода я не назвал бы безмятежными, но ничего столь же серьёзного, как памятный обвал, не случилось. Зато нам пришлось много убивать.

Сперва нам удалось поохотиться. Три долбильщика — это такие четвероногие твари с когтеобразным костяным наростом на лбу — расположились у колодца и не пожелали уходить. Пришлось их зарубить. Кир тут же предложил отведать блюдо, которое мы никогда не пробовали, и начал свежевать трупы. Мы с Линой смотрели на это действие со смесью отвращения и ужаса, но отказываться не стали. В итоге после прожарки мясо оказалось очень даже ничего. Мне даже отдалённо напомнило баранину.

Ещё мы впервые за весь поход ввязались в драку, когда случайно набрали на группку гоблинов. Обычно нам удавалось или обойти неприятеля, или спрятаться, но эти буквально выпрыгнули на нас из-за угла. Пришлось и их зарубить. Благо, отродий оказалось всего семеро.

Под конец третьего дня ноги завели нас в огромную пещеру-оранжерею. Она была вытянутой, и по всей длине прямо посередине текла подземная река. По словам Кира, некогда в оранжерее выращивали съедобные травы и клубни, но после ухода гномов все гряды заросли бурьяном. В таком виде мы её и застали: из густой щетины травы торчали тонкие стебли со светящимися венчиками, и во все стороны по камню тянулись спутанные кудри вьюна. Мы с Линой сначала обрадовались, что снова увидим настоящую живую природу, но жестоко ошиблись. Зелень здесь и рядом не лежала — растения в лучшем случае

были бледно-жёлтыми, да и пахли весьма неприятно. Даже самый живой уголок подземелий выглядел лишь чуть живее, чем мёртвым.

Мы направились к реке, чтобы набрать воды, и чуть не наступили на притаившуюся в зарослях многоножку. Гадина, видимо, жила в оранжерее очень давно, мутировала и отожралась до полуторасаженной длины. Она победила в моём личном конкурсе самого отвратительного создания Нириона. Её мы тоже убили.

Частенько Кир резко останавливался и вёл нас в обход, потому что чувал впереди опасность. Приходилось доверять его интуиции, даже если она ничем не подкреплялась. Вот и про оранжерею он сказал: здесь мы спать не будем. Мы с Линой попытались возразить, мол, здесь воздух свежее, и вообще кроме нас в пещере не осталось ни одной живой души, но гном был непреклонен. Мы снова углубились в тоннели и остановились только когда отошли на значительное расстояние.

На привале копатель вдруг подошёл ко мне и попросил посмотреть мечи.

— Тебе их сам мастер Крорри дал? — спросил он, вертя оружие в руках.

— Нет. Я их купил.

— Купил? — удивился гном. — У кого?

— У того, кто не знал их истинной стоимости, — уклончиво ответил я. — А что?

— Да ничего. Сам-то знаешь, сколько они стоят?

— Мастер Крорри намекнул, что много.

— Много? — Кир даже крякнул от удивления. — Парень, если бы существовало заклинание, от которого все вокруг начинают срать чистым золотом, эти клинки всё равно стоили бы дороже его формулы. Когда ты их в последний раз точил?

— Пока ещё ни разу.

— Вот то-то и оно. Это чёртова сталь, а не какая-нибудь хренотень. И баланс тут соблюден, и всяких прибабасов полно. Захочешь зачаровать — пожалуйста, лучше материала не найти. Плюс оружие парное, а значит почти наверняка замагниченное.

— Какое?

— Такое. Пробовал хоть раз один от другого унести на десяток-другой шагов? Нет? Правильно, всё равно не получится. Как только расстояние между замагниченными клинками слишком увеличивается, они стремятся соприкоснуться. Эту связь и не разрушишь, пока не расплавишь саму сталь. А если связь порвётся — они всё равно расплавятся.

— Не слышал про такое, — сказал я с недоверием, но решил при первой же возможности проверить слова гнома.

— Ты, я так понял, ещё многого про своё оружие не знаешь, — усмехнулся гном. — С замками-то уже разобрался, небось. Конечно, они на поверхности. А знаешь, что их можно утяжелять? Клинки кажутся тонкими, но это впечатление обманчиво. Внутри есть пустота. Замок откручивается... — Кир попытался свернуть рукоять, но не смог и призадумался. — Нет, тут не откручивается. Значит, сам клинок отщёлкивается. Да, точно! Где-то на ручке или гарде спрятан рычажок, отпускающий пружину. Нажимаешь — клинок отстреливается. Внутри него можно залить текучее серебро, чтобы лучше подогнать под себя. А к рукояти клинок крепится тонкой цепочкой из той же чёртовой стали. Сообразишь, зачем это сделано?

— Могу представить, — выдавил я, переваривая вываленные на меня знания.

— Это уже не просто кузнечное дело, — воздев палец к потолку, продолжал гном. —

Это очень тонкое и высокое искусство. Обычные оружейники — это камнетёсы, а мастера вроде Крорри — огранщики бриллиантов. Чуете разницу? Одним таким изделием мастер обеспечивает безбедное существование целому поколению своих потомков. Да и как иначе — стоимость материала плюс несколько лет кропотливой работы. И всё благодаря чёртовой стали... Больше ни один металл не выдержит таких испытаний.

— И у кого вообще хватает денег на такие покупки?

На лице Лины отчётливо читалось недоумение. Она не понимала, откуда берутся такие горы денег, и как можно эти горы отдать за одну только вещь. Честно говоря, я тоже не до конца это понимал.

— Их не покупают, а заказывают. И если ты думаешь, что спрос на такие игрушки невысок, то ошибаешься. В мире хватает толстосумов. Их больше, чем ты можешь себе представить, и деньгами они разбрасываются бесстрашно. Обычно подобные изделия оседают в какой-нибудь тайной сокровищнице, и никто кроме хозяина их не видит. Так что, парень, радуйся. И смотри не потеряй.

Я принял мечи обратно, боясь их уронить. Киру удалось убедить меня в том, что я обладаю сокровищем, но тут же появился ряд проблем. Во-первых, стало жаль отбиваться этим сокровищем от мерзких тварей, которые даже куска мыла за свою жизнь не видели. Во-вторых, после слов «смотри не потеряй», я стал бояться их потерять. Не то, чтобы проблемы эти сильно мешали — я не питал слабости к дорогим побрякушкам — но из-за любви к искусству мне стало не по себе.

В любом случае, задумываться обо всём этом было некогда. Переночевав прямо на лестничном пролёте, мы двинулись дальше. Дошли до титанических размеров чертога и побежали, чтобы побыстрее миновать открытое место. Пару раз за день столкнулись с гоблинами: первый раз убежали, во второй подрались. Дошли до очередной границы секторов и упёрлись в запертые каменные створки, которые так и не смогли открыть. Нашли какую-то заросшую мхом трубу и ползли по ней на четвереньках с полчаса. Мы то и дело делали небольшие крюки, чтобы пополнить запасы воды. Судя по частоте, с которой нам попадались колодцы, удалённость от поверхности несколько не сказывалась на качестве гномского водопровода.

Вечером мы спустились на семнадцатый ярус и остановились в зале со сквозным проходом. Разумеется, говоря «вечер», я подразумеваю тот отрезок времени, когда мы начинали искать место для ночлега. Между собой мы с Линой тоже частенько прибегали к этим весьма условным обозначениям: гному было до свечки, а вот нам, привыкшим к солнцу, требовалось хоть как-то ориентироваться во времени суток, даже если понятия утра, дня, вечера и ночи существовали только у нас в головах. Иначе чувство потерянности становилось невыносимым.

— Что я могу вам сказать, ребяташки, — сказал Кир, едва мы сбросили с себя ноши. — Мы снова хорошо идём. Без особых сюрпризов. Без задержек. Потерянное не наверстали, но и отставание не увеличили.

— Ты говорил, тут полно самых разных тварей, — Лина сняла сапоги и потирала натруженные ступни. — А мы что-то в основном на гоблинов натыкаемся.

— Тут их большинство, — пожал плечами гном. — Снизу для них слишком опасно, а тут — в самый раз. И жратвы достаточно, и конкурентов не много. На верхних ярусах плотность повыше, но только возле выходов на поверхность. На нижних тоже веселее, но уже за счёт выходцев с Глубин. А с восемнадцатого по двенадцатый — так, середнячок. В

каком-то смысле тут безопаснее всего. Потому мы и идём горизонтально, а не спускаемся.

— Ну и ладно, — девушка сосредоточенно массировала лодыжку. — Меня полностью устраивает.

Я улыбнулся, глядя на неё, но внутренне отнюдь не веселился. Лина постепенно менялась — или же мне, старательно наблюдающему за ней изо дня в день, так казалось. Черты её лица будто слегка заострились, приобретя некую аристократичность. Кожа вроде бы слегка изменила оттенок, но из-за слабого освещения я бы не поручился за это наблюдение. Так же как и за цвет глаз: они словно выцвели, и вместо былой зелени мне всё чаще мерещилась сталь. Девушка почти не уставала за дневной переход, легко просыпалась и не засыпала на дежурствах, чем быстро заслужила уважение Кира. Меня её стойкость тоже удивляла, ведь раньше Лина жаловалась и на меньшее, а теперь словно обрела сверхчеловеческую выносливость. Я был рад, что ей не приходится измощать себя, но опасался подвоха. Жизненный опыт подсказывал мне, что подвоха не может не быть.

Чтобы отвлечься от тревожных мыслей, я отошёл к выходу из зала. Поначалу Кир не отпускал нас от лагеря и на три шага, но потом, видя, что мы пообвыклись и набрались опыта, ослабил бдительность.

По ту сторону проёма лежал большой и совершенно пустой чертог. Он был вытесан с математической точностью: все поверхности гладкие, углы — прямые, колонны распределены равномерно, левая половина полностью повторяла правую, а ближняя — дальнюю. Некоторые участки стен были украшены фигурной резьбой. В каждом углу имелось возвышение, на которые вели пологие лестницы. Каждая колонна тоже стояла на своеобразном пьедестале: словно множество квадратных пластин лежали одна на другой, и каждая следующая была чуть меньше предыдущей.

Я глядел на это геометрическое величие и не мог представить, зачем его понадобилось создавать. Вряд ли зал имел функциональное назначение, ведь в нём не было ничего, совсем ничего, кроме вычурной архитектуры. Уж скорее его строили просто ради строительства. Очень типично для гномов: просто сидеть на месте они не могут, поэтому если важной работы нет, они придумывают себе работу для развлечения. «Мы закончили всё запланированное строительство? А давайте построим что-нибудь ещё, просто так!»

— Здесь где-то рядом селение? — спросил я у гнома, вернувшись.

— Да, — удивился гном и прищурился. — А ты откуда знаешь?

— Вряд ли твои предки стали бы далеко ходить, чтобы отгрохать такое, — я указал на выход из зала.

— А... Да, тут неподалёку древний город. Его забросили после открытия первых Врат. Там есть на что поглазеть, но мы туда не пойдём.

— Чего так? — расстроилась Лина.

— Во-первых, потому что там как пить дать шушера кишмя кишит. Сейчас мы в предместьях, в которых совершенно нечего ловить, но ближе к городу станет чертовски оживлённо. А во-вторых, потому что нам в другую сторону. Осталось пару часов пути по семнадцатому, а потом будет почти вертикальный спуск в самый низ.

— То есть мы почти пришли?

— Не совсем. Мы просто одолели самую большую и самую простую часть пути. Так что если вам скучновато, дальше станет веселее.

Мы с Линой встревоженно переглянулись.

— Всё, давайте закругляться с разговорами! — скомандовал Кир. — Город не так уж

далеко, поэтому двое сторожат, один отдыхает. Меняемся раз в три часа. Договорились? Договорились.

С этими словами он завалился спать первым. Мы с Линой решили не возмущаться и бросили жребий на то, кому спать следующим. Я проиграл.

О том, чтобы выспаться, и речи не шло. Об этом вообще с самого первого дня спуска можно было не мечтать. Сначала сон не шёл, потому что атмосфера полных опасностей подземелий к этому не располагала. Потом регулярный недосып начал сказываться, и мы стали засыпать, как сурки. Но появилась другая проблема — времени не хватало! В лучшем случае удавалось забыться на четыре часа, пока не наступала пора вставать или дежурить. В пути было не до сна, но стоило лишь присесть — и между верхними и нижними веками возникало непреодолимое взаимное притяжение.

Итак, мне предстояло сидеть на страже шесть часов, и эти шесть часов должны были стать последним островком относительного спокойствия перед прыжком в бурлящий океан хаоса под названием Глубины. Я настолько устал за последние дни, что думал: поскорей бы всё это закончилось. Надоело. Все эти пещеры, тоннели, тишина, затхлый воздух... Словно в очень просторном склепе. И костей в достатке — вспомнить того же Скори. Различие только в том, что в склепе живности почти нет, а та, что есть, питается лишь мертвечиной. Хотя самое страшное в тоннелях под Небесным Пиком, конечно, не перспектива быть съеденным.

Самое страшное — темнота. Темнота-мать. Темнота-царица. Если находишься с ней наедине достаточно долго, начинает казаться, что она разумна. Бежит следом, наступая на пятки и глотая эхо шагов. В спину всё время упирается незрячий взгляд столетий тишины и мрака, тяжёлый и холодный. Сколько всего он повидал с начала времён? Ведь темноте безразлично время, безразлично пространство. Она сама — вечность. Колыбель и последнее пристанище. Даже если ты привык жить на свету, не сомневайся, что после смерти всё равно растворись во мраке.

Чёрная бездна разверзлась передо мной; я понял, что падаю в неё и никогда не достигну дна. Вечный полёт в полнейшей темноте... «Наконец-то посплю» — мелькнуло в голове, но уже в следующий миг я, дёрнувшись, проснулся.

Не заметил, как задремал. Лина сидела напротив и невозмутимо ковырялась в ногтях. Она-то наверняка видела, как я клюнул носом, но решила, видимо, что отдых мне не повредит. Вполне в её духе: игнорировать опасность и приказ, чтобы поступить не как говорят, а как сама считает нужным. Сердобольная моя. Я мысленно поблагодарил девушку за доброту, но всё же посчитал свою оплошность непростительной, а потому решил чем-нибудь себя занять до конца дежурства.

В центре зала имелся колодец, но ведра рядом с ним не обнаружилось. Да и вообще не похоже было, что из него когда-то черпали воду. Я заглянул в трубу и прислушался. Темно и тихо. Тогда я интереса ради сотворил люмик и спустил его сначала на пару саженей, потом на десяток. Труба и темнота. Я спускал огонёк до тех пор, пока закливание не расплелось из-за расстояния, но ничего, кроме круглой каменной шахты внизу не увидел. Появилось детское желание кинуть что-нибудь вниз и дождаться звука падения, но я тут же себя одёрнул. На такой шум наверняка сбегутся твари со всех окрестностей, но к тому времени я буду уже мёртв. Кир мне самолично голову открутит.

Я сел рядом с Линой, надеясь убить время болтовнёй, но разговор не клеился. Мы оба утомились, так что говорить не очень-то хотелось. В поисках интересной темы я наткнулся

взглядом на мечи — и мгновенно понял, чем займусь.

Отойдя в сторонку, я извлёк клинки из ножен и принялся их изучать. На первый взгляд в оружии не было никаких кнопок, рычажков и прочих странностей. Впрочем, если бы они находились на виду, я бы уже давно их обнаружил. Кир недаром сказал, что механизм скрытый. Тогда я стал нажимать на все выступы рукояти по очереди. И нашёл.

Возле самой гарды рифлёная поверхность рукояти провалилась в углубление, но ничего не произошло. Я нахмурился и начал сосредоточенно тыкать пальцами во всё, что могло оказаться кнопкой. Ничего не получалось. «Запрытал, как будто свою личную сокровищницу! — подумал я со злостью, и попытался мыслить логически. — Ладно. Механизм должен активироваться легко, но случайно срабатывать не должен. А ещё подразумевается, что обе руки у бойца заняты. Значит, всё должно быть совсем просто...»

Выступ на противоположной стороне рукояти так же провалился, и клинок с тонким щелчком выстрелил в потолок. К счастью, не долетел, а то звону было бы на лигу. Лина тотчас повернулась ко мне и постучала костяшками по лбу — мол, дурак что ли? Я виновато пожал плечами и мотнул головой: хочешь посмотреть? Девушка даже не стала отвечать — сразу перебралась поближе.

Кир почти ни в чём не ошибся. Клинок крепился к рукояти цепочкой, которую можно было принять за нить: настолько мелкими оказались звенья. Она легко помещалась в пустоте рукояти, оставляя место ещё и для смазывающего механизма, который срабатывал при повторном нажатии на кнопки. Сам клинок почти ничего не весил, словно был сделан из бумаги, а в месте соединения с цепочкой имел пару тоненьких отверстий. Без специальной иглы они не представляли пользы — всё равно внутрь ничего залить не получится. И каждая деталь, начиная с пружинок, выталкивающих клинок, и заканчивая самим телом рукояти, была выкована из живой стали. Тончайшая работа. Блестящая, я бы даже сказал.

— Очуметь, — прошептала Лина, глядя мне через плечо. — Никогда такого не видела. И что, с этим намного удобнее?

— Удобнее, если есть особый навык. — Я нажал на кнопки, и клинок в считанные секунды вернулся на место. — Цепочку из живой стали не так-то просто порвать, даже если она толщиной в несколько волосинок. А таким выстрелом клинка и убить можно. В перспективе для боя на дистанции это очень полезная придумка. Только надо научиться ей пользоваться.

— Некогда нам сейчас учиться, — вздохнула девушка.

Я посмотрел на неё с удивлением.

— Соскучилась по учёбе?

— Не то что бы по учёбе. По солнцу в основном. По пению птиц. В общем, по всему что было до спуска.

— Да, я тоже, — вздохнул я. — Хочешь вернуться?

— А ты хочешь?

— Нет. Мне надо добраться до Скопления и узнать то, что мне давно положено знать. Но рвение уже не то, что раньше.

— Это от усталости, — кивнула Лина. — От неё иногда вообще с места двигаться не хочется.

— Нет, не поэтому, — я помотал головой. — Посидев под завалом, я кое-что вспомнил. У всего есть цена, и важно не продешевить. Понимаешь? Я опасаясь, что знания, которые

меня ждут там, внизу, не стоят приложенных усилий. Что эти усилия стоило бы приложить к чему-то более стоящему.

— А что эта цена тебе не по карману, не боишься?

— Нет, не боюсь. Вопрос не в том, могу ли я. Вопрос — стоит ли?

— Поживём — увидим, — пожала плечами девчонка.

— Да, — согласился я. — Увидим.

* * *

Разумеется, никто из нас не выспался. Мы просто отдохнули достаточно для того, чтобы ещё день продержаться на ногах. Один только гном казался неуютным: он шёл, ел, спал и снова шёл, словно какой-то голем, несмотря ни на что. Именно он растолкал меня, когда пришло время выдвигаться — и молча ушёл сворачивать лагерь, как только убедился, что я открыл глаза.

Мы прошли через чертог, который я вчера с удивлением разглядывал, и углубились в переплетение вспомогательных коридоров. Они окольцовывали город и служили чем-то вроде окружной дороги, что нам пришлось как раз кстати.

Почти сразу из боковых ответвлений послышался странный шум. Едва мы останавливались, чтобы прислушаться, он смолкал — словно и не было. Серьёзный и собранный Кир приказал нам с Линой двигаться дальше, а сам притаился в какой-то нише. Мы отошли на несколько саженей и остановились за ближайшим поворотом. Коридор казался безопасным и тихим, но в то же время стало тревожно — как когда ты уверен, что в доме один, и вдруг чувствуешь присутствие кого-то ещё.

Кир вынырнул из-за угла внезапно; мы не слышали его шагов, и оттого оба вздрогнули.

— Ничего не понимаю, — прошептал он. — Вы перестали топтать, и сразу стало тихо. Но пока вы шли, готов поклясться, я слышал, как что-то шуршит в коридоре напротив.

— Если так, то это не отродья, — сказал я. — Те бы уже завопили и кинулись в погоню.

— Прав, — кивнул Кир. — Тут кто-то поумнее.

Мы двинулись дальше. Копатель вёл нас таким образом, чтобы вокруг было как можно больше перекрёстков — на случай, если придётся бежать. И всё время, пока мы шли, из темных зевов боковых переходов доносились странные звуки, от которых наши нервы натягивались всё сильнее.

— Кто бы это ни был, они гонят нас, пытаются зажать в кольцо, — всё так же шёпотом сказал Кир. — Пока им это не удаётся, потому что ответвлений слишком много, они просто не успевают перекрыть все выходы. Но скоро будет большая дорога, и там нас уж точно встретят. Сами знаете, что делать.

Все трое обнажили оружие. Мне пришлось обойтись только одним мечом, потому что для двух было тесновато: мало того, что коридор сузился, так ещё и потолок опустился.

Я лихорадочно оценивал ситуацию. Оставался небольшой шанс, что за нами просто наблюдали или пытались выгнать со своей территории. Очень небольшой шанс. Скорее нас собирались пригласить на обед в качестве собственно обеда. И заметили, похоже, как только мы покинули пустой чертог.

Гнали нас довольно долго, и мы явно прошли мимо поворота к той лестнице, по которой должны были спуститься на восемнадцатый. Она находилась с краешку, где убежать было бы некуда, поэтому Кир вполне обоснованно провёл нас мимо. Но что будет, когда эти

бесконечные перекрёстки закончатся?

— Кир! — позвал я шёпотом.

— Что? — так же тихо отозвался гном.

— Каков план?

— Добраться до большой дороги! Она упирается в переход между секторами. Если там прорвёмся, считай, ушли!

— Думаешь, они не догадались до этого? Нам не дадут прорваться!

— Твои предложения, гений?

— Есть по пути ещё спуски на другой ярус?

Кир повертел головой, словно карта подземелий была начертана прямо на стенах.

— Есть, но она слишком близко к городу.

— А они-то думают, что мы идём к выходу из сектора!

— И?

— Надо продолжать двигаться к нему, но забрать немного ближе к лестнице. В решающий момент мы просто резко повернём и всё! Они не успеют нас отрезать!

— С чего это ты взял, что они не успеют? Мы даже не знаем кто это, не говоря уже о том, сколько их!

— А мы немножко форсируем события!

— Как?

— Побежим, конечно! Тогда они поймут, что выдали себя и первым делом кинутся перекрывать выход из сектора. Есть шанс, что у лестницы никого не окажется!

Кир, не сбавляя шага, обернулся ко мне. Было видно, что план ему понравился, но он всё ещё взвешивал все «за» и «против».

— Есть только одна проблемка, — сказал он наконец. — Даже если мы доберёмся до Базальта, нам придётся вскрывать запертые Врата или топтать по двадцать восьмому до открытых, а это в десять раз опаснее!

— Ты же понимаешь, что если нас поймают здесь, мы и дотуда не дойдём?

— Чёрт! Ладно, драпаем!

Для верности последнюю фразу Кир выкрикнул вслух, поэтому нам больше ничего не оставалось, кроме как задать стрекача. Преследователи тоже перестали таиться: сразу с нескольких направлений раздался топот и невнятные перекрикивания.

Я бежал последним и постоянно оглядывался, так что первым разглядел врагов. Первая мысль была: «Ну и уроды!» Шея у них почти отсутствовала, куполообразная голова крепилась прямёхонько к туловищу, плавно переходя в горб. Из крепкого торса росли узловатые руки и ноги, покрытые болотного цвета кожей. Вместо ушей — дырки, уходящие вглубь черепа, глаз вообще нет. В широком беззубом рту полно мелких зубов. Никогда прежде я не встречался с такими созданиями.

От гоблинов они отличались не только значительно большими размерами, но и тем, что носили подобие одежды: лохмотья и обрывки кожи, туники, изготовленные из хитиновых панцирей, и даже нечто вроде обуви. У одних из них в руках мелькали дубинки, у других — копья, у третьих — настоящие мечи. Оружие так же походило на ученические поделки, но зато явно изготавливалось самостоятельно.

Кир, тоже увидев одного из преследователей, истошно завопил:

— Троглодиты?! Святые черти, вот не повезло-то!

Он свернул направо, да так резко, что мы с Линой едва не пролетели мимо. Впереди из

темноты вынырнула арка — как обычно перед любой лестницей.

— Догоняют! — крикнула Лина.

— Да всё, успели, успели!

Мы ворвались на лестницу и понеслись, перескакивая через две ступеньки. На площадках тормозили о стены и бежали дальше. Троглодиты отставали не больше, чем на один пролёт. Я жутко переживал, что кто-нибудь из нас упадёт и сломает себе что-нибудь. Пришлось бы отбиваться, потому что с раненым на плечах далеко не убежишь, а это была почти верная смерть. Впрочем, далеко ли мы могли убежать целыми?

Позади остался восемнадцатый ярус, девятнадцатый, двадцатый... Со слов Кира выходило, что лестница уходила вертикально до самого двадцать восьмого, где находились Врата на Глубины. Я не знал, что эти Врата собой представляют, но очень надеялся, что они закрываются. Сотни ног грохотали в десятке саженей позади; если преследователи не отстали за три яруса, то остановить их способна была разве что серьёзная физическая преграда.

Двадцать первый, двадцать второй, двадцать третий... Ступеньки становились выше, пролёты — длиннее, а ноги начали уставать. Я прикинул: если споткнуться в начале лестницы, к её концу целых костей останется намного меньше, чем сломанных. Легче от этой мысли не стало, повлиять на свою координацию я не мог, так что решил просто молиться, чтобы такого не случилось. Вроде бы это даже помогало.

Двадцать четвёртый, двадцать пятый...

— Стойте! — Кир выставил руки в стороны, чтоб мы не пролетели мимо.

— Что такое?

— Видите волны на лестнице? — в месте, куда он указывал, по камню и в самом деле пробегала рябь. — В этом дерьме можно запросто утонуть, так что прыгайте!

Он прыгнул первым, с места перемахнув оставшееся до площадки расстояние.

— Я не... — девчонка не успела договорить — я швырнул её в объятия гнома и прыгнул сам.

Уже в конце пролёта мы услышали сзади рычащий вопль, и Кир злорадно хохотнул. Троглодиты почуяли неладное слишком поздно — тех, что успели остановиться, столкнули напирание со спины. Таинственная жижа поглотила их тела так быстро и хищно, что у меня волосы дыбом встали. Но остальные словно и не заметили ничего: они сходу перемахивали опасный участок и оказались уж совсем неприлично близко к нам.

— Быстрее! — заорал я. — Догоняют!

Лина засеменила ногами с такой скоростью, что догнала Кира, но тот крикнул:

— Куда?! Вляпаться захотела?! — и одним рывком отправил её обратно.

Двадцать шестой, двадцать седьмой... Двадцать восьмой!

Лестница оказалась в два раза короче, чем предыдущая, резко уйдя в угольно-чёрный пол. Он оказался таким гладким, что мы заскользили, едва ступив на его поверхность. Вокруг обуви при каждом шаге взлетали облачка пыли: видимо, никому не нравилось здесь ходить.

Потолки резко опустились, мне пришлось сгибаться почти пополам, чтобы бежать дальше. Стены стали грубыми и неровными — никто и не думал наводить здесь красоту. Местами приходилось буквально протискиваться через особо узкие места.

— Вот настырные! Даже по Базальту бегут, не боятся! Видать, сильно оголодали?! — последнюю фразу Кир проорал так, чтобы слышали троглодиты. Ответом ему был рык

нескольких преследующих нас тварей.

Лина поскользнулась и упала; я подхватил её свободной рукой и толкнул вперёд. Девушка побежала дальше, а вот сам я чуть не растянулся на полу. Треклятые лестницы изрядно нас измотали, и, наверное, только страх не давал упасть от усталости.

— До Четвёртых Врат слишком далеко, не доберёмся! Придётся ломиться в Пятые, они тут рядом! — крикнул гном.

— Они открыты? — спросил я, стараясь не сбить дыхание.

— Скорее всего нет, но ты надейся!

Внезапно коридор стал свободным и широким, углы вливающихся в него переходов явно разбили чем-то тяжёлым, по стенам и потолку тянулись глубокие борозды, словно кто-то вёл по ним раскалённым кайлом. Я насчитал восемь поворотов, прежде чем коридор кончился высоким длинным залом. Из него не было выхода.

Зато были Врата.

Базальтовый куб, растущий прямо из пола. Вместо одной грани — зеркало, в котором мы увидели собственные отражения. В самом центре зеркала темнела квадратная ниша с каким-то приспособлением.

— Поворачиваем! — Кир попытался резко остановиться, но проехал ещё сажень по скользкому полу. — Здесь заперто!

— Не успеем, они слишком близко! Открыть сможешь?

— Попытаюсь, но это займёт время!

— Я выиграю тебе его, пытайся! — я бросился к единственному выходу из зала.

— Только не как в прошлый раз! — истерично добавил гном, чем заставил меня улыбнуться.

Я вовсе не собирался снова замуровывать нас. Был и другой способ закрыть брешь.

Собой.

Возьми плохого бойца, добавь ему силы, ловкости, умения — и получишь хорошего бойца. Развей его реакцию, научи мыслить стратегически, и хороший боец превратится в хорошего воина. Но награди одного воина сильной волей — и он заменит целое войско.

Я вытягиваю из ножен второй меч и вхожу в коридор. Он достаточно широк, чтобы размахнуться, но слишком узок, чтобы кто-то смог проскочить мимо меня. Руки и шея выполняют знакомые движения, ноги чуть раскачивают тело из стороны в сторону, дыхание выравнивается. Навстречу из темноты катится нестройная волна врагов. Я закрываю глаза. Биение сердца замедляется.

Только воля способна сделать человека мастером. Потому что мастерство — это прежде всего победа над собой. Многократная. Постоянная. Мастерство — это способность прогибать под себя границы возможного. Побеждать, когда поражение неизбежно. Презреть боль в рвущихся от напряжения мышцах и драться. В нужный час становиться сильнее, чем человек, и быстрее, чем мысль.

В этом и состоит коренное отличие обычного воина от мастера.

Воин владеет мечом. Мастер принадлежит мечу.

Оружие воина — сталь. Оружие мастера — дух.

* * *

Точно замороженная, Лина смотрела на гротескную масляно поблёскивающую массу, с

каждой секундой приближающуюся к Энормису. Безглазые уроды закрывали собой и стены, и пол, да так, что, казалось, им нет числа.

Девушка встала в двух шагах от чародея, чтобы в случае чего подстраховать, и постоянно оглядывалась на Кира. Гном возился с дверью, двигая какие-то прямоугольники в нише. Судя по сопению и ругани сквозь зубы, пока у него ничего не выходило. Троглодиты уже набегали, и на миг девушке показалось, что они просто сметут всё на своём пути, как лавина, но... вместо этого они почему-то остановились в нескольких шагах от Эна.

А он просто стоял. Не встал в стойку, даже не поднял оружие. Лина было решила, что Энормис впал в ступор, но потом заметила, как ровно он дышит и как наклонил голову. Эн даже не смотрел на врагов! Словно угрозой были не они, а он. Да он ли это вообще? Энормис всегда казался ей необычным, но человеком. А тот, кто сейчас стоял к девушке спиной, был скорее холодным бритвенно острым лезвием клинка.

Похоже, троглодиты тоже это чувствовали — потому и остановились, хотя время работало не на них. Лина и сама бы сейчас не рискнула подойти к вдавшему в боевой транс чародею. Она смотрела в тёмный зев тоннеля и понимала: троглодиты не пройдут. Он не пропустит.

И всё же они не отступили. Замешательство быстро сошло на нет; слепые твари воинственно заревели, ринулись в атаку — и первые двое тут же легли под ноги собратьям.

Даже в памятном сражении на пограничной заставе Лина не видела, чтоб кто-то так дрался. Здесь чародей задействовал совсем другой стиль боя: быстрый, вычурный и за счёт этого совершенно непредсказуемый, словно один сплошной финт. Эн перетекал из одной позиции в другую, вращался, подпрыгивал и наклонялся под такими углами, что, казалось, вот-вот упадёт — но не падал. Шаги его были уверенными, взмахи клинков — филигранными; цепочки ударов рвались на отдельные звенья и складывались в другом порядке. Из-за быстроты движений Лине чудилось, что суставы Энормиса гнутся во все стороны — словно он окончательно потерял человеческую форму.

Медлительные и неповоротливые, троглодиты не дрались — они подбегали и погибали, иногда даже не успевая использовать свою единственную попытку дотянуться до человека. Уже через полминуты они прыгали на Энормиса с кучи мёртвых тел. Только когда стоять стало совсем неудобно, он начал отступать.

— Кир! — крикнула Лина, обернувшись.

— Не ори, дура, с мысли сбиваешь! — рявкнул тот в ответ.

Неожиданно Эн скакнул назад, оказавшись у самого проёма. Сначала Лина не поняла в чём дело, но потом заметила толчок из глубины коридора: троглодиты решили просто выдавить противника в зал. Отпрыгнув, чародей выиграл время, чтобы сомкнуть мечи в глефу, а затем с разбегу врубился в вал врагов.

Больше Лина не могла ничего различить: движения чародея стали ещё быстрее, хотя раньше девушке казалось, что такое просто невозможно. Выл рассекаемый воздух. Хрустела разрубаемая плоть. Дребезжали, надрываясь, глотки троглодитов. По чёрному полу текла бурая кровь, в которую плюхались отсечённые части тел. В темноте коридора было ничего не разобрать до тех пор, пока Энормис вдруг не высек искру, задев клинком о стену.

В свете вспышки стало видно, что он поскользнулся и падает.

В груди Лины словно разорвался огнешар. Не успели троглодиты воспользоваться секундной слабостью противника, как девушка собрала все свои силы в кулак и с криком выплеснула их в первое вспомнившееся заклинание.

Я опрокинулся на спину и почувствовал, как надо мной прошла тугая волна воздуха. Падение вывело меня из транса, но я всё же успел среагировать: перекатился назад через плечо, изготовившись отражать атаки. Их не последовало. Троглодиты всей гурьбой укатились вглубь коридора, и я запоздало сообразил, что не просто так слышал крик Лины...

Она подарила мне жизненно необходимую передышку. Я подтвердил, что не зря ношу звание мастера, но две минуты на такой скорости даже для меня были слишком. Мышцы ныли от усталости, голова слегка кружилась от нехватки воздуха — крутятся волчком, не всегда успеваешь дышать. Ещё минута, и я бы просто потерял сознание от истощения.

Постепенно возвращались заглушенные трансом чувства: правое плечо ныло от удара дубинкой, правое же бедро было серьёзно оцарапано чьими-то не то когтями, не то мечом и кровоточило. Я следил за ворочающимися троглодитами.

Они поднялись, не получив особого вреда, но нападать снова не торопились. Я усеял пол более чем двумя десятками тел и всё ещё оставался боеспособным, так что мог понять, почему другие троглодиты не спешили попробовать меня на зуб. Будь противники умнее или ловчее, я бы уже лежал на полу мёртвый. Если бы мои мечи были выкованы из другого материала, я бы просто увяз в толпе и тоже погиб. Но мне везло.

Услышав трубный рёв из глубины коридора, я понял, отчего троглодиты не нападали. Позади них из бокового прохода вынырнул сутулый силуэт, едва помещающийся в проёме. От его шагов дрожал Базальт. На массивной шее красовался ошейник, цепь от которого держал в лапах рослый троглодит в высоком костяном шлеме. Он вёл великана напрямик ко мне, а прочие горбуны расступались перед этой парой.

— Кир! — заорал я через плечо, не отрывая взгляда от надвигающегося гиганта. — Дружище! Давай скорее, у меня тут тролль!

— Ещё пару минут!

— Пару минут?! — мой крик сорвался на хрип. — У тебя даже половины этого времени нет!

— Я ведь не кудесник, мать твою! Ты же хренов мастер меча, вот и сделай что-нибудь!

— Ах ты!.. — задохнулся я, но препираться времени не было.

Укротитель в шлеме отступил назад, и я оказался лицом к лицу с глыбообразным отродьем.

Оружия у тролля не оказалось, но кулак размером с две моих головы вполне заслуживал такого звания. Да и длиной рук противник явно меня опережал. У меня не осталось выбора, кроме как пятиться в более широкое пространство, где у меня появится преимущество за счёт вёрткости.

Троглодиты тут же зашевелились, видя такой поворот событий. Тролль, напротив, надвигался медленно, злобно сверля меня маленькими глазками из глубины массивного черепа. Он словно смотрел на надоедливую вошь перед тем, как её раздавить. Такое пренебрежение было вполне объяснимо: его габариты позволяли закончить поединок одним ударом, а мои — нет.

Замки со щелчком расцепились — глефа снова превратилось в парные клинки. Я вошёл в зал и остановился у самого проёма, чтобы иметь возможность манёвра и не дать таковой отродью.

Троль без лишних вступлений взмахнул ручищей, метя мне в корпус. Я пригнулся, и удар прошёл мимо, но гигант, похоже, и не рассчитывал попасть: он просто заставил меня прижаться к полу и тут же попытался прихлопнуть другой рукой. Я снова ушёл, нырнув под его кулак. Зал загудел от удара. Пока троль разворачивался, я сделал ещё один приставной шаг влево, к самому углу, и приготовился к прыжку.

Великан повёлся на финт. Он попытался с размаху впечатать меня в угол левой лапой, для чего ему пришлось присесть; я, рассчитывая именно на это, прыгнул и перекатился по его сутулой спине, оказавшись аккурат между отродьем и троглодитами. Раненая нога тотчас заныла ещё сильнее, но оно того стоило. Гигант, потеряв меня из виду, приподнялся и открыл свои щиколотки.

Быстрым взмахом клинка я убил ближайшего троглодита, а второй рукой, уже на развороте, полоснул по ногам тролля, перерубив ему сухожилия над пятками. Великан упал на колени и взревел; я тут же снова перекатился через него, чтобы не остаться между двух огней.

Тут-то моя удача и иссякла. Во время переката троль откинул руку назад, пытаясь достать меня, но промазал. Заканчивая перекаат, я проткнул его толстенную шею, но отскочить не успел. Из неудачного, но широкого замаха кулак великана впечатался аккурат мне в грудь.

Внутри что-то глухо треснуло, воздух с тяжким стоном вылетел из лёгких. Зрение отказало, в голове всё заволочло кровавой пеленой, и я почувствовал, что лечу. Падения уже не ощутил.

Некто сильный быстро волок меня по полу, и девичий голос звенел будто над самым ухом. В груди вращался ураган тупых лезвий. Свет то появлялся, то исчезал. Казалось, это продолжалось целую вечность. Наконец меня затащили в закрывающиеся ворота, приподняв, спустили по лестнице и занесли в коридор, на выходе из которого висела каменная табличка со знакомыми рунами, означавшими только одно слово: «Грань».

Глава 8. Глубины

Я слышал себя словно со стороны и почти ничего не видел, но это и к лучшему. Обломки рёбер пробили лёгкие и не давали дышать. Каждый полу-вдох сопровождался судорогами, руки тряслись, из горла вырывался хрип пополам с бульканьем. Чудом уцелевшее сердце бухало тяжело, сбивалось с ритма и грозилось вот-вот остановиться. Человек-котлета — живой, но ненадолго.

До смерти перепуганная Лина держала мою голову у себя на коленях, чтобы я не захлебнулся собственной кровью, но это не особо помогало. При каждой судороге из губ выплёскивались красные сгустки и падали на развороченную ударом грудь. Куртку они с Киром растегнули, рубаху разрезали. Гном торопливо сыпал на рану, а точнее месиво, белый порошок — снадобье, от которого кровь тут же начинала запекаться.

К счастью, соображал я лучше, чем выглядел, а потому кое-что из происходящего всё же понимал.

— Ну-ка прекращай мне тут, — бубнил Кир, вряд ли осознавая, что говорит. — Ишь, разлётся, ноги врозь! Как будто у нас на это время есть. Сейчас кровь остановим и дальше пойдём, будешь у меня и двадцать, и тридцать часов подряд топать. За такие-то выходки...

Поверх его сбивчивого бормотания раздавались тихие всхлипы. Лина ничего не говорила, её широко раскрытые глаза оставались сухими, но внутри неё будто что-то рвалось, вызывая резкие конвульсивные вздохи. Словно её одна за другой пронзали тончайшие рапиры.

С их стороны это было очень трогательное участие, но каждый из нас троих понимал, что я получил раны, не совместимые с жизнью. На мгновение перед глазами промелькнуло ухмыляющееся лицо Отражения, и прозвучал голос: «Ну что, разве не об этом я тебя предупреждал?» «Об этом» — хотел ответить я, но вместо этого выплюнул ещё одну порцию крови.

У меня оставалось ещё одно, самое последнее средство, но беда была в том, что я не помнил, какое. То, что могло меня спасти, скользило по самой кромке памяти вместе с тающим капля за каплей разумом. Я силился вспомнить, но не мог. Силы заканчивались. Потерянная кровь заменялась болью. Боль прибывала и прибывала, пока не накрыла меня с головой, а спасение всё ещё порхало где-то рядом, наблюдая за тем, как я тону и захлёбываюсь. Мешанина звуков накатывала волнами: стук, грохот, голоса; в какой-то миг мой слух так обострился, что вернулось и зрение.

Я распахнул глаза. Кир сидел рядом, привалившись к стене и обхватив голову руками. Лина гладила меня по волосам и смотрела так, как смотрят слепцы: насквозь, в никуда.

Едва увидев её, я вспомнил.

— Отойдите...

Сам я не услышал того, что сказал, но зато услышал взволнованный голос Лины:

— Что?

Меня окутала тьма, но звук всё ещё проникал сквозь её завесу. Я собрал остатки воли в кулак и выдавил:

— Отойдите... от меня!

За такую сложную фразу я поплатился новыми судорогами, а изо рта потоком хлынула

кровь. На выдохе говорить не получалось, вдохи не получались в принципе, поэтому оставалось только беззвучно разевать рот — словно рыбе. Мир постепенно утопал в тишине.

— Зачем?! — голос девчонки словно доносился из-за стены.

Я не вполне понимал, жив я до сих пор или уже горю в аду, но мысль осталась, и тело выдало её уже без моего участия:

— Я сказал... отошли... от меня... на хрен!

На последнем слове я не удержался и выдохнул. Боль за одно мгновение переполнила моё сознание, и его потащило прочь — всё быстрее и быстрее...

Передо мной появилась серая точка. Я летел ей навстречу. Точка росла и постепенно превратилась в девушку. Она была мне незнакома. Она улыбалась. Ослепительно красивая и спокойная, она смотрела прямо мне в глаза, а серое платье едва заметно колыхалось, завораживая и успокаивая.

Я знал, что мы с ней встретимся, и жаждал этой встречи.

Я летел ей навстречу.

Она улыбалась.

На пути, откуда ни возьмись, появилось разъярённое Отражение, и прямо в моё безмятежное «я» ударило оглушительное: «Куда?! А ну назад!» Чья-то всемогущая рука отвесила мне звонкую оплеуху, я ощутил жар и...

Попал в своё изуродованное тело, отозвавшееся тяжким вдохом на возвращение души. Рядом никого не было — только пустой коридор.

Больше мне ничего и не требовалось. В воображении мгновенно соткалось витиеватое плетение, опутывающее меня плотной паутиной.

«Реинкарнация».

Я не был уверен, что это заклинание сработает, потому что оно вообще-то предназначено не для людей. Оно служит для того, чтобы вернуть Магу утраченную физическую оболочку. Маги — существа высшего порядка, которые способны существовать в виде энергетического сгустка, но когда умирает чародей-человек, его Дар разрушается чуть раньше, чем наступает смерть тела. Дисс показал мне «Реинкарнацию» на самый крайний случай, добавив, что сработать она может только в по-настоящему пограничном состоянии между жизнью и смертью. Если хватит глубины Дара, и он не погибнет. И если хватит умения. И если хватит сил.

Мне, по счастью, хватило всего. Мой же Дар вырвал меня из умирающего тела, заключив в плотный энергетический кокон.

На какое-то время я оказался вне любых чувств, кроме кристально чистого самосознания. Пока «Реинкарнация» выворачивала наизнанку и перекраивала физическую оболочку, моё беспечное «я» не жилось в абсолютной свободе.

Я словно стал выше — или больше — всего, что можно ощутить или пожелать, легче самих мыслей, более того — я превратился в голую суть, квинтэссенцию себя. Без памяти, ума и прочей шелухи, необходимой для существования в физическом мире. Я был мёртв и бессмертен, без малейшего понятия «где» и «когда» я, и есть ли что-то вне меня. Это состояние идеально подходило для того, чтобы перенести вечность. Если бы для него существовало определение, оно бы состояло из несуществующих слов.

Но «Реинкарнация» была создана как раз для того, чтобы держать меня подальше от вечности. Закончив с телом, она освободила моё «я» из кокона и силком затолкала в исправленную оболочку.

Я успел сделать только один вдох, прежде чем окончательно провалился в беспмятство.

На этот раз — просто уснув.

* * *

Очнуться после «Реинкарнации» — это как проснуться с ужаснейшим в жизни похмельем, только ещё хуже. Все внутренности скручены спазмом, голова трещит, пить хочется так, словно в глотку засыпали половину Великой Пустыни. Так как тело по сути новое, все его чувства слегка сбрендили, и в результате хочется разодрать на себе кожу, чтобы унять зуд в мышцах. Правда, сил на это нет. Даже веки приподнять не так-то просто. Словом, нелёгкое это дело — воскресать.

Я пошевелился и с некоторым трудом выдавил из себя нечленораздельное мычание. Кто-то поблизости тут же встрепенулся и взволнованно позвал:

— Эй! Живой?

Глаза наконец-то разлепились, и я увидел Кира. Гном как-то осунулся, растрепался, белки у него покраснели — будто давно не спал. Под нос мне вдруг сунули чашку с водой; я, почти не кривясь от боли, попил и только потом заметил, что поит меня Лина. Она тоже выглядела не очень свежо, но всё равно лучше Кира. Они оба ждали от меня ответа, который я пока дать не мог. Из-за этого мне почему-то стало очень весело.

— Чего лыбишься? — взорвался гном. — Смешно тебе?!

Судорожно покашляв какое-то время, я справился с приступом неконтролируемого веселья и смог ответить:

— Живой, — онемевшие губы плохо слушались, но голос уже окреп. — Пожрать есть чего?

Судя по ответному взгляду Кира, он очень хотел ударить меня в лицо, но стиснул зубы и удержался. Лина молча полезла в сумку за припасами.

Я приподнялся и с опаской окинул себя взглядом. Оказалось, всё не так уж плохо. Туловище до самого пупка сплошь покрывали багровые рубцы, которые на немного посветлевшей коже смотрелись весьма контрастно. На месте резаной раны на бедре тоже красовался шрам. На вид всем повреждениям было больше недели.

— Долго я?..

— Двое суток, — буркнул Кир.

«Неплохо, — мысленно прикинул я. — Быстро заживает. Выглядит страшненько, но калекой я, похоже, не стал».

Лина положила передо мной мешочек с сушёными фруктами, показывая тем самым, что кормить меня не собирается. Пришлось напрячься самому. Меня трясло, как продрогшую собачонку, но двигаться я всё же мог, так что начал неторопливо жевать свою первую за двое суток еду.

— Я думал, хана тебе, — сказал гном. — Не выживают после таких ран.

— А я думал, вы так и не догадаетесь меня послушать, — отозвался я.

— Ну извини. Обычно тот, кто готовится откинуть копыта, просит о противоположном.

— Надеюсь, поняли потом...

— Поняли, поняли. Когда ты зарядил свою магическую хреновину, мы чуть не ослепли.

— Вас бы убило на месте, — пояснил я. — Меня вытащило, а вас — убило.

— Тебя вообще убить можно? — спросил Кир таким тоном, будто не удивился бы любому ответу.

Я хохотнул и тут же снова закашлялся.

— Нужно очень постараться.

— Троглодиты очень старались. И тролль старался. Его башка укатилась на другой конец зала, а ты вот лежишь вполне себе живой.

— Мне повезло, — сказал я уже серьёзно. — Шанс был один из тысячи, что заклинание сработает. Просто повезло.

Тут до меня дошло, что Лина за всё время не произнесла ни слова. Я повернулся к ней и натолкнулся на тяжёлый пронизывающий взгляд. Выдержав долгую паузу, она сказала:

— Я тоже надеюсь, что ты не продешевишь. Не знаю, что такого ты надеешься узнать у Оракула, но очень надеюсь, что вот этого, — она показала на мою испещрённую шрамами грудь, — оно стоит.

На последних словах её голос дрогнул. Лина решительно поднялась и скрылась за углом, оставив меня в лёгком смятении. Кир исподлобья посмотрел ей вслед, а потом осуждающе — на меня.

— Наверное, приняла всё слишком близко к сердцу, — пожал я плечами.

— Она глаз не сомкнула, пока ты без памяти валялся, — сказал Кир. — Я говорил ей — ложись отдохни, всё с ним нормально будет. Мол, я покараулю. Даже слушать не стала, — он махнул рукой. — Вы, человеки, все какие-то придурки. Сначала рискуете самым дорогим, а потом сидите, как куклы, в одну точку смотрите. Коли к смерти не готовы, так сидели бы дома, потомство плодили, а не лезли к чёрту на рога.

Я хотел что-нибудь возразить, но сходу не сообразил, что именно. Гном презрительно фыркнул и отмахнулся:

— Грызи лучше свой завтрак. Выспался, надеюсь? А то моя очередь.

С этими словами он завалился на свой мешок и быстро засопел.

Лина вернулась с припухшими глазами и молча села, привалившись к стене. Она демонстративно избегала смотреть в мою сторону. Каждая деталь её позы говорила, насколько девочка устала. Мне вдруг стало нехорошо — но не от ран, а потому что причиной её усталости был я.

— Ты тоже ложись, — сказал я, не придумав ничего лучше. — Я... полежу на страже. Выспался уже.

Так и не удостоив меня взглядом, Лина последовала совету. В моём распоряжении оказалось достаточно времени, чтобы себя растормошить.

После еды стало намного лучше, но встать всё равно получилось далеко не сразу. По телу бродила слабость, а конечности никак не хотели повиноваться, словно чужие. Кроме того, «Реинкарнация» досуха выпила мои магические силы, а при их недостатке всегда болела голова. Сначала я на дрожащих руках подтянулся и сел, потом перевернулся на четвереньки. В каждом новом положении меня начинало мутить. Желудок за два дня обленился и не хотел переваривать пищу, так что при каждом удобном случае норовил от неё избавиться. Я ему не позволял. Только медленно, шаг за шагом, отрывался от пола.

Спустя примерно час кряхтения, ругани и зубовного скрежета я уже стоял на ногах. Стоял ровно и независимо от стены. Боль в теле не означала, что оно ограничено в движениях — это были всего лишь отголоски травм, исправленных «Реинкарнацией». Слабость бралась из физического и магического истощения. По сути я уже был здоров,

просто моё тело наказывало меня за неподобающее к себе отношение.

Неверной походкой я пошёл по кровавой дорожке и вернулся к лестнице, по которой меня волокли полумёртвого. Врата Кир запер и для верности заклинил петли зубилами. Наверное, троглодиты ещё пытались нас преследовать, но преграда явно оказалась им не по зубам. С внутренней стороны створки оказались не зеркальными, а такими же чёрными, каким раньше был пол, а теперь — потолок. Базальт. Я не мог проверить, но догадывался, что это не просто порода. Если даже гномы не смогли через неё пробиться, значит никто не сможет.

Возвращаясь к спящим спутникам, я заметил, что стены вокруг другого оттенка — желтоватые, а не разных оттенков серого, как раньше. Словно по эту сторону Базальта и впрямь находился совсем другой мир. Кир говорил об этом, но я думал, что он приукрашивает: ну откуда взяться столь чёткой границе? Вопрос этот и сейчас оставался актуальным, но приобрёл ореол таинственности. Природа не создаёт таких ровных поверхностей, а значит кто-то создал Базальт и Глубины. Так у кого же достанет сил, чтобы создать такое, а главное — для чего?

Загадка интересная, но мне было не до неё. Если верить Киру, началась самая опасная часть похода, а я с трудом ноги переставлял. Эту неприятность следовало исправить как можно скорее.

* * *

С меня градом катился пот: во-первых, по эту сторону Врат вообще было жарковато, а во-вторых я несколько часов к ряду упражнялся с мечом. Лёгкий и удобный клинок казался бревном. «Реинкарнация» не смогла полностью меня восстановить, но мне удалось добиться приемлемого контроля над телом. Я уже мог драться, пусть и не на уровне мастера. Полное же восстановление грозило растянуться на недели.

Кир проснулся первым — его разбудил я, когда оступися на очередном выпаде. Гном глянул на меня мутным взглядом, горестно вздохнул, поднялся и начал собираться в путь.

— Ну что, как самочувствие? — Гном достал из мешка кинжал голубоватой стали и повесил его на пояс вместо топора, а тот убрал за спину. — Выдержишь день на ногах?

— А куда деваться? — Я утёр лоб рукавом. — Выдержу.

— Ну-ну.

Пока Кир рассовывал по карманам склянки с эликсирами, я разбудил Лину. Девушка явно не выспалась, но не выглядела недовольной, а мне даже бегло улыбнулась. Сам того не заметив, я вздохнул с облегчением — её холодность накануне здорово подпортила мне настроение.

Если говорить уж совсем честно, у меня душа была не на месте. Лина ни разу всерьёз на меня не обижалась. Долгие месяцы я думал, что она вообще не умеет этого делать, но теперь на горьком опыте убедился в обратном: какой бы расчудесной спутницей ни была Лина, её терпение не безгранично. Странно — я чуть не умер, а беспокоился больше о том, что расстроил девчонку. Её боль почему-то вдруг стала важнее моей собственной.

Вдумываться, что это может означать, я не стал. Чтобы впредь избежать болезненных коллизий, следовало вести себя осторожнее, а значит больше думать о дороге, чем о делах душевных.

— Кир! — позвал я. — Много на Глубинах таких безопасных зон?

— С чего ты взял, что она безопасная?

— Не знаю даже. Может, потому что за трое суток к нам в гости так никто и не нагрязнул?

— Это только пока. Просто местное население ещё не пронюхало о том, что вечно закрытые ворота открылись. Как только они это поймут, здесь станет не продохнуть.

— Ты же закрыл ворота, — подала голос Лина.

— О, это уже совсем другое дело. Я взломал Печать. Ворота открываются и закрываются, а сдерживала всю эту мразь именно Печать. Сложить её заново мне уже не под силу.

— А кому под силу?

— Чёрт его знает, — пожал плечами гном. — Это очень древняя магия. Когда Врата обнаружили, Печати на них уже были. Версий много, но всё это домыслы.

— Во всяком случае, мощью этот некто обладал чуть ли не божественной, — вставил я. — Замок есть и с той, и с другой стороны двери. Если Врата находились в толще камня, то вывод только один — они старше, чем эти горы.

— Да чушь, — Лина помотала головой. — Как может быть что-то старше самого камня? Кир?

Копатель некоторое время задумчиво жевал завтрак. Он словно игнорировал вопрос, но потом оказалось, что гном просто собирался с мыслями.

— Чуть больше тысячи лет назад мои предки докопались до Чёрного Базальта, — начал он. — Пробить его они не смогли, а потому двадцать восьмой ярус стали вырубать вдоль него. Вырубали до тех пор, пока не наткнулись на первые Врата. Сначала не поняли, что это такое. Ну, зеркало, ну с хреновиной посередине. Чего с ней делать-то? Потом сообразили, что к чему, но открыть замок не смогли. И так его вертели, и сжак. Всё впустую. А потом совет старейшин запретил Врата трогать. Со всякими непонятными хреновинами надо поосторожнее — так там рассудили. Мудрейшее было решение! Но места оказались рудными, а потому двадцать восьмой продолжал расширяться, притом довольно быстро. Через сотню лет после первых нашли вторые Врата. К тому времени байки про них ходили уже разные. Например, что по ту сторону находится огромная сокровищница с горами золота и самоцветов. Наш брат в такое с радостью верит... Вот и засомневались в совете: может, всё-таки открыть? А вдруг и правда зря осторожничают?

— И что, открыли?

— Нет, тогда нет. Решили повременить. Но вот прошло ещё полвека и нашлись третьи Врата. Уже тогда кто-то сообразил, что все Врата вписываются в дугу, а потому четвёртые и пятые нашлись ещё быстрее. Совет по-прежнему запрещал трогать замки, но споры уже шли нешуточные. Царство Тингар процветало, владения росли, сокровищницы пополнялись, вот гномы и потеряли страх. Возомнили, что нет такого врага, с которым подгорное племя не справится. Придурки жопоголовые... Когда нашли шестые Врата, совет сдался. Все шесть Врат вписывались в ровнёхонький круг. А что значит круг? Круг — это Тор.

— Тор? — переспросила девчонка.

— Легендарное царство гномов, — пояснил я. — Оттуда в Нирион пришёл Кадар, первый гном.

— Именно, — кивнул Кир. — Такой аргумент перевесил бы что угодно. Решили открыть Врата, и начали с Первых.

— И?..

— И не смогли. Как только не изгалялись. Каждый член совета по очереди подходил к замку и крутил-вертел механизм, да всё без толку. Врата не открывались. Пару десятков лет это была главная загадка для всего моего народа. А потом пришёл бродяга с Опавших Гор, гном без роду-племени, и за день эту загадку решил. Открыл Первые Врата и показал, как открыть остальные. Наши в затылках почесали да и решили, что надо снарядить экспедицию. В считанные часы набрали пятьдесят три желающих, а во главе встал глава Совета. «Первопроходцы» — так окрестили отряд. Провожали их с такой помпой, словно они уже весь Тор обошли и назад вернулись. Проводили. Ушли они, а всё подгорное племя сидит и ждёт, затаив дыхание. Слухи-то быстро разлетелись — из других подгорных царств тоже делегации понаехали, встречать «Первопроходцев». Неделю их ждали. Месяц ждали. Никто не вернулся.

Кир вздохнул и сокрушённо покачал головой.

— Вторую экспедицию подбирали тщательнее. Сотня лучших вояк, вооружённых до зубов, да с таким обозом, что на целую войну бы хватило. Выстави ту сотню против полтысячного войска людей — все кости бы вашим солдатам переломали, без обид. Но через три дня вместо ста отважных гномов вернулось два совершенно не боеспособных юродивых. И то, вернулись — это ещё как посмотреть... Трад и Форин их звали. Доспех у них остался нетронутым, только перемазан в слизи. Трад выдавил себе глаза. Форин пускал слюни. Бороды у обоих изорваны, пальцы стёрты в кровь. Один за другого уцепился — так и добрались обратно. Ничего кроме воплей и безумного бормотания от них так и не добились.

— Мда... — протянула Лина. — И туда мы сейчас направляемся?

— Я там был, девонька. Если ожидать всего, что угодно, и по возможности избежать любой гадости, то выжить вполне можно. Но они-то этого не знали. Кинулись, небось, отважно вопя, на какую-нибудь Тень. Вот и поплатились... Совет после того случая долго заседал. Одни хотели устроить полномасштабное вторжение, другие — запечатать Врата. Одни считали, что Тор захвачен недругами, другие говорили, что это и не Тор вовсе, а Бездна. На время совещания Врата закрыли, а они через пару суток взяли да открылись. И повалило оттуда... Тварей было не так уж много, но достаточно, чтобы отбросить гномов сразу на два яруса. Наши сначала вгрызлись в свои позиции, а потом посчитали потери и снова отступили. Сначала на двадцать второй. Потом на восемнадцатый. Потом на тринадцатый. Так и докатились до десятого постепенно.

— А чего не попытались завалить проходы? — не унималась Лина. — Ведь появились же копатели. Добрались бы до Врат и обрушили потолок.

Кир повернулся к девчонке и посмотрел на неё как на неразумное дитя. Снизу вверх такой взгляд выглядел ещё обиднее.

— Ты, небось возомнила себя умнее Совета? Обрушивали. Самоубийственная была задача, но нашлись такие у нас, кто справился. Толку — чуть. Камнеяды преспокойно прогрызают завал, а Тени вообще проходят его насквозь. Только Базальт и Печати их останавливают. А завалы они, как оказалось, вполне могут разобрать...

— А откуда ты знал, как открыть замок?

— Это Пятые Врата. Так получилось, что их нашли по порядку, идя по дуге, от одних к другим. И в том же порядке их открыли. Когда Сид, тот самый отщепенец, решил первую головоломку, старейшины поняли свою ошибку. Загадку они разгадали, но не догадались составить ответ в зеркальном отражении, хотя поверхность створок, как вы могли заметить...

— Зеркало. Да, обратил внимание, — подтвердил я.

— Решение записали и положили в архив. Остальные пять замков отличались от первого, но открывались по той же схеме. Каждый копатель с тех пор знает эту схему, просто на всякий случай. Вторые Врата открыли сразу после отправки первой экспедиции. Третьи только полтора века после Вторых и примерно в такой же ситуации, как у нас — копателя припёрли к стенке. Четвёртые лет сорок назад открыл один не в меру жадный и глупый гном, которого потом изловили и выставили за кордон. Не думаю, что он протянул в тоннелях дольше месяца. И вот сейчас мы открыли Пятые Врата.

— А если твои сородичи узнают, что мы сделали? — забеспокоился я.

— Вообще-то открывать Врата как бы запрещено, — Кир поскрёб в затылке. — Если наверху узнают, судилище будет суровое, так что трепаться об этом не советую. Вас скорее всего заклеят и изгонят, а меня... ну, скажем, мне дадут возможность умереть красиво. Но на деле никто не почувствует разницы. Если вдуматься, двух открытых Врат хватило для того, чтобы вытеснить нас на десятый ярус. Что изменится теперь? Основная проблема верхних ярусов — отродья, а они лезут не из Глубин. Поэтому просто помалкивайте и ничего вам не будет.

Пока Кир рассказывал о Вратах, мы полностью собрались в дорогу. За время нашего путешествия мешки изрядно полегчали — мы съели половину припасов. Учитывая, что подъём обычно длится дольше, чем спуск, это был тревожный знак. Нам больше нельзя было терять ни минуты.

— Готовы познакомиться с Глубинами? — спросил гном, в сотый раз проверяя все ремешки.

— Да.

— А вот чёрта с два. Повторяю главные правила. Первое. Не бежать вперед, не производить лишних звуков и не делать ничего без моего ведома. Захотели по нужде — спросили меня, можно ли это сделать. Если прикажу падать на пол — валитесь без оговорок и быстро. Второе. Разговоры только с моего разрешения. Наговоритесь, когда выберемся. Третье. Не верьте глазам, если увидите что-то обычное. Там нет ничего обычного. Даже камня. Даже воздуха.

Мы с совершенно серьёзными лицами покивали, давая понять, что усвоили информацию. Кир недоверчиво посмотрел на нас, вздохнул и сказал:

— Да помогут нам Горы.

* * *

— Стойте! — Кир на бегу вскинул руку. — Передохнём тут.

Мы с Линой, изрядно запыхавшиеся, побросали мешки на пол и прислонились к красноватому камню стен.

Прошло чуть больше суток с тех пор, как мы спустились на двадцать девятый ярус, а впечатлений уже хватило бы на десятилетия вперёд. Если бы не Кир, который проводил, проталкивал, протаскивал нас в обход всех опасностей, мы с Линой не прошли бы по Глубинам и сотни саженой. Я быстро потерял счёт случаям, когда он одёргивал и спасал нас в самый последний момент.

Решение спуститься на Глубины перестало казаться мне удачным уже через час. Хочешь развлечься — прыгай через костёр, а не в жерло извергающегося вулкана. Да, я определённо

пожалел, что не прислушался ко всем, кто меня отговаривал. Но что было делать? Возвращаться? Всё равно что пройти сотню лиг и развернуться на последней версте. Тем более что в главном я не ошибся.

Энергии на Глубинах скопилось столько, что меня так и тянуло в ней искупаться. Солнечные кристаллы, торчащие здесь повсюду и превосходно решающие проблему освещения, запитывались буквально из воздуха. Столь насыщенный Эфир я видел только в одном месте — древнем храме, осквернённом некротом. Только там скопление было местечковое, как деревенское озерце, а здесь плескалось настоящее море. В таких благоприятных условиях мои силы быстро восстанавливались, я мог бы колдовать почти без остановки, если бы Кир разрешил.

Пространство от избытка энергии местами сходило с ума. Едва войдя на Глубины, мы угодили в комнату с исчезающими дверями. Когда-то очень давно она была зачарована, но вихри в Эфире так буйствовали, что плетение разорвало в клочья. В результате выход то появлялся на одной стене, то перескакивал на другую, причём так быстро, что мы при всём желании не успели бы в него проскочить. Выбрались так же случайно, как попали: я прощупывал стену, и вдруг рука провалилась в материализовавшийся под ней дверной проём. Пока я находился на полпути из комнаты, выход не исчезал, так что мы быстренько шмыгнули наружу — и оказались на середине моста, перекинутом через искусственное ущелье с лавовой рекой на дне.

Местами тяготение перескакивало с пола на стены и на потолок. Кое-где оно отсутствовало вовсе — вокруг летающих металлических шаров предметы парили прямо в воздухе. Почти все Глубины были усеяны строениями, возведёнными в самых невероятных формах: они крепились к стенам пещеры и Базальтовому своду, соединялись тонкими мостиками и большими изогнутыми трубами, могли располагаться посреди колонны или на самом конце горизонтально торчащей балки. К некоторым зданиям не вела ни одна лестница, и попасть в них можно было только с помощью крюка и верёвки. Эта странная архитектура отличалась тонкостью, переходящей в изящность, и монолитностью: каждое строение было уникальным и законченным произведением искусства. Разумеется, очень немногие из них уцелели в первозданном виде — в основном из-за тварей.

Кир утверждал, что Глубины — это ад, Бездна, но мне они представлялись некогда чудным городом, который по чьей-то воле превратился в зловещий отвратительный гротеск. Живность здесь водилась самая невообразимая. Когда-то я прочёл «Бестиарий» Алекко Учёного, но этот талмуд не содержал даже сотой части видов, которых мы повстречали на Глубинах. На поверхности отродья, мутанты и химеры появлялись как результат возвратов. Здесь же избыток энергии заставлял тварей мутировать без конца и края, а крайне агрессивная внешняя среда катализировала этот процесс. Замкнутый круг: когда слабая тварь мутировала и превращалась в сильную, она становилась частью агрессивной среды для других тварей, которые отныне считались слабыми. В силу своей замкнутости Глубины превратились в огромную банку с пауками; жизнь большинства здешних обитателей потеряла всякий смысл, кроме того чтобы убивать и быть убитыми. Воюя между собой, твари постепенно разрушали здания или уродовали их, превращая в свои гнёзда. На площадях всегда дрались и умирали, самые тёмные углы кишели личинками и молодняком. Нам оставались только узкие переулки, трубы да разные труднодоступные проходы.

Двигались в основном перебежками. Лучшей тактикой по-прежнему было оставаться незамеченными, но на Глубинах это удавалось намного реже. Поэтому бегать приходилось

часто. Когда тварь попадалась медлительная, мы отрывались. Если не удавалось — забивались в какую-нибудь щель, где нас не могли достать. Если и этот вариант отпадал, дрались. Но самый хитрый способ ухода от погони нам растолковал Кир. Звучала сия мудрость так: «Убегая от гниды, которую не можешь одолеть, столкни её с другой гнидой. Они непременно кинутся друг на друга, а ты тем временем линияй». Сработало в семи случаях из восьми. В восьмой, линияй, мы нарвались на ещё более крупную тварь, которая раскидала нас по углам и гоняла ещё с полчаса.

Собственно, после этого-то мы и остановились в неприметном закутке отдышаться.

— И на старуху бывает проруха, — резюмировал Кир и повернулся к Лине. — Как нога?

Девушке не повезло больше всех. Каменный голем, заставший нас врасплох, слегка зацепил её ногой, и Лина хорошенько приложилась коленом о ступеньку. Убегала она уже прихрамывая.

— Жить буду, — отозвалась девчонка. — Вроде, ничего не сломано.

— Я её подлатаю? — спросил я. — Если она не сможет бежать, мы сильно замедлимся.

— Валяй, — отмахнулся Кир.

На Глубинах он стал значительно лояльнее к применению магии, хотя и ворчал, что некоторые твари её чувят. Просто на Глубинах польза от колдовства наконец перевесила неприятности от него.

Я прикоснулся к месту, которое Лина зажимала рукой, и создал исцеляющее плетение. Через пальцы к ушибу хлынуло тепло. Затраченная энергия тут же восполнялась извне — я просто черпал её, как воду из реки.

— Будешь меня лечить от каждой царапины? — девчонка хитро улыбнулась.

— Ты права, — кивнул я. — Надо было давно тебя бросить, как обузу.

Ответом мне был болезненный тычок в бок.

— Шутник нашёлся.

— Сама такая.

— Разговорчики, — буркнул Кир, и мы замолкли.

Судя по звукам, неподалёку кого-то жрали или зачинали. Сильно пахло горелым — на выходе из закутка лежала горка обугленных останков. Чем ниже мы спускались, тем жарче становилось, а некоторые твари вдобавок использовали огонь как оружие. По специальным желобам и в ущельях неторопливо текли лавовые потоки, приближаться к которым было всё равно, что лезть в затопленную печь. Мы сняли с себя всё, что можно было снять, не опасаясь за собственную жизнь, но всё равно обливались потом так, что оставшуюся одежду — хоть выжимай. Да, в некотором смысле Глубины действительно напоминали преисподнюю.

Ярусность здесь стала достаточно условной. Я точно не понял разницы между, например, двадцать девятым и тридцатым, просто верил Киру на слово, когда он говорил, что мы спустились ещё на один ярус. Мы то находились на дне гигантской пещеры, то вдруг оказывались под её потолком, хотя шли в основном по горизонтали. Каким образом гном здесь ориентировался, для меня по-прежнему оставалось загадкой.

— Скоро спустимся на тридцать третий, — сказал он вполголоса. — Самый глубокий ярус, на котором я бывал. И, насколько я знаю, ниже только Огонь Глубин.

Кир заглянул в мешок, пошерудил в нём рукой и продолжил:

— Еды осталось меньше половины. Чем дольше будем искать Оракула, тем сильнее будем голодать на обратном пути. Мы уже и так затянули пояса, но этого всё равно

недостаточно. Если с едой станет совсем плохо, всегда есть последнее средство, — он кивнул на дымящуюся грудку мяса и костей.

Мы с Линой переглянулись, гадливо морщась.

— Лучше ещё сильнее затянем пояса, — сказала девушка.

— Ты же знаешь, где искать Оракула? — я взглянул на гнома с надеждой.

— Уверенности нет, — Кир задумчиво откусил от засохшей лепёшки. — Тридцать третий ярус всё-таки. Мало кто там бывал, так что сведений очень мало. Но парочка предположений есть. Например, там почти возле самой лестницы подряд идёт несколько цветных залов. До конца их никто ещё ни разу не прошёл.

— Почему?

— Магия, — гном посмотрел на меня в упор. — Пока ты в зале, тебя словно подменяют, становишься сам не свой. В промежутках между ними ничего, а внутри — чертовщина какая-то. Некоторые даже первый пройти не могут. Я застрял на седьмом.

— А всего их сколько?

— Ты что, глухой? Никто дальше не ходил, никто не знает. Через проём видать, что дальше есть какое-то светлое помещение, но заходишь в чёртов зал, и от страха ноги отказывают. Как болванчик становишься, в голове от ужаса ни единой мыслишки.

— А с другой стороны в то помещение не попасть?

— Искали, — кивнул гном. — Пройти, не поджарившись до хрустящей корочки, там можно только в одном месте. Когда будем на месте — сам поймёшь. Тридцать третий ярус не сильно опасный, но...

Вдруг Лина начала неистово дёргать меня за рукав, округлившимися глазами глядя нам за спины.

— Эй, эй, смотрите!

Мы мгновенно обернулись. В переулке, по которому мы совсем недавно прошли, возник силуэт. Непроглядно-чёрный, выше меня на добрый локоть, тощий, он появился прямо из стены. Руки у него свисали почти до пола, а головы словно и не было вовсе. Он двигался плавно, словно находился под водой, отчего выглядел ещё более устрашающе.

— Тень, — прошептал Кир. — Не упускайте его из виду и медленно пятьтесь. Молча.

Почти наверняка Тень заметила нас, но отчего-то не спешила набрасываться, в отличие от других обитателей Глубин. Просто стояла и, похоже, каким-то образом нас обнюхивала. Если бы тишина и мрак имели запах, то это было примерно то чувство, которое я испытывал, глядя на это существо. Через Эфир я увидел его ауру: бесплотная Тень оказалась вполне живой.

Заглядевшись, я совершенно забыл о приказе Кира, поэтому вздрогнул, когда меня осторожно взяли за плечо и потянули назад. Тень тотчас зашипела и двинулась к нам. Едва заметив это, гном дёрнулся прочь и увлёк за собой Лину, но я крикнул им вслед:

— Стойте!

Шипение было не угрозой, а словом, которое я скорее ощутил, чем услышал. Тень всего лишь назвала нас «чужаками».

— Сбрэндил?! — прошипел гном, и в его голосе как раз явственно ощущалась угроза.

Я приложил палец к губам и сделал страшные глаза, давая знак молчать. Кир уничтожил меня взглядом и дёрнулся было снова, но на этот раз его удержала Лина. Она поняла, что у меня есть план, и решила ему довериться.

План мой заключался в том, чтобы поговорить с Тенью, так как я сильно сомневался в

том, что от него — да, именно от «него» — можно убежать. Это существо таинственным образом сочетало в себе демоническую и животную суть, а образ мыслей его был очень близок к человеческому — иначе я бы не понял его речь. С ним можно было договориться.

— Смелые, глупые чужаки, — Тень надвигался неторопливо, но угрожающе.

За моей спиной раздалось отчётливое бряцание зубов.

Слова Тени появлялись в моём воображении чередой быстрых импульсов, и лишь потом складывались в нечто осмысленное. Вот же вопрос — как поговорить с тем, кто общается в обход всех органов чувств?

Я напрягся и попытался передать свои мысли таким же образом — прямо в сознание Тени. С таким же успехом корова сражалась бы бердышом: мои усилия канули втуне. Однако я понимал и воспроизводил любой язык, а значит и этот не должен был стать исключением.

Закрыв глаза, я сосредоточился на том, что услышал, и представил, что общаюсь с обычным человеком. Из моей глотки вырвалось прерывистое шипение, которое должно было означать «Мы пришли с миром!», но смог ли я это передать?

Тень подошёл вплотную, навис надо мной и замер. Я не дышал. Кир с Линой тоже. В непосредственной близости от Тени свет преломлялся как-то неправильно, из-за чего казалось, что искажается само пространство; в самом же теле существа не было ничего, кроме чистейшей черноты. Само солнце не смогло бы высветлить её, настолько она была непроницаема.

— Ты умеешь говорить, — наконец прошипел Тень. — Значит, у тебя есть шанс дать мне повод сохранить вам жизнь.

— Мы просто хотим пройти, — произнёс я, борясь с ощущением, что собеседник нагло влез в мою голову и копается в извилинах.

— Это не ваши владения, — отрезал Тень. — С какой стати вы здесь шастаете?

Говорить с ним становилось всё проще, но в то же время внешний мир мерк — я словно с головой погрузился в наш с Тенью ментальный канал, так что слух и зрение отошли на второй план.

— Мы ищем Оракула.

Тень издал кашляющий звук, который я расценил как смешок.

— Глупцы, — протянуло существо. — Даже не представляете, что ищете. Источник ответит на один вопрос, а взамен возникнет ещё сотня. Те знания не для ваших шатких умов. Они погубят вас прежде, чем вы ими насытитесь.

— И всё же мы рискнём, — натужно шипел я. — Нам жизненно важны эти ответы.

— Как и всем. Глядя на меня, что ты видишь?

— Ничего. Черноту.

— Ты боишься?

— Да.

Тень наклонился к моему лицу и, помолчав, прошипел:

— Правильно.

— Боюсь, но не отступлю, — поражаясь своей наглости, выдал я. — Слишком далеко мы зашли, чтобы отступить.

— Смелый и глупый, — повторил Тень. — Я знаю, что ты не отступишь. Я тоже не отступил, когда следовало.

Повисла тишина. Я вглядывался в дрожащий мрак, замерший перед моим лицом, и

гадал: стоит ли мне прислушиваться к существу, которое понятия не имеет о том, что значит быть человеком? Насколько его опыт применим ко мне?

— Ты пропустишь нас? — спросил я осторожно.

— Это будет почти то же самое, что убить вас прямо сейчас, — Тень чуть наклонился в сторону. — Только менее гуманно.

— Почему ты не хочешь нас пропустить?

Существо выпрямилось.

— Вы, чужаки, совсем обнаглели, — с ноткой раздражения сказала оно. — Считаете, что можете гулять по нашему дому, когда вам вздумается. Я только что убил одного и прогнал остальных, а уже новые набежали. Всех подряд, что ли, пропускать?

— Здесь был кто-то ещё? — насторожился я.

— Двое гномов, — Тень повернулся в сторону Кира, — трое мужчин и женщина, похожая на вашу.

— Мы ничего о них не знаем, клянусь.

— Меня это не интересует, — существо усилило напор импульсов, от чего у меня загудела голова. — Вас всех тут быть не должно. Это НАШ мир. Мы родились здесь и погибли. Мы сами построили Город и сами привели его в упадок. Всё, что ты видишь вокруг — наше. Больше десяти тысяч лет здесь всё было спокойно, пока вы не просочились сквозь Грань. С тех пор вы как паразиты, которых никогда не передавишь до последнего. Вторглись к нам, начали войну, проиграли её, а теперь шныряете тут маленькими группками, крадёте понемногу. Мы давно оставили вас в покое, почему бы и вам нас не оставить?

— Так и сделаем, — заверил я. — Я передам твои слова всем остальным, постараюсь, чтобы вас больше не беспокоили. Только позволь нам добраться до Оракула. Пожалуйста.

— С чего мне тебе верить? Ты ведь даже не послушал моих предостережений. Существом вроде вас вечно будет нужно то, что вам не принадлежит.

— Мне нужно всего три ответа, — задыхаясь, шипел я. — И я прошу разрешения их получить. Гном, что со мной, тоже ищет способ прекратить вашу вражду. Он хочет снова запечатать Врата, но не знает как. Помогите нам, и мы постараемся помочь тебе.

Тень какое-то время молчал. Наш ментальный канал расширился — собеседник прощупывал моё эмоциональное состояние, чтобы понять, лгу я или нет. Ощущения от этого были скорее неприятные — словно ледяной червь заполз за шиворот. Однако такой обмен действовал в обе стороны, так что я в это время тоже смог заглянуть в душу этой черноты.

Этого делать не следовало. Едва сунувшись туда, я понял, что Тень имел в виду под «мы умерли». Его душа была похожа на дом, в котором убили жильцов, а потом вынесли всё мало-мальски ценное. Если и сохранилось там что-то живое, так только блеклые воспоминания о настоящей жизни. У Тени не осталось чувств, одни их подобию: обида, радость, стыд, отчаяние — я даже не сразу отличил их друг от друга, настолько они оказались безликими. И злоба его была — не злоба даже, а тупое враждебное отвращение ко всему на свете. Беспричинное. От одной лишь удушливой тысячетлетней тоски.

Не так уж трудно было понять, почему он так хотел, чтобы их оставили в покое.

— Нет смысла запечатывать Врата, — сказал Тень наконец. — Однажды отрытое откроется снова. Но я сделаю для вас исключение. Чтобы добраться до входа в Источник, идите в самый низ, ищите цветные залы. Вам не будут мешать.

— Спасибо, — выдохнул я.

— Увижу вас снова — убью, — безразлично добавил Тень. — Идите.

Я не заставил просить себя дважды и сделал знак Лине и Киру, что можно идти. Мы поспешно собрали свои вещи и чуть не на цыпочках удалились. Перед тем, как скрыться за поворотом, я всё же рискнул обернуться: Тени уже не было.

Едва мы отошли на безопасное расстояние и нашли новый островок спокойствия, Кир остановил меня, жёстко дёрнув за рукав.

— Ты с ней говорил, — он не спрашивал, он утверждал.

— Говорил, — недоумённо кивнул я.

— О чём? — Кир требовательно смотрел мне в глаза.

Я вкратце пересказал разговор с Тенью. Гном отреагировал холодно — словно не поверил ни единому моему слову. Сжатые кулаки и взгляд исподлобья были тому подтверждением.

— Откуда ты знаешь их язык?

Я фыркнул, сообразив, почему Кир так напрягся. Тени — заклятые враги, а гномы не ведут переговоров с врагами.

— Он их все знает, — сказала Лина. — Даже те, которых раньше никогда не слышал.

Её вмешательство оказалось кстати: готовый взорваться гном слегка остыл, но всё ещё смотрел на меня недоверчиво. Столь подозрительных личностей я прежде не встречал. Кир прошёл со мной десятки лиг по опаснейшим местам, прикрывал мне спину и позволял прикрывать свою, но один разговор — и его доверие улетучилось, как не бывало. Попав на Глубины, я стал доверять копателю слепо и по наивности думал, что это взаимно, но не тут-то было. Для Кира общих интересов и совместно преодолённых трудностей оказалось недостаточно.

— Как это так? — гном не спешил убирать руку с рукояти кинжала.

— Родился такой, — процедил я. — Ты чего так разнервничался? Не понимаешь, что если бы не этот разговор, он бы нас не отпустил?

— В том-то и дело, — копатель упрямо выгнул шею. — Как-то слишком хорошо всё звучит!

— Слишком хорошо? В каком это месте? Что он убьёт нас при следующей встрече или что считает бесполезным запечатывать Врата?

Гном громко сопел. Понял, что не сможет поймать меня лжи, но и верить не спешил. Эта его упёртость начала меня раздражать.

— Подеритесь, что ли, — язвительно вставила Лина. — Самое время и место.

— Кто я, по-твоему? — насмешливо прищурился я, глядя на гнома сверху вниз. — Соглядатай? Диверсант? От кого, от этих Теней что ли? Пораскинь мозгами, Кир! Я не виноват в том, что понимаю любую речь, и понятия не имею, откуда у меня эта странность. Но это правда. Если бы я хотел тебе соврать, измыслил бы что-нибудь поубедительнее, потому что это самая неправдоподобная ложь, которую можно придумать.

Кир ещё посопел и, наконец, вздохнул.

— Когда эти твари вылезли из Врат, они не стали с нами разговаривать, — сказал он значительно спокойнее. — А стали сразу убивать.

— Потому что прежде вы отправили к ним вооружённые отряды. Я бы на их месте тоже расценил это как агрессию. — Брови гнома снова сошлись, поэтому я поспешил пояснить: — Я их не выгораживаю. Просто ты не чувствовал того, что чувствовал я во время разговора. За что бы ты ни хотел их наказать, Тени уже наказаны на тысячи лет вперёд. У них тут случилось что-то такое, на фоне чего ваша беда выглядит как незначительные трудности. В

вашем случае, по крайней мере, всё обратимо. А для них уже давно всё конечно. Они злы и жестоки, но только потому, что у них ничего кроме злости больше и не осталось.

— Не думай, что я во всё это возьму и поверю.

— Да я и не думаю. Просто так было бы проще. Я уверен, что он не солгал ни в чём. Вопрос только в том, думаешь ли ты, что я лгу?

Кир задумался.

— Это не имеет значения, — сказал он. — Всё равно мы уже направляемся туда, куда он нас отправил. Значит, пойдём дальше, как шли. А по пути как раз будет видно, насколько ты прав.

Я не ответил, но гном и не нуждался в ответе. Он молча закинул мешок за спину и пошёл дальше. Лина посмотрела на меня осуждающе и двинулась следом. Мне ничего не оставалось, кроме как вздохнуть и идти за ними. Я-то знал, что не ошибся, но как убедить в этом остальных?

Шлем Кира недоверчиво буравил меня неподвижным взглядом змеиных глаз.

* * *

На труп мы наткнулись спустя каких-то полчаса. Он лежал в конце очередного полупустого зала, на плавной лестнице, ведущей к выходу. Перед нами лежал средних лет мужчина, одетый по-походному, но я мгновенно опознал в нём чародея — только у него могли быть такие холёные руки и волосы.

Как ни странно, мертвец вовсе не походил на мёртвого. Лицо спокойное, глаза полуприкрыты. Точь-в-точь как у человека, прилёгшего отдохнуть и задумавшегося о том о сём. На теле я не заметил ни одного повреждения, даже поза казалась бы вполне естественной, не лежи труп на ступеньках. Мне приходилось прежде видеть живых, похожих на мертвецов, но мертвецов, похожих на живых — никогда. Признаться, довольно жуткое зрелище.

— Явно клиент Тени, — сказал гном после краткого осмотра тела.

— Веришь теперь? — я с трудом оторвал взгляд от лица несчастного.

— То, что он не солгал в одном, не значит, что всё им сказанное — правда.

— Выглядит целым, — подала голос Лина.

— А ты думала, его порвёт на части? — Кир усмехнулся. — Тени убивают тихо. Взрывают разум, уничтожают дух. Вот уж не знаю, что лучше — получить ножом по горлу или вот это.

— Лежит он тут всего ничего, — сказал я. — Даже твари не успели оприходовать. Часа три, может четыре назад он ещё был жив. Как думаешь, кто остальные?

Кир посмотрел на меня исподлобья, и я добавил язвительно:

— Конечно, если Тень не солгал про остальных.

— Двое гномов явно копатели. Скорее всего, нанялись проводниками. Что за люди — понятия не имею. Ваш брат обычно держится от Глубин на расстоянии слухов.

— Этот — точно чародей. Остальные, вероятно, тоже.

— Тогда тем более не знаю. У нас живёт двое магов-отступников, которых Меритари загнали в угол. С ними у нас взаимовыгодные отношения, так что последнее, чего они хотят — это лезть на Глубины. Самих Меритари наши и на арбалетный выстрел не подпустили бы. В подземелья можно попасть и в обход города, но эти штольни без проводника тоже не

найти. Если это кто-то с поверхности, то могли пролезть по ним. Теоретически.

— Понятно, что ничего не понятно, — вздохнула Лина.

— Да уж, тут прям небывалый ажиотаж среди чародеев, — Кир повернулся к выходу. — Ладно, пошли, хорош трепаться.

Я посмотрел напоследок на мёртвого чародея. Почему-то захотелось его похоронить — наверное, потому что в столь враждебном месте даже чужой человек казался близким. В других обстоятельствах я бы так и поступил, или хотя бы сжёг тело, чтобы оно не досталось хищникам. Но в этот раз пришлось оставить мертвеца нетронутым. Слишком велик был риск обнаружить себя.

До спуска на тридцать третий ярус мы шли ещё пару часов. За всё это время нам не встретилась ни одна тварь. То ли нам катастрофически везло, то ли Тень и правда расчистил дорогу. В отдалении слышались жутковатые завывания, усиливаемые многократным эхом, но мы знали, что на безопасном расстоянии от их источника.

Крадучись мы достигли искомой винтовой лестницы. Исходящий из неё жар сбивал с ног. Кир велел нам обмотаться одеждой по самые глаза, чтобы не обжечься — мол, внизу будет ещё жарче. Он не преувеличивал. Уже здесь к стенам невозможно было прикоснуться, а жар от ступенек отлично чувствовался даже сквозь толстую подошву. Мы медленно преодолели сто двадцать одну ступеньку и очутились на площадке, зависшей над озером раскалённой почти добела лавы.

Из-за жара и яркого света глаза нельзя было открыть дольше, чем на секунду. Мы дышали сквозь ткань, но воздух всё равно обжигал горло, точно внутрь проскальзывали языки огня. С трудом сохраняя ориентацию в пространстве, мы с Линой двинулись вслед за Киром по каменному мосту, который привёл нас на другую площадку. Здесь обнаружилась дверь; гном распахнул её ударом ноги и, едва все вбежали внутрь, быстро захлопнул.

В коридоре, в котором мы оказались, тоже было жарко, но даже не вполовину так сильно, как на мосту.

— Понял теперь, почему другой вход искать не вариант? — спросил копатель, сдёрнув повязку с лица.

Я понял, но решил не отвечать — тоже избавлялся от нагретых обмоток. Чтобы промочить пересохшее горло, отпил из мехов — словно хлебнул из недавно закипевшего чайника. Если бы тот мост оказался в два раза длиннее, нас бы просто высушило по пути, как каплю воды на сковородке.

— Это и был тот самый Огонь Глубин? — спросила Лина, приложив ладони к щекам.

— Нет, Огонь чуть дальше, — Кир тёр опалённые брови. — Сверни мы направо от двери, вышли бы как раз на спуск к нему. Там такой здоровенный круг из Базальта, на который если сесть, то можно свесить ноги прямоком в лаву.

— И что там такого, ради чего стоит жариться живьём? — я наслаждался «прохладным» воздухом.

— Там живёт феникс, — ответил гном тихо. — Живёт, умирает, опять живёт, опять умирает.

— Феникс? — Лина даже забыла о своих ожогах. — Настоящий?

— Самый что ни на есть. Я один раз его видел. Он тогда как раз начал выгорать.

— Выгорать? — я тоже заинтересовался.

— Да. Говорят, он вылупляется из белой лавы. Видели, какая яркая? Чем ярче она светится — тем ближе рождение феникса. Потом вся эта белая лава стекает к

Базальтовому кругу, и в нём раскрывается огненный цветок. Из него и вылетает Феникс. Вылетает и начинает разгораться. Он горит всё ярче и ярче, пока собственный огонь не начинает его пожирать. Это и называется «выгоранием». Так он умирает. А ещё во время выгорания он поёт. Уши вянут, честно говоря, от этого звука. Как будто из тебя самого жилы вытягивают. Сначала у феникса крылья выгорают, потом хвост. Он падает, продолжает рассыпаться пеплом и всё поёт. А может — воет, трудно разобрать... Смолкает только когда у него шея выгорит. Дальше умирает молча. Пока совсем не рассыплется. А потом в лаве опять раскрывается цветок — и всё по новой.

— Бреешь, — сказал я с недоверием. — Как-то уж слишком смахивает на легенду.

— Когда у тебя эта легенда на бреющем над головой пролетит, тогда и поговорим! — рассердился гном. — Нашёлся скептик. Не ты ли недавно из мёртвых воскрес?

— Уел, — согласился я. — Я так понимаю, копатели охотятся за его пеплом?

— Есть отчаянные, которые охотятся, да.

— А зачем он нужен? — вклинилась Лина.

— Ходят байки, что пепел феникса даёт бессмертие, — пояснил я. — Знающие люди платят за горстку баснословные суммы. Почти уверен, что на проверку их покупки оказываются обычной золой, набранной из ближайшего кострища. Во всяком случае, я не слышал про случаи обретения бессмертия.

— И я не слышал, — кивнул Кир. — Всё, хватит болтать! Теряем время и припасы.

Мы миновали коридор и остановились перед входом в зал. На первый взгляд кроме цвета стен — ярко-оранжевого — он ничем не отличался от десятков других. Но мне он сразу не понравился. Просторная комната, пустая, как кошель нищего. На стенах крепились солнечные кристаллы, но их свет был какой-то тусклый и даже мертвенный. Настораживало так же то, что я не чувствовал никакой особой магии, хотя Кир утверждал, что она там есть. И ни одного следа глубинных тварей.

— Отчаяние, — прочитал я надпись над дверью.

— Что? Ты о чём? — обернулся Кир.

— Здесь написано — отчаяние, — я ткнул пальцем в табличку.

И только после того, как сказал это, понял.

Эти символы я уже видел. С внутренней стороны Врат, разумеется. А ещё — в древнем храме, который облюбовал треклятый некрот.

Они немного отличались: у символов в храме были ярче выражены хвостики и округлости, а здешние знаки, напротив, имели больше прямых линий и углов. Но расположение этих самых линий повторялось точь-в-точь. Как два разных почерка, а язык один и тот же.

Вопрос заключался в том, как такое вообще могло получиться. Те, кто жил на поверхности, просто не могли жить и на Глубинах тоже. Хотя бы потому, что Врата, как и весь Базальт, до определённого времени скрывались под толщей камня. Да и архитектура на Глубинах совсем не напоминала то, что я видел в храме. Так как же так вышло? Неужели существовал ещё какой-то способ попасть с Глубин на поверхность?

Я был настолько ошеломлён своим открытием, что услышал фразу Кира только с середины:

— ... здесь ничего не могу посоветовать. Справитесь вы или нет — дело вашего жизнелюбия, я никак не смогу помочь. Эн! Доставай верёвку, чего стоишь-то?

— Зачем? — спросил я, не подумав.

Надо было просто подчиниться.

— Что, слишком длинный? — бросил Кир раздражённо. — Слова на такую высоту не долетают, да?

Он подошёл ко мне вплотную и гаркнул во весь голос, словно пытался докричаться до глухого:

— Нам надо обвязаться верёвкой! Чтобы если кто-то один пройдёт, то вытащит остальных! Понимаешь меня?!

— Не мог не повыпендриваться, — буркнул я, доставая моток из мешка. — Подумаешь, прослушал.

— Не время сейчас в облаках летать, — отрезал гном. — Если кто забыл, напоминаю, что через эти чёртовы Залы никто не проходил. На удачу полагаться не стоит. Соберитесь!

Копатель обмотался серединой верёвки, а нам с Линой достались её концы.

— Магия здесь действует? — спросил я, затягивая узел у себя на поясе.

— Понятия не имею. Но от наших амулетов никакого толку. Второй и третий раз я ими обвешивался с ног до головы, но не помогло.

— А сколько всего раз ты через него проходил?

— Четыре. Из четырёх.

— Но раз мы привязываемся друг к другу, кто-то, видимо, не прошёл. Так?

Гном посмотрел на меня с неприязнью и вздохнул.

— Да. Один копатель просто умер. Он упал, едва переступив порог, так что мы не стали его вытаскивать, а на обратном пути тело исчезло. С тех пор я всегда велю обвязываться верёвкой.

— Погоди, что значит «просто умер»? — насторожилась Лина.

— Да не бойтесь вы, — махнул рукой Кир. — Это случилось только один раз. По сравнению с другими Залами этот вполне безопасный.

«Вполне безопасный» — удивительно, насколько это растяжимое понятие. Я бы скорее сказал, что вполне безопасно сунуть руку в пасть голодной химеры, чем войти в зал, в котором запросто можно умереть. Без малейшей причины.

— Главное — без паники, — сказал Кир. — Держитесь рядом или просто ждите, пока я вас не вытяну. Готовы? Ну, пошли.

Мы дружно шагнули в зал и остановились. Кир словно к чему-то прислушивался. Мы за ним повторяли. Ничего не происходило.

Пожав плечами, гном пошагал вперёд, и тогда началось.

Стены с потолком поплыли, размазались и растворились в темноте. Свет погас, за исключением слабого свечения щелей между плит на полу. Мы оказались на плоской равнине, бесконечно простирающейся во все стороны. Исчезли направления, пространство схлопнулось до двух плоскостей — чёрного верха и бледно-оранжевого низа. В ушах зазвенела тишина.

— Что-то новенькое, — просипел Кир и вдруг захрипел.

Я рванулся к нему, но не успел: гном повалился на пол, точно подкошенный. Мы, не зная, что делать, склонились над ним; из горла копателя вырывались жуткие, неестественные звуки, а руками он всё время хватался за шею, словно пытаясь скинуть с себя невидимую удавку.

— Эй, что? Что происходит? — мой голос звучал почти жалобно.

Гном не мог выдать из себя ни слова. Его ноги сучили по полу, а выкаченные от

ужаса глаза постепенно наливались кровью. Я решил, что его душит чья-то магия и попытался прощупать Эфир, но тут же отпрянул — его не было! Энергетическое пространство свернулось точно так же, как и обычное, и это само по себе выглядело невероятно. Уж скорее солнце исчезло бы с неба, чем пропал Эфир!

— Что мне сделать?! — крикнул я срывающимся голосом.

Глаза Кира закатились. Он уже не хрипел, а движения становились всё слабее и слабее. Залепив ему звонкую пощёчину, я заорал:

— Что сделать, говори!

Гном ещё какое-то время подёргался и замер. Я искал на его шее бьющуюся жилку, но не находил. Лина трясла обмякшую руку копателя, как помешанная. Поняв, что Кир не дышит, я несколько раз ударил по его груди, надеясь разбудить остановившееся сердце.

Безрезультатно. Гном умер точно так, как говорил, что не умрёт. Быстро и без причины.

Я в бессилии схватился за голову. Где мы оказались? Что это за место такое, где нет даже Эфира? Как теперь выбираться отсюда? Нас выдернуло из Глубин и переместило в место, где нет ни неба, ни звёзд, одна лишь бесконечная пустыня. Единственный, кто мог хоть что-то обо всём этом знать, погиб, прихватив с собой надежду на спасение.

— Что нам теперь делать, Эн? — голос Лины был спокоен, как штиль перед бурей. — Куда идти?

Я не знал. Всё, о чём я мог думать — что это конец. Путь окончен. Кир лежал и потрясённо смотрел в пустоту — словно не ожидал такого исхода, а я... я ожидал. Где-то глубоко внутри меня всегда жило предчувствие, что рано или поздно так всё и кончится. Глупо и по большому счёту бессмысленно. И всё, что я делал в своей жизни — это бежал к её концу сломя голову.

— Это ты во всём виноват, — выдавила Лина сквозь зубы. — Ты притащил нас сюда!

Я не видел её лица в темноте, но мог разглядеть силуэт. Она сидела, склонив голову и сжав кулаки.

— Лина...

— Заткнись! — прошипела девушка. — Я, дура, думала, что на тебя можно положиться! Что ты сумеешь сберечь себя и меня! Доверяла безоговорочно, и куда ты меня притащил?!

— Я предлагал тебе уйти, — возразил я, но даже самому себе показался жалким.

Ни одно оправдание не могло перекрыть моей вины.

— И Кир тебе поверил! — кричала Лина. — Смотри, чем это закончилось! Доволен теперь?! Стоило оно того, а?! Твои драгоценные воспоминания к тебе не вернулись? Жаль ведь будет, если мы ещё и сдохнем здесь напрасно!

Я смолчал. Тогда Лина размахнулась и со всей силы ударила меня в плечо. Больно ударила — как никогда прежде. Но и этого ей показалось мало, потому что в следующую секунду удар обрушился на мою скулу. Я встал, пытаюсь отстраниться, и тут же получил пинок в голень. А потом кулаком — в живот. С каждым новым ударом из груди Лины вырывался злобный рёв, а силы в них она вкладывала столько, словно сражалась со злейшим своим врагом.

Я неловко защищался и отступал под её напором, умолял перестать. Лина не слышала. Она разбила мне нос и продолжала драться с яростью берсеркера, царапалась и кусалась, если я пытался схватить её за руку. Получив удар в челюсть, от которого в глазах всё поплыло, я особенно сильно отмахнулся — и сбил её с ног. В пылу драки Лина не удержала равновесия, оступилась и, нелепо взмахнув руками, со стуком упала на пол.

Сердце колотилось как бешеное, в носу щипало, руки тряслись. По подбородку текло тёплое и липкое. Я пытался справиться с собой, но не выходило. «Это кошмар, это просто кошмар» — крутилось в голове. Я всегда старался принимать происходящее, каким бы оно ни было, а на этот раз не мог.

Только спустя какое-то время до меня дошло, что Лина не встала, чтобы продолжить моё избиение. Она вообще лежала очень тихо и не шевелилась.

Внутренне холодея, я метнулся к ней. Из-за проклятой темноты я видел только тело, лежащее поверх нескольких светящихся трещинок, и одна из этих трещинок становилась всё короче и короче...

От страшной догадки меня бросило в жар.

Это кровь текла по безжизненному камню, заполняя любые углубления, попадающиеся на пути. Лина лежала без движения, вся неестественно изломанная, точно брошенная ребёнком тряпичная кукла. При падении она ударилась головой, так что мгновенно потеряла сознание и уже не дышала.

Что я сделал?

Убил её, вот что.

В один миг всё стало неважно. Я сам стал неважен, оставшись один на один с неизвестностью и темнотой. Всё, чего я заслужил — это ждать смерти. Тихо. В одиночестве. Целую вечность.

Словно услышав мои мысли, трещинки в полу погасли и оставили меня в абсолютной, всепоглощающей темноте.

Я закричал, но тьма заглушила крик и унесла его в свои бесконечные недра, стирая мою личность из прошлого, настоящего, будущего — а мне оставила лишь пустоту.

* * *

— Всё, всё, парень, успокойся, — слова звучали, но не задерживались в голове. — Да очнись ты!

Лицо вспыхнуло болью, и получившие встряску мозги послушно заработали. Я разлепил глаза — надо мной навис Кир.

— Ты жив? — только и смог выдавить я.

Меня будто контузило. Перед глазами плясали цветные пятна, а мысли тупо стучались о стенки черепа, как сонные мухи о стекло.

— А-а, привиделось, небось, что меня убило? — усмехнулся гном. — Неплохо Зал тебя приложил. Всё, мы его прошли, расслабься, все живы-здоровы.

Только после этого я заметил, что лицо моё совершенно мокрое от слёз. Кир выглядел лучше, но ненамного — под глазами набрякли мешки, кожа побелела. В голове вспыхнул фрагмент посланного залом видения, и я судорожно заозирался в поисках Лины. Она сидела в углу, тоже зарёванная, но живая.

— Ты не представляешь, как я сейчас счастлив, — сказал я, глядя на девушку.

Кир понял эту фразу по-своему.

— То-то ты будешь счастлив, когда мы пройдем третий Зал! — сказал он. — Вот где хреново...

— Ты громко кричал, — сказала Лина. — Что тебе привиделось?

— Что у меня пчелиный рой в исподнем, — без раздумий соврал я. — А тебе?

— Что у тебя студень вместо мозгов! — огрызнулась девчонка. — Балбес.

— Вижу, вы уже оклемались, — сказал Кир. — Давайте-ка тогда к следующему Залу пойдём, а то скоро останемся без воды. Верёвку только развяжите. Она не понадобится.

Надо сказать, после такого кошмарного видения очень хотелось жить. Желательно — на поверхности, в уютном домике, сидя в удобном кресле, потягивая старое вино под треск сгорающих в очаге дров. Вместо этого мы застряли на самом дне Бездны, прямо над испепеляющим огненным морем, и собирались подвергнуть свои умы и тела чёрт знает каким пыткам. Не лучший вариант, но и не худший. Мы, по крайней мере, до сих пор были живы.

Именно поэтому, наверное, мы так быстро пришли в себя и решительно направились дальше. Прошли по коридору, повернули направо — и оказались перед залом с табличкой «Злоба». Внешне он был такой же, как предыдущий, только с зелёными стенами. Его мы проходили поодиночке. Кир сразу сказал, что если туда войдут двое, то они неизбежно набросятся друг на друга и один обязательно убьёт другого. Уверен, так бы и случилось.

Внутри этого Зала буквально закипала кровь. Каждый, о ком я думал, тотчас превращался во врага. Вспоминалось всё самое худшее, а затем с помощью домыслов коверкалось до неузнаваемости, вызывая чуть ли не звериную ярость. Если бы ненависть вдруг стала огнём, она спалила бы меня в один миг. Казалось, избавиться от этого чувства можно было только одним способом — убивать, убивать пока рука не выронит меч от усталости. Потом отдохнуть — и убивать снова.

К счастью, стоило только выйти за пределы зелёных стен, как злоба рассосалась. Её оказалось так много, что когда она исчезла, я ощутил оставшуюся от неё пустоту, и первое же приятное воспоминание заполнило эту нишу точно бальзам. Словно выйдя из парилки нырнул в прохладное озеро.

Именно тогда мне в голову пришла мысль — а что если попытаться ни о чём не думать? Ведь больше всего похоже, что Залы используют против нас наши собственные мысли. Мы сами предоставляем им орудия пыток. А если в голове будет пусто?

На следующем же Зале эта идея потерпела полный крах. Он назывался «Боль». От «Злобы» мы повернули налево и оказались у помещения с белыми стенами, которые в слабом освещении выглядели в лучшем случае серыми.

— Ну, доставай верёвку, — сказал гном, вздохнув. — Тут будет больно. Примерно как на пыточном столе.

— Бывал на пыточном столе?

— Бывал в этом Зале. Если не верите, на выходе сами скажете на что это похоже. С радостью послушаю ваши версии.

С этими словами гном выдал нам деревянные дощечки и сам прикусил такую же, показывая для чего они. Я посмотрел на Лину и со стыдом подумал, что дружба со мной и впрямь выходит чересчур болезненной. Уж кому-кому, а девушке-то пришлось со мной хлебнуть приключений. В принципе, по сравнению с ними казематы Красного Ордена — не такая уж плохая альтернатива. Я избавил ученицу от одних неприятностей и с вдохновением потащил в другие — где её ранил некрот, едва не убили на заставе, замуровали в подземельях гномов, а теперь пытали Залы. Вот в чём состояла неприятная правда наших с ней отношений.

«Боль» не играл с разумом, но за тело взялся всерьёз. Потому и не сработала моя затея с «ничегонедуманием». Поначалу боль была острой — словно сотни игл пронзали кожу и

мышцы, добираясь до самых костей. Я понял, почему мы идём через зал, а не бежим — если упадёшь, такая боль просто не даст снова подняться. Зубы врезались в дощечку; если бы не она, челюстям пришлось бы ой как несладко. Но я всё ещё терпел и шёл вслед за Киrom. Потом стало хуже.

Из плавной колющей боль перешла в резкую и разрывающую. Примерно то же ощущаешь, когда ломаются кости. В голове зашумело так, словно в неё забивали десяток гвоздей сразу. Я тотчас зажмурился, совершенно одурев от боли: уже невозможно было сохранять ясность рассудка или хотя бы вспомнить, кто я и где нахожусь. Кожа лопалась, отрывались ногти, кости выламывало из суставов; «Боль» демонстрировал мне поистине безграничную палитру оттенков себя. За считанные секунды я пережил то же, что две противоборствующие армии в разгаре битвы — причём за каждого солдата в отдельности.

Как оказался за пределами Зала, я не помнил. Просто очнулся и понял, что чувствую себя так хорошо, как никогда в жизни. Рядом, блаженно запрокинув голову, сидел Кир. На губах у него отчётливо белели следы от дощечки. Лина пребывала примерно в том же состоянии, только прислонившись к моему плечу.

— Кажется, я опять отрубился, — проговорил я с досадой.

— Может и так, — сказал гном, не открывая глаз, — но дошёл сюда ты сам. И девчонку притащил. Молодцом.

Похвала обрушилась на меня столь неожиданно, что я не нашёлся с ответом. Пожалуй, это был первый случай, когда Кир позволил себе такую слабость. Сказалось облегчение после «Боли», не иначе.

— Как на пыточном столе, — пролепетала Лина.

— Предлагаю устроить небольшой привал, — сказал я. — Кто за?

Лина с готовностью вздёгнула ручонку. Кир помолчал немного, но в итоге кивнул.

Мы скромно перекусили и с полчаса полежали на горячем полу. Коридор, соединяющий «Боль» со следующим Залом, «Сомнением» (или, если переводить точнее — «Колебанием»), снова под прямым углом поворачивал налево. Я смотрел в комнату с красными стенами и думал — что же это за испытания такие? В чём их смысл? Ведь кто-то же создал эту странную полосу препятствий. И раскрасил этапы разными цветами — зачем?

Если Тень не солгал, именно он и его сородичи создали Глубины. Знать бы, чем они руководствовались. Может быть, тогда проще стало бы проходить Залы. Но Тень наверняка знал, что нас здесь ждёт, и не пожелал вдаваться в подробности. Значит, хотел чтобы мы разобрались сами — или погибли.

Кратковременный отдых, казалось, утомил нас ещё сильнее. Но за плечами маячила голодная смерть, и лучшего стимула для преодоления усталости было не сыскать. Всё так же связанные вместе, мы встали перед входом в «Сомнение».

Но стоило только сделать один шаг вперёд, как дорогу мне преградила знакомая фигура.

— Привет, балбес, — сказала Отражение. — Что, не ожидал?

— Не ожидал, — признался я. — Раньше ты доставал меня только во сне.

— Это спасибо Залу. Его магия выдернула меня из твоей головы.

— Видимо, потому что ты — мой главный источник сомнений.

— Ага, — двойник лениво осмотрелся, сунув руки в карманы. — Но тут промашечка вышла. Я не чиню тебе препятствий без надобности.

— А должен?

— Ну, сам подумай. В каждом из Залов ты должен переступить через себя, чтобы

пройти дальше. Они испытывают твой дух, выясняют, сильнее ли ты своих слабостей. И первый же тест ты завалил.

— Ты не представляешь, как я из-за этого разочарован.

— Может, тебе и впрямь стоит задуматься.

— О чём?

— Если ты не справляешься с испытаниями, может и не стоит идти дальше? —

Отражение смотрело на меня испытующе. — Ответ на этот вопрос и можешь идти. Только честно. Стоит ли идти дальше туда, куда ты идёшь?

— Не знаю, — я помотал головой.

— Это не ответ, а уклонение от ответа. Знать наверняка ты и не можешь. Но ты чувствуешь. Вот и скажи: насколько тебе нужно всё это?

Я огляделся. Мы с Отражением стояли посреди красного Зала, и выхода из него больше не было. Мои спутники тоже исчезли.

— Не ищи её, — сказал двойник. — Сейчас здесь только ты и я. И уйти ты отсюда сможешь, только когда я позволю. Отвечай: стоит оно того?

Я молчал. Знал ответ, но не хотел произносить его вслух. Тогда он стал бы оформленным, материальным, а не просто мыслями, которые приходят и уходят. Он стал бы правдой, которую я осмыслил и признал. Этого-то я и избегал вот уже несколько дней — потому что только мелкие ошибки легко признавать. Большие заставляют нас гнуть свою линию до конца, пока их отрицание не потеряет всякий смысл. Именно в миг, когда ошибка становится очевидной нам самим, мы окончательно остаёмся в дураках.

В данном случае всё было проще. Двойник и без меня знал ответ на им же заданный вопрос. Он хотел лишь, чтобы я признал свою ошибку — и его правоту. Что ж, надо отдать должное, ему удалось загнать меня в угол. Сказать «да, стоит» я мог, но это была бы самая глупая и беспомощная ложь в моей жизни.

— Нет, — я покачал головой. — Я только думал, что цель себя оправдывает. Вышло иначе.

— Не так уж сложно, правда? — Отражение шагнуло в сторону, освобождая дорогу.

В красной стене снова появился дверной проём.

— И всё? — удивился я. — Так просто отпустишь меня?

— Конечно. Ты ведь признал, что выбранный тобой путь неправильный. А теперь можешь ступать по нему дальше, если хочешь.

Двойник и впрямь не собирался мешать. Я не спеша пересёк комнату и уже у самого выхода обернулся.

— Не так уж и хочу. Но ещё больше не хочу, чтобы всё, через что мы прошли, было зря. Тем более что осталось немного.

— Иными словами, ты пытаешься оправдать потери тем, что продолжаешь их нести, — Отражение опечаленно покивало. — «Сгорел сарай, гори и хата». Самый бестолковый подход, который только можно придумать.

В ответ я лишь пожал плечами и шагнул в дверь.

Вышел из Зала — и снова в нём оказался, но на сей раз по-настоящему. Кир и Лина стояли рядом, глядя в пустоту. Наверное, я выглядел так же, пока говорил с Отражением — с невидящим взглядом и приоткрытым ртом. Было в их облике нечто кукольное, жутковатое, наводящее на мысли о душевной болезни. Что ни говори, а магия Залов была сильна и жестока в своей бесстрастности: ей ничего не стоило препарировать душу живого существа и

вывернуть её наизнанку. А ещё она была невероятно мощной и искусной. Даже спустя тысячи лет плетения создателей Глубин работали исправно — точно как в том храме в Волчьей Чаше.

Я медленно дошёл до выхода из Зала, ведя спутников в поводу. Те переставляли ноги, но в сознание не приходили, пока не оказались снаружи. В коридоре они начали активно трясти головами, и я знал почему: резкий выход из видения или транса сбивает с толку, первые полминуты вообще не понимаешь, где находишься. А тут транс оказался не просто глубоким, а абсолютным — когда разум замкнут сам на себя и не сообщается с чувствами.

Едва Кир и Лина окончательно пришли в себя, мы прошли по коридору, свернули направо и оказались перед входом в «Лень». Гном сходу предупредил, что это один из самых трудных Залов — мол, из него вообще не хочется выходить. Я с сомнением глянул на лиловые стены, но поверил копателю на слово. После того, как меня чуть не убило «Отчаяние», недооценивать силу Залов было бы верхом кретинизма. Вопрос состоял только в том, что ждёт меня внутри на этот раз.

На этот раз не было никаких видений. Была только лень, в чистейшем её виде. С первых шагов по Залу меня не покидало ощущение, что я совершаю лишнюю работу. Потом пришла мысль: «А какая работа не лишняя? Разве есть в этом мире что-то, что не пойдёт прахом?»

«Нет, — согласился я и тут же попытался возразить. — Но не всё, что происходит, происходит напрасно».

«Ничто не имеет смысла, — отозвалась Лень. — Чтобы жить, нужно прикладывать усилия. Вся моя жизнь из них состоит. И к чему все они приведут, чем закончатся? Всё только ради того, чтобы подольше протянуть в мире, который в итоге всё равно меня отторгнет. Так зачем идти куда-то, без конца заставляя себя, если все мои поступки, все мои знания и достижения канут в Бездне вместе со мной?»

«Затем, что я сам — временное явление. Странно мыслить в масштабах вечности, если сам ты не вечен. Для меня прежде всего важно, что происходит здесь и сейчас, а не что будет после моей смерти».

«Здесь и сейчас я думаю одно, а завтра — другое. Сначала хочу одного, потом другого, потом третьего. Обретаю — и хочу четвёртого. Всё течёт и меняется, никакого постоянства, никакой стабильности. Ни секунды на отдых. Как у птицы — «маши крыльями, не то сохнешь». Какое же, наверное, счастье — ничего не хотеть, никуда не идти, а просто лечь и спать...»

«А жить-то когда?»

«А что, покой — не жизнь? Пускай весь этот огромный мир, вся эта вселенская телега катится куда хочет. Она что со мной, что без меня будет ехать и ехать, её колёса всегда будут крутиться. Только если бежать за ней, есть вероятность быть раздавленным. Безопаснее оставаться на месте».

Меня так и тянуло прилечь отдохнуть — на целую вечность — но внутренний спор помогал бороться с усталостью. Кажется, я шёл через этот Зал несколько часов, настолько трудно было переставлять ноги. Хорошо, что мне ещё в коридоре пришла мысль дойти до выхода во что бы то ни стало. Исходя из названия, я предположил, что Зал снова залезет мне в голову, а потому твёрдо решил не поддаваться ни на какие провокации, пусть даже они будут исходить от меня самого. Это помогло.

Мы с Киrom вышли из «Лени» сами. Лину вытащили уже спящую. Как и прежде, стоил разуму избавиться от гнетущей магии Зала, как его бросило в противоположную крайность

— на сей раз меня обуяла жажда деятельности. Казалось, в мире не существует невыполнимых задач, и мне хотелось взяться за все сразу. Собственно, именно благодаря этому эффекту мы и решили сразу перейти к следующему испытанию, предварительно растолкав девчонку.

Ещё один поворот направо и Зал «Гордыня». Как и предыдущие, он тонул в полумраке. Как и предыдущие, он имел свой цвет — голубой.

— Сколько их ещё? — Лина тёрла глаза, пытаясь избавиться от сонливости.

— Не знаю, — отозвался гном. — Но за этим точно есть ещё один. Тот, который я не смог пройти.

«Гордыню» мы одолели сравнительно легко. Лина прошла вообще без проблем. Кир отрезвления ради хлестал себя по лицу, в результате чего к концу Зала начал напоминать бородатый помидор. Мне же пришлось снова убеждать себя идти вопреки любым мыслям — а они налетели на меня как рой саранчи.

Я вдруг осознал, что если захочу, смогу править Нирионом. Почему нет? Я смог бы стать лучшим правителем, чем эти жирдяи, просиживающие дыры в своих тронах. Впрочем, править слишком обременительно. К тому же — заботиться о стаде баранов, которые всю свою жизнь проводят в грязи? Увольте. Я и так могу идти куда захочу и делать что захочу. Любой дворец, любой замок — возьму и сожгу. Кто меня остановит? Стража? Ха-ха, не смешите. Меритари? На них тоже найду управу. Боги? Да плевать я хотел на Богов, и старых, и новых. Уж точно не Они сделали меня таким, какой я есть. Я сам сделал. Не молитвами, не истовостью, а собственными потом и кровью. Несмотря на то, что помню только восемь с хвостиком лет своей жизни, я знаю, кто я такой, а вот Они кто? С чего ради Они должны быть мне указом? Я никому и ничего не должен. Если мне в голову взбредёт развернуться и пойти обратно, я так и сделаю. И те, кто со мной, они... они...

Что «они» я так и не успел придумать, потому что вышел из Зала и сразу стал на два порядка скромнее. Эго, которое с полминуты из меня чуть не фонтаном било, вдруг представилось признаком одержимости — будто кто-то другой занял мою голову и по-быстрому навёл там бардак. А теперь я стоял посреди всего этого и думал: «Что, мать его, тут было?»

К счастью, я быстро навёл порядок в своей черепушке. Мы перевели дух, прошли по коридору, повернули налево и оказались перед Залом с синими стенами. Он назывался «Страх».

— Ну, вот и пришли, — сказал Кир. — Что там дальше, я не знаю. Потому что на ту сторону ни разу не дошёл.

Мы с Линой присмотрелись к Залу. Он отличался от своих предшественников только тем, что выход его был отчётливо виден. Примерно в пятидесяти саженях от нас находилось какое-то светлое помещение.

— Скорее всего, это последний Зал, — сказал я. — Раньше мы всегда поворачивали после выхода. А тут длинная прямая.

— Может быть, — пожал плечами копатель. — Но я бы не рассчитывал на это. По ту сторону в любом случае неразведанная территория, так что даже если мы тут пройдем, расслабляться не стоит.

— И что в этом Зале особенного? — Лина всё ещё вглядывалась в полумрак. — Почему именно он никого не пропускает?

— Страшно в нём. До трясучки.

— Я не про то.

— Я, кажется, понял, о чём ты, — сказал я. — Может быть, в этом Зале просто самая сильная магия. Логично, если он последний.

— Хорошо, если так. Потому что получается, что нам осталось любыми судьбами преодолеть эти хреновы шестьдесят-семьдесят шагов, и с Залами будет покончено.

— Ну так давайте одолеем?

— Конечно, давайте, — с готовностью кивнул Кир. — Есть мысли, как?

Мы с Линой переглянулись и пожали плечами.

— Ясно, — вздохнул гном. — Придётся по старинке. Наобум. А я-то надеялся, что два чародея смогут хоть как-то упростить задачу...

Он подошёл к входу в Зал и остановился у самого порога.

— Эта магия древнее, чем весь человеческий род, — сказал я, становясь рядом с ним. — Древнее и мощнее. Мы ничего не сможем сделать, и никто из людей не сможет.

— Ну тогда давайте надеяться на лучшее, что ли, — сказал Кир. — Раз уж больше ничего не остаётся. Готовы?

Ответом ему были решительные кивки.

— Да помогут нам Горы, — пробормотал Кир и первым шагнул за невидимую границу магической ловушки.

Я уже привычно приготовился идти не смотря ни на что и по возможности ни о чём больше не думать. На третий раз этот фокус дался мне почти легко. Напряжённый и сосредоточенный я шагнул вслед за Киром и...

Окаменел. Глаза сами собой распахнулись до предела, и прямо в них заглянул чистейший ужас. Он вливался через глазницы, проникал через ноздри, уши и ледяной коркой покрывал всё нутро, от чего немело не сердце даже — душа. Тело обратилось в соляной столп. Хотелось кричать, но страшно было набрать воздуха для крика, потому что вместе с ним в лёгкие могла проникнуть ядовитая неизвестность. Нечто бродило рядом со мной, голодное, плотоядное — оно забавлялось паникой жертвы, которая просто не способна была увидеть зверя, и нарочно оттягивало расправу. Затылком я чувствовал чьё-то дыхание, но не мог заставить себя обернуться, опасаясь увидеть это, потому что за моей спиной могла стоять сама Смерть.

Это ощущение было мне знакомо — по самым жутким кошмарам, которых я никогда не помнил, но всегда просыпался в холодном поту. Словно меня коснулось существо настолько огромное и омерзительное, что память отказалась задерживать его в себе. Нет, не магия была виной сложности этого Зала, а чувство, которое он вызывал. Ведь страх — самый верный спутник разума.

Борясь с желанием немедленно упасть и свернуться калачиком, я сделал крохотный шаг вперёд — и сердце чуть не выпрыгнуло из груди. От этого я вдруг почувствовал себя таким живым, что на мгновение впал в безрассудство и шагнул ещё раз, увереннее.

Бояться не зазорно. Страх — это то, что всех нас объединяет, он есть у всех; лишённые страха скорее ущербны, чем сильны. В конце концов, выживает не бесстрашный, а тот, кто умеет бояться, не поддаваясь своим слабостям.

Ещё один шаг, и новая волна всепроникающего ужаса.

Что есть храбрость, если не умение побеждать страх? Трудно даже сказать, кто боится сильнее — трус или храбрец. Ведь трусливый сдаётся сразу, а храбрый вынужден побеждать снова и снова, потому что страх никуда не исчезает — он только отступает на время,

поджидая нужного момента. Дождавшись, он снова вцепится тебе в глотку, и снова тебе придётся переступить через внутреннего труса, чтобы выжить. Ведь, как известно, храбрец умирает лишь однажды. Трус умирает всегда.

Два шага по гладкому полу и остановка. Верёвка, сцепляющая меня со спутниками, натягивается. Я замираю и жду, пока станет не так жутко, и продолжаю уговаривать себя: «Ну, давай ещё немного. Пройди же ты ещё хоть чуть-чуть, слабак!»

Вот он, враг, от которого не убежишь, с которым ты всегда один на один. В каком-то смысле жизнь — это одна сплошная война со страхом, и самая ответственная битва ждёт тебя в самом конце. Только когда умрёшь, станет ясно, победил ты или проиграл.

Я шажок за шажком продвигаюсь вперёд и тяну за собой остальных. Вдруг в уши вонзается вопль — Кир кричит что есть мочи, очевидно, тоже силясь переступить через себя.

Он хитёр и непредсказуем, твой вечный враг. То набрасывается, как бешеный пёс, то давит исподволь изо дня в день, лишая воли. Он может притвориться осторожностью, чтобы заставить тебя отказаться от желаемого. Он повсюду, но сдашься страху однажды — и в следующий раз одержать верх будет намного сложнее. Потому что побеждённым стать легко. Оставаться победителем — вот задача так задача.

Полушаг, полувдох — я продвигаюсь очень медленно, но верно. Ноги предательски дрожат, из-за чего тащить за собой ещё двоих становится почти невозможно. Но я тащу, потому что выход из Зала совсем рядом.

Страх тянет жилы, лишает сна и покоя, отбирает мечты и саму жизнь. У него тысячи лиц и форм, но глаза всегда одинаковые. Твои глаза. Разве кто-то знает тебя лучше, чем ты сам? Разве кто-то может сделать тебе больнее? Получается, что идя на поводу у страха, ты сам себя калечишь. Побеждает он, но раны всё равно наносишь ты. И самое ужасное, что в этот момент ты думаешь, что от ран защищаешься... Лишь много позже, когда время уйдёт и память остынет, ты поймёшь, какую ошибку совершил. А страх внутри тебя довольно оскалится и отойдёт в тень — ждать следующего удобного случая.

На последних шагах я не выдержал и закричал. Зев дверного проёма в последний раз рванулся навстречу, а в следующий миг я уже лежал на полу коридора просто не в силах подняться. Я словно снова вынырнул из кошмара: сердце колотилось сильно и часто, болью отзываясь где-то в горле, со лба на лицо скатывались капельки пота. Стоило только вспомнить о пережитом в Зале, как меня начало трясти, но уже не от страха — от смеха.

— Я всё-таки утёр тебе нос! — крикнул я, ничего не соображая. — Победа за мной!

«На этот раз», — добавил кто-то, и я тотчас пришёл в себя.

До меня вдруг дошло, что я-то уже выбрался, а вот спутники мои до сих пор лежат в Зале. Кир бесцельно скрёб руками по полу, Лина тихо поскуливала, сжавшись в комочек — что им виделось, оставалось только догадываться. Я с трудом взял себя в руки и втянул бедняг в коридор.

— Чтоб... мою... бороду! — выговорил гном, едва пришёл в себя. — Вытащил!..

Лину, лежавшую ничком, вдруг передёрнуло, будто она живьём проглотила слизня. Я прислонился спиной к стене и сполз по ней на пол.

— Ну, парень, даёшь, — бормотал гном, переворачиваясь на живот и становясь на четвереньки. — Ну даёшь...

Он поднялся на ноги и неверной походкой направился дальше по коридору — туда, где за непроницаемо-чёрным участком располагалась большая светлая комната. Собственно,

именно эта чернота и напрягала больше всего: создавалось впечатление, что за стенами коридора первозданная темнота, а именно в этом месте стен, пола и потолка не существовало. Кир остановился в двух шагах от загадочной аномалии и внимательно её изучал.

Я повернулся к Лине, которая по-прежнему лежала без движения.

— Ты как, живая?

— Живее всех живых, — вяло отозвалась девчонка. — Я просто очень медленно встаю.

— Вода заканчивается, — сказал копатель, возвращаясь. — Так что вставай быстрее. А то через день или два вы в такой жаре засохнете.

— Мы? А ты что, не засохнешь?

— Засохну, — кивнул Кир, — но попозже.

— Он же гном, — сказал я в ответ на непонимающий взгляд Лины. — Им нужно меньше жидкости, но больше еды. Так что он без воды протянет дольше.

— Примерно в два раза, — Кир снял с пояса фляжку. — Вот, пейте. Это последняя.

Мы по очереди присосались к горлышку. Вода была не очень-то вкусная и почти горячая, но приходилось наслаждаться каждой каплей, потому что никто не знал, как долго потребуется без неё обходиться. На всякий случай мы оставили в сосуде половину — несколько глотков, которые подарят нам ещё несколько часов жизни.

— Не нравится мне эта хрень, — сказал Кир, глядя на чёрный участок коридора. — Нехорошо выглядит.

— Другого пути всё равно нет, — пожал я плечами. — Нам придётся там пройти.

— Ох, да ты просто образец здравомыслия, — ехидно отозвался гном. — Вопрос — что с нами будет, если пройдем? В угольки нас не зажарит? Никто ведь здесь не был, спросить не у кого.

Я аккуратно прощупал аномалию через Эфир. Чернота поглощала энергию, и потому была ей под завязку напитана. Для чего именно, я сказать не мог — мои энергетические импульсы исчезали за чёрной ширмой безвозвратно.

— Всё зависит от того, как оно на нас отреагирует, — сказал я. — Если никак, то пройдем без проблем.

— И как сделать так, чтобы он на нас не отреагировал?

— А пёс его знает. Но колдовать там точно смысла нет.

— Так я и знал, — вздохнул Кир. — Ни черта от тебя толку.

В другое время я бы напомнил ему, кто только что протащил всех через «Страх», но после «Гордыни» всё ещё был слишком кроток, поэтому промолчал.

Гном какое-то время размышлял, покусывая ус. Я вглядывался в яркую комнату, которой оканчивался коридор и думал — то ли это, что мы ищем? По всему выходило, что то. Семь статуй в древнем храме. Семь испытаний на Глубинах. Семь Начал. И как Тень назвал Оракула? «Источник»? Если следовать логике, он просто обязан располагаться в том светлом зале. Но что это за магическая аномалия перед ним?

— Так, я пойду первым, — сказал наконец Кир. — Если что, тяните меня обратно.

Он подошёл к самой границе черноты и первым делом бросил перед собой перчатку. Та бесшумно упала на невидимую поверхность на уровне пола.

— Может, это просто иллюзия? — подала голос Лина. — Ещё одно испытание?

Гном аккуратно занёс ногу над чернотой и мыском сапога прощупал опору. Потом поставил на неё ногу. Потом встал на неё двумя ногами. Попрыгал.

Ничего не происходило.

— Похоже, просто обманка, — сказал он, ещё раз аккуратно шагнув вперёд. — Давайте за мной, только медленно.

Я, внимательно прислушиваясь к своим ощущениям, последовал за ним. Стоило чёрному своду сомкнуться надо мной, Эфир для меня резко исчез. Я больше не чувствовал энергетические токи, струившиеся повсюду на Глубинах. Это будто из шумной оживлённой улицы шагнуть в тишину склепа — даже в ушах зазвенело с непривычки. Следом за мной шла Лина.

Кир прошёл почти половину, когда аномалия ожила. Ноги словно подрубили, сознание поплыло и схлопнулось в крошечную точку.

Последнее, что я видел — как гном валится рядом со мной. Потом темнота вдруг выпрыгнула из стен, разметалась по воздуху, облепила все поверхности, запахи и звуки, а последними опутала мои мысли.

Рассветный Город рушился, на глазах обращаясь в прах. Вода, больше не подчиняясь магии, потоками летела к земле вместе с обломками платформ и мостов. В Красном чертоге из разбитых сфер вниз лились потоки чистого пламени — Город словно истекал горячей кровью. Каменная крошка не успевала упасть, как её подхватывала ударная волна очередного взрыва и разбрасывала во всех направлениях, шрапнелью разя ещё уцелевшие окна.

Фигурки пуэри мелькали тут и там: кто-то сражался с захватчиками, кто-то спасал свой дом, кто-то — свою жизнь, но всё было тщетно. Воздвигались щиты, летели молнии, лучи ослепительного света врезались в башни и шпили, срезая их точно травинки; в хаосе магических вспышек тонули и хозяева Города, и их крылатые убийцы. Цивилизация пуэри погибала быстро и кроваво.

Рэн в ужасе нёсся прочь от смерти, что расправила пернатые крылья над его Родиной. Верхние платформы уже давно обрушились; единственный способ остаться в живых был — добраться до земли, но там же увеличивался шанс погибнуть под обломками Города. Анима молодого пуэри пылала красным: он злился и меньше всего хотел выживать, когда всё, что ему дорого, превращается в пережитки прошлого. Но он получил прямой приказ и понимал так же, что нельзя идти на поводу у отчаяния. Это слишком примитивно для сына народа Орумфабер.

Рэн спустился уже на два яруса от места, где ещё недавно находился его дом. В ушах до сих пор звенел крик матери. Перед бегством Рэн успел бросить взгляд на отца, и теперь перед глазами застыла его фигура, преграждающая дорогу закованному в магические доспехи ангелу. Безликий крылатый монстр возвышался над пуэри на добрую сажень; если бы существовал хоть призрачный шанс одолеть Небесного Воина, Рэн остался бы с семьёй. Но отец приказал бежать. Он обменял свою жизнь на несколько драгоценных секунд для Рэна, поэтому тот просто не имел права предавать волю родителя.

В мост, на который Рэн лишь чудом не успел вбежать, ударила объятая огнём глыба. Воздушная галерея позади молодого пуэри тоже обрушилась. Все пути вдруг оказались отрезаны — кроме шара левитации, замершего над посадочной площадкой. Не долго думая, Рэн залез в него и направил к ближайшей целой платформе. Стенки шара были прозрачными, так что пуэри видел всё происходящее вокруг.

В голубизну неба вкручивались и застили солнце грязные дымные столбы. Синий чертог исчез в громадном рыжем пузыре взрыва. В Зеркальную площадь, сердце Города, непрерывно били молнии — там оборонялись основные силы пуэри, и почти все строения поблизости лежали в руинах. Крылатые воины Ванитар точно вороньё кружили над Рассветным Городом, набрасываясь на всех его жителей, которых только видели.

Рэн молил Творца, чтобы его не заметили, но подспудно наоборот жаждал этого. Чувство долга и жажда мести сравнялись внутри него; молодой пуэри не знал, к чему готов больше — жить или умереть. Впервые в жизни он утратил контроль над эмоциями, и хотя понимал, что это произошло не без оснований, чувствовал себя ужасно.

Заклинание левитации расплелось, и Рэн вместе со сферой рухнул вниз. К счастью, до платформы оставалось совсем немного, и пуэри отделался лёгким порезом — кусочек разбившегося вдребезги шара вонзился в ладонь. В который раз Рэн пожалел, что так мало

изучал магию — он не знал даже заклинания, способного смягчить падение. Он всю сознательную жизнь пренебрегал чародейством ради охотничьих и воинских навыков, о чём теперь пожалел. Физическая сила не могла одолеть земное притяжение, а вот магия — вполне.

Спеша убраться с открытого места, Рэн нырнул в ближайшую галерею. Та привела его в зал Чтения, за которым начиналась лестница к следующему ярусу. Но едва охотник добежал до середины, как в один из витражей с треском влетело нечто с белоснежными крыльями. Рэн мгновенно отскочил на безопасное расстояние и заозирался в поисках врага.

Им оказался серафим, уже заметивший пуэри и готовый к бою. В блестящих доспехах и высоком шлеме, со щитом в одной руке и светящимся копьём в другой. Лицо не выражало ничего — словно принадлежало статуе. Может, отчасти так и было — каждой чёрточкой лицо этого серафима повторяло лица его братьев. Словно всё небесное воинство носило одинаковые маски.

«Его ещё можно убить, ещё не всё потеряно» — успокаивал себя Рэн, пятясь и пытаясь вспомнить хоть какое-то оборонительное заклинание. Попытался вызвать альтера — и понял, что отрезан от Эфира. А без поддержки энергетической половины дела Рэна становились плохи. Убивать магическое существо без магии — всё равно, что рубить дерево граблями.

Серафим быстро понял, что враг попытается сбежать, и порхнул вперёд, намереваясь пробить пуэри копьём. Тот увернулся, но оказался в тупике. Тогда небесный воин метнул своё оружие, но снова промахнулся. Светящееся копьё, пролетев в пяди от Рэна, растворилось в воздухе и материализовалось в руке серафима. Будь прокляты эти людские боги!

Крылатый бросал копьё снова и снова, пока совсем не загнал несчастного пуэри в угол. В отчаянии Рэн создал единственный щит, который умел — вокруг него проявилось тёмное поле, которое лучше защищало от яркого света, чем от настоящих атак.

— Будь проклят, — сквозь зубы прошипел он неспешно приближающемуся врагу. — Ты и твои хозяева.

— Твои проклятья бесполезны, — с прежним безразличием ответил серафим. — Ты не человек.

Рэн стиснул в ладони единственное своё оружие — трёхгранный стилет длиной в полторы пяди. Он мог метнуть клинок, но понимал, что это даже не задержит противника. Разве что если попасть в лицо...

Серафим приблизился почти вплотную и со всего маху всадил копьё в щит пуэри. Оберег затрещал, но выдержал. Сердце у Рэна билось вдвое чаще обычного, анима стала сиреновой. Он не знал, сколько ещё атак переживёт — две или три. Небесный воин неспешно замахнулся и ударил ещё сильнее, но щит забившегося в угол пуэри и на этот раз устоял.

«Сейчас он ударит и пробьёт щит, — подумал охотник отстранённо. — Тогда я и метну стилет. Если повезёт, это даст мне время сбежать».

Он думал так, но не верил в свою удачу. Только не в этот день.

Серафим замахивается. Удар! — щит гаснет. Рука охотника выпрямляется с максимально возможной скоростью. Стиллет летит в лицо небесного воина... и с лязгом врежется в вовремя поднятый щит. Рэн бросается в просвет между противником и стеной, но тут же получает пяткой копыа под дых и летит обратно в угол. Как бы быстр не был пуэри,

небесный воин нисколько не уступает ему.

Хватая ртом воздух, охотник исподлобья смотрит, как серафим победно вздымает копье, как переводит это движение в атакующее... И как шею врага пробивает энергетический болт.

— Рэн! Жив? — донёлся со стороны знакомый голос.

Тело серафима медленно растворялось в воздухе, исходя сиянием и лёгкой дымкой. Позади него с луком наперевес стоял спаситель Рэна.

— Риор? — выдавил охотник, с трудом веря, что избежал смерти. — Никто и никогда не появлялся так вовремя!

Мудрый выглядел помятым, был ранен в плечо и голову, но твёрдо стоял на ногах. И даже сейчас, когда целый мир погибал, в его глазах не читалось ничего, кроме холодной силы, что рождается в бездне знаний.

— Услышал твой страх, — сказал Риор, подавая Рэну стилет. — Ты бежишь к земле?

— Отец велел спастись.

— И правильно. Этот бой пуэри проиграют, — голос Мудрого упал. — Идём.

Он первый выскочил на платформу. Рэн последовал за ним.

— Почему они вообще напали на Рассветный Город? — спросил он, перебирая ногами по ступенькам. — Как у них наглости хватило?!

— Они напали не только здесь, — не оборачиваясь, крикнул Мудрый. — Они громят всю планету!

— Но...

— некогда разговаривать, Рэн! Сосредоточься на движении.

Охотник послушно замолчал. Перечить Мудрому было глупо — Риор не зря носил это звание. Если он велел замолчать, то не стоило даже спрашивать, почему.

Постепенно они вдвоём преодолели четыре яруса. Чем ниже они спускались, тем меньше становилось врагов, но пару раз пуэри всё же пришлось вступить в схватку. И оба раза сила Мудрого брала верх. С каждым шагом Рэну казалось, что звуки битвы утихают, но он понимал, что это лишь иллюзия — просто вокруг громоздилось всё больше камня.

— Мы идём к Источнику! — Риор заговорил первым, тем самым разрешив говорить и Рэну.

— Спросить, как победить Ванитар?

— На этот вопрос я и так знаю ответ, — не сбавляя шага, отозвался Риор. — Никак.

На мгновение охотнику показалось, что Мудрый впал в отчаяние. Не могло же в самом деле быть так, что человечество, чьи боги не жили и третьей части от возраста расы Орумфабер, вдруг оказались сильнее! Это же бессмыслица!

— Зачем тогда мы идём туда? — спросил он осторожно.

— Источник можно использовать как портал в Муратолис.

— К инфэрэри? Но мы же почти сотню лет от них ничего не слышали!

— Если и осталось в мире безопасное место, то только там. Поверь мне, Рэн. Для нас всех это самая последняя надежда на спасение, — сказал Мудрый и начал спускаться по последней лестнице.

Земля вся была завалена обломками платформ и залита водой, в которой плавали тела погибших. Едва увидев это, Рэн подумал, что видит кошмар — совершенно невероятный, но выплеснувшийся в реальность и затопивший её снизу доверху. Словно мир был одним живым существом, получившим сотни смертельных ранений. И теперь он медленно

обращался в мёртвую оболочку, заполненную руинами.

Источник находился недалеко, но из-за ада, в который превратился нижний ярус, они добирались до места назначения больше часа. В итоге оказались у круглого каменного постамента, над которым зависло каменное же лицо с закрытыми глазами. Это место защищала магия, поэтому обломки каменных глыб так и не смогли причинить вреда изваянию, что с невозмутимостью и презрением возвышалось среди хаоса.

— Как работает этот портал? — Рэн силился перекричать грохот.

— Как обычно, — Риор подошёл к Источнику вплотную. — Нужно встать на алтарь, а кто-то другой должен активировать его.

— Но тогда... кто-то из нас останется!

— Да, останусь я! А ты полетишь и предупредишь Подземное Племя о надвигающейся угрозе!

— Ну уж нет! — рявкнул Рэн, хоть и сам понимал, что действует вопреки здравому смыслу. — Мы могли бы спасти кого-то более ценного, а может и не одного...

Риор прервал его жестом.

— Оглядишься, — сказал он. — Мы просто не успеем больше никого спасти.

Не нужно было приглядываться, чтобы увидеть: город погибал, и попытаться спасти кого-то ещё означало погибнуть вместе с ним.

Охотник схватился за голову, не зная, за что делать. Он понимал, что должен слушаться Мудрого, но всё его существо протестовало против предложенного решения.

— Тогда вообще не будем спасаться! — выпалил он, наплевав на всё. — Как можно вообще принять такой выбор — кто спасётся, а кто умрёт?

Риор пристально посмотрел ему в глаза и кивнул.

— Хорошо. Останемся и умрём с честью, достойной нашего народа. — И Мудрый встал плечом к плечу с Рэном.

Молодой пуэри уловил некую абсурдность этих слов, но всё равно ему стало легче — он не представлял, как смог бы жить со знанием того, что спасён ценой жизни Мудрого. Рэн не вспомнил даже, что его поступок делает смерть отца бессмысленной; его охватил предсмертный кураж. Удивительное состояние, всё переворачивающее с ног на голову: робость обращается в решительность, осторожность — в безоглядность, страх — в оружие; главной же целью жизни становится смерть.

— Им нас не истребить... — начал Рэн, но тут же получил тычок в грудь и повалился прямо на постамент Источника. Камень под ним загудел, истукан распахнул глаза и словно издали раздался голос Голема:

— Спрашивай, если жаждешь Знания.

Не успел Рэн опомниться, как вокруг него вспыхнуло белёсое поле портала.

— Стой! — крикнул он, вскакивая. — Нет! Зачем?!

Он с размаху врезался плечом в энергетическое поле, и его тотчас снова бросило на пол; от боли и злости охотник закричал. Риор приблизился к порталу и сказал невозмутимо:

— Скоро ты всё поймёшь.

— Я не хочу!!! — завопил Рэн в отчаянии. — Ты не можешь решать за меня! Почему ты сам не захотел спастись?

— Потому что только тот, у кого нет выбора, способен всё преодолеть, — сказал Мудрый. — И потому я лишил тебя выбора.

От его спокойствия охотника разобрала дрожь.

— Что преодолеть? — спросил он, холодея. — Риор! Что я должен преодолеть?

Поле мутнело всё сильнее, но сквозь эту сгущающуюся пелену Рэн увидел, как Мудрый поворачивается спиной и уходит прочь. Молодой пуэри ещё кричал и пытался пробиться наружу, моля и проклиная Риора, но всё было без толку. Мощная магия Источника опутала охотника, завернув в световой кокон, и унесла прочь от желанной гибели — так далеко, как Рэн даже не мог себе представить.

* * *

— Жуть какая. Интересно, чем всё закончилось?

Отражение прохаживалось, оглядывая пейзаж рушащегося города. Жуткая панорама таяла на глазах, оставляя нас с двойником в пустоте.

— Это же всего лишь сон. Мало ли что в нём могло происходить, — ответил я.

— На твоём месте я бы не был так уверен.

Краски развалин потускнели, а потом и вовсе пропали. Двойник повернулся ко мне:

— Итак, с Залами ты справился. Поздравляю! — он просиял одной из своих добрейших улыбок. — Что-то пейзаж стал скучноват.

Он достал из кармана мелок и принялся водить им вокруг себя.

Я, глядя на него, задумался: а справился ли? Я совершенно не помнил, как заснул. Попытался проснуться — и не смог. Неужели этот пройдоха прав?

— По-моему, меня оглушили, — с растущей тревогой сказал я. — Это же не сон, да?

— А, ерунда, — Отражение махнуло рукой и наклонилось, чтобы нарисовать несколько квадраты, которые тут же подсвечивались зелёным. — Ты просто в глубоком обмороке. Скоро непременно очухаешься. У тебя сейчас есть более весомая проблема.

— Какая, если не секрет?

— А ты не чувствуешь? — двойник улыбнулся и медленно нараспев продекламировал: — Не вижу рук, но чувствую касанья — то Смерть помалу жнёт моё дыханье...

От неожиданности я не нашёлся с ответом.

Квадраты под нашими ногами обретали цвет и рельеф, всё больше напоминая замшелые каменные плиты. Вот только красило Отражение всё тем же мелком — и он был белым.

— Не спрашивай, откуда я знаю, — покачал головой двойник, опережая мой вопрос. — Это, скажем, предчувствие. Всё идёт к тому, что ты окажешься на грани, где я уже не смогу тебе помочь. Как тогда, когда тебе перемешали все внутренности, помнишь? Тебе придётся рассчитывать только на себя и на правильность своих решений.

— Раз ты столько об этом знаешь, может, намекнёшь, когда именно наступит этот момент?

— Что, опять? — фыркнуло Отражение. — Нет, дудки. Ты сам в состоянии ответить на этот вопрос. Давай, вспомни всё, чему я тебя научил. Напрягись.

Он продолжал рисовать, и вскоре вокруг нас уже появилось и небо, и яркое полуденное солнце, и холм, на вершине которого мы стояли. Рядом стояло несколько каменных плит, подозрительно напоминающие кладбищенские. Эта картина подействовала на меня странным образом: мысли о смерти вдруг приобрели новый оттенок, удивительно ясный — на языке даже появился тлетворный привкус. Я вдруг ощутил: она близко, она стоит почти вплотную.

— Кажется, получается, — сказал я. — Это не смерть нашла меня, а я нашёл её. Она

здесь, на Глубинах. Совсем рядом. Точнее... скоро.

Двойник нагнулся в последний раз, написал на одной из плит «Здесь может быть Ваша могила!» и принялся отряхивать совершенно чистые руки.

— Такие дела, — заключил он.

Все знают, что когда-то умрут, но стоит лишь вообразить, что умрёшь завтра — и накатывает страх. Откуда ни возьмись, появляется чувство пустоты, которая только и ждёт, что возможности проглотить тебя. Тогда понимаешь: она больше, чем вселенная, и ей плевать на твои планы и мечты: сейчас ты есть, а завтра тебя не станет. И именно от осознания того, что вся твоя жизнь шла именно к этому моменту, становится страшно.

А потом приходит мысль — хорошо, что умирать только один раз.

— Как-то это... рано, — выдавил я.

— Пф-ф-ф, — Отражение скептически подняло брови. — Ни капли оригинальности. Сколько бы ты не считал себя особенным, а здесь ты как все. Думаешь о смерти как о чём-то очень далёком, хотя она ходит вокруг с самого твоего рождения.

Двойник взмахнул руками и, повинувшись этому движению, из земли выросли деревья и кустарники; между плитами пробилась приятная зелёная травка.

— Не поможешь? — повернулся он ко мне.

Я молча набрал полную грудь воздуха и слегка дунул. Тут же поднялся лёгкий ветерок, который заиграл в листьях и траве, словно на причудливых инструментах, рождая приятный шелест и шепотки. Отражение удовлетворённо цокнуло, оценивая качество моей работы.

— Так что мне делать? — спросил я неизвестно у кого, но ответило мне, конечно, Отражение.

— Со смертью-то? — двойник ощерился. — А ничего ты с ней не сделаешь. Нельзя предугадать, к чему именно приведёт то или иное твоё действие. Отчаянные попытки избежать неизбежного могут ещё скорее свести тебя в могилу. Так что живи как жил. Всё равно смерть придёт, так или иначе, независимо ни от чего.

— Мне сразу полегчало, — ехидно сказал я. — Спасибо, о мудрейший!

— Шути, шути, — Отражение село на траву, прислонившись спиной к дереву. — Когда-нибудь ты оценишь мою помощь.

— Это когда умру например?

— Если умрёшь. Строго говоря, если бы ты меня слушал, то вовсе не оказался бы на Глубинах. А если бы и оказался, то не в таком положении. Это верно, что здесь смертельно опасно, и смерть здесь повсюду, как воздух. Но тебе страшна не смерть в принципе, а только твоя, персональная жница, — двойник посмотрел мне в глаза исподлобья. — Она ждёт только тебя и никого другого. А ты бежишь к ней навстречу, как к матери родной.

— Потому что таковы мои решения, — кивнул я. — Какой смысл в свободе воли, если я буду слушать тебя? И как мне получить опыт, не совершая ошибок?

— Умным себя возомнил? — усмехнулось Отражение. — Если бы я заставлял тебя, это было бы нарушением свободы воли. Но я только говорю, а выбор делаешь ты сам. Сейчас этот выбор — делать по-своему. Когда-нибудь ты попробуешь сделать по-моему и тогда добровольно начнёшь прислушиваться к моим советам. А что касается опыта — это как раз то, чего тебе недостаёт для принятия правильного решения. И ты как раз его набираешься, совершая свои драгоценные ошибки.

— Я по-о-нял, — протянул я с усмешкой. — Что бы я ни делал, всё равно получится по-твоему. Но как же тогда быть с моей смертью? Знаешь, я теперь чувствую её так ясно,

словно она прямо за моим плечом. Дышит мне в ухо! Холодная, как лёд, и безразличная, как небо. Как же я тогда приду к правильному пути, если она меня заберёт? Успею я набраться опыта до этого, как думаешь?

— Один раз я уже вытащил тебя из её объятий, — сказал двойник тихо, по-прежнему не отводя взгляда. — Это самый бесценный опыт, который ты мог получить. И чему ты радуешься? — добавил он уже веселее. — Тому, что умрёшь раньше, чем меня слушаешь? Спроси себя — не идиот ли ты после этого?

— Я не радуюсь, — ответил я сквозь зубы. — Просто...

— Да, ты просто торжествуешь в ничего не значащем споре, пока истекают последние твои часы, — Отражение поднялось на ноги. — Празднуешь крошечные победы. Как будто они могут дать тебе больше времени! Пойми ты наконец: даже если ты одержишь верх в этом споре, я всё равно окажусь прав. Нужно что-то посильнее сарказма и мятежного духа, чтобы выставить меня дураком.

Я молчал. Двойник весело и беззлобно смотрел мне в глаза. Словно я сам, только какой-то другой — то ли будущий, то ли прошлый — стоял напротив; будто он знал что-то, чего не постиг я нынешний. И да, он чувствовал своё превосходство. Мне как никогда захотелось съездить по этой самодовольной роже, но тогда получилось бы, что я бью сам себя...

С этими Отражениями всегда всё непросто.

— Перестань искать себе врагов, — сказал двойник. — Они сами тебя найдут, когда придёт время. И начни, наконец, думать головой! А то такое ощущение, будто я имею дело со взбалмошным подростком.

— Терпи, — только и ответил я.

— Недолго терпеть, — вздохнуло Отражение, и в голосе его мне послышалось облегчение. Словно он ждал чего-то долгое время и знал, что ожидание подходит к концу.

Двойник развернулся, окинул взглядом своё творение. Взмахом руки зажгёт в небе необычайно яркие звёзды. Обернулся, бросил:

— Пока, балбес, — и исчез, оставив мне красоту свежесотворённого мира.

* * *

Из тишины, как пузырьки со дна болота, медленно выныривали звуки. Я слышал их, но ещё не мог распознать. Они раздавались чуть позади меня, мерные и тихие, но со временем становились всё громче. По спине пробежали мурашки — раз, другой; почему-то немели руки и наполовину свалился сапог. Я попытался поднять голову, но смог лишь слегка приподнять веки. И тут же, как по щелчку, заработал разум.

Меня волоком тащили по гладкой чёрной поверхности за верёвку, которая больно врезалась под мышками. Сзади пыхтели, и довольно громко. Судя по всему, чтобы сдвинуть мою неподъёмную тушу, упираться приходилось изо всех сил.

Чёрный коридор впитывал свободно текущую энергию, так что я, уже привыкший к её изобилию, чувствовал себя как рыба, выброшенная на берег. Словно вместе с силой Эфира он вытягивал из меня жизнь.

Движение вдруг прекратилось.

— Боровы, — пробормотали где-то рядом. — Мешки с камнями. Когда же вы уже очухаетесь...

— Лина... — я с трудом разлепил губы.

— Эн! Ты как? — надо мной тут же появилось взволнованное лицо с засаленными от пота волосами. От такого быстрого движения мне даже стало дурно.

— Это коридор, — с запинкой выговорил я, с трудом удерживая веки. — Помоги...

— Да не могу я! Длины верёвки не хватает! Пока не отдохну, с места не сдвину больше ни тебя, ни его!

Девушка попыталась усадить меня, и всего через полминуты ей это удалось. Тело почти не повиновалось мне, пальцы вовсе были словно чужие, а по голове будто сильно ударили дубинкой — всё плыло и взгляд никак не фокусировался. Я перевернулся на живот, поднялся на четвереньки и смог проползти ровно до того момента, пока не натянулась верёвка. А потом снова упал.

— Не могу.

— Давай помогу, ты только постарайся изо всех сил, — Лина ухватила меня за плечи и потянула вперёд. Встать удалось только с третьей попытки.

— Тяни, — губы едва шевелились.

Постепенно мы сдвинулись с места. По чуть-чуть, рывками, но нам удалось протащить гнома ещё сажень, после чего я ощутил, как силы возвращаются ко мне. Едва почувствовав кончики пальцев, я потянул вперёд с удвоенной силой. Усилия приходилось прикладывать такие, словно я волок за собой гружёную под завязку телегу, у которой к тому же отвалились колёса. Если бы не Лина, я бы даже с места не сдвинулся, но вместе мы всё-таки одолели те пару саженей — и вывалились наружу, в зал.

Едва я покинул коридор, на меня снова обрушился фон энергетического источника — и он оказался даже сильнее, чем раньше.

Позади заворочался гном.

— Кир, мы тебя сейчас вытащим, потерпи! — крикнула девушка и снова взялась за верёвку.

Контроль над телом уже почти полностью вернулся ко мне, голова больше не гудела, поэтому через полминуты Кир уже лежал вне чёрного коридора и приходил в себя. Все мы валялись прямо на покрытом толстым слоем пыли полу, восстанавливая силы.

Большой зал, в котором оказалась наша компания, имел идеально круглую форму, высокий сводчатый потолок и четыре одинаковых входа — на каждую сторону света по одному. Всё — в идеальном состоянии, гладкое, без единой трещинки. Я словно оказался в одном из залов того древнего храма, из которого вызволял Лину: тот же белый гранит, такие же бордюры и такие же отражающие свет серебряные узоры, которые буквально заставляли восхищаться собой. Хитро расположенные ниши и рельефность поверхностей создавали впечатление, будто этот зал — стоящая на поверхности глухая беседка; таинственные зодчие словно перенесли нас на сотни саженей вверх, туда, где гуляли настоящие ветра, а не сквозняки. С идеально ровного купола вниз лился свет. Стены были сплошь исписаны золотистой вязью символов — таких же, что и на табличке на входе в Глубины. А ещё прямо в центре зала, в окружении пяти колонн, прямо в полу зияла круглая дыра. В неё без труда могла бы рухнуть целая карета, если бы не дугообразные каменные скамьи, которые точно ограждения заполняли пространство между колонн.

Кир, едва снова обрёл способность соображать, всю начал крутить головой. А я, закончив озираться, посмотрел на Лину.

— Ты не потеряла сознание?

— Нет, — девушка пожалала плечами. — Я вообще ничего не почувствовала.

— Даже полное отсутствие магического фона? — не отставал я.

— Его — да, — Лина распустила растрепавшиеся волосы и начала снова собирать их в хвост. — Когда вы упали, я сначала перепугалась — бросилась к вам. Убедилась, что вы живые. Только потом до меня дошло, что меня тоже могло рядом с вами накрыть... Но не накрыло. Вот я и решила поскорее протащить вас на ту сторону.

— Это ты правильно решила, — сказал я и посмотрел на девушку сквозь Эфир.

Пятно на её ауре почти исчезло. До сего момента ничто не влияло на него, оно как появилось после встречи с некротом, так и не менялось. А теперь — уменьшилось. Эта неведомая хрень по какой-то неведомой причине уменьшилась!

Пока я в панике искал причинно-следственные связи, гном окончательно пришёл в себя. Первым делом он освободил нас от верёвки и принялся копошиться в мешке, что-то бормоча себе под нос. Они с Линой о чём-то переговаривались; я не слушал. Слишком увлёкся разгадкой изменений, творящихся с девушкой. Я осторожно прощупал её парочкой заклинаний — всё казалось нормальным. Да и если бы она почувствовала что-то особенное, то сказала бы. Как же меня достало это треклятое пятнышко на её ауре! Почему я до сих пор ничего о нём не знаю?

— ...я уже почти не жалею, что мы взяли тебя с собой, — говорил Кир Лине, добродушно ухмыляясь. — Пока что больше неприятностей нам доставил твой дружок, чем ты. Эта чёрная штука своей магией мне чуть мозги не поджарила...

Я, точно одуревший, перевёл взгляд на гнома. Магия!

Некрот собирался поместить свою душу — или что там у него вместо души — в тело Лины, но заклинание для этого он нашёл именно в храме. Храме древней расы. Расы, язык которой подозрительно похож на символы, которые начертаны в этой светлой комнате, заполненной чистейшей энергией. Магия того храма и Залов однородна. Поэтому, видимо, Лину и не оглушило как нас с Киром — что бы ни сделал с ней некрот, это изменило её ауру, и благодаря этому девушка прошла там, где не смогли остальные.

Да чтоб мне сдохнуть! Вот что это за пятно!

— Эй, приятель! Если будешь на меня так пялиться, начну брать деньги за погляд!

Кир смотрел на меня с недовольством. Я, представив выражение своего лица, ступешался и быстро обратился к Лине:

— Ты себя нормально чувствуешь?

— Да, — ответила та настороженно. — А что?

— Поговорите об этом, когда у нас будет больше времени, — вклинился гном. — Сейчас нам надо бы найти Оракула. А его что-то не видать.

Последняя фраза прозвучала с известной долей досады.

Я подумал и решил отложить разговор с Линой до лучших времён — когда сам хорошенько обмозгую свои догадки. А вот с Оракулом вопрос и впрямь более насущный.

— Может, на стенах что-то написано, — я поднялся на ноги.

— Я таких букв не знаю, — отмахнулся гном. — Но раз уж ты бегло читаешь любую тарабарщину, то попробуй почитать. А я пока осмотрюсь.

И он, на ходу откусывая вяленое мясо, отправился бродить по залу.

Я посмотрел ему вслед. Копатель одолел преграду, которая долгие годы отделяла его от мечты, но не выглядел довольным. Скорее наоборот — разочарованным. Пока цель была недостижима, Кир верил, что идёт правильным путём, но теперь впервые всерьёз задумался: а вдруг я ошибся? Вдруг нет на самом деле никакого Оракула, а есть просто легенда,

созданная чтобы обманывать легковверных гномов? Ведь тогда получится, что всё зря. Десятки спусков в Бездну, сотни лиг, пройденных по подземельям, тысячи набитых мозолей и ран. Семнадцать загубленных жизней друзей. И ещё одна, восемнадцатая, жизнь, пущенная под откос.

Я смотрел копателю в спину и пытался представить, сколько всего он вынес, чтобы оказаться здесь, в этом зале. Как выразилось Отражение, Кир долгое время оправдывал потери тем, что продолжал их нести, и только теперь ощутил их истинную тяжесть. Так кто, если не я, способен был его понять?

Никто из нас толком не знал, что ищет. Да, мы шли к Оракулу, но где именно он находится? Как выглядит? Можно ли с ним говорить, или придётся взаимодействовать как-то иначе? После Залов мы все задались этими вопросами, потому что пути дальше не было. Проход, из которого мы пришли, был точной копией остальных трёх проходов. Если бы они хоть чем-то отличались, идеальная симметрия зала нарушилась бы — а этого его создатели бы не допустили. Это стало очевидно с первого взгляда. И ничего, что могло бы оказаться Оракулом, тоже не было видно.

Я принялся внимательно изучать письма — и почти сразу с удивлением замер. Символы складывались в слова, которые я мог прочесть, но не мог перевести. Сначала это вогнало меня в ступор: никогда прежде мне не попадались надписи, которые я бы не понимал. Но потом до меня дошло.

— Это имена, — пробормотал я. — Просто огромный список имён...

Лина, отиравшаяся рядом, услышала это и тут же спросила:

— Только имена? Ничего больше?

Я прошёл от одной стены к другой. Прочёл полстроки, вернулся к первой.

— Там то же самое. В том же порядке, те же имена. Ни слова о том, кому они принадлежат или почему здесь записаны. Наверное, те, кто сюда приходил, и так это знали.

— Строили те же, кто и город в Глубинах? — к нам подошёл Кир.

Пока я читал, он обшарил весь зал и, судя по посмурневшему взгляду, Оракула так и не нашёл.

— Это почти наверняка. Символы одинаковые.

— Ты всё прочитал?

— Конечно, нет. Но если здесь только имена, то какая разница?

— А на полу? Тоже имена?

— На полу? — насторожился я. — Где?

Кир молча прошёл к ближайшему коридору и, смахнув пыль сапогом, указал на надпись на плите у самого порога.

— У каждого выхода такая.

— Нет, — сказал я, пробежав глазами восемь коротких строчек, — это не имена.

Надпись гласила:

Одолей страхи

Забудь гордыню

Побори леность

Разрешни сомнения

Стерпи боль

Будь выше злобы

Будь сильнее отчаяния

Лишь тогда ты станешь достойным своего Знания

Я перевёл написанное спутникам. На какое-то время все задумались.

— Знание — это хорошо, — сказал Кир. — Только где его получить?

— Об этом ничего нет. Вообще больше ничего нет.

— А почему испытания в обратном порядке? — подала голос Лина.

Мы с гномом переглянулись. И впрямь. Мы прошли их, начиная от отчаяния и заканчивая страхом. А тут они перечислены с точностью до наоборот.

— Как будто это для тех, кто выходит отсюда, а не заходит, — сказал Кир. — Ни черта не понимаю. Если испытания мы уже прошли, то на хрена нам здесь указания на них? Мы что, где-то прошли мимо? Оракул снаружи, так получается?

Снова повисло молчание.

— Нет, он здесь, — сказал я. — Точно здесь. Этот зал — середина, средоточие. Здесь самый сильный магический фон.

— Почему тогда эта надпись ведёт нас наружу?

Вдруг Лина тронула меня за локоть, я обернулся и столкнулся взглядом с её широко раскрытыми глазами.

— «Лишь тогда ты станешь достоин своего Знания», — повторила она, и до меня тут же дошло.

— Точно! — Наши лица одновременно просветлели. — «достоин Знания», а не «получишь Знание». Эти испытания созданы не только для того, чтобы недостойный не получил Знание. Они также служат проверкой для тех, кто уже получил его!

Кир смотрел на нас с непониманием.

— Зачем?

Я повернулся к нему и принялся горячо объяснять:

— Представь: тот, кто хочет получить Знание, идёт к «Отчаянию». Он знает, что его там поджидает испытание отчаянием, потому что сверху висит табличка. Таким образом он проходит все испытания, попадая в этот зал. Раз претендент доказал, что достоин, он получает здесь Знание. Оно, очевидно, не из простых, иначе его не стали бы так ограждать. Оно меняет претендента, начинает влиять на дальнейшие его решения. И чтобы удостовериться, что претендент всё ещё достоин своего Знания, он должен снова пройти испытания, только на сей раз, естественно, в обратном порядке. Ты заметил, что Залы лезут прямо в голову и извлекают оттуда всё необходимое, чтобы учинить тебе проверку? Это гарантия того, что, даже обладая Знанием, претендент не сможет обмануть их. Получается, что тот, кто не способен применить своё Знание должным образом, не сможет отсюда выйти.

— И именно поэтому указания начертаны здесь, а не снаружи, — кивнул гном. — Они тут для тех, кого Знание изменило слишком сильно. Понятно. Но где тогда Оракул?

Я развернулся и подошёл к дыре в полу. Абсолютно тёмный провал: если свет и проникал туда, то ему было не от чего отразиться.

— Это средоточие средоточия. Оракул должен быть здесь.

— Смотрите! — Лина указала на противоположный край провала.

Там, рядом с недавними следами Кира, в пыли виднелись другие следы, более старые. Точнее, на месте следов слой пыли был меньше; их и заметить-то можно было только если

приглядываться. Проследить по ним оказалось не так уж просто — многое мы сами успели затоптать. Выходило, что таинственный некто пришёл из прохода, который располагался напротив нашего, и направился напрямиком к дыре. Он остановился у самого края и словно исчез — обратных следов мы не нашли.

— Значит, мы тут не первые, — сказал гном.

— Кто бы это ни был, он пришёл сюда очень давно, — я смотрел в черноту провала. — И точно знал, куда идёт. Нам туда.

— Мда? — засомневался Кир. — А тебя не смущает, что он оттуда не вернулся? Может, он туда сиганул, потому что жить надоело?

— Вряд ли.

— Там магия, — сказала Лина, которая догадалась, как и я, посмотреть на дыру сквозь Эфир. — Плотная, как подушка.

— Скорее портал, — у меня появилась идея. — Кир, дай мне какой-нибудь из своих амулетов. Самый ненужный.

— Я ненужного с собой сюда не брал, — проворчал гном, но всё же полез в мешок и извлёк оттуда овальную деревянную табличку с выжженными на торце рунами.

Я бросил амулет в центр провала. Тот пролетел совсем немного вниз и исчез в тусклой вспышке света.

— И где он? — Кир с недоверием смотрел вниз.

— Видимо, у Оракула.

— Кто пойдёт первым? — деловито спросила Лина, которая тоже всё поняла.

— Предлагаю вместе.

Копатель промолчал. Я оглянулся: он стоял без движения и смотрел в портал. На лице у гнома замерло странное выражение, которого я прежде не замечал. Но слишком уж оно походило на потерянность.

— Вы уверены? — спросил он тихо. — Нам точно сюда?

Вряд ли он боялся прыгать. После тех чудес выдержки, которые он проявил во время спуска, это было бы по меньшей мере странно. Уж скорее его нерешительность была связана со страхом ошибиться. Гном понимал, что может не вернуться оттуда, куда мы собираемся, и тогда смысла в полученных знаниях не будет.

К слову, я тоже об этом задумался. Портал мог быть неисправен — вот наш предшественник и не вернулся. Или же по ту сторону нас ждал не Оракул, а просто смерть. Но я уже не мог остановиться. После разговора с Отражением я только укрепился в мысли, что нужно ставить на карту всё — иначе ничто не имеет смысла.

А Лина... Наверное, она об этом не думала. Во всяком случае, я на это надеялся.

— Здесь больше некуда идти, Кир, — сказал я. — Или сюда, или назад.

Копатель подумал, вздохнул и покивал.

— Надеюсь, нас выкинет где-нибудь на поверхности...

Мы не торопясь приготовились к прыжку, плотно прикрепив к телу всё, что было у нас собой. Мешок с припасами остался у Кира, у меня — только моя поясная сумка с магической мелочёвкой, у Лины — оружие и кошель с деньгами.

— Готовы? — мы взяли за руки. — На счёт три. Раз. Два... Три!

На мгновение мне показалось, что я прыгаю в пропасть — бездонную, бездыханную, слепую. Таковую, из которой нельзя вернуться. «Ну и пусть», — пронеслось в голове, а в следующую секунду ноги попали на что-то мягкое, и раздался громкий хлопок.

Рука Лины выскользнула из моей ладони, глаза перестали видеть, уши — слышать; по телу волной пробежал озноб.

А потом я рухнул на холодный камень и услышал раскатистое:

— Спрашивай, если жаждешь Знания.

* * *

Лина ошеломлённо трясла головой. После прыжка её так скрутило, что падения она почти не почувствовала. Перед глазами плясали цветные искорки, из-за которых ничего не было видно. Голова кружилась, и желудку это сильно не нравилось. Девушка сразу поняла, что не любит порталы.

Здесь было холодно. Точнее, так казалось после жары Глубин: Лина не замёрзла, но чувствовала кожей прохладу. Потом зрение вернулось к девушке, и оказалось, что она стоит на четвереньках посреди круглой каменной площадки, которая зависла посреди ночного неба. Над ней висело нечто напоминающее свечу, только намного ярче; больше источников света — не считая, конечно, бесчисленных звёзд — не было.

— Эн? — позвала девушка неуверенно. — Кир?

Но она была одна.

Лина осторожно подползла к краю, заглянула за него — и тут же, зажмурившись, отпрянула. Площадка ни на что не опиралась и ни к чему не крепилась. С неё невозможно было уйти, даже разбежаться бы особо не получилось: размером каменный диск точно соответствовал той дыре, в которую они прыгнули.

— И как отсюда выбираться? — спросила девушка неизвестно у кого.

В следующий же миг ей ответил сильный ровный голос:

— Как только истечёт время, ты вернёшься назад.

От неожиданности Лина даже присела. А через секунду вспомнила, что уже слышала этот голос, когда падала. Он сказал: «Спрашивай, если жаждешь Знания».

— Ты Оракул? — спросила она быстрее, чем успела подумать.

— Так меня иногда называют, — равнодушно отозвался голос.

Он лился то ли ниоткуда, то ли отовсюду; на мгновение Лине показалось, что с ней говорит Бог.

— Где Эн и Кир?

— Они тоже получают Знания.

У девушки перехватило дыхание. Они всё-таки добрались, нашли Оракула! Значит, всё было не зря!

От внезапно нахлынувшего восторга Лина засмеялась и только потом поняла, что почти не надеялась на такой удачный исход. Она шла за Энормисом, потому что для него важно было найти своё прошлое. За ним она готова была идти хоть в Бездну — и шла. А остальное разве важно? За свою жизнь Лина повидала слишком много разных судеб, чтобы верить в счастливые финалы — так пусть хотя бы часть истории будет приятной.

Но теперь девушка впервые по-настоящему задумалась: а если всё и правда закончится хорошо? Вдруг им каким-то чудом удастся миновать трагедий? Ведь пока что у них получалось...

Девушка глубоко вздохнула и собралась с мыслями. Раз уж угодил к всеведущему — так не молчи.

А у Лины было, что спросить.

* * *

Под громогласный голос Оракула меня швырнуло на пол. Слегка оглушённый хлопком портала, я ошарашенно озирался: круглая площадка, здоровенная свеча, миллионы звёзд. Ни Лины, ни Кира. Тишина и долгожданная прохлада.

Неуверенно поднявшись и шатко переступив, я подошёл к краю площадки — и с руганью отскочил обратно. Кусок камня парил в пустоте и почему-то выглядел знакомо. Через несколько мгновений я вспомнил, где его видел: в том видении, из которого меня вынуло Отражение. И голос, приказавший спрашивать, тот же самый, точь-в-точь.

Значит, это был не сон.

Вокруг меня бурлил океан энергии. Я сразу подумал: вот она, сердцевина. Именно отсюда берётся магический фон под Небесным Пиком. И это глобальное скопление на самом деле имеет совсем иную природу, чем все думают: нет никакой замкнутой системы, а есть Источник, и есть портал, через который энергия понемногу сочится в наш мир. Знать бы ещё, что за природа у этого Источника, и почему он за пределами Нириона?

Я внимательно оглядел пол под ногами. Брошенного мной амулета нигде не было. Значит, Кир и Лина в таком же месте, и, вероятно, по отдельности. А огонёк, который горит надо мной, явно отмеряет время — если я правильно разобрал его плетение.

— Оракул, значит, — сказал я, чувствуя, как замирает сердце в предвкушении. — И какое же Знание ты мне можешь предложить?

— Любое, — равнодушно громыхнул голос.

— Кто я такой?

Вопрос так сильно жёг мне голову, что я выдал его, не успев даже как следует сформулировать. Однако Оракул, помолчав несколько секунд, всё же ответил:

— Человек.

И ещё через секунду добавил:

— Сейчас.

— Охренительно исчерпывающе! — выкрикнул я в сердцах. — А поконкретнее? Как мне вернуть память?

Снова пауза. То ли всеведущему духу требовалось время, чтобы найти правильный ответ в какой-нибудь Книге Всех Знаний, то ли он попросту был тугодумом.

— Нельзя вернуть то, чего ты не лишался.

Я, сбитый с толку подобной ерундой, даже не сразу нашёлся со следующим вопросом. Прежде чем снова открыть рот, я несколько раз огляделся и убедился, что поблизости нет телесного воплощения этого Оракула, которое я мог бы сгрести за грудки и хорошенько встряхнуть, чтобы не полоскал мне мозги.

Легенда гласит, что этот всезнайка отвечает только на три вопроса — и если это правда, то у меня остался только один. Я использовал два вопроса и получил ноль полезных ответов!

— Кто мои родители? — от разочарования мой голос становился всё резче.

Ответа я ждал с пару минут, но так и не дождался. Повторение вопроса тоже ничего не дало. Как и повторение повторения. Оракул просто замолчал, а я, сгорая от ярости и обиды, всё ждал и ждал, что он заговорит.

Без толку.

— Скажи хотя бы, кто уничтожил Квисленд?

Нет ответа. Хвалёный Оракул будто язык проглотил.

— Эй! — завопил я, брызгая слюной. — Ты думаешь, я за этим сюда шёл? Чтобы ты просто взял и заткнулся, так ничего и не сказав? Какого хрена от тебя толку вообще тогда?!

На последней фразе мой голос сорвался. Казалось, обиде и отчаянию вот-вот удастся то, что не удалось сотням кровожадных тварей — убить меня. Таких острых разочарований я не испытывал никогда в жизни. Словно надежда, которую я холил и лелеял долгие годы, вдруг взяла — и умерла. Словно больше надеяться было не на что.

— Послушай-ка, — выдавил я сквозь зубы, — если ты не ответишь, я отберу всё, что мне нужно, силой.

Угрозы Оракула тоже не тронули, а умолять его у меня уже не хватило терпения.

— Пёс с тобой, — пробормотал я, потроша свою поясную сумку. — Хочешь по-плохому — будет по-плохому.

Раз уж основной план не сработал, я решил обратиться к запасному. Ингредиенты посыпались на пол, кусочек известняка заскрёб по неровной поверхности, оставляя за собой геометрически точный белый след. Фигуру я знал назубок, но всё же по десять раз перепроверял каждую линию — нельзя больше совершать ошибок. Или я сумею захомутать этот Источник, или мне не жить.

Пальцы немного дрожали, но я терпеливо разделял слипшиеся от крови пучки трав — это когда мою грудную клетку проломил троллий кулак. Промыть их было нечем, но этого и не требовалось: для поиска родни ингредиенты, вымоченные в моей крови, подходили в самый раз.

К моменту, когда все приготовления оказались окончены, я основательно выбился из сил. Фигура получилась до неприличия симметричной: в Нирионе такое почти невозможно, потому что приходится делать поправки на глобальные скопления, но здесь... Если сравнивать магический фон с ландшафтом, то здесь он был ровным, как стол. Сами по себе такие источники не появляются. Кто бы его не создал — они владели магией на уровне, недоступном для людей. А я, как примитивный варвар, намеревался осквернить столь величественное творение.

Повинуясь моему жесту, травы вспыхнули, закурились; энергетические узлы фигуры один за другим откликнулись на магическое плетение, ухватились за него, впитали в себя. Нарисованные на полу линии засветились — сначала тускло, потом всё ярче: фигура пила энергию из окружающего пространства и очень быстро набрала такую мощь, что у меня захватило дух. В моём распоряжении вдруг оказалась сила, сравнимая с божественной. Правда, вся она была заёмная.

Затаив дыхание, я подготовил следующее заклинание, на этот раз поисковое. Самое сложное состояло в том, чтобы поиск, выполняемый за пределами какого-либо мира, не шарил по пустоте, а нашёл как можно больше миров и обыскал их. Пришлось импровизировать: я весьма поверхностно владел теорией межмировых взаимодействий, так что прибёг к интуиции. Волна заклинания устремилась во все стороны и, как я и рассчитывал, нашла несколько точек перехода к иным пространствам. Теперь мне оставалось только поддерживать приток энергии и ждать.

Точнее, оставалось бы, если бы поиск и дальше шёл по плану. Но он, разумеется, не пошёл.

Структурированные потоки энергии, текущие к точкам перехода, — то есть чёрт знает

куда — вдруг потеряли стройность и начали изгибаться. Я забеспокоился: если заклинание пойдёт в разнос, то у меня ни за что не хватит сил вернуть его к норме. Чтобы сделать хоть что-то, я ослабил приток энергии к заклинанию, но по ту сторону точек перехода словно воронка открылась, так что пришлось вернуть всё как было. Потоки бесились всё сильнее; мне оставалось только усилить нажим в надежде, что они выровняются.

Но они порвались.

Грохнуло так, что запищало в ушах. Лишь через пару секунд я понял, что сижу на площадке и трясу головой, а ещё через несколько мгновений поисковое заклинание, контроль над которым я полностью утратил, выпило мою фигуру досуха и, рванув остатки энергии, выдернуло из Эфира какой-то непонятный сгусток.

Раздался треск, на мгновение окружающая чернота утонула во вспышке, а потом на меня свалилось нечто. Едва мы соприкоснулись, существо совсем по-человечески вскрикнуло и тут же отпрянуло в сторону.

— Ты кто такой?.. — вскрикнул молодой на вид парень в диковинной одежде. — Как ты проник в Источник?!

А потом он заметил висящие у меня на поясе мечи, и события понеслись со скоростью молнии.

Откуда-то из складок одежды парень выхватил стилет и с нечеловеческой скоростью бросился ко мне. Он преодолел разделяющее нас расстояние так быстро, что я едва успел увернуться от клинка, для чего пришлось прокатиться кувырком. Но противник оказался мне не по зубам. Я и повернуться не успел после того, как избегнул тычка, как остриё его стилета оказалось прямо у моего горла.

— Постой! — только и успел просипеть я, при этом поцарапав кадык о кончик клинка.

— Что ты тут делаешь, человек? Где инфэрэри? — сыпал вопросами незнакомец.

Скорее по голосу, нежели по внешнему виду, я узнал его: это был тот самый парень из видения о гибнущей расе. Пуэри, кажется?

Но удивляться было некогда.

— Я не враг тебе! — Я изо всех сил пытался не сопротивляться. — Рэн? Так тебя зовут?

На несколько секунд пуэри замер. Кажется, собственное имя подействовало на него отрезвляюще — во всяком случае, я очень на это надеялся.

— Как ты сюда попал, человек? — уже спокойнее спросил он.

— Пришёл, — выдавил я, не подумав.

Наверное, именно эта простота и спасла мне жизнь. Остриё перестало щекотать мне горло, зато уткнулось в спину.

— Давай сюда мечи, — потребовал пуэри.

Я послушно расстегнул пояс, благоразумно не став упоминать, что мечи — не самое главное моё оружие. Только после этого Рэн отступил, и я смог, наконец, обернуться и рассмотреть его.

Он выглядел точно так, как в видении — даже пятна сажи на коже остались такими же. Ростом он доходил мне до носа, поджарый, с высоким лбом и короткими светлыми волосами. Лицом он больше всего походил на либрийца: так мог бы выглядеть отпрыск какой-нибудь благородной семьи из тех, что дорожат честью и носят своё имя с достоинством. В целом он не отличался от человека, если бы не парочка деталей: светящееся зеленоватое пятно в ямке между ключиц и светло-серые радужки.

Когда про глаза говорят «цвета льда», поневоле думаешь о холоде. Но лишь глядя в глаза

Рэна я понял, насколько холодными могут быть глаза цвета серебра.

— Говори, — бросил он. — И начни с того, откуда знаешь моё имя.

Я осторожно переступил с ноги на ногу. Пуэри держал стилет наготове и не сводил с меня пронизывающего взгляда. Мои мечи лежали у его ног.

— Ты был в видении. Оно явилось, когда я проходил испытания перед этим... Источником.

— А язык? Откуда ты знаешь наш язык?

— Ты не поверишь, — неловко улыбнулся я, — но я знаю все языки. Это вроде как моя странность.

«Вот что надо было спрашивать у Оракула», — запоздало подумал я.

— Где инферэри?

— Я не знаю, кто это.

После этих слов жёсткости во взгляде пуэри прибавилось, поэтому я решил подкрепить свои слова хоть чем-то:

— Сдохнуть мне на месте, если вру!

— Вы, люди, клянётесь по любому поводу, — обронил Рэн с явным презрением.

— Может и так, — не стал спорить я. — Но нельзя же всех равнять под одну гребёнку.

— Пока что твои ответы даже близко не похожи на правдоподобные, — сказал пуэри и, подумав, добавил: — Ложь обычно звучит складнее. Откуда ты?

Этот вопрос меня неожиданно разозлил.

— Это смотря как считать, — буркнул я. — Если коротко, то издалека. Если брать последние восемь лет, то из Квисленда. А если говорить как есть, то затем я сюда и пришёл — выяснить, откуда я.

— Квисленд? Это мир такой?

— Нет. Мир — Нирион. А Квисленд — это замок на юге Либрии.

Лицо Рэна вытянулось и побледнело.

— Нирион?

Пятно у него под подбородком вдруг вместо зелёного стало оранжевым.

— И какой сейчас по-твоему год? — спросил он потрясённо.

Из холодного и жёсткого он вдруг стал потерянным и как будто даже ссутулился. Ещё не до конца понимая, к чему он клонит, я ответил:

— Две тысячи восемьсот восемьдесят восьмой со дня Великого Гнева.

Рэн пошатнулся, как от удара. Казалось, он враз утратил ко мне интерес — настолько его поглотило то, что он ощутил. А я, припомнив видение, стал понимать, что к чему.

Не знаю, почему Отражение заставило меня посмотреть именно то, что я увидел. Может, оно даже и не при чём. Но оно сказала: «интересно, чем всё закончилось» — как будто речь шла о прошлом. Если так, то реакция пуэри объясняется только одним. Нирион — его родной мир, и этот мир погиб так давно, что люди, которые живут здесь и сейчас, даже не слышали о каких-то там инферэри.

Затолкнув Рэна в портал, Риор запер его во временной ловушке, которую некому было открыть, пока не появился я и не начал потрошить Источник. Получается, последние двадцать или даже больше тысяч лет буквально пролетели для Рэна быстрее, чем мгновение.

И мне сразу расхотелось на него злиться.

— Есть ещё такие... как я? — голос пуэри надломился в середине фразы.

— Я не встречал и не слышал.

— А Муратолис?.. Город, который лежит рядом со входом в Источник?

— Заполнен ордами мутантов.

Рэн прикрыл глаза и медленно сел на пол, упёршись локтями в колени, а ладонями — в лоб. Очевидно, ему стало наплевать, кто я такой, наплевать на мои мечи и на вот эту фигуру на полу тоже наплевать — на всё наплевать. Я осторожно сел рядом. Я уже почти забыл, каково это — не иметь ничего, но отлично помнил, что такое всё потерять. Оставалось только гадать, что может в такой ситуации испытывать один из его народа.

Так мы просидели с минуту. Пуэри погрузился в себя, а я не решался заговорить, хотя очень хотелось сказать: знаешь, ты не один такой. Не стоило мне видеть его спасение — теперь я жалел Рэна, хоть и сам когда-то, стоя у дымящегося кратера на месте собственного дома, не хотел ничьей жалости. Но я мог представить: только что Рэн переживал гибель своего мира, и вот он уже отделён от той трагедии тысячелетиями. Несколько минут назад в нём ещё была жива надежда, а теперь он остался совсем один.

— Расскажи мне, — сказал пуэри, не поднимая головы, — как вышло, что никто в моём мире не знает о моём народе.

На этот вопрос у меня не было ответа. Но я рассказал всё, что знал. О том, как давно в мире люди и другие расы. Об эпохах и современных государствах. О том, кто и где живёт. Потом подумал, что стоит рассказать о том, как попал к Источнику — и начал с того, как гномы открыли Глубины. Упомянул разговор с Тенью и вкратце описал тамошнюю фауну. Рэн слушал меня в мрачном молчании.

— Инферэри тоже больше нет, — подытожил он, когда я закончил. — Никого не осталось.

Я промолчал. Мне вдруг пришло в голову, что нас в любое время может выкинуть обратно в тот белый зал — как и моих спутников. Если так, то мне стоило снова попытаться что-то узнать, пока не стало поздно.

— Значит, это ты вытащил меня из портала.

Я обернулся и столкнулся взглядом с Рэном. Он снова выглядел спокойным и уверенным, но уже по-другому. Такой взгляд я видел только у смертельно больных — тяжёлый, с оттенком обречённости.

— Именно, — сказал я, внимательно разглядывая свечу над нашими головами. — Случайно, но это был я.

— И чего же ты хотел добиться?

— Правду искал. О себе. Видишь эту фигуру? Это для поискового заклинания.

— Зачем поисковое заклинание, если тут есть Голем, который черпает знания напрямую из всеобщего событийного потока?

— М-да? — усмехнулся я. — Ну-ка, попробуй-ка с ним поговорить!

Рэн смотрел на меня не моргая, как на идиота. Он явно не видел смысла что-либо мне доказывать, но моя нахальная улыбка, видимо, всё же сумела его заинтриговать.

— Голем, — парень поднялся на ноги, встряхнулся, — остались ли ещё выжившие Орумфабер?

Повисла тишина. Мы с пуэри смотрели друг на друга. Моя улыбка становилась всё нахальнее.

— Ничего не понимаю, — пробормотал он, когда понял, что ответа не последует.

— Вот поэтому и заклинание, — сказал я, возвращаясь к изучению плетения магической свечи. — Ты случайно не разбираешься в здешней магии?

— Это временная комната. Этот огонёк над нами — фитиль, как только он прогорит, комната схлопнется, и нас вернёт в Зал Размышлений.

— Ага, — только и сказал я.

Благодаря пояснениям пуэри мне удалось довольно быстро разобраться в устройстве плетения портала. Всё вокруг было иллюзорным — кроме, разве что, звёзд. Даже камень под нашими ногами оказался искусственным, его можно было расплести на составляющие при желании. Я нащупал и механизм перехода, и запускающую его связку, но никак не мог найти точку выхода портала — на месте, где она должна была находиться, зияла дырка.

И это было плохо.

— Кажется, нас выкинет не там, где ты говоришь, — сказал я.

— Почему? — спросил Рэн, и тут же сам догадался: — А-а-а. Твоё поисковое заклинание сломало портал.

— Сколько горит этот фитиль?

— Несколько часов, — рассеянно отозвался парень. — Не знаю точно. Я только читал про Источник инферэри, но вижу его впервые. Так где мы окажемся?

— В случайном месте в радиусе лиги. В толщу камня не угодим, но вполне можем свалиться на голову какой-нибудь твари. И Лина с Киром тоже. Если их уже не выкинуло куда-нибудь...

Пуэри замолчал. Я оглянулся: он смотрел в пустоту и, казалось, не слушал меня. Ещё бы, после такого-то потрясения. Несмотря на то, что он знал о том, где мы оказались, больше моего, рассчитывать на его помощь вряд ли стоило. Во всяком случае, сейчас.

— Значит, вы с друзьями одолели испытания и Очищающую Тропу, — неожиданно сказал Рэн. — Не представляю, как вам это удалось.

— По большей части общими усилиями.

— Хорошо, если так, — во взгляде пуэри мелькнуло нечто похожее на уважение. — Это вызов не для слабых духом. А Очищающая Тропа, должно быть, больше не действует. Она пропускает только Орумфабер.

— Не знаю, не знаю. Меня сейчас больше беспокоит, как мы будем отсюда выбираться. Без Кира ни мне, ни Лине обратной дороги нипочём не найти. Если при выходе отсюда нас разбросает, мы покойники.

— Как тебя зовут?

Я снова отвлёкся от изучения плетения этого портала и посмотрел на Рэна. Когда он не смотрел с такой злобой, как вначале нашего знакомства, он казался довольно дружелюбным.

— Энормис, — ответил я. — Похоже, ты сменил гнев на милость?

— Нам с тобой обоим нужно выжить, — сказал пуэри неожиданно сухо. — Лучше объединить усилия.

— Полностью согласен.

— Сейчас ни у тебя, ни у меня толком нет сил, — продолжил Рэн тем же тоном, снова садясь на пол. — Нам лучше воспользоваться передышкой, прежде чем выходить отсюда.

— А если мои друзья уже в опасности?

— Ваши временные комнаты связаны. Если ты ещё здесь, то и они никуда не делись. Вместе вошли, вместе и выйдете.

— Уверен?

— Да.

Такой ответ меня немного успокоил. Я сел напротив Рэна.

— Ты всегда такой непробиваемый?

Я рассчитывал застать парня врасплох этим вопросом, но мне не удалось. Для человека — или пуэри — только что потерявшего всё, он вёл себя на удивление собранно и мыслил здраво. Я не мог понять, восхищает это меня или пугает. Пожалуй, того и другого понемногу.

— Я мог погибнуть вместе со всеми, — сказал Рэн, который прекрасно понял, что имелось в виду. — Но этой роскоши меня лишили. Теперь у меня уже нет иного выбора, кроме как постараться выжить. Иначе ничто не имело смысла.

— Да уж, — я понимающе покивал. — Знакомо.

— Неужели?

Я усмехнулся и, с удивлением подумав о том, что этот парень нравится мне всё больше, ответил:

— Ты даже не представляешь, насколько. Так что мы будем делать, когда время выйдет?

— Я смогу найти твоих друзей, — сказал пуэри. — Но только если успею восстановить силы.

— Владеешь магией?

— Немного.

— Боюсь, немного будет недостаточно.

Рэн посмотрел на меня укоризненно и заявил таким тоном, что не поспоришь:

— Чтобы найти двух потеряшек — хватит, поверь.

И рад бы я был возразить, да только идеи получше у меня не нашлось.

— Ну, поживём — увидим, — хмыкнул я, усаживаясь поудобнее. — Тогда давай ждать.

Глава 10. Свет в конце тоннеля

У меня в жизни не было более необычного собеседника, чем Рэн. Даже Дисс с его заскоками воспринимался как человек, даром что им не являлся. Но пуэри, хоть внешне и казался человеком, принципиально от него отличался.

Светящийся столбик над нашими головами становился всё ниже, но убывал слишком медленно. Ожидание нужно было как-то коротать, поэтому мы с Рэном разговорились. Я старался как можно меньше касаться тем, связанных с его народом, но парень не был дураком и всё быстро понял. Тогда-то он и рассказал мне, что случилось с ним на самом деле.

Оказалось, Орумфабер — это семейство народов, которые населяли Нирион задолго до людей. Среди них были пуэри, фолиэри, аэри и инферэри. У каждого народа была своя особенность, хоть и восходили они к общему предку. Инферэри, например, жили исключительно под поверхностью земли, аэри — только высоко в горах или вовсе в воздушных городах. Фолиэри тяготели к лесам и дикой природе в принципе. А пуэри не имели подобных предпочтений, но зато жили сразу в двух пространствах — материальном и энергетическом.

Когда смотришь на человека сквозь Эфир, то видишь лишь цветное пятно — ауру. Так в энергетическом пространстве выглядим мы и любые существа нашего мира. Но когда я посмотрел сквозь Эфир на пуэри, то содрогнулся. Ауры на его месте не оказалось, зато было кое-что другое. Фигура, точно сотканная из подвижных теней — сложением она напоминала Рэна, но и только. С размытого лица на меня смотрели два ярких, как раскалённые стальные пластины, провала, без зрачков и без радужки. В поблёкших красках Эфира эта фигура выделялась отчётливостью очертаний и некоей обособленностью — она явно была намного плотнее, чем окружающая энергия. Наверное, так мог бы выглядеть демон.

Но Рэн сказал, что это его альтер. Сущность, с которой Рэн делит сознание и составляет единое существо. Якобы их нельзя разделить, зато альтер может быть призван в материальный мир. А та светящаяся точка между ключиц — это анима, мост между материальным телом и энергетическим. Когда я спросил, почему она меняет цвет, пуэри ответил, что это зависит от настроения.

Но на этом странности пуэри не заканчивались. Каждый из их народа владел магией в той или иной степени. Они ничем не болели и жили по семь-восемь столетий (Рэну оказалось семьдесят девять лет). Силой и ловкостью тела пуэри значительно превосходили человеческие — в этом я успел убедиться лично. Их дети сызмальства изучали самые разные науки, все дети без исключения, а не только те, кому хватало денег на учителей. Порой в речи Рэна мне попадались незнакомые слова — и дело не в том, что они не перевелись, а в том, что я попросту не знал их значения. Обязанности и профессии не делились на мужские и женские, а браков не существовало как таковых — хватало и простых клятв, ни одна из которой не была обязательной.

Я слушал едва ли не с открытым ртом и думал: если бы пуэри ещё существовали, то я бы точно знал об этом. Но вслух этого, понятное дело, говорить не стал.

Чувствовалось, что Рэну нелегко даётся рассказ о своей расе, которая для него погибла только что, но он всё равно говорил. Я не мог понять, что им движет, но жадно внимал

каждому слову. Мне редко доводилось узнать что-то настолько интересное, а природная любознательность постоянно требовала нового, так что беседа с пуэри буквально стала для меня глотком свежего воздуха. Я даже не заметил, как испарилось моё к нему недоверие, а потом настала моя очередь рассказывать.

Рэн, выслушав мою историю, сжатую примерно в полчаса повествования, покивал — как мне показалось, с облегчением.

— Я понимаю, почему ты подверг себя такой опасности, — пояснил он в ответ на мой вопросительный взгляд.

— Неужели? — усмехнулся я. — Даже я не уверен, что понимаю.

— Нет, всё логично. Не знать своих корней... это как не знать самого себя.

— Многие бы с тобой не согласились, — буркнул я, припомнив Отражение.

— Вопрос только в том, сможешь ли ты вовремя остановиться.

Я посмотрел на Рэна и ничего не ответил. Он говорил правильные вещи. Просто умение вовремя останавливаться — не то, чему меня научила жизнь.

Пока мы говорили, свеча почти полностью прогорела — её высота стала меньше, чем толщина. Я начал готовиться к возвращению: собрал остатки ингредиентов для заклинания, снова надел ремень с мечами.

— Наверное, как раз пора остановиться, — сказал я, разглядывая сточенный кусочек известняка. — Раз уж я даже тут ничего не узнал, это, видимо, знак.

— Что-то случилось с Големом, — Рэн тоже поднялся. — Может, он разрушился, когда погибли инферэри.

— Да какой уж там! Он заткнулся после второго вопроса!

Рэн вдруг очень оживился.

— То есть он всё же говорил с тобой? Что ты спросил?

— Сначала спросил, кто я такой, — с досадой ответил я. — Потом как мне вернуть память. Оба раза получил односложные ответы. Потом спросил, кто мои родители, а он взял и замолчал. Наверное, я задал слишком много вопросов.

— Гolem отвечает на любые вопросы, без лимита, — сказал Рэн, пристально глядя мне в глаза.

От этого взгляда мне стало не по себе.

— Может, ему надоело говорить? — предположил я.

— Это Гolem, а не капризная девчонка, — сказал пуэри с нажимом. — Если он замолчал, то это не потому, что ему что-то там надоело. Он просто не мог ответить.

Повисла тишина. Я не понимал, к чему клонит Рэн, но смутно предчувствовал, что это мне не понравится.

— Я думал, он всезнающий, — осторожно сказал я.

— Нет, он черпает информацию из всеобщего событийного потока. И если он не ответил, значит сама вселенная не знает ответа на заданный вопрос.

Я рассмеялся, но Рэн меня не поддержал. Он был смертельно серьёзен.

— Разве так бывает? — спросил я, чувствуя, как в животе всё скручивается в тугую комок.

— Бывало несколько раз, — анима пуэри постепенно наливалась синим. — В случаях, когда появлялись парадоксы.

Я глупо таращился на Рэна, совершенно сбитый с толку. Как будто я должен был что-то понять, но никак не мог ухватить нужную мысль за хвост.

— Это когда происходит невозможное, — пояснил Рэн, и его губы сжались в тонкую линию. — Когда дважды два вдруг становится пять, или цвета превращаются в звуки — то, чего вселенная не может принять. Парадоксы порождают такое событийное эхо, что целые миры могут превратиться в крошево ни с того ни с сего. У моего народа есть... были предания о том, что происходило после парадоксов. Поверь, ты не захочешь их услышать.

У меня вдруг пересохло в горле — хотя это возможно потому, что я пил последний раз несколько часов назад. Заныли шрамы от тролльего кулака. Я задрал голову, увидел тающую свечу. И подумал: «Почему свеча?» А потом: «Интересно, у Лины была такая же ассоциация?» Рэн молчал, словно ждал от меня чего-то — а я не хотел думать о том, что он сказал. Как будто если я об этом подумаю, то что-то изменится, сдвинется навсегда, и не в лучшую сторону.

— Ты должен узнать, почему он замолчал, — отчётливо проговорил пуэри. — Это очень важно. Очень. — Он сделал паузу и добавил: — Иначе быть беде.

— Разве я не подстегну беду тем, что начну разбираться?

— Она в любом случае случится. Чем больше проходит времени, тем меньше шансов повлиять на события.

— Да откуда ты это знаешь? — опомнился я. — Вас что, и этому учат с малых лет?

— Логически мыслить? Представь себе — да.

— И с чего ты взял, что это всё — моё дело? Речь вообще-то шла о моих родителях!

— Ты что, не понимаешь? — едва ли не прошипел Рэн, прожигая меня взглядом. — Если бы они когда-либо существовали, Голем назвал бы тебе их имена.

И тут у меня в голове словно прорвало плотину. Вот оно — то, о чём я не хотел задумываться. «Нельзя вернуть то, чего ты не лишился». Родителей не было. Я — человек... Сейчас. Как можно быть человеком — сейчас? Парадокс. Как дважды два — пять. Памяти не было, потому что меня самого не было. Или был, но не человеком. Ведь раньше — это не сейчас. Раньше — это никогда. Я появился... как же я появился?

В ушах застучала кровь, да так громко, что я сдавил голову руками. Свеча надо мной таяла, а я совершенно не был готов к тому, что произойдёт. И к тому, что произошло — тоже. С самого начала, с самого первого дня всё было не так. Иначе. И восемь лет жил — не я, а тот, кого раньше не было. Интересно, тот, у кого никогда не было родителей, может считаться сиротой? А человеком?

— Но он же сказал, что я — человек! — взорвался я, пытаюсь перекричать мысли. — Что за человек, который не рождался?

— Тебе так важно принадлежать к человеческому роду?

Рэн смотрел на меня сочувственно — но явно не потому, что сопереживал. Как ни странно, это меня слегка отрезвило. Даже стало стыдно, что я так позорно сорвался перед незнакомцем. А потом накатило бешенство.

— Я не указываю тебе, что чувствовать, — выпалил я. — Вот и ты мне не указывай.

— Даже не собирался, — уронил пуэри. — Соберись. У нас осталось около минуты.

Свеча превратилась в тонкий светящийся диск. Я с силой потёр лицо ладонями, зажмурился, помотал головой. Сосредоточиться и очистить разум от всего лишнего оказалось сложнее, чем обычно

— Как именно ты планируешь найти моих друзей?

— Я знаю подходящее заклинание.

— Которое покроет радиус в лигу? Разве у тебя хватит сил, с твоей-то седьмой

ступенью?

Рэн в очередной раз прожёт меня взглядом.

— Это моя специализация. Я — охотник. Так что во всём, что касается поисковых заклинаний, я уверен. Спорить всё равно нет времени, — отрезал он.

Мы уставились на исчезающую свечу. Она таяла, теряя в яркости, и мне почему-то показалось, что в этом есть скрытый смысл. Словно свеча — символ, который создан, чтобы быть признанным. Но я снова не справился с загадкой.

Огонёк тускло мигнул несколько раз, потом вспыхнул — и погас с уже знакомым мне хлопком.

* * *

Свет погас так резко, что на секунду у Лины перехватило дыхание. Закрался страх: «а если я останусь в этой темноте навсегда?». Но это длилось лишь миг, а потом пол ушёл из под ног, и свежий прохладный воздух сменился затхлостью подземелья.

Наученная прошлым опытом, Лина успела сгруппироваться перед падением. Под коленом что-то сухо щёлкнуло, рука попала на скользкое и поехала; девушка успела перенести вес на другую руку. В ладонь впились зазубрины, которые Лина не могла разглядеть в полной темноте, поэтому первым делом она зажгла люмик.

Зазубрины оказались тонким длинным позвоночником, похожим на змеиный. А вокруг другие кости: маленькие, большие, белые, жёлтые, бурые. Со следами зубов.

— Эн? — неуверенно позвала Лина. — Кир?

Неподалёку раздался приглушённый хруст, и всё снова стихло. Лина снова позвала спутников, на этот раз громче. Её голос вернулся невнятным гулом, отразившись от невидимых стен и потолка — свет люмика до них не доставал. Слабое движение воздуха принесло тошнотворную вонь гниения.

Никто не откликнулся. Зато совсем рядом, в темноте, защёлкали друг об дружку потревоженные кем-то косточки.

Сердце Лины подкатило к горлу. Она инстинктивно выхватила кинжал и усилила светлячка насколько только могла.

Кости, грязь и отбросы барханами лежали вокруг, а Лина стояла прямо на вершине одного из них. Яркий свет загнал темноту в углы и щели. Несколько скользких хвостов тотчас исчезли вслед за тенью со знакомым шуршанием. Стены чертога напомнили девушке виденные на пятнадцатом ярусе залы — только этот явно кто-то облюбовал. Сверху капало; задрав голову, Лина увидела наросшие на высоком потолке сталактиты.

Едва разглядев тёмный зев выхода, девушка устремилась к нему. Под ногами всё хрустело и разъезжалось, то и дело приходилось хвататься за торчащие снизу мослы и рёбра в руку толщиной — откуда только такие громадные? Лине задумалась было над этим, но тут же решила, что это не имеет значения — лишь бы поскорее выбраться из этого вывернутого наизнанку кладбища.

Она уже почти добралась до коридора, когда сзади раздался вопль: звонкий, истошный, горловой — похоже кричат еретики, сжигаемые на площади. От этого звука Лину разобрала дрожь: он словно ввинтился в виски и заставил замереть на месте. А потом из-за самой большой кучи костей вынырнули четыре стремительные тени.

Лина влетела в коридор, как ошпаренная. Тот был круглым, как труба, и совершенно

пустым — только понизу текла струйка мутной воды. Девушка бежала, каждым шагом порождая извращённое эхо: тцун-тцун-тцун-тцун. Вскоре к этому звуку добавился ещё один, не такой громкий, но более зловещий: клацанье когтей по каменной поверхности. Светлячок следовал за Линой, поэтому обернувшись она увидела лишь смутные отблески в глубине тоннеля — они преследовали её даже по стенам и потолку.

Одна из тварей на ходу снова издала свой жуткий вопль, из-за чего девушка едва не споткнулась — и вовремя. Тоннель резко оборвался, в самом деле оказавшись трубой, которая нависла над широкой вертикальной шахтой. Снизу доносился плеск воды, но слишком глубоко — не рассмотреть. Напротив, в двух саженях, над пропастью висела точно такая же труба.

Не теряя ни мгновения, Лина развернулась, чтобы взять разбег. Из темноты вынырнуло существо, похожее на огромную собаку, сплошь покрытое чёрными кристалловидными наростами. Голова у него будто целиком состояла из пасти, а пасть не закрывалась из-за длинных кривых зубов. Чудище вдруг распахнуло рот и снова завопило, но Лина, зажав уши, уже оттолкнулась от края и...

Оказалась в другой трубе. Один из преследователей прыгнул следом, но неудачно: стукнувшись о каменный язык, существо с разочарованным урчанием упало в шахту. Остальные трое один за другим перемахнули через пропасть, но Лина уже улепётывала со всех ног, наперегонки с эхом собственных шагов.

Тцун-тцун-тцун. Труба закончилась — влилась в очередной пустой чертог. Он был такой же, как предыдущий, но здесь горы костей и мусора не загораживали несколько десятков небольших проходов, расположенных у самого пола. Девушка нырнула в ближайший. Сзади клацало и урчало, всё ближе и ближе. Короткий коридор и лестница наверх. Лина пропрыгала её через три ступеньки — и оказалась на перекрёстке. Мгновение на раздумья. Бег.

Откуда-то будто бы донёсся человеческий голос — и исчез в очередном вопле плотоядной твари. Он прозвучал так близко, что Лина развернулась и выкрикнула, вытянув руки наугад:

— Yhon Ardo!

Струя огня хлестнула в темноту, выхватила из неё смутный силуэт и мгновенно окутала его. Слеплённая болью тварь врезалась в стену, начала бесноваться; Лина побежала было дальше, но другой преследователь бросился ей под ноги и сбил на пол. Пасть с сотней клыков мелькнула совсем близко. Девушка увернулась, ткнула кинжалом — и тоже промахнулась. Тварь развернулась, нависла над лежащей жертвой, победно заурчала. Лина стиснула зубы.

— Вот она! — раздалось из глубины коридора. Незнакомый голос...

Вой, раздавшийся над самым ухом, прервался хрустом. Девушку с силой рвануло, поволокло по полу прочь от чудовища; это снова спасло Лину — челюсти клацнули в пяди от горла. Тварь кинулась было следом, но свой шанс она уже упустила.

В следующий миг прямо в глотку ей вошёл арбалетный болт, а ещё через мгновение зверюгу просто отшвырнуло в темноту коридора.

— Хватай её!..

* * *

— Это не Муратолис.

Говорил Рэн, и я понятия не имел, как он может видеть хоть что-то в такой темноте. Но судя по температуре воздуха — нет, мы были не на Глубинах. Здесь оказалось слишком прохладно даже для двадцатого яруса.

— Наверное, нас закинуло дальше, чем мы ожидали, — сказал я.

Перед глазами прыгали цветные пятна. Я усиленно тёр глаза, но никак не мог избавиться от треклятых мушек.

— Знаешь, где мы? — спросил Рэн.

Его анима давала совсем чуть-чуть света, даже глаз пуэри было не разглядеть.

— У горы в заднице, — я встал рядом с ним, сжимая в руке меч. — Ты ведь хвалился своей поисковой магией, вот ты мне и скажи.

Я представил себе, что Кир и Лина в эти самые мгновения сражаются за свои жизни, и с трудом сдержался, чтобы не побежать их искать.

— Пока что я вижу только спуск, — сказал пуэри.

— Какой такой спуск? — удивился я.

— Да вот же, в десяти шагах.

«Шутит» — с усмешкой подумал я и зажёл люмик. Светлячок озарил грубый каменный коридор с низким потолком и кое-как выровненным полом. В десяти шагах впереди он лестницей нырял вниз.

— Я вижу в темноте чуть лучше, чем ты, да? — заметил Рэн в ответ на мой колючий взгляд.

— Ищи моих друзей, — отозвался я угрюмо. — Нет у нас времени на болтовню.

— Скажи мне их отличительные черты. Такие, чтобы ни с кем и ни с чем не спутать.

Несколько секунд я размышлял.

— У Лины есть пятно на ауре. Маленькое, ни у кого такого нет.

— Она человек?

— Да.

Рэн сплёл заклинание, помогая себе жестами. В следующую секунду вокруг нас вспыхнуло целое облако золотистых пчёл-огоньков, которые быстро разлетелись в разных направлениях.

— Теперь второй.

— Он гном...

— Это я и так знаю.

— Дай подумать! Он... во, у него есть при себе магический шлем! Металлический, со змеиными глазами на затылке. Видит всё, что происходит за спиной хозяина.

Ещё один рой пчёл устремился на поиски.

— Это надолго? — спросил я, наблюдая, как пуэри садится на пол.

— Зависит от размера территории, которую нужно обыскать, — ответил Рэн, глядя в пустоту. — Вокруг полно опасных тварей. Они видят моё заклинание.

— Как они выглядят, можешь сказать?

— Четыре лапы, кожистые крылья, хвост с жалом.

— Зар-раза! — в сердцах бросил я, узнав описание. — Это скорпикоры.

Вряд ли Рэну что-то сказало название, зато точно сказали моя интонация и выражение лица. Пуэри явно насторожился, но не спешил лезть с расспросами. Вместо этого он опёрся спиной на стену — и тут же вскочил.

— Так, я нашёл гнома.

— Где он?

Пуэри стоял, глядя будто сквозь пол, и глаза его чуть двигались.

— Если напрямую, то не так уж далеко. Но тут слишком много ходов и ответвлений, так что придётся попетлять. Гном не стоит на месте, и мы можем пойти ему навстречу. Я вижу путь.

— А девушка?

— Пока не нашлась.

Я скрипнул зубами. Как раз её-то и следовало найти в первую очередь. Кир отлично ориентируется в тоннелях, а Лина заблудится сразу, как только окажется одна. И если мы сейчас пойдём навстречу гному, то не получится ли, что мы бросим мою девочку умирать?

Хорош защитничек. По наивности думал, что если Лина будет со мной, то я не допущу, чтобы с ней что-то случилось. Ведь я вырвал её из когтей некрота, протащил через ту клятую заставу, сберёг по пути к горам. Со мной она прошла весь путь до Глубин, а потом и сами Глубины, до самого дна. И что теперь? Теперь она где-то там, один на один с хищной смертью, а я ничего — то есть совсем ничего! — не могу с этим поделать. Вот оно — место, где моя самоуверенность лопнула, как мыльный пузырь.

Я упёрся взглядом в стену и не знал, на что решиться. Ждать, пока найдётся Лина и оставить Кира одного? Или не терять время зря?

А что если идя навстречу Киру я пойду навстречу и Лине тоже?

Глупая, глупая надежда.

— Идём за гномом, — бросил я, заготавливая несколько плетений про запас. — Показывай дорогу, но впереди пойду я. Так будет безопаснее.

Рэн, не говоря ни слова, указал на ступеньки, ведущие вниз.

Хотелось пить, но все припасы остались у Кира. Я прикидывал, сколько ещё смогу протянуть без еды и воды в условиях подземелий, населённых скорпикорами. Выходило, что лучше бы нам найти гнома как можно скорее. Копатель-то выживет, а вот мы без него сможем ли?

Коридор закончился одновременно с лестницей. Он влился в поперечный тоннель, который кренился и был совсем кривым, но зато более просторным. Его словно не вырубали, а выплавили в теле скалы: стены шли волнами и местами поблёскивали. Проход забирал то влево, то вправо — словно гигантский червь полз и прогрызал себе путь сквозь камень.

Рэн указал на спуск, и мы побежали.

Я не мог отделаться от ощущения, что спускаюсь по глотке каменного гиганта — прямо ему в желудок. Скользящий пол вынудил нас замедлиться, чтобы не поскользнуться и не раскроить себе череп. Воздух стал влажным — мутные капли оседали на стенах, капали с потолка, скапливались в лужицы.

Мне казалось, что мы не так уж далеко от поверхности, ярус на тринадцатом-пятнадцатом, хотя никаких причин думать так не было. Наверное, мозг выдавал желаемое за действительное — я вдруг ощутил, что скучаю по солнцу сильнее, чем когда-либо. Прорезалась дикая мысль: «хоть бы раз ещё увидеть небо». Я поспешно проглотил её вместе с подступившим комком. Нельзя умирать. Не имею я на это права.

Тоннель привёл нас в пещеру с небольшим озером, непроглядным из-за белёсой мути. На подходе к нему я думал, что смогу напиться, но быстро отказался от этой мысли — на

берегах лужи лежали кучи чего-то мягкого и вонючего настолько, что глаза слезились. Я от всей души надеялся, что этим запахом нельзя отравиться.

Зажав носы, мы с Рэном миновали озеро и углубились в пещеру. Её потолок подпирали мощные сталагматы, а под ногами было полно скользких солевых наростов, выкручивающих голеностоп на каждом втором шаге. Чуть дальше в стенах появились ответвления, такие же неровные и ребристые, как то, из которого мы пришли. Пуэри на них даже не взглянул, уверенно шагая дальше по пещере. Как будто путь для него отмечался яркой красной нитью, светящейся в темноте.

Вскоре пещера закончилась. Здесь из стены выходил ручей, который за многие годы успел вымыть в скальной трещине узкий, но проходимый лаз.

— Нам туда, — Рэн указал пальцем на проход.

Я без лишних слов полез первым. Вода оказалась ледяной, так что мы с Рэном не только промокли, но и замёрзли. За несколько следующих минут наша одежда существенно потяжелела и прохудилась, локти и колени ободрались, а словарный запас Рэна пополнился несколькими ругательствами на Локуэле. В конце концов пол лаза стал таким скользким, что мы просто поехали на животах и нас выбросило в грязную лужу в ещё одной пещере.

Поднимаясь, пуэри шипел и держался за лодыжку. Оказалось, он рассёк кожу об острый выступ — глубоко, до мяса. Из под пальцев толкалась кровь, и выглядела рана весьма паршиво.

— Ерунда, затянется за час, — заявил пуэри, заматывая ногу в наскоро оторванный кусок штанины. — Главное правильно совместить...

Пока он перевязывался, я заметил, что на краях раны выступила едва заметная зелень. Сначала я решил, что это грязь, но по отблеску понял — нет, это у него под кожей. И заинтересовался.

— Что это? — я указал на рану. — Зелёное?

— Внутренняя кожа. Это для того, чтобы поглощать солнечную энергию.

— В смысле — поглощать? Это как питаться?

— Ну да, — Рэн пожал плечами. — С этим изобретением мы решили проблему голода раз и навсегда.

— То есть это не какое-нибудь там... божественное благословение?

— Куда там, — усмехнулся парень. — Сами придумали, сами воплотили. Вживление второй кожи неприятно до омерзения, но... Не двигайся.

Последняя его фраза прозвучала с таким напряжением, что я и не подумал не послушаться.

— За твоей спиной. Скорпикора.

Я чуть заметно наклонил голову, чтобы показать, что понял. Хорошо, что по пути я успел вкратце рассказать Рэну то, что услышал об этих тварях от Кира. Теперь пуэри знал, с кем мы имеем дело — и вовремя заметил опасность.

Теперь и я отчётливо ощущал направленный мне в спину холодный взгляд. Взгляд хищника, готового к прыжку.

Рэн достал свой стилет так быстро и бесшумно, что даже я не заметил. Он внимательно смотрел мне за правое плечо. Видимо, скорпикоре не понравился этот взгляд: она глухо зарычала, отчего меня мгновенно прошиб пот. Я в любой миг был готов рухнуть лицом в лужу, в которой стоял.

— Что будем делать? — я старался говорить как можно спокойнее.

— Не мешай. Когда начнётся, лучше отбеги подальше.

— Сдурел?! Сожрёт ведь!

— Я готов рискнуть.

— Я могу попробовать отбросить её магией.

— А если промахнёшься, то она сожрёт тебя. Лучше не двигайся и доверься мне.

Мгновения, которые только что свистели мимо со скоростью стрелы, замедлились до парящих в луче солнца пылинок. Рэн, напружинившись, играл в гляделки со скорпикорой. Я же, как тупой истукан, таращился на него и думал: «А если я умру прямо здесь?». И вдогонку: «Как же глупо».

Скорпикоре первой надоела эта немая сцена. Она ещё чуть слышно рыкнула — и прыгнула, отчётливо чиркнув когтями о камень.

Вот только Рэн её опередил. Миг — и он оказался вплотную. Ещё миг — и пуэри одним коротким движением отправляет меня в полет. От толчка такой силы я полетел кубарем; несколько раз перекатившись и выронив меч, я взвился на ноги и увидел самый незабываемый в своей жизни бой.

Рэн в рукопашную схватился со скорпикорой. Она походила на пантеру, покрытую мелкой чешуёй, с кожистыми крыльями и внушительными когтями на жилистых лапах. В открытой пасти громко клокотало, когда тварь бросалась на пуэри, зубы лязгали в опасной близости от его лица, разлетались брызги ядовитой слюны, но Рэн каким-то чудом избегал даже их. Я никогда не видел, чтобы кто-то двигался настолько быстро и текуче, как он.

Впрочем, и противник ему попался под стать. У меня рябило в глазах от их перемещений — не всегда можно было даже уследить, кто где находится. Скорпикора визжала и рычала, пыталась сбить пуэри с ног, била щёлкающим, точно плеть, хвостом; Рэн уклонялся или блокировал атаки обернувшимся вокруг его предплечья тёмным щитком, а потом колол или рубил стилетом.

Они сшиблись всего на несколько секунд, после чего замерли друг напротив друга, изучая противника. Рэну таки досталось: тварь оцарапала ему плечо и щёку, но его это будто бы не беспокоило. Наоборот, создавалось впечатление, что это он побеждает в схватке. Анима его сияла белым.

Следующая сшибка показала, что он и впрямь сильнее. Скорпикора прыгнула на него с потолка стремительным росчерком, но захватила когтями лишь воздух, после чего попыталась задеть его жалом на хвосте, и опять промахнулась. Я не успевал пугаться. В одном из прыжков хищница неловко повернула крыло, и стилет в руке пуэри распорол его от середины до самого кончика. Скорпикора взвыла мерзким высоким голосом, почти человечески изображая боль, и наотмашь хлестнула хвостом, заставив Рэна отступить.

Они снова разошлись. Скорпикора теперь шипела и прижималась к полу, топорща все до одной чешуйки. В её лиловых глазах застыл страх.

Тварь прыгнула в сторону, заходя Рэну в бок, но вдруг изменила направление и метнулась ко мне — видимо, сочла более слабым противником. Только застать меня врасплох ей не удалось. Я, увидев, что щит Рэна срабатывает, приготовил некротическое плетение — это же не боевая магия, так что тоже годилось. А уж колдовать я умел очень быстро.

С размаху налетев на темное облако заклинания, как на преграду, скорпикора заверещала во всю глотку и попыталась вырваться из тенёт заклятия. Ей это удалось, но ценой одной лапы. Та просто отгнила.

Совершенно обезумев от боли и непрестанно вереща, хищница снова метнулась к Рэну, и ей даже удалось распороть его импровизированную повязку на ноге, но стилет встретил её сначала ударом в шею, а потом в глаз. После этого каким-то чудом не сдохшая тварь снова взмахнула хвостом, который был перехвачен руками пуэри и безжалостно переломлен чуть ниже того места, где начиналось скорпионье жало.

Рэн отошёл от поверженного противника, тяжело дыша и припадая на дважды распоротую ногу. Скорпикора ещё хрипела и дёргалась в агонии, но уже не представляла серьёзной опасности.

— Ты как, живой? — спросил я, таращась то на погибающую бестию, то на пуэри в обход всякой скромности. — Мышцы не лопнули?

— Нет, — Рэн привалился к стене пещеры и оторвал вторую штанину, чтобы перевязаться. — Это нормальный режим. Отдышусь только.

— Идти сможешь? Может, тебя подлатать?

— Побереги силы. Через день эта рана затянется, а ещё через четыре от неё не останется и следа.

— Врёшь!

— Я егерь. Охотник. Мы с детства учимся регулировать все внутренние процессы. Поверь, я смогу идти.

После нашей короткой стычки у Оракула моё самолюбие было несколько уязвлено поражением, но теперь это чувство рассеялось, как дым. У меня ведь не было ни шанса против него.

— Уверен? — всё же спросил я, помогая охотнику встать. — Крови ты потерял немало, далеко не уйдёшь.

— Во-первых, у нас нет выбора. Во-вторых, далеко нам и не надо — гном совсем рядом. Всё это время он шёл нам на встречу. Повезло. И, кажется, я нашёл девушку.

— Она жива? — встрепенулся я.

— Живее меня. Вот только она очень далеко, совсем рядом к поверхности. И она не одна.

— То есть как это — не одна? — мне бы радоваться, но такого расклада я не ожидал. — С кем?

Рэн пробежался взглядом по пустоте — словно смотрел сквозь пространство.

— С ней один гном, один мужчина-чародей и женщина чародейка. Очень сильная чародейка.

— Очень сильная?

Тень говорил о похожей компании, и одного из них мы как раз нашли мёртвым недалеко от тридцать третьего яруса. Может, это они подобрали Лину? Но кто они, к Явору, такие, если ходят по таким опасным местам? Меритари бы на такое вряд ли решились. Хотя, если чародейка очень сильная...

— Нам нужно двигаться, — пуэри вывел меня из задумчивости.

— Можешь сказать, что там происходит?

— Только то, что они идут на поверхность. Чародейка обнаружила моё заклинание и расплела его. Так что я их больше не вижу.

Может Лину схватили, может просто подобрали, но раз она до сих пор жива, то смерти ей не желают. У меня отлегло от сердца. Она выберется отсюда живой. Кто бы ни шёл сейчас рядом с моей ученицей, я был благодарен им. Они, по крайней мере, сделали то, чего

я не смог — спасли ей жизнь.

Даже несмотря на сшибающую с ног вонь, задышалось легче. Странное чувство — ты знаешь, что играешь со смертью в кошки-мышки, но тебя это мало беспокоит, потому что другой человек этой участи избежал. С точки зрения логики это — бессмыслица. Но почему она приносит такое успокоение?

— Долго нам еще до Кира?

— Пару сотен саженей в ту сторону, — Рэн махнул рукой вглубь пещеры.

Там, куда он указывал, было посуше, и пещера переходила в узкий грот с низким потолком, ведущий ещё дальше вниз. На грани слышимости оттуда доносились неразборчивые шорохи, а вонь, как выяснилось, только усиливалась.

— Ты уверен, что нам туда? — поморщившись, спросил я.

— Только если ты хочешь встретить гнома, — прошипел сзади Рэн. Похоже, ему было очень больно.

— Твое заклинание все еще действует?

— Да, я вижу его.

— Когда выберемся отсюда, непременно научишь меня ему, — сказал я и со вздохом полез во тьму.

Рэн ничего не ответил.

Лезть пришлось недолго. В самом узком месте я протиснулся лишь полностью выдохнув, но потом стало попроще. Люмик летел впереди и вскоре выпорхнул в очередную пещеру.

— Треклятый лабиринт, — пробормотал я и спросила у пуэри уже громче: — Мы сможем найти дорогу к поверхности твоим заклинанием?

— В теории.

От жажды слюна превратилась в клейстер, который связывал всё во рту. Желудок сжался в комок, отзывающийся болью почти на каждое движение. Я знал, что скоро боль пройдет, но вместе с ней начнут уходить и силы.

Не успел я в очередной раз подумать о том, что время на исходе, как эхо принесло раздавшийся неподалёку вопль:

— А-а-а-а! Хер вам, а не гном!.. — голос Кира приглушался расстоянием, но и так было понятно, что копатель несётся во весь опор в нашу сторону.

— Это он! Пошли! — рявкнул я. — Кир!

Но копатель не услышал меня, топоча что есть мочи и на бегу выкрикивая ругательства на гномском. Тоннель, откуда доносились крики, оказался совсем рядом — мы едва разбежались, как нужно было поворачивать. Правда, сделать этого я так и не успел, потому что в меня на полном ходу врезался гном. Мы оба покатались по полу.

— Кир! — облегчённо выкрикнул я.

Однако тот уже вскочил на ноги. Он, похоже, совсем не понял, что за препятствие он только что протаранил собственным телом и сейчас сжимал в руках топор, переводя бешеный взгляд с меня на пуэри, хромающего к нам.

— Эн! Ты... Берегись! — завопил Кир, указывая туда, откуда появился.

Я почувствовал волшебство всего за мгновение до того, как грохнуло на всю пещеру, но и этого вполне хватило, чтобы упасть и зажать уши. Гнома смело взрывной волной и ударило о стену. Послышался треск, грохот камня и разочарованный визг скорпикор, нескольких сразу. А ещё через пару секунд всё стихло. Я, стараясь прогнать цветные пятна от вспышки,

обернулся.

Прохода, из которого выбежал копатель, больше не существовало. Рэн стоял сразу перед ним и тряс головой. Его тоже неслабо оглушило. Я подскочил и побежал проверить гнома, который вяло ворочался в нескольких саженях позади.

— Эн! — орал он. — Это ты, я знаю! Ты опять взорвал тоннель, сапёр доморощенный!

Я помог ему подняться. Взгляд у гнома был мутный — глаза распахнуты до предела, но будто ничего не видят. Кир с трудом соображал, но поток его ругани, видимо, лился из самого подсознания.

— Ни хрена не слышу! Что?! Эн, я ни хрена не слышу! Нельзя взрывать в таком узком пространстве, понял? В прошлый раз и то слабее было! Мне будто веслом сразу по всему телу влупили! Чёрт бы тебя подрал!

Наверное, крики помогали ему прийти в себя, потому что он наконец понял, что произошло, и повис у меня на шее.

— Как же я рад тебя видеть, чароплюй ты несчастный! Вовремя же ты появился! Но если ещё раз взорвёшь так близко ко мне, получишь по харе! — он вопил мне прямо в ухо, похоже, совершенно не улавливая своей громкости. Только сейчас я заметил, что из его ушей сочилась кровь.

Я освободился от объятий чересчур обрадованного гнома и вернулся к Рэну. Тот уже сидел, привалившись к стенке.

— Твоя работа?

— Да, — голос пуэри был усталым.

— Сам-то как?

— Успел прикрыться. Но всё равно приложило. Твой друг цел?

— Да. Счастлив, что до сих пор жив, — я сел рядом с охотником, пытаюсь сообразить, что делать дальше.

Скорпикоры остались по ту сторону завала. Пуэри угадал со взрывом — через такой слой камня тварям точно не пробиться. Правда, они, скорее всего, знают обходной путь. Уж слишком быстро стихли их крики. Пещера, в которой мы оказались, была неровная, изогнутая, и из неё имелось как минимум пять выходов — и это только те, которые я смог разглядеть. Слишком велик шанс, что есть ещё одна дорога в тот коридор.

Видимо, та же мысль пришла в голову и Рэну, потому что он первым сказал:

— Надо уходить.

— Кто этот парень? — слева раздался голос гнома. Он разглядывал пуэри.

— Это Рэн. Он с нами, потом объясню. Сейчас нужно уматывать отсюда и побыстрее.

— Что? — он все ещё плохо слышал. — Он что, не человек? — Кир ткнул пальцем в светящееся пятно между ключиц пуэри.

— Нет. Потом, Кир, потом! Надо идти! — я рывком поднялся на ноги.

— Что-то не так? — Рэн растерянно смотрел на нас.

Я скрипнул зубами — совсем забыл, что они говорят на разных языках.

— О том, что нам пора. Давай, поднимайся.

Я помог охотнику встать, и сам чуть не потерял равновесие. Нужно было придумать хоть какой-то план, а внутри черепа словно студень застыл. Если бы не постоянная опасность, я бы, наверное, уже давно упал без движения, но желание жить пока ещё было сильнее слабости. Вопрос — надолго ли?

Мы с Киrom обошли все оставшиеся выходы. Из одного пришли мы с пуэри, и там гному

было не пролезть. Ещё два тоннеля вели в тупики. Оставалось только три прохода, и все они вели вниз, в темноту, где журчала вода, а вонь буквально въедалась в глаза.

— Рэн, ты можешь прощупать путь своим заклинанием?

— Нет. На подрыв ушли все силы, — пуэри покачал головой.

— За мной! — крикнул Кир и побежал в крайний левый проём.

Рэн посмотрел на меня с сомнением, но я-то знал: если копатель выбрал это направление, значит чувствует, что там выход. У нас не было времени на обсуждения, поэтому я просто кивнул охотнику и побежал следом за гномом.

Стены снова стали мокрыми, пол скользким, а воздух теплым и влажным. Где-то впереди находился крупный водоём. Коридор не сужался и не расширялся, но вилял и извивался, точно кишка.

Я бежал, на ходу теряя чувство реальности происходящего. Словно кто-то другой нёсся сквозь вековую темноту, прочь от одной угрозы навстречу другой. То, что впереди нас не ждало ничего хорошего, не вызывало никаких сомнений, ведь неприятности никогда не переводились. Словно кто-то другой, но не я в очередной раз бросался в неизвестность, как в омут, думая лишь о том, чтобы выжила дорогая ему девчонка. Словно этот кто-то всё ещё надеялся выбраться и найти её — как в сказках, в которых в конце все живут долго и счастливо. И этот кто-то казался мне наивным мальчишкой.

На одном из поворотов Рэн поскользнулся и упал. Я вернулся, чтобы подхватить его, и дальше мы поковыляли вместе. Пуэри скрипел зубами и шумно дышал, но позволил вести себя, перекинув руку через мою шею. Похоже, рана на ноге доконала его несмотря на хваленую регенерацию — или охотник просто храбрился, когда говорил о ней, потому что не желал быть обузой. Надо же — гордец, вынужденный принимать помощь.

А я бы сейчас совсем не отказался от помощи. Если бы существовала соломинка, способная вытянуть меня из этой передрыги, я бы вцепился в неё зубами. Но помочь было некому.

— Ах ты ж зараза! — гном поскользнулся на мокром полу, и мы едва успели остановиться, чтобы не споткнуться об него.

Дальше по этому ходу бежать стало невозможно — он приобрёл такую крутизну, что по нему можно было только скользить.

— Ну, и что будем делать? — спросил Кир.

— Понятия не имею! — рявкнул я. — Разве не ты выбрал этот путь?

— Тут воздух был другой!.. — вскинулся гном, но тут же замолк.

Сзади раздался визг скорпикоры. Меня тут же прошиб пот. Рука сильнее сжала рукоять меча.

— Надо прыгать! — подал голос Рэн.

— Что он сказал?

— Прыгай! — я толкнул гнома и прыгнул следом.

Матерясь, Кир шлёпнулся на спину и покатился вниз. Мы с пуэри не отставали. Люмик летел впереди, выхватывая из темноты новые участки тоннеля, которые сменяли друг друга всё быстрее. Пол отлично скользил, поэтому на поворотах мы вылетали на стены и сталкивались, когда скорость уменьшалась.

«Куда мы летим? — подумал я с недоумением. — В Бездну?» Я вдруг понял, что нисколько даже не устал — по крайней мере физически. Я просто истощил себя бесплодными поисками, выбросил жизненную энергию на ветер. Моё существование не

приобрело ни капли смысла, а лишь потеряло его.

Я — парадокс. Я есть потому, что меня не должно быть.

«Может и лучше будет, если всё это закончится».

Зазевавшись, я потерял бдительность и проехал спиной по нескольким острым выступам. Рубаха порвалась в клочья, спину обожгло свежими царапинами. Я избавился от лохмотьев, которые только тормозили движение — и быстро догнал Кира. Тот, получив сапогом по голове, приподнялся на локтях и слегка оторвался. А ещё через пару мгновений раздался его вопль:

— Вот чё-о-о-орт!

Люмик выпорхнул вслед за гномом, а кишка внезапно кончилась. Мы падали в озеро, берегов которого я не смог разглядеть — свет люмика до них не доставал. Расстояние до воды оказалось таким большим, что когда я вылетел из туннеля, Кир находился ещё только на полпути к ней. И почти сразу мощной волной меня захлестнул ужас — неестественный, навязанный чьей-то волей.

Перед глазами мелькала только чёрная бликующая поверхность, волнующаяся точно живая. Казалось, нет ничего ужаснее, чем попасть туда, в эту тёмную пучину, потому что она мгновенно проглотит тебя и затянет в одной ей ведомые недра. Под водой не было видно ничего, но в ней точно было нечто.

Раздался всплеск, и до меня запоздало дошло, что Кир ушёл под воду, а сам я уже ныряю вслед за ним. Рефлексов хватило только на то, чтобы вдохнуть поглубже и сжаться в комок.

Жидкая темнота ударила по голениям и тотчас сомкнулась над моей головой.

* * *

Здесь было тихо, тепло и спокойно. Лучше, чем там, где я был раньше.

Дыхание ровное. Глаза закрыты. Я плыву — или качаюсь в колыбели. А может, я в материнской утробе, и только жду, когда меня из этого тёплого мрака извлекут на свет. Свет... Как же мне не терпится увидеть свет!

Да, так и есть. Впереди меня ждёт долгая и удивительная жизнь. Ещё не знаю, как именно она пройдёт, но она непременно будет удивительной. Прекрасной. Я смогу стать кем захочу, увидеть столько всего интересного... Ведь там, по ту сторону материнского лона, лежит огромный мир, который говорит со мной. Его ласковый шёпот щекотит слух, произнося имя, которое пока ещё не моё. Но оно мне уже нравится.

У меня пока нет чувств, только их зачатки. Поэтому мои глаза закрыты — я ещё даже не умею открывать их. Но когда-нибудь, знаю точно, эти глаза научат меня любить красоту. Они покажут мне всё, что только можно увидеть, а уши и нос передадут то, что увидеть нельзя. И это будет во много-много раз ярче и восхитительнее, чем я могу себе представить. Только бы поскорее темнота меня выпустила. Только бы поскорее увидеть свет!

Мир поёт мне маминым голосом. Это очень странно, что сейчас я есть у мамы, а у меня пока никого нет, и мы с миром, где живут все, и где всему есть названия, пока не знакомы. Но это, конечно, только пока. Ведь скоро у меня появится столько всего... И тогда я смогу сказать: моя мама. Смогу сказать: я люблю тебя, мама. Разве можно жить и не иметь возможности сказать такое человеку, который подарил тебе целый мир? Огромный, прекрасный мир?

Я обязательно это скажу. При первой же возможности.

Только бы ждать пришлось не слишком долго. Только бы поскорее увидеть свет!..

* * *

...Когда я пришёл в себя, свет уже умер. Я потерял сознание всего на пару секунд, но этого хватило, чтобы заклинание расплелось и люмик исчез. Осталась только холодная темнота, предваряющая смерть.

Сверху раздался удар — Рэн тоже упал в воду. Мои руки разжались, разошлись, сделали широкий гребок. Я не видел, куда плыву, но надеялся, что к поверхности. Давление воды на уши уменьшилось. Я мельком подумал, что выпустил меч, и тот уже канул в глубине. Второй по-прежнему оттягивал пояс.

Едва мне удалось вынырнуть, как снизу раздался тяжёлый рокот, постепенно переходящий в нечто, напоминающее... рычание. Через мгновение моей спины коснулось что-то плотное, а рядом раздался всплеск. Я в страхе отпрянул, вытащил меч, но тот рассёк лишь воду.

А потом нечто ухватило меня за ногу и потащило вниз.

Это был сон и одновременно агония. Одна рука нащупала то, что меня схватило, а другая, размахнувшись, отрубила мерзкое щупальце мечом. В ответ тут же пришёл хлесткий удар по спине, где волной боли всколыхнулись все царапины. Разум немного прояснился. Глаза таращились в темноту в поисках врага, но тот оставался невидим. Вокруг извивались змеи-щупальца, которые то и дело пытались схватить меня, опутать, раздавить, но я обрубал эти плети, выгалкивая себя наверх свободной рукой.

Воздух в лёгких уже горел как раскалённый, когда мне удалось вырваться на поверхность и вдохнуть снова. Должно быть, вынырнул я в другом месте, потому что тут же оказался подхвачен течением. Подумал: «Если есть течение, то есть и выход», но эта мысль не разожгла во мне энтузиазма.

Меня схватили за плечо, и я уже собрался отмахнуться мечом, но вовремя заметил, что это обычная рука, а не щупальце. Передо мной маячил тусклый огонёк анимы.

— Энормис, — позвал Рэн, — это ты?

Голос у него был настолько измученным, что я понял — скоро охотник выдохнется и не сможет держаться на воде.

— Держись... — только и успел сказать я, прежде чем меня снова утащило под воду.

На этот раз неведомая тварь ухватила за клинок. Я дёрнул рукоять на себя, но оказалось, что меч свободен. И при этом он тянул меня ко дну!

Ничего не соображая, я стал размахивать им в разные стороны, обрубая тянущиеся ко мне щупальца, но вода всё сильнее давила на виски. И вдруг до меня дошло: ведь Кир говорил, что эти клинки — магниты. Тварь просто ухватила за второй меч и тянет его ко дну.

Решение пришло ко мне мгновенно, словно было единственным возможным. Я не колебался ни секунды, прежде чем полоснуть себя по запястью.

Я не мог видеть, но знал, что вокруг поплыло чёрное пламя, ещё недавно бывшее моей кровью. Захлёбываясь вонючей водой, я тут же чуть не захлебнулся от напора высвобожденной магией крови энергии. Ещё секунда, и разум создал самое мощное плетение, которое пришло в голову — «Испепеляющий свет». А потом я ударил.

Перед тем, как ослепнуть от вспышки, я увидел. Это было не озеро — подземное море,

мутноватое, но вполне обозримое. На его дне гнездилась чудовищных размеров химера с мириадами щупалец, которые толстыми жгутами спутывались в узлы и ветвились на более мелкие, с сотнями крошечных присосок и коготков. Кожа и панцирь этого монстра были сплошь покрыты бесчисленными язвами, глазами, волосами, а в самой середине всего этого зиял провал беззубого рта. Вокруг студнем оседала гниль и отходы, которые местами образовывали целые горы.

Чудовище было старым, очень старым. Столь же старым, сколь отвратительным. И — не знаю, почему эта мысль пришла мне в голову — оно хотело умереть. Потому что страдало веками, на протяжении всего своего существования. Но химеры не убивают себя. Они для этого слишком тупы. И вот я, человек, который готов к смерти, решил прихватить гада с собой.

Луч ослепительного света врезался в комок щупалец, опутавших мой второй клинок, и прошел дальше, но этого я уже не видел. Меч в моей руке негодуяще завибрировал и зазвенел, отзываясь на боль близнеца. Из глубины раздался рёв, который лишь чудом не расколол горы — и мой череп.

Я на несколько мгновений забылся, а когда очнулся, в лёгкие уже попала вода. Немного, но всё же. После «Испепеляющего света» у меня почти не осталось сил, но этого хватило для заклинания водного дыхания. Лёгкие начали подстраиваться, причиняя невыносимую боль и жжение, но через несколько секунд мне удалось вдохнуть и не захлебнуться.

Я грёб наверх, пытаюсь прийти в себя, но это всё никак не получалось — руки и ноги плохо слушались, а надрезанное запястье начало коченеть в холодной воде. Каким-то чудом мне всё же удалось подняться на поверхность, хоть это уже было и не важно. Меня снова подхватило течение, унося куда-то прочь, где шумел поток воды, а ещё кричал гном.

Чувства одно за другим покидали меня, остались только два из них — боль и холод. Я понимал, что мне следует привыкнуть к ним, ведь они теперь со мной навсегда. Разум то притуплялся, то снова обретал силу, из-за чего казалось, что реальность пульсирует в такт моему замедляющемуся сердцу.

Вдруг пришла мысль, что совсем неплохо было бы сейчас оказаться в материнской утробе — и ждать, когда большой светлый мир примет тебя из лона матери. Нет чувства светлее и приятнее, чем предвкушение, не отягощённое страхом разочарования. Было бы здорово иметь второй шанс. Интересно, у многих он был?

Течение несло меня долго, поток то сужался, то расширялся, были какие-то пороги, где я снова наглотался воды; водное дыхание уже давно не действовало. Сильные руки гнома, который все никак не хотел сдаваться и бросить меня, упрямо тащили мое вяло барахтающееся тело за собой. Надрезанное запястье больше не болело — я его вообще не чувствовал. Отголоски здравого рассудка пояснили мне, качающемуся на волнах беспомощности, что я слишком глубоко порезал руку, и кровь скоро вытечет вся до капли. Ну и что? Я славно дрался. Хватит с меня.

Потом вспомнилась Лина, и я словно наяву увидел, как она выходит под ночное небо, украшенное звёздной бесконечностью. Пока я тону в крошечной тьме подземелья, она дышит свежим воздухом и слышит шелест древесных крон. И я был счастлив — действительно счастлив — те несколько мгновений. Умирать страшно? Дайте мне смысл жизни, и я найду тысячу причин не бояться смерти.

Наяву или в бреду, но из темноты вынырнул потолок пещеры, который проплывал мимо на манер облаков. Кто-то что-то говорил и заглядывал мне в глаза, но я не узнавал ни лиц,

ни голосов.

А потом снова — боль и холод, холод и боль, бесконечные, но, к сожалению, терпимые. Может, это и есть смерть? Если так, то слишком уж она скучная. Как говорится, верните мне деньги, я ожидал большего. Но ведь не вернут...

Всё куда-то исчезало, таяло, как воск, и утекало прочь. Мои вялые мысли, нелепые рассуждения, страх, бравада, отчаяние — всё покидало меня, неспешно и не прощаясь. Кажется, даже моя личность расслоилась на отдельные черты, а те в свою очередь рассыпались гаснущими искрами.

В конце концов от меня осталась лишь нить, на которой, подвешенные, болтались осколки сознания. А на самом её конце висела мысль:

«Нет, ещё не сейчас».

Конец первой части

Больше книг на сайте — Knigolub.net